

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владимир ПОСЕЛЯГИН

ЗВЕРОЛОВ

Прячьтесь — охотник выходит на тропу войны

Игорь Соколов вполне вжился в роль офицера-отставника, орденосца и отца-одиночки. Он учится на медика и не знает проблем, живет в свое удовольствие. Однако его судьба уже решена в верхах власти, и он получает заманчивое предложение слетать во Францию, чтобы найти там бесчинствующего маньяка. Что ж, нашему герою это только в радость. Да здравствуют приключения!

Владимир Поселягин

ЗВЕРОЛОВ

Ровный гул моторов за иллюминатором заметно убаюкивал, да и устал я, хоть и больше морально, от той нервотрепки, что началась после моего согласия участвовать в этой операции и выяснения примерных сроков на то, чтобы выловить маньяка.

Вчера, после изучения материалов и небольших раздумий, я твердо назвал срок в шесть дней, что потребуются для выявления и задержания французского маньяка.

Домой собраться меня, естественно, непустили, а отвели уже к другим людям, что отвечали за эту операцию, и, дав на подпись кучу бумаг о неразглашении и о том, что меня временно вернули на службу (я ведь в запасе), отвели к портному, где я примерил форму младшего следователя Генпрокуратуры, и сфотографировали в ней, пока портной подгонял два комплекта — парадный и повседневный, а спецы готовили удостоверения и другие документы. Как стало понятно, я отправлялся в составе следственной группы. Причем самое забавное, что настоящим следователем на шесть человек, которых мне должны представить перед вылетом, был всего один. Это старший группы, государственный советник юстиции третьего класса. Остальные исполняли роль массовки, хотя тоже были зубрами еще теми, только из других ведомств.

Ночевал я в нашей ведомственной гостинице на территории Лубянки, до глубокой ночи изучая личные дела тех, кто со мной летит. Ведь по легенде я с ними работаю-стажируюсь уже больше года, с тех пор как окончил институт, и хорошо знаю их повадки. По легенде, причина моего включения в следственную группу, что отбывает во Францию, была довольно проста: я работаю с опытными следователями и в совершенстве владею французским языком. Одним словом, я был переводчиком, что очень удобно и актуально для нас. Так я мог подсказывать старшему следователю, как нужно вести себя в той или иной ситуации. Ну и под конец оговоренного мной срока, после совместного изучения уголовных дел, предоставленных французскими жандармами, я подсказываю своим «коллегам», как провести следственные мероприятия. Тут всё будет на мне, для парней, с которыми я буду работать, главное делать важный вид и работать под опытных сыскарей. А потом я сообщаю имя маньяка или где его предположительно можно найти. Всё. На этом наша работа заканчивается. Мы почиваем на лаврах пару недель, усыпанные цветами, и украшенные помадой восторженных парижанок отправляемся обратно в Союз.

Следующим утром мне дали выспаться, разбудили только в полдесятого. Я позавтракал и надел новенькую парадную форму, чтобы привыкнуть к ней и чтобы она обмялась. Потом получил на руки документы, чемодан с личными вещами, и, проверив всё, следом за сопровождающими отбыл в сторону здания Генеральной прокуратуры СССР.

В фойе уже ожидали остальные члены следственной группы с тревожными чемоданчиками у ног. Приветливо со всеми поздоровавшись, я поставил чемодан, присел на свободное место и начал поправлять форменные полуботинки, которые были слегка не по ноге. Буквально через двадцать минут отдыха к нам спустились немолодой мужчина в форме прокурора и невысокий живчик, говоривший с заметным акцентом. При их приближении мы встали и оправили форму.

— Товарищи офицеры, — обратился к нам один из неизвестных, — вы выбраны мной

как лучшие следователи для особо важного задания за пределами территории Союза. Как вы уже знаете, вам поручается расследование и поиск на территории Франции убийцы и насильника. Не подведите меня. Это французский посол Оливье Вормсер, он и будет лично сопровождать вас в поездке. Машины уже у входа, поэтому прошу пройти за сотрудниками французского посольства.

Надо отдать должное послу, он подошел к каждому и поздоровался за руку (ой, теперь руку мыть не буду, такая звезда!) и, подхватив под локоть старшего группы, пошел с ним к выходу, о чем-то беседуя. О чем, я не слышал, так как выходил последним. Не забыв подхватить не только свой чемодан, но и одного из сотрудников группы. Блин, зря я, наверное, согласился на должность самого младшего сотрудника группы, такого принеси-подай-иди на... ну и так далее.

Водитель забрал у меня чемоданы и погрузил в багажник посольской машины — старший с послом влезли именно туда, а мы устроились во второй машине. После этого мы поехали в международный аэропорт, и после недолгой процедуры, благо все документы были в норме, попали на борт самолета, принадлежавшего французской компании «Эйр Франс», что обслуживала посольства, и вылетели во Францию.

Откинувшись на спинку кресла, я отстегнул ремни и китель, после чего еще раз зевнул и, поглядев на пушистые облака внизу, надвинул фуражку на глаза и задремал. Особо я не беспокоился и не нервничал, не было у меня таких привычек без повода. А что? Рядовая, хотя и не типичная, можно сказать, операция. Все инструкции я получил, выучил, и что делать знал. Через неделю-другую вернемся, и я займусь своими делами. Чего нервничать-то?

Проснулся я от похлопывания по плечу. Подняв фуражку за козырек, с недоумением посмотрел на сидевшего рядом коллегу. Судя по виду за окном, мы всё еще летели. Обед вроде не несли, так что его телодвижения меня озадачили.

— Чего? — спросил я у него. Говорить тихо смысла не было из-за гула двигателей. Хорошо, что друг друга слышали.

— Веди себя согласно психопортрету. Молодой следователь не может вот так просто уснуть при том, что летит за границу. Нужно показывать плохо скрытую юношескую восторженность и вести себя соответственно. Твое поведение выбивается из образа.

— Меня не учили на нелегала, хотя я и не плохой артист. А играть, с учетом того что мое поведение будет часто выбиваться из образа, просто глупо, так что лучше быть самим собой изначально, чтобы потом несоответствие не бросалось в глаза. Я ответил на ваш вопрос?

— Но... — начал было сосед, однако я его оборвал:

— Вы кто по званию?

— Старший лейтенант.

— А я капитан. Чуешь уровень опасности? Всё, отдыхай. День сегодня тяжелый будет.

Посмотрев на часы, я определил, что поспал четыре часа, и мы вот-вот сядем, поэтому, сбив фуражку на затылок и немного ослабив галстук, я стал наблюдать за землей в иллюминатор. Судя по виду города с Эйфелевой башней, появившемуся вдали, мы были на месте. Пилоты сбрасывали скорость, направляя самолет к земле. Немного потрясло, но при очередном маневре я заметил впереди по курсу длинную полосу местного аэропорта.

Через некоторое время последовало касание, еще одно, и вот мы покатались к зданиям

аэропорта, сбрасывая скорость.

— Товарищи следователи, — закартавил посол — он поднялся с кресла и, повернувшись к нам, встал в проходе, — ваше правительство заверило нас, что вы в крайний срок найдете маньяка, что охотится на наших детей. Я надеюсь, вы оправдаете наши надежды, потому как другие сыщики спасовали... я правильно это слово сказал?.. Так вот, спасовали, и мы надеемся на вашу помощь. В здании аэропорта вас ожидают журналисты разных стран, а также представитель посольства СССР. После пресс-конференции и встречи с журналистами вас отвезут в гостиницу, где вы устроитесь и отдохнете после перелета, а завтра утром за вами приедут машины из префектуры жандармерии. Там вас ознакомят с уголовными делами. Переводчики уже выделены.

— Этого не требуется, — пробасил старший группы. — У нас есть свой. Он хоть и очень молод, но уже понимает нашу службу.

— Я передам ваши слова вышестоящему начальству. Сейчас вы следуйте за мной.

Самолет уже остановился, и подали трап. Кроме местных служащих никого не было, это радовало, а то еще журналисты бы нацелкали, как мы выходим, а свою физию я не хочу видеть в газетах, благо ширма для этого была — остальная группа. Именно на них ляжет вся ответственность по общению с журналистами и полицейскими. А я что? Я ничто и никто, так — принеси-подай и переведи то, что тот дядька усатый сказал.

Мы покинули салон самолета и налегке последовали за послом и его помощником к зданию аэропорта. Наши вещи были в багажном отсеке самолета, и, как обещал посол, их должны доставить прямо в гостиницу.

«После того как там всё осмотрят», — понятливо хмыкнул я.

Шел я замыкающим, но заметив, что наши невольно выстроились в колонну, быстро разбил ее, последовав чуть сбоку. Мой намек был понят, и дальше мы шли неорганизованной толпой.

Встреча с журналистами прошла как-то без меня. Нас сперва познакомили с сотрудниками нашего посольства, потом меня незаметно оттерли в сторону туалета. Так что я просидел на толчке, пока шла пресс-конференция. Про меня тоже упомянули, но как о переводчике, посетовав, что я не смог присутствовать при встрече. Одним словом, когда пресс-конференция закончилась, я уже ожидал их в одной из посольских машин. Потом мы ехали по городу, разглядывая Париж. Что я могу сказать — красивый зеленый город!

Мы даже Эйфелеву башню видели, она промелькнула сбоку, когда мы переезжали одну из улиц.

— Мы вас устроили в гостиницу, что сотрудничает с нашим посольством, — сообщил сопровождающий, сидевший на переднем сиденье рядом с водителем, некто Алекс. — Сегодня устраивайтесь и отдыхайте, а завтра со свежими силами принимайтесь за работу.

— А погулять по городу можно? — спросил я по-французски.

Со мной на заднем сиденье сидели Андрей Антонов и Роман Ющенко, тоже в форме следователей Генпрокуратуры. Остальные находились в передней машине. Что примечательно, сопровождающий ехал только с нами. Андрей и Роман насторожились при моем вопросе, я предполагал, что они мои тайные охранники. Хотя может быть, тоже хотели погулять, посмотреть, как буржуи живут.

— Хм, мы этот вопрос особо не обговаривали, но думаю, можно... даже, наверное, нужно. Будет хорошо, если вы будете гулять в форме и вас узнают.

— Ага, будем работать для имиджа нашей страны.

— По сути верно, — согласился сопровождающий. — А насчет вас у меня особые инструкции, поэтому если пойдете гулять, делайте это в гражданской одежде. Хорошо?

— Конечно, — согласился я. Вопрос адресовался мне.

— А вот и наша гостиница. Приехали.

Когда машины остановились, мы их покинули и вместе с сопровождающими прошли в фойе. Сама гостиница мне понравилась. Она находилась на тихой, довольно длинной улице, с деревьями по одной стороне, что создавало тень на дороге и придавало ощущение уюта. Правда, машин было много припарковано, поэтому нашему водителю пришлось останавливаться на дороге, чтобы нас высадить, благо особых проблем это не создало — здесь оказалось одностороннее движение.

На входе нас встретил распорядитель. Вместе с ним мы прошли к стойке регистрации, где, предъявив документы, получили ключи с бирками от номеров и сообщение, что наши вещи уже доставлены.

— Всем отдыхать, — прогудел старший группы советник юстиции Капитон Роземблум, прежде чем направиться в сторону лестницы. Причем был он чистым молдаванином, но никак не евреем.

Гостиница была втиснута между другими домами, что повлияло на ее планировку. На первом этаже холл, регистратура, небольшое кафе, совмещенное с гостиничным ресторанчиком, кухня и подсобные помещения. А вот на втором и третьем этажах и были собственно комнаты в количестве тридцати шести штук, как я понял по количеству ячеек позади портье. Небольшая гостиница, но персонал вышколен и на удивление доброжелателен. Здание выходило окнами на две улицы, в том числе на ту, с которой мы высадились. Через фойе можно было пройти здание насквозь и выйти на параллельную улицу.

— Командир, — негромко обратился я к старшему группы, поднимаясь рядом с ним. — Погулять бы неплохо было. Старички, что устали, пусть отдохнут, а нам, молодым, на город посмотреть охота.

Мы не были представлены друг другу, и знали о каждом из личных дел. Причем если дело старшего было полным, то мое ему наверняка предоставили в сильно урезанном виде, если вообще не на пальцах объяснили, как надо со мной себя вести.

Мы остановились у двери под номером шесть, что выделили Роземблему. Мой номер был дальше, через три комнаты, четырнадцатый, угловой.

— Хм. Думаю, те, кто не устал, при желании могут прогуляться по городу в сопровождении сотрудников посольства, — наконец после долгого задумчивого молчания ответил старшой. Судя по виду, и он не собирался задерживаться в номере. А что, машина нам из посольства выделена, ожидает внизу до темноты, утром опять будет стоять. Так почему не покататься по городу?

Командир зашел к себе в комнату, мы быстро рассосались по своим.

Номер мне понравился. Окна выходили на соседнюю улицу, внизу был виден бело-синий полосатый полог, он закрывал от солнца часть ресторанчика, там были частью вынесены на улицу столики и стулья, превращая его почти в летнее кафе. На другой стороне находилась аллея с одним рядом деревьев. Одним словом, вид из окна был неплох — на прохожих и дома напротив, слегка прикрытые деревьями. В самом номере большая кровать, шкаф, что-то вроде комода, но с зеркалом. Видимо, это был женский столик для прихорашивания, с многочисленными ящичками. Была еще картина над изголовьем кровати,

изображающая какого-то дворянина в странных одеяниях и с кружевами. Выставив ножку в клоунском сапожке и придерживая шпагу, он надменно смотрел на меня. Мы сразу друг другу не понравились. Ковер на полу, пара стульев, и всё из наличных предметов.

Стены были покрыты светлыми обоями теплого тона. Тюль белая, а вот шторы были красного цвета. Довольно интересное сочетание цветов, было видно, что тут работал опытный декоратор.

Около окна находилась узкая дверь, своей формой намекающая на то, что за ней находится санузел (я думал, только у нас делают специальные узкие двери санузлов, оказалось не только, есть и другие подражатели). Проверив, я убедился, что так и есть. Унитаз, раковина и кабинка душа. Ванны не было. Видимо, номера с ваннами нам не заказывали. Ну и ладно, и так нормально. Вернувшись в комнату, я поднял чемодан и, положив его на кровать, открыл, после чего стал распределять вещи по шкафу. Рыльно-мыльные принадлежности отправились на полочку к раковине. Интересно, что будет, если все три полотенца перед нашим отлетом на родину пропадут из номера? А они мне понравились: мягкие и пушистые, как раз три в наличии для дочек.

Убрав пустой чемодан внутрь шкафа, я снял форму и повесил ее на плечики в шкаф. Форма была новая и чистки не требовала. Понюхав ее, поморщился. Успел попотеть.

После этого я пошлепал по ковру в душ. Нужно смыть с себя пот (на улице было жарко). Я бы в душе, когда в мою комнату кто-то вломился.

— Антон? — сквозь шум льющейся воды расслышал я. Правда, голос распознать не смог.

Антон Серебряков — это мой оперативный псевдоним, выданный на время командировки. Все документы были на это же имя.

— Тут я! — крикнул в ответ.

— Ну ты идешь? — теперь я распознал голос Андрея Антонова.

— Куда ты торопишься? Сейчас душ приму, посушусь, переоденусь в чистую одежду, тогда и пойду.

— Машина ждет, все уже внизу! — возмутился тот.

— Пускай едут. Тем более водитель там гид, разберутся, куда им, и что смотреть.

— Ладно, я скажу, чтобы отправлялись, а сам с Ромкой тебя подожду.

— Лады.

Наконец Андрей покинул мой номер, едва слышно хлопнув дверью, а я, закрыв кран и встав на коврик, взял одно из полотенец и стал насухо вытираться.

Обернув его вокруг бёдер, вышел в комнату и, подойдя к окну, лениво и с немалым удовольствием осмотрелся. Снаружи едва слышно засвистел стартер, взревел мотор, и через пару секунд из-под полога показался капот черного «Ситроена» — той модели, что де Фюнес ездил в фильмах. Видимо, кто-то из жильцов или посетителей ресторанчика поехали по своим делам. Наша машина находилась на другой улице. Распахнув обе створки окна, я, нагнувшись, выглянул из номера и стал с удовольствием вдыхать свежий, слегка загазованный городской воздух. Улица тут была двухсторонней, и машин хватало, хоть и было не так много, как в мое время. При наблюдении я заметил прогуливающегося жандарма в той же форме, как и в фильмах с де Фюнесом про жандарма из Сен-Тропе.

— Лепота, — с удовольствием пробормотал я. — Эх... ле-епота-а!

Потянувшись, я вернулся в ванную и, повесив полотенце на держатель сушилки, голышом вернулся в комнату. Взял из шкафа свежее белье, то есть черные боксерские трусы

и белую майку (блин, я уже жалею, что мне не дали собраться самому, а сделали это за меня) быстро накинул рубашку, брюки, носки и надел ботинки. Всё, я готов к выходу в город. Хотя...

Пошарив по карманам формы, переложил документы и конверт с местными деньгами, что нам выделили сотрудники посольства на личные и представительские нужды, в карманы брюк. Пересчитав деньги, я сморщился. Сто франков. Надолго не хватит. Надо будет озаботиться добычей финансов.

Прихватив форму, я спустился в фойе, где на диванчике меня ожидали оба спутника-телохранителя, изучая местные журналы. Подошел к портье и передал ему форму, попросив постирать. А что мне экономить, если химчистка включена в счет номера? Да и плачу не я, а выглядеть надо на все сто.

Судя по виду (они удивленно наблюдали за моими манипуляциями и беседой с портье), мои спутники этим особо не заморачивались, хотя оба тоже были в гражданском. Надо брать шефство над парнями в свои руки.

Подходя к ним, я пропустил прошедшую мимо пожилую парочку, что только что вошла в фойе и направилась в ресторанчик, плюхнулся рядом и спросил:

— Вы форму местным служащим передали на чистку?

— Откуда? — удивился Роман. — Да и не понимают они по-нашему. Что ни скажи, лупают глазами да улыбаются.

— Видишь ли, Ром, — серьезным тоном сказал я, — местные очень серьезно относятся к чистоте тела. Представляешь, они моются три раза в день. Утром после сна, после работы и перед сном. Поэтому если ты пахнешь потом, то ты или иностранец, или варвар. Не нужно нам такого внимания. Поэтому сейчас идете по своим номерам и или спускаете форму сюда и передайте портье, или приготавливаете форму в номерах. В местных гостиницах есть такой официальный обычай: если одежда не в шкафу, то горничные, то есть уборщицы, уносят ее стирать. Нашим передайте об этой услуге. Так что если они хотят, чтобы их одежда была выстирана, просто оставьте ее перед уходом на кровати. Горничная, что будет убирать ваш номер, унесет в стирку, потом вернет всё на место. Причём она убирает постиранное в шкаф, вешая ее на плечики или складывая на полку. Ну всё, бегите, а я вас тут подожду. Что читаешь? О, «Автомобилист»? Вот я пока его и почитаю.

Откинувшись на спинку удивительно удобного дивана — хотя с тем, что мне сделали по заказу в квартиру, не сравнить, — я закинул ногу на ногу и стал с интересом читать местный журнал «За рулем».

Парням понадобилось десять минут, чтобы привести форму в порядок. То есть убрать лишнее из карманов и проверить, как всё уложено в комнате. После чего они спустились в холл. Подождав, пока парни передадут портье форму, я подошёл и сообщил ему, что у нас в комнатах еще дожидаются стирки носки. Вот с обувью был напряг. Мы все трое были в форменных ботинках. Ничего, прикупим, денег хватит.

Портье сперва не понял, пришлось подробно объяснить, что к чему. Через полминуты он согласно кивнул и позвонил в колокольчик, вызывая дежурную горничную. А мы вышли на улицу под лёгкий ветерок и жаркое солнце, после чего, оглянувшись, посмотрели друг на друга и неторопливо направились к ближайшему перекрестку.

— Так, парни, давайте решать, куда пойдем, — предложил я.

— Я читал в газете, что тут самый лучший музей в Европе, — скромненько признался в своем стремлении Роман.

— Хорошая идея. Неплохо бы побывать в Лувре, — согласился я.

— А я на башню хотел бы посмотреть, — сообщил Антонов.

— Согласен с Андреем. Так что сегодня идем к Эйфелевой башне, поплоем на темечки прохожих с верхотуры. Поужинаем в каком-нибудь кафе, потом погуляем по Елисейским полям да на Триумфальную арку посмотрим. А завтра Лувр и остальные достопримечательности... Если время, конечно, будет. Ладно, пошли такси ловить. Надо сегодня отдохнуть хорошенько — чую, завтра работы будет навалом... О, такси. Ловим!

Остановив пустое такси, мы загрузились, и я велел везти нас к Эйфелевой башне.

По дороге мы делились впечатлениями от увиденного. Если кто замечал интересное, то возгласом привлекал внимание других. Однажды (пожилой таксист специально притормозил), мы заметили идущую по краю дороги девушку. Вроде как ничего особого в ней не было, но мы всё равно смотрели на нее. И если я с легкой снисходительной улыбкой, то парни — открыв рты. Есть такая газообразная материя, через которую всё видно. Так вот под платьем этой девушки отчетливо просматривалось красное кружевное белье. Это и в мое время было за гранью бесстыдства, что уж про это говорить? Так что я был не удивлен шоку моих попутчиков. Даже таксист, усатый пожилой мужичок, можно сказать старик, и то как-то смущенно крякнул.

— ...франуженки, конечно, не лишены некоторого шарма, который в основном их и красит, — продолжал я наш разговор. — Но с нашими русскими девушками и женщинами они не идут ни в какое сравнение. Что, Андрей?.. А-а-а... Почему нет красивых... Объяснить можно очень долго, но я расскажу тебе официальную версию не только наших, но и европейских историков. В далёком прошлом во времена инквизиции красивые девушки считались ведьмами, и их в большинстве своем умертвляли по надуманным поводам. Сжигали, топили и заживо закапывали. Откуда, Андрей, взяться красивым, если этот геном был фактически выжжен фанатиками? Нет, Ром, есть во Франции и красивые девушки, есть они, не отрицаю. Но в основном это влитая кровь эмигрантов. А из своих — так, штучный товар. Ха! Сейчас начинается забавная тенденция. Ведь границы государств открыты, и многочисленные беженцы заполняют это и соседние государства. Лет через сто чистокровным французом будет считаться не невысокий кудрявый блондин, как привыкли считать. А смуглый с примесями турецкой крови — азиат. Ассимиляция во всей красе. Причем геном тюрков и французов не сильно совпадает. Если родится красивый ребенок, это будет скорее исключение из правил. Вспомните Индию, там красавиц с огнем не сыщешь, а что есть, снимаются в кино, все двадцать красавиц. Так что скоро выродятся французы. Вот, например, посмотрите на нашего водителя: он больше славянин, чем европеец, но в скором будущем такого уже не встретишь, если только из эмигрантов кого. Я же говорю, ассимиляция. Поэтому франуженки идут на разные ухищрения, чтобы заполучить нормального мужика в постель. Один из примеров вы сейчас видели. О, еще один пример. Сейчас французы очень чистоплотны и сильно кичатся этим. Про нас говорят, что мы варвары. Один раз в неделю моемся. Ха, насмешили. Мы моемся в бане, а это во сто крат лучше, чем по десять раз в день душ принимать. Причем мы мылись так и тысячу лет назад, когда французы ходили в панталонах и не мылись месяцами, считая, что сантиметр грязи — это и не грязь вовсе, а два сантиметра — само отпадет.

Сзади зам **ы** кали, с трудом сдерживая смех, оба попутчика. Да и таксист, что сидел рядом со мной, странно скукожился и трясся. Это было подозрительно. И раньше была похожая ситуация.

Мысленно проанализировав, я пристально посмотрел на таксиста, который как раз увлекся управлением, пропуская на перекрестке другую машину. Я мысленно прикинул его возраст и прищурился.

— Смешно, — вытирая слезы, сказал Роман. — У каждого народа своя история и свои проблемы. Я вот, например, слышал, что украинки после двадцати пяти полнеют и дурнеют.

— Это кто это тебе такое сказал?! — возмущился я. — Я сам из Киева, не было там ничего похожего. А если жрать в три горла, то любой пополнеет и подурнеет... О, вон башня показалась впереди.

— Точно, я тоже вижу. Подниматься на верх будем? — спросил Андрей, наклонившись и через лобовое стекло тоже разглядывая приближающуюся башню.

— А как же? Там ресторанчики есть, но нам они не по карману. Жаль, денег мало выделили, экономисты хреновы. Так что выберем что подешевле. Слушай дед, где лучше пообедать?

— Тут на Марсовом поле множество открытых кафе. Так что в любом. Цены не особо большие, — усмехнувшись, ответил старый таксист на том же языке, что и я. То есть на русском.

— Ну, я так и думал. Надо же, поймали первое попавшееся такси, и в нем бывший соотечественник. Из каких будете, ваше благородие?

— Не хами старшим... Юнкером я был.

— Да кто хамит? Обычный вопрос. Я, честно говоря, нейтрально к вам, бежавшим из России, отношусь, хотя и презираю, что не смогли страну от развала удержать. Хотя могли, если бы у вас в руководстве единение было. Ладно, не будем уходить в историю, всё равно — что было, не вернёшь, да и без бутылки беленькой нормально не поговорить. Вы можете высадить нас поближе к башне, чтобы ножками недалеко было топать?

Роман и Андрей очень серьезно прислушивались к нашему разговору. Явно фиксируя каждое слово.

— Насчет беленькой намек понял. Хотя водку трудно достать, но я смогу. Где встретимся? — забросив крючок, спросил таксист, ища место, где можно припарковаться.

— Город я плохо знаю. Может, в нашем отеле? У него несколько оригинальное название...

— «Бастилия»? — уточнил таксист, наконец найдя свободное место и припарковывая машину.

— Точно, — удивился я.

— На той улице, где я вас подобрал, множество отелей, но с оригинальным только одно. Потомка начальника тюрьмы.

Объяснение меня устроило: действительно, кому как не таксисту знать все местные отели.

— Антон Серебряков, — протянул я руку.

— Юрий Кузьмич Шмидт.

Мы все синхронно засмеялись, потом я спросил, старательно подавляя улыбку:

— Тот самый?

— Нет, тот был Петр Петрович, — улыбнулся Юрий Кузьмич. — Я тоже читал книгу Ильфа и Петрова. Только во французском переводе. С вас два франка.

— Я плачу, — сообщил я своим. Пока они выбирались из машины, уплатил и спросил: — Когда встретимся? А то, честно говоря, очень уж охота побеседовать с осколком великой

империи о прошедшем.

— Когда вы вернетесь?

— Ближе к вечеру. Когда у вас тут темнеет?

— В полдесятого темнеет.

— Вот в восемь и пообщаемся. Ничего, если что — у меня переночуете.

— Хорошо.

Пожав руку Юрию Кузьмичу, я вылез из машины и аккуратно захлопнул дверцу, после чего подошел к стоявшим на тротуаре спутникам и спросил:

— Чего стоим? Пошли, сейчас на башню, а потом можно и погулять.

Мы углубились в парк и по тропинке направились в сторону башни. Но как оказалось, это была тропинка для прогулок, короче говоря, она повернула и направилась в противоположную сторону. Но мы что, не русские, что ли? Что нам этот газон с табличками «по газону не ходить»? Одним словом, мы перепрыгнули через полуметровую ограду из кустарника и под взглядами прохожих-французов спокойно прошли по газону и, снова перепрыгнув через кустарник-забор, оказались на тропинке, что вела прямо к башне.

— Месье! — окликнули нас сзади. Обернувшись, я увидел приближающегося к нам быстрым шагом жандарма. Это был второй полицейский, что мы видели за сегодня на улицах Парижа. Те, что встречали в аэропорту, не считались.

— Вы это нам? — уточнил я. Парни напряглись, не понимая, в чем мы провинились, и настороженно поводили глазами.

— Да, месье. Я обратился именно к вам. Вы разве не видели таблички с запрещающими надписями? — остановился рядом жандарм. При этом он открыл планшет на боку и достал служебный блокнот со штрафами и ручку самописку. — Извините, месье, но я вынужден выписать вам штраф.

— Но мы не умеем читать на вашем языке, — схитрил я. — Мы иностранцы. Да и вон я отсюда вижу, как дети и взрослые играют на том газоне.

— Тот газон, по которому вы шли, только вчера высажен, и его каждый день поливают, чтобы он пророс, поэтому и стоят таблички и предназначен штраф в пять франков каждому, — непреклонно сообщил жандарм. — Могу добавить, что штраф пойдет на нужды парка.

— Что он хочет? — настороженно спросил Андрей.

— Грабит он нас. По газону ходить, оказывается, нельзя. Штрафом грозит. Дикари, тропинок натоптать не могут.

— Может, предъявить ему документы?

— Ты дурак, что ли? Кому выгодно, сразу шумиху в прессе поднимут, мол, русские топчут лучший цветник Парижа. Британцам только это и надо. Стойте пока, я сам разберусь.

Подхватив жандарма под локоть, я отвел его намного в сторону, чтобы прохожие, с болезненным любопытством наблюдающие, как жандарм опускает нас на деньги, не могли подслушать.

— Может, договоримся между собой? Я дам вам денег, а вы не будете писать штраф.

— Это что, взятка? — грозно нахмурился жандарм, вырвав локоть. — Вы понимаете, что это преступление? Я не знаю, как у вас, но у нас во Франции взятки не берут.

— М-да, проблема, — задумчиво пробормотал я на своем родном и могучем. Поглядев, как жандарм держит ручку, я задумался и мысленно улыбнулся. — Господин жандарм...

— Старший жандарм, — поправил меня местечковый мент.

— Да? Извините. Так вот, господин старший жандарм. Ручка, что вы держите в своей руке, моя мечта, не продадите ли мне ее? Даю два франка.

— Но она стоит сорок сантимов, — не мог понять моего поступка жандарм. — Она в любом магазине продается.

— Ой, я такой ленивый, а у вас вот она, в руке. Так что, продадите ее?

— Но... — не знал, как себя вести, жандарм. Вроде и ручка копеечная, и деньги за нее дают хорошие, но какой-то подвох был, он просто чуял это. Чтобы подстегнуть его, я вытащил две банкноты по одному франку и показал их жандарму. Тот, наконец, не выдержал, и была совершена купля-продажа.

Жандарм убрал деньги в карман, а я стал с интересом разглядывать ручку, громко нахваливая себя за такую ценную покупку, чтобы зрители слышали.

— Спасибо, — поблагодарил я его, убирая ее в нагрудный карман рубашки. Колпачок был закрыт, поэтому я не опасался, что чернила вытекут.

— Вот и хорошо, — сказал жандарм и снова открыл служебный блокнот с квитанциями. Несколько секунд подумав, он растерянно посмотрел на меня и спросил: — А чем я штрафы буду писать? Ручки-то нет.

— А вы у меня ее купите, — совершенно серьезно предложил я. — Семнадцать франков.

* * *

— Да-а-а. Красота-а, — протянул Роман, продолжая стоять у лифта. Мы после уплаты за вход поднялись на самую верхотуру, где выяснилось, что у Романа сильная боязнь высоты. Андрею было полегче, он даже к перилам подошел, где ветер трепал его шевелюру.

Инцидент со старшим жандармом, что произошел полчаса назад буквально в полукилометре от Эйфелевой башни, прошел без последствий. Жандарм несколько секунд открывал и закрывал рот, но потом просто рассмеялся:

— Ловко вы меня провели.

Он оказался весельчаком, и мой подход не платить штрафы за троих его искренне восхитил. Поэтому, посмеявшись, он нас отпустил гулять дальше. А ручку я оставил себе как сувенир. У меня за нее *уплочено*.

После встречи с жандармом мы двинулись дальше, изредка оглашая окрестности смехом, когда я вводил парней в курс дела нашего общения с жандармом.

Хорошим человеком оказался, а ведь мог на принцип пойти, хотя по закону он мог нам выписать только штраф. А вот задерживать не имел права, так как деньги у нас были, как и желание уплатить. Вот и получалось: идти за ним, чтобы он купил ручку, мы не хотели, как и давать в аренду только что купленную, и он не мог нас заставить всё это проделать. Шах и мат. Благо французский полицейский это понял и, молодец, свел всё к шутке, искренне посмеявшись над сложившейся ситуацией. И еще один неплохой в этом плюс наличествовал — к русским он больше подходить не будет. Черт его знает, что они отчебучат. Это не мое предположение — он мне сам сказал перед прощанием.

Мы подошли к основанию башни и среди многочисленных местных работников наняли фотографа, причем с рекомендациями. Он стоял рядом с афишей, где были прикреплены его работы. Очень даже прилично сделанные, да и фотоаппарат профессиональный. После этого

мы поднялись на самый верх, куда был получен доступ. Честно говоря, не везде пускали туристов. Но если сунуть лифтеру десять франков, все двери откроются. Иди куда хочешь. Вот и на этой обзорной площадке было не так много людей: нас трое с фотоаппаратом, который готовил свою аппаратуру, и шесть посетителей. Причем серьезных таких посетителей. Видно, что из высшего света.

— Антон, смотри. С этой стороны концерт идет. Как мы его пропустили? — спросил Андрей. Он стоял в двух метрах от перил и, привстав на носки, заглядывал сквозь щели ограждения вниз. Там действительно была оборудована сцена, собрался народ, тысячи полторы точно, и играла музыка.

— Мы с другой стороны подъехали. Да и подошли тоже. Хотя музыку я, помнится, слышал, но думал, это радио вдалеке работает... О, смотри, наш жандарм гуляет. Он отсюда как муравей, даже еще меньше... Хм, мне кажется, или среди инструментов слышится электрогитара? — перегнувшись через перила, прислушался я.

— Ты что делаешь?! — в ужасе прохрипел сзади Андрей.

— Точно бас-гитара, — различил я и, повернувшись, спросил: — Чего кипешишь? Видишь, парочка у перил стоит, вон мужик рядом курит. Не все, как вы, высоты боятся. Я вот не боюсь.

— Да ладно, и ты боишься высоты, только скрываешь это под бравадой, — махнул рукой Андрей.

— Забьемся, что я на руках обойду по перилам по окружности? — доставая из карманов мелочь, предложил я.

— Охренел, что ли?! Нам за это яйца оторвут.

— Да ну тебя. Смотри! — крикнул я и вскочил ногами на перила, удерживая равновесие. — У меня идеальная координация движений, меня невозможно укачать или заставить потерять ориентацию в пространстве.

Встав на руки, я пошел по парапету, балансируя ногами. До земли лететь метров двести, никак не меньше, поэтому сердечко сладостно затрепетало от подобных незабываемых ощущений. Пройти я успел метра три, пока меня не сняли в четыре руки. Даже Роман поспособствовал, несмотря на боязнь высоты. Получив заслуженную награду в пару затрещин, я смущенно улыбнулся овациям других посетителей и радостным воплям фотографа. Оказывается, он успел запечатлеть меня, и сообщил, что это будет изюминка его коллекции.

Я покорно выслушал, что обо мне думают напарники — но действительно был виноват, подставляя их. Мы провели фотосессию и на лифте поехали вниз. Парни наверху чувствовали себя очень неуверенно.

После посещения французской реликвии мы решили посетить концерт, погулять немного по Марсовому полю и поужинать в кафе. Потом поедem в отель, тем более у меня там была назначена встреча. На сегодня хватит, мои спутники устали от стольких впечатлений.

Спустившись, заплатили фотографу, взяли квитанцию и дали адрес, куда доставить готовые снимки. Мы их сделали разные в трех экземплярах, так что всё будет в одном конверте, там сами разберемся, кому что. Обещал доставить завтра рано утром. Сервис, однако.

— Пошли, — махнул я рукой, после того как закончили с фотографом. — Послушаем, что там поёт местная эстрада. И можно лягушек пожевать, а то что-то есть хочется.

— Фу, мерзость, — сморщился Андрей. Роман промолчал, но было видно, что он поддерживает товарища.

— Да она как курица по вкусу, разница не заметна. Приедете домой, можете вернуть как-нибудь такую фразу: «Я как-то в Париже ел лягушечьи лапки, устрицами заедая, так вот они — как мясо курицы. Разницы не много...» Сразу будете ослеплены вниманием. Главное — момент удачный подгадать. Слушайте меня, я опытный, плохого не посоветую.

— Да иди ты, советчик, — усмехнулся Андрей, видимо представляя себя в подобной ситуации. — А что, эти лягушки по вкусу действительно, как курицы?

— Французы считают, что даже лучше, их поэтому и прозвали лягушатниками, — продолжал развлекаться я. Доверчивые спутники уже не раз повеселили меня.

Мы шли в сторону приближающейся музыки, до нас даже стали доноситься отдельные слова песни. Обгоняя парочки или семьи с детьми, мы, наконец, дошли до эстрады. Причем приближались к ней с тыла, можно так сказать.

— Не похожи они на профессиональных певцов, больше на самообразовавшуюся группу энтузиастов, — сказал я, вслушиваясь в репертуар.

— Я в музыке не особо разбираюсь, тебе виднее, — ответил Роман. Андрей в это время воспользовался тем, что я отвлекся, разглядывая музыкантов, отошел в сторону передвижного киоска с мороженым и на пальцах, лицом и словами пытался объяснить, что он хочет три пломбира. Мы с Романом в течение минуты с большим интересом наблюдали за этим представлением. Нас даже музыканты так не отвлекали.

— Спасибо, — поблагодарил я, принимая подтаявший пломбир. — Андрюх, твоя мимика была настолько интересна, как и пантомима на пальцах, что даже я понял, что ты хочешь, не только продавец. Но вот говорить по-русски при этом громко и растягивая слова, вставляя в конце: «Ты-ы меня-я по-ни-ма-ешь?» — не нужно. Мимика вполне подойдет. Вон, француз тебя сразу понял, когда ты в конце достал деньги и молча ткнул пальцем в эскимо, показав три пальца.

— Я осваиваюсь, — смущенно ответил Андрей.

— Ага. Только я с вами умру до конца работы. От смеха умру, — на всякий случай уточнил я.

Мы дослушали очередную тоскливую песенку, что выводил солист, потом основная группа спустилась отдыхать, а барабанщик, чтобы заполнить паузу, дал барабанную игру. Причем на удивление приличного качества.

Бросив обертку от эскимо в урну, я вылизал пальцы и вытер их платком.

— Стойте тут, я поболтаю с музыкантами, — велел я спутникам. — Интересно мне опытом поделиться.

— Валяй. Мы, если что, в сторону того фонтана пойдем. Руки помоем.

— Ага.

Обходя парочки и других слушателей, я приблизился к музыкантам, которые отдыхали, попивая разные жидкости, включая спиртосодержащие, и спросил у одного из гитаристов:

— Электрогитара? Не знал, что их уже так часто используют.

— Да их еще Джим Бойд ввел в обиход, — ответил длинноволосый парень чуть старше меня. — Только они были единичного производства. А сейчас электрогитары есть почти во всех музыкальных магазинах. А ты что, тоже гитарист?

— Я-то как раз учился на электрогитаре. Нет, сперва на простой руку ставил, а потом на электрогитару подсел. Тоже единичный экземпляр. Сам участвовал в частных концертах,

выступая солистом и ведущим на бас-гитаре.

— И что поешь? — заинтересовался клавишник. Видимо, старший группы.

— «Салют» и «Три плюс пять».

— Ну, эту и мы знаем.

— Тогда еще «Королева Красоты».

— Не слышал, — удивился клавишник, туша сигарету о ступеньку. — Сможешь напеть?

Мне было не трудно. Немного сложно в уме переводить и одновременно петь, но я легко справился.

— Отлично, — обрадовался говорливый. — А на сцене спеть сможешь? А то у нас репертуар заканчивается, а по плану еще полчаса выступать, и так Анатолий время тянет.

— А это разве не профессиональное выступление? — удивился я.

— Да нет, молодые музыканты показывают себя. Недавно ввели. Жителям и гостям столицы нравится. Да и нам для самовыражения неплохо помогает. Сегодня наш день.

— Да я даже не знаю, — растерялся я.

— Да что там трудного? — влез в разговор третий участник. Правда, кто он, я затруднялся сказать. Кажется, тоже гитарист.

«В принципе, чего смущаться? Меня тут никто не знает, парни не скажут — видно, что свои люди. Почему не развлечься, пар не спустить? А то есть какое-то внутренне напряжение, а музыка — лучшее лекарство», — подумал я и кивнул, вызвав радостный ор музыкантов.

— Я вот только не понял, как будем выступать, если вы эти песни не знаете. Как с музыкой, не сыграны же?

— Ты начни, а мы поддержим. Не волнуйся, мы так уже работали, опыт имеется, — продолжал уговаривать меня клавишник. — Ты сегодня не первый.

— Ладно, уговорили, черти, но только две песни.

— Ты готов? — спросил у меня старший музыкант.

— Конечно, — пожал я плечами и принял гитару, по привычке проверяя настройку.

Клавишник вышел на сцену и, махнув рукой уставшему барабанщику, объявил, что будет выступать новый солист из любительской группы, седьмой за сегодня. Это вызвало вопли радости среди слушателей. Видимо, действительно многие приходили послушать в парк музыку, ведь тут часто звучали незнакомые песни. Причем в довольно неплохом исполнении.

Меня вообще удивляли эти французы. Пришел кто-то левый. Хочешь попеть на сцене? Да пожалуйста. А мы ведь даже не познакомились. По ходу у парней действительно запарка. Если опозорюсь — так они лишь музыкальное сопровождение. Как бы ни при чём, хитрецы. Ну ладно, ударим роком по французской столице.

Песня «Салют» прошла просто на отлично, слушали ее молча, со всем вниманием. Да и я старался, душу вкладывал. Да простит меня местный певец Джо Дассен, которую ее еще не пел. После нее, ударив по струнам (парни действительно молодцы, иногда зависали, но ритм держали, не отставали) я спел культовую советскую песню будущего «Королеву красоты», переведя ее на местный язык. Под конец я изрядно сфальшивил, когда заметил появившихся в первых рядах людей в знакомых темно-синих мундирах. Короче — это были наши, которые с ошарашенным видом даже не смотрели, а пялились на меня.

Быстро допев песню и поклонившись овациям (были они, что уж тут говорить), я вернул гитару владельцу, отмахнулся от клавишника, что пытался меня перехватить, и рванул со

сцены к парням. Что тоже с немалым удовольствием слушали меня, только с другой стороны, так что они не видели, кто тут появился.

— Валим отсюда! — крикнул я, и мы стали продираться через слушателей. Парни шли как ледокол через толпу, так что мы вырвались на оперативный простор и рванули к дороге.

— Что случилось? — спросил Роман, когда мы подбежали к как раз подъехавшему пустому такси.

— Легавые замели. Дело шьют, — быстро ответил я, садясь на переднее сиденье и сообщая водителю адрес отеля.

— Чего-о?!

— Наши меня увидели, как я на сцене корячился. Валим быстрее. Если что, скажем, был двойник, пусть докажут. Одежду новую купить надо, а эту сжечь или выкинуть.

— А что будет? — спросил Андрей.

— И вам, и мне хреново будет. Самый лучший вариант — больше не пустят в город.

— Одежду сжечь надо. Это улика, — деловито подтвердил Роман. — Скажи таксисту, чтобы остановился у магазина с одеждой. Они тут допоздна работают, как я понял. Скинемся, если не хватит.

— Ага.

В это время мы свернули на перекрестке, и Марсово поле осталась позади.

Помимо рубашки и брюк я еще и белья мужского прикупил, не заняло много времени, и мы на полных порах рванули к отелю. По пути я переоделся в машине и выкинул старую одежду в первый попавшийся мусорный бак. Не забыв освободить карманы. Про ботинки мы тоже не забыли, и купили себе летние туфли разных размеров и расцветок. Я, например, взял бежевые мокасины.

— Заедем с другой стороны, чтобы случайно с нашими не встретиться, — сообщил я спутникам. Таксист и так знал, куда везти.

Высидевшись, мы быстро скрылись в здании отеля. Парни пошли к себе, пообещав закинуть мои форменные ботинки в номер, а я направился в ресторанчик, принадлежащий отелю, откуда мне махал рукой Юрий Кузьмич.

— Давно ждете? — спросил я, присаживаясь рядом и с интересом оглядываясь. Ничего так, уютный ресторанчик.

— Да минут пять всего. На полчаса раньше приехал. Машину сдал, внучке позвонил, чтобы она меня в десять вечера забрала, прикупил спиртное — и сразу к тебе. Охота с бывшим соотечественником пообщается. Тем более с таким юным. А то ваши, что направляют по делам, такие... э-э-э... нехорошие люди. Ни поговорить, ни выпить. Еще лаются.

— Это точно, — ответил я, с разрешения заглядывая в пакет, что принес старый белогвардеец. — О, «Московская», да еще в импортном варианте. А чего только две? Тут только губы мочить. Ладно, если что, добавим из местных запасов. Главное — градус не понижать.

Когда появился Роземблум, мы только прикончили первую бутылку. Старшой присел к нам за столик, заинтересовался разговором, познакомился с Кузьмичом, с интересом выслушал меня. Про то, что он меня видел на сцене, не прозвучало ни слова. После чего меня отправил отсыпаться перед тяжелым рабочим днем, а сам продолжил посиделки с Кузьмичом: было видно, что они нашли друг друга, зацепившись языками.

На входе в ресторанчик я столкнулся с девушкой-француженкой. Рассыпавшись в

извинениях, помог ей подняться с пола, на который уронил, и предложил пройти ко мне в комнату, где я принесу более глубокие извинения.

* * *

Утром Роземблум ходил разъярённый по моему номеру и зло тряс кипой фотографий, что держал в левой руке. Под конец добавив:

— ...я теперь понимаю, почему мне приказали глаз с тебя не спускать и называли стихийным бедствием!.. И скажи своей девке, чтобы хотя бы простыню на себя натянула, а то выставила свою филейную часть!

Весь этот пятиминутный монолог я выслушивал сидя на кровати с индифферентным видом. Когда наступила кратковременная тишина, спросил:

— А что, уже утро?

— Что-о-о?! А ну марш в душ, чтобы ты через пять минут стоял в фойе с бодрым видом!.. Марш!

Накинув на девушку простыню (та закрыла голову подушкой, чтобы не слышать вопли Роземблума), я выполнил приказ старшего и залез под холодный душ.

Через пять минут я действительно стоял в фойе, чувствуя себя не слишком уютно под пристально-завистливыми взглядами сослуживцев, и с бодрым любопытством осматривался, изредка бросая преданные взгляды на Роземблума. Кстати, только мы трое с Андреем и Романов выглядели на все сто: в чистой форме, в натертых до зеркального блеска форменных туфлях — остальные на нашем фоне не так смотрелись. Похоже, никто больше не догадался воспользоваться местной химчисткой. Ничего, завтра всё будет нормально. Просвещу про подробности местной сферы обслуживания отелей.

— По машинам, — скомандовал старшой, и мы направились к входу.

К моему удивлению, на улице были не только наши машины, но и четыре полицейских мотоцикла сопровождения. Видимо, чтобы мы добрались быстрее. Заняв свои места, мы поехали в департамент жандармерии, где, как сообщил сотрудник, что отвечал за наше взаимодействие с МВД, находятся все уголовные дела по тем преступлениям, что мы должны расследовать.

Вечером этого же дня. Здание контрразведки Французской республики.

Невысокий француз в форменном мундире капитана подошел к стенду и посмотрел на шесть прикрепленных фотографий, где были изображены члены советской следственной группы.

— Господин капитан, полковник Девон, — сообщил заглянувший в кабинет еще один сотрудник, и тут же посторонился, пропуская полковника.

— Докладывайте, Маришаль, — приказал Жак Девон, проходя в кабинет и кладя форменную фуражку на стол. Он сел на стул и поправил брюки с идеальными стрелками. — Что у нас по русским? Есть новости?

— Так точно, господин полковник. Как мы и ожидали, британцы пытались подвести к русским своих людей под видом переводчиков, но мы не дали этого сделать и заменили их на своих. Надо сказать, британцам это очень не понравилось.

— Это хорошо, — зло усмехнулся Девон. Его нелюбовь к британцам была

общеизвестна. — Держите меня в курсе всего. По русским приказ такой: не дать британцам сорвать их работу. Изолировать их от влияния британцев. Это ясно?

— Так точно, господин полковник, — вытянулся капитан.

— Работайте, — приказал полковник и, подхватив фуражку со стола, так же стремительно покинул кабинет.

* * *

Про следующие три дня особо рассказывать нечего. Мы пахали, мы реально пахали, переворачивая горы уголовных дел, вчитываясь во всё, что там было. Мне-то ладно, я без переводчика (только на прописных иногда спотыкался, пытаюсь разобрать, что за слово там написано), а вот остальным парням было тяжелее. Мало того, каждый день Капитону Апполикарповичу приходилось встречаться с прессой и понемногу выдавать информацию. Речь, понятное дело, писал ему я по нашим наработкам. Раскрывали мы, конечно, не всё, мелочь, но уже стало понятно, что не зря работаем. Посол, который и инициировал наш приезд, ходил гоголем и гордо, на всех поглядывал, давая интервью и сообщая, что он убеждён в успехе нашей работы. Он явно готовился почивать на лаврах после нашей победы, то есть поимки преступника. Убежден, что на него как на инициатора нашего приезда посыплется град наград и благоговений от правительства республики. Честно скажу, посол рискнул и выиграл, хотя он пока об этом только догадывался.

На четвертый день я сделал вид, что расшифровал схему работы маньяка по временным датам, и сообщил Роземблюму, что предположительно завтра будет новое преступление. На самом деле тот работал хаотично, и вычислить день его следующей работы было невозможно, но мне нужно было играть на публику, вот и пришлось это придумать. Естественно, в прессу такую информацию не пропустили, но зато когда старшой рассказал о нашем предположении на совещании, что завтра случится очередная жертва, это вызвало фурор среди французских полицейских чинов.

Сложив руки на груди, я стоял у входа в зал, где были собраны полицейские чины на секретное совещание, и изредка одобрительно кивал, слушая речь Роземблюма. Мы вчера в отеле полночи убили, приготавливая ее.

Под конец старшой добавил, что по нашим прикидкам, через два-три дня мы вычислим маньяка, отчего переводчик слегка поперхнулся. Среди полицейских это вызвало эффект разорвавшейся бомбы. За эти четыре дня они настолько привыкли верить словам Роземблюма, которые впоследствии стопроцентно сбывались и подтверждались, что почти все сразу поверили его словам. Некоторые бросились пожимать ему руки, но старший чин быстро навел порядок и вернул всех в рабочее русло. Где работал маньяк, мы знали: на карте, что висела в зале, был обведен полукруг в треть Парижа, так что нужно было усилить патрули в этих районах, чтобы не допустить новых жертв. Требовались усиления из соседних районов. Этим полицейские и занялись.

После совещания мы с Роземблюмом покинули помещение и направились в сторону большой комнаты, отведенной нашей группе для работы.

— Как только ты уговорил меня сделать такое смелое предположение? — пробормотал Капитон Апполикарпович, шагая рядом. — Ты уверен, что очередное нападение будет именно завтра? И что через три дня вычислишь преступника?

— Наметки есть, уверен, — твердо кивнул я.

Мне понадобилось несколько часов, чтобы убедить старшего выдать информацию о сроках. Она нам, вернее даже мне была нужна как воздух. Я за последнее время замечал за нами слежку. Даже гадать не надо, что тут суетятся британцы, теряя позиции одну за другой. Вот этим ударом по их репутации я и собирался подстегнуть их на реальные действия. Пару раз в туалете департамента жандармерии, разговаривая с Андреем или Ромой, причем в присутствии посторонних, специально выпускал информацию, что мы вот-вот узнаем, кто такой преступник.

Поднявшись по лестнице на этаж выше, мы прошли по небольшому коридору и вошли в помещение, где царил рабочий хаос. Кроме нашей группы тут присутствовали два переводчика от департамента полиции Парижа, так как я один просто не справлялся. От помощи нашего посольства, чтобы они прислали своих специалистов для перевода дел, полицейские вежливо, но твердо отказались. Чую работу британцев. В последнее время нажим их усиливался, они задействовали все рычаги, какие могли, чтобы притормозить нашу работу. Кстати, я стал замечать, что местные как могли, в меру своих сил защищали нас от действий лаймов.

В чем-то им сопутствовал успех, в чем-то нам. Хотя эта мышинная возня меня интересовала постольку-поскольку, так как я знал имя маньяка и работал скорее для вида, больше с интересом изучая работы инспекторов отдела убийств, и участвовал в написании всех речей Роземблюма перед прессой и полицейскими. То есть работал над нашим имиджем.

Дальше мы работали спокойно, продолжая перелопачивать гору дел и составляя свои списки. Работа французскими полицейскими была проделана титаническая, это было видно, но вот аналитикой они не страдали. Даже не зная имени маньяка, я бы его спокойно вычислил, так как в делах были намеки, что могли привести к нему. Я тщательно их фиксировал и показывал старшему, который очень вдумчиво изучал поданные материалы. Алиби мое гарантировано. Случись что, по этим материалам старшой и сам вычислит маньяка после вдумчивого изучения и составления фактов. Я даже тут подстраховался.

Может, кто-то думает, что я отдаю очередную жертву маньяку на заклятие. В чем-то это так, но я *знал*, что в этот раз ребенок спасётся и преступления не свершится, зато у нас появится рисунок с образом преступника, написанный со слов одиннадцатилетней несостоявшейся жертвы. Это мало поможет в розыске, так как испуганная девочка не совсем правильно опишет маньяка, так что и это нам на руку. Да всё нам на руку. Даже то, что наше предположение сбылось.

Но главное не это, я разрабатывал операции по британцам. Они уже на нервах, слепому ясно, что мы близки к разоблачению преступника, а британцы этого допустить никак не могли. Это вон нью-йоркские полицейские умылись и с позором уехали к себе, а британцы продолжали делать вид, что работают по поиску маньяка, гадя нам исподтишка. Короче говоря, они собирались по нашим разработкам первыми взять преступника. Но вот только как это сделать, если мы не сообщаем мелких деталей и папку с нашими выводами Роземблюм носит с собой? Разработать план по изъятию документов? Вряд ли. Подкупить одного из русских следователей? А вот это возможно. Но кого? Конечно же, самого молодого, который хоть и на посылках, но зато знает всё, что нужно. Тем более этот молодой три дня из четырех плотно работал, а вчера погулял по улицам Парижа, не отходя далеко от отеля, заглядывая в магазинчики и с горестными вздохами рассматривая цены.

Явный клиент для вербовки.

Вчера я в течение полутора часов погулял в одиночку вполне благополучно, последняя пресс-конференция должна была подстегнуть наших противников, и думаю, при сегодняшнем гулянии что-то да будет.

Никто, кроме меня, обо всем этом не знал. У меня были свои планы и свои цели. Сообщи нашим по факту. Мол, вот, завербовать хотели, а дальше направлю их мысли в нужное русло. Тем более у меня было чем их заинтересовать, после чего они обо всем забудут и дадут мне заниматься своими делами.

В прошлой жизни я с дочкой был в Париже, только жил в отеле на другом конце города. Так вот, среди развлечений были и экскурсии. Мы с дочуркой как раз из аквапарка пришли, а тут собирали группу на осмотр достопримечательностей. Поэтому быстро переодевшись, мы последовали в автобус. И надо сказать, не разочаровались, было очень интересно.

Так вот, к чему я это всё веду. На одной тихой улочке мы остановились у одного жилого здания, стиснутого по бокам другими домами. Для меня стало шоком, когда гид сообщила, что в этом доме с начала пятидесятих годов была резидентура британской разведки, ликвидированная французскими спецслужбами в шестьдесят седьмом году. То есть в следующем году. Так эти фантики бестолковые взяли и открыли в этом здании дом-музей в середине семидесятых, как будто им других достопримечательностей Парижа не хватало. Причем полностью реставрировав всю обстановку, аппаратуру и даже установив восковые фигуры разведчиков. Мы там на сорок минут зависли, разглядывая, как работали разведчики прошлого. Дочка даже в шифровальный блокнот радиста заглянула. Не поняла каракули и стала с интересом изучать радиопередатчик. Под конец гид заявила, что этот музей очень любят посещать британские туристы. Я ржал.

Вот и получалось, что я на отлично знал обстановку в этом доме, про сам дом и то, что там резидентура разведки британцев. Но как сообщить об этом нашим? Мне нужно зарабатывать очки, а эта операция точно войдет в анналы успешных операций советской разведки. То есть я не мог прийти и сообщить о том, что там-то и там-то засела разведка противника. Одним словом, мне нужен будет «говорун». Именно для этого я и разработал отдельную операцию, подталкивая британцев к вербовке.

Они еще не знали, что их ждет дальше.

Кто-то подумает, что вот я какой патриот, даже за границей действую в интересах страны. Это в какой-то степени действительно так, но... не совсем. Причина всех этих телодвижений — банальная нехватка денег. То есть я всё это разработал, чтобы заработать на британцах. Нашей разведке хватит захваченных разведчиков, их аппаратуры, шифроблокнота, а я довольствуюсь всего лишь деньгами. У меня, вон, дочери дома не кормленные ждут. Как я к ним без подарков приеду? А если вспомнить про остальных родственников?... У-у-у... Короче, британцев на деньги я собирался опустить конкретно. И пусть только посольский, что был из нашей конторы, попробует что вякнуть на эту тему. Я собираюсь твердо стоять на своем, что личные трофеи священны. Да и вообще, пусть докажут, что я их брал.

Закончили мы, как всегда, в семь вечера. Пока парни собирались, я спустился на первый этаж и подошел к большому аппарату по продаже шоколада. Мелочь у меня была, поэтому, кинув две монетки, я взял в приемнике плитку горького шоколада.

Повернувшись ко входной двери и вскрывая упаковку плитки, я только улыбнулся. У входа стоял знакомый старший жандарм, с которым у меня была встреча на Марсовом поле.

Тот сперва недоуменно разглядывал меня с ботинок до фуражки и обратно, потом на его лице проступило понимание. Он коротко кивнул, так же улыбнулся, как и я, и направился к стойке с дежурным. Судя по его ноше, он доставил пакет с новыми данными из своего участка. Передав пакет и расписавшись в журнале приема, жандарм прошел мимо, так же коротко, но приветливо кивнул, поглядев, как я ем шоколад, и вышел на улицу.

Тут вниз спустились наши. Я честно поделился остатками шоколада, в этом не было ничего странного — национальная черта, и мы вышли на улицу, направляясь к стоянке машин, где ожидал наш транспорт.

— Черт, — тихо пробормотал идущий рядом Роман. Остальные шли в трех метрах впереди и нас не слышали.

— Ты чего? — так же тихо спросил я у него.

— Смотри, там у мотоциклов знакомый жандарм стоит.

— Да я его уже видел, — ответил я, но всё же посмотрел, куда сказал Роман.

У ряда мотоциклов действительно стоял жандарм и что-то говорил мотоциклистам из нашего сопровождения. О чем шла речь, понять не составило труда. Он тыкал в нас пальцем, и от французов доносился смех. Видимо, жандарм делился опытом своей встречи с русскими.

— Да, это действительно проблема.

Нам пришлось выложить почти всё, что с нами произошло в тот первый день в Париже. Даже про Эйфелеву башню, хотя нам там деться некуда было, фотографии нас сдали. Но вот про жандарма мы умолчали как о мелочи.

Догнав Роземблюма, я попросил:

— Командир, мы можем поговорить?

— Что-то очень важное? — заинтересовался он.

— Скорее неожиданное... в будущем. Неприятности это вряд ли принесёт, но лучше вам знать, чтобы отреагировать в будущем.

— Секретное?

— Уж точно нет.

— Садись в мою машину, там и поговорим.

Один из следователей пересел в нашу машину, где обычно сидел я, а я занял его место.

Когда мы отъехали и сопровождение заняло свои места, Роземблюм спросил:

— Ну что там?

— Я не всё рассказал про нашу прогулку у Эйфелевой башни.

— Так и знал, что эта история добром не кончится, — сердито ударив рукой по приборной панели, воскликнул старшой. — Рассказывай.

За пару минут, со своими комментариями я выложил всё, что предшествовало нашей встречи с жандармом, и что после этого случилось.

— ...так что сами понимаете, Андрей и Роман просто не поняли, что там было. Ну, поговорил я с жандармом, и он, посмеявшись, нас отпустил.

— Да-а-а, — отсмеявшись, сказал старшой. — Всего от тебя ожидал, но не такого. Хотя ты прав, если жандарм об этом рассказывает всем подряд, то скоро и нам начнут задавать вопросы. Хорошо, что догадался рассказать, подумаю, как отвечать.

Мы высадились у отеля и разошлись по своим делам. За последние четыре дня я подсушил подмоченную в первый день репутацию, и вчера Роземблюм дал разрешение гулять неподалёку от отеля. Чем я и пользовался. Вот и сейчас, быстро переодевшись и сдав

форменную рубашку в стирку, я принял душ и, переодевшись в свежую выглаженную одежду, подошел к зеркалу.

У меня было два часа. Сейчас наши отдыхали и ужинали после работы, потом соберёмся в номере старшего и устроим мозговой штурм, как я его называл. Вот за эти два часа мне и нужно провести начальную операцию по отъему у британцев денег.

Кстати, надо будет дать неплохую идею нашим руководителям, что отправляют нелегалов за границу. Идея такова: сообщить перед отправкой нашему разведчику, что ему выделяют деньги на покупки подарков семье за бугром. А перед отправкой не дать, предложив заработать самому. Тот пообещавший будет крутиться со всей широтой русской души. Так что перевороты и смены правительств будут проходить с оттоком денежных средств нашим разведчикам со свистом. Правда, и предатели найдутся, но в каждой идее есть и плохие стороны.

Не воспринимайте серьезно, это я так неловко шучу перед операцией. Проверив в зеркале, как на мне сидит рубашка, я надел солнцезащитные очки и вышел из номера. Наши еще отдыхали, поэтому я беспрепятственно спустился и, оглянувшись, легкой прогулочной походкой направился в сторону сувенирного магазина, так заинтересовавшего меня своим товаром. Позади едва слышно заурчал мотор. В отражении витрины я заметил, как припаркованный серый «Фольксваген-жук» тронулся с места. Это заставило меня улыбнуться. Та же машина, что и вчера. Даже топтун (один из трех) следовал позади меня, отстав на сорок метров. Ничего, господа лаймы. Скоро повеселимся.

— Добрый вечер месье, вы уже сделали свой выбор? — поинтересовался у меня продавец магазинчика сувениров, того, что мне особо понравился вчера, и в котором я завис на сорок минут, рассматривая и ощупывая товар. Это была скорее сувенирная лавка, чем магазин, настолько он был мал, но вещей было множество, вот среди них я и присмотрел кое-что — полную и удивительно достоверную копию немецкого люгера в натуральную величину, но в виде зажигалки. Он лежал в шкатулке на красном бархатном материале, повторяющем обводы пистолета. Рядом также утоплен был магазин. Но он тут был для антуража, чтобы казалось, что пистолет как бы настоящий. В действительности в рукоятке был баллончик с газом. Футуристическая вещь, между прочим. Отцу подарю... да есть, кому подарить!

— Да, я, пожалуй, возьму его. Можно еще раз посмотреть?

— Да конечно! Более того, я вчера поискал на складе и нашел еще одну похожую зажигалку. Вот, это вальтер ППК. Будете смотреть?

— Конечно.

В течение десяти минут я крутил в руках обе зажигалки, с тоской вздыхая из-за проблемы тяжелого выбора. Один из топтунов зашел следом за мной в магазин. Для разнообразия это была девушка. Она стала разглядывать зонтики, пока я мучился с выбором.

— Знаете, — наконец произнес я. — Наверное, я возьму люгер. На два предмета у меня нет пока денег.

— Разрешите? — обратилась к нам девушка.

— Да-да, конечно, — немного отодвинулся я в сторону от прилавка.

— У моего дедушки был такой же, — девушка взяла зажигалку в виде вальтера. — Давайте я сделаю вам подарок в память о деде?

— Вот просто так? — подозрительно прищурился я.

— Угостите меня ужином. Как вам? — улыбнулась та.

— Почему нет? Каждый мужчина любит оружие. Кто-то сказал: путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Не верьте. Преподнесите ему подарок в виде оружия — и он весь ваш.

Продавец заулыбался, слушая мою речь, да и девушка мило покраснела. Продавец быстро завернул подарки и положил их в пакет, сказав:

— С вас пятьдесят восемь франков.

Мы с девушкой, нисколько не смущаясь, оплатили пополам покупку, вышли из магазинчика и направились вниз по улице.

— Мы даже не знакомы. Антон Серебряков. Гражданин СССР. В Париже по делам.

— Жанет Ривьер. Художница.

— Очень приятно, — осторожно пожал я девушке руку.

— У меня тут рядом машина. Предлагаю съездить в Булонский лес, там есть отличное кафе. Можно покататься на лодках.

— Я только за. Едем.

Мы прошли буквально еще метров шестьдесят и остановились у «жучка» с черной брезентовой крышей, только этот был красного цвета. Оттопырив прекрасную попку, Жанет наклонилась и отперла машину. Я помог ей сесть, забросил пакет на заднее сиденье и сел рядом.

Ривьер, или как ее там, оказалась неплохой гонщицей. Под свистки жандармов мы со скрипом покрывшек проходили некоторые повороты, чуть не вылетая на тротуар. Машина явно была доработана, и мотор стоял форсированный.

— Лихо гоняете, — сказал я, вжимаясь в сиденье и пытаясь судорожно найти ремни безопасности. *Но их не было в наличии.* Когда я вцепился в ручку двери, девушка аккуратно притормозила на одной из улиц, пересекающих Булонский лес.

Пока меня мотало по салону, я не забывал поглядывать назад. Наблюдатели держались как приклеенные, так что я успокоился. Всё пока шло, как надо, то есть запланированная импровизация. Одно из моих предположений было, что ко мне подведут медовую ловушку, фактически так и получилось. Для знакомства девушки более предпочтительны, чем если подойдет хмурый мужик и предложит подзаработать. Не так напряженно — это им в плюс.

Пакет с покупками я оставил в машине, не стоит его брать с собой. Под ручку с Жанет мы прогулялись по парку и, пройдя мимо озера, где плавали лодки с посетителями леса, сели за один из столиков ближайшего летнего кафе.

— Красиво тут у вас... и чисто, — искренне похвалил я. Девушка улыбнулась моим словам, тут как раз подошел официант, и она сделала заказ.

Время быстро утекало, и я начал нервничать. Как бы лимит не исчерпать, но тут к нам за столик, извинившись, подсел мужчина лет тридцати пяти с пристальными глазами и каким-то ястребиного типа лицом. Мы в это время мило общались с Жанет ни о чем, но внутренне я даже обрадовался появлению незнакомца. Надоело попусту молоть языком с дивчиной.

— Не помешаю? — поинтересовался он.

— Ну, как сказать, — недовольно ответил я, отпуская ручку девушки, которую держал в ладонях.

— Извините, Антон, не будем тянуть, как вы говорите, кота за хвост и сразу перейдем к делу, — с легким акцентом, что меня насторожило (уж не играют ли меня наши

посольские), сказал по-русски незнакомец. — Жанет, принеси нам соку.

Девушка отошла в сторону стойки и стала что-то говорить официанту. Внутри помещения кроме бара была видна и небольшая кухня. А незнакомец, после недолгой паузы, давшей мне время на осмысление, продолжил:

— Да, я знаю, кто вы. Вы — Антон Серебряков, помощник господина Роземблюма, старшего группы следователей из СССР.

— Вы не просто так ведь подошли ко мне, правда? Вы что-то от меня хотите, — ошетинившись как ежик, спросил я.

Я мысленно покатывался от смеха, наблюдая, как незнакомец осторожно подбирает слова, пытаюсь перейти к сути и не доводить меня до разборок.

— Меня зовут Жан Вивьен. Я являюсь старшим корреспондентом одной из ведущих газет Парижа. Вы должны понимать, что конкуренция у нас на высоком уровне, и кто первым выдаст информацию по поимке преступника, тот в фаворе. Вот нам и хотелось бы договориться с вами о сотрудничестве.

— Кому это вам? И почему обратились ко мне? — заметно успокоившись, отчего незнакомец облегченно вздохнул, спросил я.

— Нам — это мне и моему редактору. А почему обратились к вам, причина проста. Ваши товарищи явно не пойдут на работу с нами. Думаю, причина в закостенелом мышлении. А вы человек молодой и довольно гибкий. Вы не волнуйтесь, никто не будет знать о нашем сотрудничестве, что позволит вам заработать немалые деньги.

— Какие? — флюиды моей заинтересованности аж расходились в разные стороны. Ни незнакомец, ни подошедшая с высокими бокалами Жанет не могли не уловить их. В глазах незнакомца мелькнуло удовлетворение, но больше он никак себя не выдал.

— Десять тысяч франков.

— Ха, это даже не смешно, — фыркнул я и тут же встрепенулся: — Тем более я не видел ваши документы. Может, вы шпион?

От моего предположения вздрогнули оба собеседника — и незнакомец, и молчавшая Жанет. Последняя только сидела да сосала через трубочку из бокала. Я к своему даже не прикоснулся. Мало ли что туда подсыпали.

— Извините, я и забыл. Вот мои документы, — протянул какие-то корочки незнакомец. — Жанет работает секретарём в нашей газете. Я попросил ее помочь мне.

Это были документы на имя журналиста ведущей газеты Парижа Жана Вивьена. На первый взгляд всё было в порядке.

— Ладно, вроде всё в порядке, — возвращая корочки, сообщил я. — У меня действительно проблемы с финансами, и я не вижу ничего плохого в том, чтобы раскрыть вам некоторые тайны. Тем более что имею к ним свободный доступ. Меня беспокоит только сумма за работу. Во-первых, меня не устраивает размер вознаграждения. Во-вторых, денежная единица. Предпочитаю американские доллары или английские фунты.

— У вас излишне большие желания.

— Это вы подошли ко мне, не я к вам, — философски сказал я, пожимая плечами.

— Сколько вы хотите?

— Сто тысяч американских долларов, — рубанул я.

Для местных годов это запредельная сумма. Ну очень большая. За эти деньги можно купить неплохую океанскую яхту. Это было бы фактически миллиона два долларов по моим временам из будущего. Поэтому я с интересом наблюдал за мимикой вербовщиков.

— Но это огромные деньги! — возмутился Вивьен. — Максимум пятьдесят тысяч, да и то с проблемами. Мой редактор просто не пропустит такие суммы через бухгалтерию.

— У вас должна быть черная касса, которая не проходит через бухгалтерию. Это всем известно, я тоже читаю газеты и в курсе о разоблачениях газетных магнатов.

— Мне нужно посоветоваться, — ответил Вивьен.

— Хотелось бы уточнить, что деньги я от вас *тутне* приму. Хотелось бы это сделать в неприметном месте без посторонних.

Тот кивнул, соглашаясь, посмотрел на Жанет, потом встал и быстро направился к выходу из парка.

«Рыбка заглотнула наживку, — удовлетворённо подумал я, проводив взглядом Вивьена и повернувшись к печальной Жанет. — Ага, пятьдесят тысяч газета выделит, как же. Нашли идиота. Десять тысяч долларов — вот их потолок».

Нам дали спокойно посидеть минут пятнадцать, видимо старший группы вербовщиков находился неподалеку. Вернувшийся Вивьен наклонился к моему уху и пригласил следовать за ним. Что примечательно, Жанет осталась в кафе. Время начало тикать, как говорится — отсчет пошел.

Мы прошли мимо озера, потом пересекли часть леса и вышли на проезжую часть, где стояло несколько машин. Мы подошли к той, где сидело двое в шляпах, ладно хоть без черных очков. Машина напоминала внешним видом наш четыреста первый «москвич», только имел эмблему «Рено».

Серенький «жучок» спрятался за три машины от нас — значит, всё в порядке. Что мне понравилось в «Рено», так это шторы. Закрыв — и не видно, что сзади творится.

— Наш старший хочет поговорить с вами прямо тут, — наконец нарушил молчание Вивьен, подходя к машине.

— Редактор? — уточнил я.

— Конечно, — не моргнув глазом соврал тот.

Протиснувшись через открытый дверной проем, я плюхнулся на заднее сиденье, что было свободно. Следом залез Вивьен.

— Добрый вечер, товарищ, — повернулся ко мне тот, что сидел на пассажирском сиденье. Слово «товарищ» он произнес по-русски, да еще с заметным акцентом.

— И вам не хворать, — осторожно ответил я.

— Я буду вести с вами переговоры, — продолжил он, но уже на родном языке Фан-Фана Тюльпана. — Сто тысяч — это очень большая сумма, и у нас ее просто нет, но вот двадцать пять тысяч фунтов есть. Они вас устроят?

Я задумался — начал тянуть время, чувствуя, как в машине сгущается напряжение ожидания.

— Думаю, мне хватит, — согласился я и локтем нанес удар сидевшему рядом Вивьену. Тот схватился за лицо и застонал, но я не обратил на это внимания, нанося удары в определенные точки в затылок (водителю) и в челюсть и висок (пассажиру). Выдернув из кармана длинную бронзовую заколку, что купил в том же магазинчике сувениров, загнал острие под основание черепа водителя и в ухо Вивьена. Другой пассажир, тот, что за старшего, был мне нужен живым. Поэтому я его просто надолго вырубил. Закрыв штормовую, я перегнулся и, сложив спинку, стал перетаскивать водителя на заднее сиденье. Не выходить же мне с этим делом на улицу. Закончив с ним, я быстро обыскал всех троих. Крови вытекло очень мало — не заколка, а фактически шило, поэтому я не боялся испачкаться.

Быстро обыскав всех трех агентов британцев, я стал обладателем двух пистолетов. Один был незнакомой мне редкой марки «Браунинг» — слишком укороченным оказался, явно предназначен для скрытого ношения. А вот второй — уже знакомый вальтер. Причем на вальтере был накручен глушитель. Браунинг я нашел у старшего, а вальтер принадлежал водителю. Видимо, помимо водительских функций он еще был и штатным ликвидатором. Приготовив оружие к бою, я занялся документами. Они были у всех троих. Причем в заднем кармане Вивьена я нашёл еще паспорт на имя Жан-Жака Тельмана, Видимо, уже настоящие документы, или основные. Остальные тоже имели документы граждан Французской республики, хотя я сомневался, что старший принадлежит к этой нации. Британец, к бабке не ходи.

Кроме довольно крупных сумм из карманов, моим трофеем оказался желтый портфель с крупными суммами денег в разной валюте. Там было сорок семь тысяч франков. Видимо, по их прикидкам это была крайняя сумма. Еще было двадцать тысяч английских фунтов (интересно, где еще пять из обещанных мне — авансом, что ли, решили обойтись?) и шесть тысяч североамериканских долларов. Неплохие трофеи.

Расстегнув рубашку, я размотал веревку, обмотанную вокруг тела, и, срезав кусок, связал старшего, сунув ему в рот кляп из технической тряпки, найденной под сиденьем водителя. Остатки веревки я бросил на пол — брал больше, чем нужно. Достав из кармана тонкие кожаные перчатки телесного цвета, я надел их.

Убрав все трофеи, кроме вальтера, в портфель, я еще раз проверил оружие и, убедившись, что прохожих снаружи стало поменьше, спокойно открыл дверь. Перебравшись через Вивьена и ступив на брусчатку тротуара, хлопнул дверцей, невольно защебив выпавшую руку француза. Вернул ее на место и нормально закрыл дверь, после чего направился к машине с наблюдателями. От них «Рено» закрывал развозной фургончик с пустой кабиной. Так что они вряд ли что видели. Благо никто из них не догадался проконтролировать ситуацию в стороне, видимо решив, что трое легко справятся со мной. Совсем расслабились, обалдуи.

Одну руку я держал сзади за левой ногой, чтобы сразу не насторожить топтунов. Видимо, те что-то успели почувствовать, потому что при моем приближении начала открываться дверь со стороны пассажира. Мне пришлось ускориться, не обращая внимания на возможных свидетелей.

Своим телом я вмял вылезавшего наблюдателя обратно в салон, дважды нажимая на спуск. Дернувшись, наблюдатель застыл подо мной, а я открыл огонь по остальным. То есть по водителю (блин, брызгами крови боковое стекло осыпало) и пассажиру на заднем сиденье.

Вряд ли что прохожие поняли, но всё равно я действовал быстро. На полу рядом с задним сиденьем я обнаружил небольшой рюкзак. Быстрый осмотр показал, что в нем четыре длинных магазина для пистолет-пулемета, две гранаты и россыпь патронов разного калибра. Некоторые были в пачках. Неплохой улов. В рюкзак полетели документы наблюдателей. Их оружие и бумажники. Автомат обнаружился на заднем сиденье. Это был американский ПП МЗ времен Отечественной войны. Отсоединив магазин, я отправил его в рюкзак. Благо ПП был укороченный, компактный такой. Больше в машине ничего не было, даже в бардачке фактически пусто. Полупустая пачка сигарет меня не заинтересовала, а вот зажигалку я прихватил.

Как ни берегся, но всё же изрядно замарался кровью. Поэтому прикрыв рюкзаком живот

— там на рубаше расплывалось красное пятно — я вернулся к «Рено» с двумя трупами и пленным, и заняв водительское место, бросил рюкзак под ноги старшему, который всё еще продолжал находиться в беспмятстве, установил кресло водителя как надо и, заведя мотор, потихоньку тронулся с места. Сейчас мне внимание полиции ну никак не было нужно.

На всё про всё у меня ушло две минуты плюс дорога от кофе до машины. По времени получалось, что Жанет еще не добралась до своей машины, а я не только не собирался оставлять свидетелей, что приведут ко мне, но и хотел забрать покупки.

Объехав парк по кругу, я выехал на улицу, где девушка-контактер оставила машину. Припарковавшись за четыре машины от нужной мне, я удовлетворенно отметил, что девица еще не появилась.

Пока было время, я занялся собой и размышлял обо всем, что случилось со мной. Место было выбрано фактически случайно, так как координатор, что сейчас лежал рядом со мной связанный и без сознания, выбрал бы точку наблюдения в другом месте. Так что я был убежден в ее скором появлении.

Стянув рубашку, переложил вещи из нагрудных карманов в карманы брюк и бросил ее на заднее сиденье. Рубашка Вивьена должна мне подойти. Тем более крови на нее не попало, хотя капелька и появилась в ушной раковине, куда я нанес удар булавкой, да наливалась гематома на скуле. Взяв в руки газировку, я шляпой водителя отмыл живот и, сняв рубаху вербовщика, примерил ее. Размер слегка не мой, больше на полтора размера, но зато хорошо скрывает оружие.

Жанет появилась, когда я уже закончил все приготовления. Как только я заметил ее, торопливо идущую по тропинке, то вышел из машины и направился навстречу, при этом опустив голову. При приближении я понял, что та изрядно напряжена и напугана, видимо что-то пошло не так. Вполне возможно, что Вивьен, отведя меня к своим кураторам, должен был вернуться к ней. Узнала она меня сразу, несмотря ни на какие ухищрения. Женский глаз обмануть сложно. Она узнала и меня, и рубашку Вивьена. В ее глазах плеснуло море ужаса.

Бежать она даже не пыталась, я приподнял край рубахи и показал ей рукоятку пистолета. Пожилая парочка, что прогуливалась позади Жанет, этого жеста не видела, я встал так, чтобы девушка закрыла меня собой.

— Думаю, нам нужно поговорить. Пойдем к твоей машине, заодно и подарок возьму. Он ведь был от чистого сердца? — улыбнулся я.

Девушка явно немало работала на разведку Британии, она поняла — живой выйти из этой ситуации у нее шансов нет никаких.

Подхватив под локоток, я повел ее к машине, четко отслеживая все движения не только ее, но и прохожих. Девушки я особо не опасался, хотя загнанная в угол крыса очень опасна, но та сломалась, я это видел.

— Ты меня убьешь? — тихо спросила она, когда мы подошли к машине.

— А что, у меня есть выбор? Твоя жизнь в твоих руках. Заинтересуешь меня — останешься жить.

— Что ты хочешь? — спросила она, садясь в свою машину и закрывая водительскую дверь.

— Информация — самый ценный ресурс любого государства, а ты в этой кухне варишься немалое время. Так что я думаю, тебе есть чем меня заинтересовать...

Тихо щелкнул пистолет, и девушка дернулась и безвольно упала-облокотилась на дверь. Дернув ее за плечо, чтобы приняла непринужденную позу на сиденье, я улыбнулся и поднял

с пола маленький инструктированный хромированный дамский браунинг. Как она сумела достать его из держателя под приборной панелью, я не заметил, только уловил отблеск хрома, это меня и спасло. Вышелкнув магазин, я посчитал патроны. Всего пять штук. Да и калибр крохотный. Но убить может запросто. Хорошая игрушка, тоже оставлю его себе. Жаль, запасного магазина нет, но и так неплохо.

Проверив ее, сделал контрольный выстрел — сердце еще билось. После этого забрал покупки, быстро пробежался тряпкой по панели и дверям, где касался (я помнил это хорошо), прикрыл дверь — девушка, казалось, спала — и направился к «Рено». Пора заканчивать начальную операцию и готовить основную.

На самом деле то, что хотел, я получил, а продолжение — это подарок для моих кураторов, что работали в посольстве. Пора и им подсластить горькую пилюлю моих выходов.

На трофейной машине я выехал на другую улицу рядом с Булонским лесом и остановился. Улица была полупустая, только редкие машины проезжали, поэтому, выйдя наружу, я подошел к багажнику машины и открыл его. Внутри среди разного хлама была лопата, причем со следами свежей земли, мешковина и железный ящик для инструментов, а также две канистры. Я потряс их — одна оказалась с бензином, другая с маслом. То, что мне нужно.

Достав из кабины портфель и рюкзак, я перенес их в багажник. Где, высыпав инструменты из ящика, начал заворачивать пачки денег и оружие в разную материю. Хватило пиджака с одного из трупов. Убрав в ящик все деньги, кроме оставленных пяти тысяч франков на кармане, а также всё оружие, включая американский автомат, я попытался закрыть ящик и понял, что надо всё перекладывать. Переложив уже нормально, закрыл на замочки и стал обматывать его мешковиной. Облив для сохранности маслом, дождался, когда проедет очередная машина, и через кустарник направился в лес.

Одним словом, я собирался сделать закладку на будущее. Мало ли что, у меня таких закладок много, но все в Союзе, так пора и на границу переходить.

Я умел делать схроны, вот и тут за полчаса выкопал метровой глубины яму, укрыл там ящик и закопал, положив дерн на место. Теперь даже с собаками не найдут. Лишнюю землю пришлось разбрасывать под основания кустарников. Чтобы она не привлекала внимания. Вернув лопату в багажник, я вернулся в салон и поехал в парижские трущобы. Пора избавляться от улики.

Отъехав чуть в сторону, я стал «будить» старшего координатора. Будил просто — загонял заколку под ногти. Ничего, пара минут китайской терапии — и клиент готов к разговору. Ничем особенным он меня не порадовал. О месте нахождения резидентуры я и так знал. Только дал интересную информацию, мол, завтра днем прибудет из Марселя главный резидент Марк Беринг. Любопытная информация, заинтересовавшая меня, заключалась в том, что ранее этот резидент работал в Союзе и знал многих британских агентов в лицо. То есть очень ценный источник информации, который пригодился бы нашим. Спрашивал я так, что желанием куратора было побыстрее умереть, так что смысла скрывать что-то у него не было.

Отправив координатора заколкой вслед за остальными, я завел машину и поехал к выезду с территории леса. Причина избавиться от координатора была проста: на фига мне надо, чтобы кто-то знал про левые деньги?

Через двадцать минут загнав машину в проулок, куда выходили черные ходы разных

заведений вроде ресторанов и магазинов, я вышел из машины, не забыв прихватить пакет с покупками. Достав из багажника канистру с бензином, обрызгал всё внутри машины. После чего отошел в сторону, поджег платок и кинул внутрь салона через открытую дверь. Почти сразу загудело пламя, а я поспешил уйти подальше.

Через полквартала поймал такси и сообщил адрес неподалеку от «Бастилии». Ничего, пешочком дотопаю, надо рубить хвосты. Вдруг найдут пассажира, от которого пахло бензином?

Через двадцать минут я вышел из такси и, проводив его взглядом, окольными путями направился к отелю, размышляя на ходу: «Операция проведена, на мой взгляд, чисто и безупречно. Беспокоит только то, что с пропажей агентов резидент может забеспокоиться и не прибыть на штаб-квартиру. Вывод? А хрен его знает, наружку не установишь, людей мало, все, блин, в Марселе работают по местным кадрам. Какая-то там заваруха. Значит, надежда только на меня и на местного конторского в посольстве. Ничего, справимся. Будем работать по хорошо отработанной схеме чисто советского авось. Думаю, прокатит, а если нет, печалиться не буду, я в плюсе. Но все-таки серьезно охота прихватить главный приз — этого самого Марка Беринга».

Когда я свернул на пересечении улиц, то заметил пасущегося у входа в отель Андрея. Когда он меня увидел, на его лице отчетливо проступило облегчение.

«Роман, наверное, на другой улице ожидает. На полтора часа опоздал, не удивлен, что наши сыграли боевую тревогу. Ну что ж, пойдем объясняться».

— Ты где пропадал? — зашипел Андрей, крепко ухватил меня за локоть и потащил в фойе отеля. — Опять с француженкой амур закрутил?

— Не, в этот раз нет. Турчина предупредили о моей пропаже?

Алекс Турчин был нашим куратором от советского посольства во Франции, он же сотрудник КГБ, хотя в посольстве занимал какую-то левую должность. Все опытные сотрудники вот уже две недели пребывали в Марселе, отрабатывая какие-то свои цели и задачи, в посольстве же «на телефоне» остался один молодой сотрудник. Хорошо, что он уже год работает на своем месте. Местные порядки знает, как и службу. Но не опытный еще. Это всё, что я смог о нем узнать. То есть состоит на командной должности, но пока впитывает опыт. С нелегалами еще не работал, однако курсы закончил. Ничего, наработает опыт, со мной-то это быстро. Главное, чтобы не тупил.

— Да, полчаса подождали против контрольного срока, потом позвонили. Вот только приехал.

— Это хорошо. Он у Апполикарпыча?

— Угу, тебя ждут, пока никаких мер не предпринимали.

— Это хорошо, обеспечить безопасность нашей беседы. Лады?

— Сделаю. Только сбегая Романа предупрежу. Остальные отдыхают, а мы бегаем, тревожимся, куда ты пропал, — постучав в дверь, он заглянул и сообщил, что пропажа нашлась. После чего подтолкнул меня к двери, пожал плечо, как бы показывая, что он рядом, и поскакал вниз по лестнице.

Не особо переживая, я прошел в номер Роземблюма и, положив пакет с покупками на столешницу комода, поздоровался:

— Привет, Алекс.

— Ты где был?! — зашипел он. — Помнишь наши прошлые договоренности? Еще что-то

подобное, как в первый день, и больше никто тебе не разрешит выход в город!

— Помню-помню, — хмыкнул я, после чего сел на свободный стул и, закинув ногу на ногу, спокойно сказал: — Меня британцы завербовать пытались, мишки плюшевые.

На несколько секунд воцарилось молчание. Роземблум изумленно разглядывал меня, а вот Алекс — скорее задумчиво.

— Трупы спрятал? — деловито спросил он.

— Где там прятать было? — развел я руками. — Мы в Булонском лесу встречались.

— Свидетели?

— А вот это вряд ли. Я старался работать чисто. Отпечатки свои стер, да и нет их у французских полицейских в картотеке.

— Давай рассказывай, — потребовал Алекс.

— Может, не тут? — я демонстративно обвел взглядом комнату и глазами показал на Роземблума.

— Насчет комнаты не переживай. Отель проверяется ежедневно. А вот старший группы, я думаю, действительно не должен слушать, что его не совсем касается. Капитон Апполикарович, вы не оставите нас на некоторое время? — скорее приказал, чем попросил, Алекс.

— Хорошо, я пока в кафе кофе попью.

Когда Роземблум вышел из номера, Алекс потребовал:

— Рассказывай.

Рассказ не занял много времени. Я только умолчал о деньгах, большей части оружия и тайнике-схроне.

— ...пистолет я сбросил, он сгорел в «Рено», потом поймал такси и вышел в квартале отсюда. До отеля дошел пешком. Вот и всё.

— Хм, — задумчиво протянул он. — Значит, со слов этого координатора, старший резидент прибывает в штаб-квартиру завтра в обед.

— С учетом пропажи группы — может, и раньше, — пожал я плечами.

— Нам нужно захватить его и резидентуру со всей аппаратурой и документацией. Черт, — ударил себя по колену кулаком Алекс. — У нас все люди, как на зло, в Марселе. Я один, работаю с вами. А вызвать помощь не успеем.

— А зачем нам помощь? — сделал я вид, что не понимаю ситуации. — Захватить штаб-квартиру со всем содержимым и людьми для меня плевая задача. Я как раз на этом специализируюсь. Самое сложное — незаметно всё вывезти оттуда. Вот это меня больше всего беспокоит. Хотя пока я возвращался к отелю, успел подумать, и даже появились намеки на план.

— Подожди, — остановил меня Алекс. — Ты уверен, что сможешь захватить резидентуру?

Я только презрительно фыркнул на это недоверие. Пришлось объяснять:

— Алекс, не заморачивайся. Я тут вообще проблемы не вижу. Давай лучше не будем переливать из пустого в порожнее, а решим с транспортом. Дай мне ручку, я нарисую план дома.

— Насчет людей я могу поспособствовать, — протянул мне карандаш и тетрадку наш куратор. — У нас в охране посольства есть трое парней, которых мы иногда привлекаем к своим делам. Одним словом, парни в теме, как ты говоришь. Думаю, на роль грузчиков они подойдут идеально.

— Отлично, — быстрыми штрихами я наносил схему помещений дома и аппаратуры с документацией, вспоминая свое посещение музея в будущем, Алекс же проглотил объяснение, что рисовал подобную схему куратор вербовщиков, но я потом сжег улику вместе с машиной. — Смотри. Тут у них стоит аппаратура. Причем со слов координатора — экспериментальная, проходящая комплексные испытания. Всего такой шесть единиц, все в разных странах проходят испытания. Эта, например, находится тут. Думаю, нашим спецам будет интересно покопаться в ней. Аппаратура небольшая, думаю ее запихнуть вместе с документами. А вот архив в штаб-квартире не маленький...

Алекс наклонился и рассматривал схему, изредка угумкая моим словам.

— В штаб-квартире постоянно находятся двое. Хозяин дома Ален Дифье, он же отвечает за охрану. Его жена Жанет Дифье, радист-шифровальщик. Думаю, по сложившейся ситуации, их там будет четверо, а то и пятеро из усиления. Но для меня это не проблема. Главное, как вывозить будем? Я вот что предлагаю. В Париже множество фирм грузоперевозок, у них же можно заказать ящики. Тут есть узкий проход с черного хода дома. После зачистки я даю сигнал твоим людям, они через черный ход проникают в дом и начинают готовить всё к вывозу. Туда же подъезжает фургон с пустыми ящиками. Твои люди таскают их в дом, не привлекая внимания людей фирмы; заполняют ящики, заколачивают крышки и переносят всё это в кузов фургона. Кстати, машина будет нужна среднего размера, то есть не маленький грузовичок и не большой. Средний.

— Да я понял. Дальше мы всё это перевозим на наш адрес.

— Нет, не сразу. Дальше мы перевозим всё на снятый на сутки склад, там разгружаем машину, отпускаем свидетелей и вызываем грузовик другой фирмы, и уже оттуда перевозим на нужный вам адрес. Там уже сами разберётесь, как это перевозить в Союз. Чай, не в первый раз.

— Это да, — подтвердил Алекс, задумчиво изучая схему резидентуры. — Меня вот только беспокоит, как ты завтра...

— Алекс, не бзди. Всё нормально будет. Ты, главное, обеспечь меня специнструментом, как я просил. Остальное мои проблемы. Всю ответственность я беру на себя.

— Что тебе надо? — деловито спросил он, убирая схему во внутренний карман пиджака.

— Пистолет с глушителем. Пару запасных магазинов и хороший нож. Штык-нож от АК подойдет. Если есть, то можно и нужно что-нибудь из колюще-режущего вермахта. Да и пистолет лучше немецкий. Чтобы к нам след не привел. Вон, тот же вальтер мне очень даже понравился.

— Обеспечим, доставят утром.

— Рано не надо, я до девяти отсыпаться буду. Часикам к десяти подвозите.

— Время контрольного срока?

— В двенадцать я начну операцию. В полпервого твои люди должны будут проехать на машине мимо дома. Я в окошке дам сигнал, что всё в порядке. Например, на втором этаже задерну занавески и выставлю на подоконник два горшка с цветами. После этого они объезжают квартал и ставят машину с черного хода. Машину лучше иметь левую, как ты понимаешь. Дверь я отопру и буду их ждать. К часу к черному ходу должен подъехать грузовик фирмы грузоперевозок с ящиками. Там дальше уже дело техники и времени.

— Как-то всё на живую нитку. Думаешь, сработает план? — с сомнением спросил Алекс.

— Импровизация — наше всё. Не волнуйся, будет нормально.

Обговорив подробности, я отправил Алекса в посольство. Спать этой ночью он явно не будет — надо готовить техническое обеспечение операции. Связываться с Москвой и запрашивать инструкции ему не требовалось, так как в таких случаях, когда горит время, он мог действовать на свой страх и риск и отчитываться руководству о захвате резидентуры по факту.

Наконец Алекс ушел, а я, подхватив пакет с покупками, направился к себе. Переодевшись, постучался к Андрею.

— Чего случилось? — спросил он с сонным видом. Время было час ночи, мы с Алексом долго заседали, поэтому наши уже все спали. Кроме старшого, конечно, который только что прошел к себе.

— Нужно избавиться от этой рубашки. Улика.

— Сжечь или просто выкинуть подальше от отеля? — деловито осведомился Андрей, принимая рубашку.

— Лучше первое, и немедленно.

— Хорошо. Сейчас оденусь и сделаю.

— Спасибо.

Андрей закрыл дверь, а я прошел к соседнему номеру и постучался.

— Что-то еще случилось? — спросил Роземблум. Судя по его виду, он готовился принять душ перед сном. Моя утка об особо чистоплотных французах, похоже, сработала на все сто.

— Разрешите? — кивнул я на номер.

— Проходи, — разрешил тот, посторонившись.

— Завтра я буду задействован в другой операции, — сразу взял я быка за рога. — Поэтому вам придется обойтись без меня.

— Но работа встанет. У нас основные наработки от тебя идут, — сел на край кровати старшой.

— Завтра у нас много что произойдет. Очередная жертва маньяка, несколько убийств в Булонском лесу. Ни прессе, ни полицейским будет не до вас. Так что ведите себя не заметно.

— Насчет маньяка я еще не уверен, а что за убийства в Булонском лесу?

— Завтра и узнаете. Просто примете это как факт. А послезавтра всё войдет в прежнее русло, и возможно, я даже вычислю и сообщу имя преступника.

— Ну, хорошо. Что делать завтра, я понял. Спасибо, что предупредил.

Попрощавшись с несколько растерянным Роземблумом, я вернулся к себе в номер и после душа завалился спать, даже не вспомнив, что так и не успел поужинать.

Разбудили меня работники отеля, как я и просил, ровно в полдесятого. Ополоснувшись над раковиной, чтобы смыть остатки сна, я почистил зубы и, одевшись в гражданскую одежду, спустился в полупустой ресторанчик, где сидели завсегдатаи заведения. Нужно хорошенько подкрепиться перед работой.

Горячий свежесваренный кофе, тосты с яичницей и воздушные круассаны фактически вернули меня к жизни, вырвав из остатков полусонного состояния. Когда я допивал кофе, то заметил через арку входа, как молодой мужчина в плаще, шляпе и черных очках что-то спросил у портье, и тот указал ему на меня.

Парень обернулся и направился ко мне.

— Доброе утро. Я от вашего хорошего знакомого с посылкой, — поздоровавшись, извещал он, а после моего разрешающего жеста присел напротив.

— Уточни, от кого, — попросил я. — А то мало ли. Ходят тут всякие, потом вилки со стола пропадают.

— Я от Алекса-а, — едва слышно прошептал он, нагнувшись поближе в мою сторону, что меня изрядно развеселило.

— Алекс! — громко сказал я, потом продолжил выкрикивать в разные стороны. — Алекс! Алекс! Он от Алекса!.. — потом повернулся к пребывающему в ужасе связному. — Видишь? Всем плевать, чего шепчешься? Посылку принес?

Связного всего трясло от моей выходки, поэтому он то отрицательно, то согласно начал крутить и кивать головой.

— Что, в первый раз, что ли?

— Д-да.

— Ладно, — вытерев губы, я бросил салфетку на стол и встал. — Пошли ко мне. Там закончим.

Поднявшись в номер, я получил от связного посылку и проверил, что внутри, — так, чтобы тот не видел содержимое. Убедился, что всё на месте, и помахал ему ручкой, намекая, что он лишний в моем номере.

Как только связной вышел, я до конца разорвал пакет и стал изучать пистолет с накрученным глушителем. Это был, как я и просил, вальтер. Внутри пакета оставались еще два набитых патронами магазина и штык-нож от карабина «Маузер», что использовали войска вермахта во время войны. Разобрав пистолет, я проверил его, после чего снова снарядил, приготовив к бою. После этого я покрутил штык в руках, привыкая — вспоминая балансировку.

После этого стал собираться. Из закупленной одежды выбрал светло-бежевые штаны из плотной ткани с большими карманами. Рубашку того же цвета (в комплекте брал) и легкую серую куртку. Переодевшись, я убрал пистолет за пояс, штык закрепил под курткой, а запасные магазины убрал в карманы брюк. Сунув деньги в карман куртки — в основном мелочь на такси — подумал, и документы брать не стал. За всё время пребывания во Франции у меня ни разу их не проверили, даже когда пытались неудачно слупить штраф. Так что документы на дело однозначно не берем.

Сообщив на выходе портье, что вернусь с прогулки часам к двум, я сделал заказ на обед, после чего вышел из отеля и пошел по улице, поглядывая на проезжую часть. Мне нужно было поймать такси.

Машины две с шашечками мне встретилось, но обе были заняты. Наконец попалась пустая. Я остановил ее и сообщил адрес. Улица та же, но номер дома я назвал чуть дальше. До назначенного срока начала операции еще была уйма времени, поэтому я зашел в ближайшее быстро и заказал чашку кофе, чтобы не сидеть просто так. Из окон была видна часть улицы, но вот самого нужного дома — резидентуры — к сожалению, нет, поэтому я попил кофе, поглядывал на часы и на прохожих. Меня привлекла машина. Она остановилась примерно в том месте, где находилась штаб-квартира. Плющить лицо под взглядами немногочисленных посетителей и работников быстро не хотелось, поэтому я просто прикинул расстояние. Вроде сходилось. Получалось, прибыл резидент, хотя странно, он должен был приехать раньше.

Жаль только, что была видна лишь часть машины — со стороны водителя и край

багажника. Кто покинул машину, я не рассмотрел, а вот водитель остался внутри... Ан-нет, вон, хлопнул дверцей и тоже вышел. Что ж, без десяти двенадцать. Пора действовать.

Поставив пустую чашку на стол, я вытер салфеткой губы и, скомкав ее, бросил внутрь стакана. Встал, подошел к стойке бара и купил полбутылки рома. Только после этого вышел из бистро и по небольшому проулку направился на параллельную улицу, на которую выходил черный ход нужного мне дома. Главное, не спутать, а то с тыла все дома одинаковые.

Спутать не получилось, у черного хода маячил явный охранник. В темном костюме, пиджаке и фетровой шляпе. Слегка пошатываясь, я направился в его сторону, пытаюсь петь одну популярную в мое время песню. Но срываясь на половине куплета и начиная сначала.

— Чего смотришь?! — наехал я на охранника, сблизившись.

— Чего?! — тот не мог поверить моей наглости. — А ну пошел отсюда, пьянь!

Удара у охранника не получилось, бутылка исполнила неплохую роль дубинки, вырубив того. Со стороны наши движения напоминали конфликт пьяного с трезвым. Правда, дальнейшее не вписывалось в этот образ. Я подхватил охранника подмышки и затащил его в проход, бросив на землю рядом со стеной гаража.

Быстрый шмон карманов показал, что тот вооружен уже знакомым укороченным браунингом. Проход из дома не просматривался, так что я потратил часть времени, чтобы освободить охранника не только от денег и документов, но и от сбруи — надел и подогнал ее под себя. После этого я в упор дважды выстрелил охраннику в сердце и скользнул к дому. Оставлять за спиной живых врагов я не собирался.

В окнах, что выходили на задний двор, никто не мелькал, поэтому я беспрепятственно перебежал к двери. Как и ожидалось, она оказалась закрыта. Ну, в принципе, по-другому и быть не могло. Сунув вальтер за пояс брюк, я пощупал кирпичную кладку стены; немного отойдя, посмотрел на полуоткрытое окно второго этажа; и, зацепившись пальцами за щель в кладке, стал подниматься. Это не заняло много времени. Осторожно заглянув в окно и убедившись, что комната (это оказалась спальня хозяев) пуста, открыл окно настежь и тихо скользнул на пол, стараясь не создать лишнего шума. Встав на ноги, я достал пистолет и снял обувь — подошва жесткая, шумит. В одних носках я прокрался к закрытой двери и прислушался. Откуда-то едва слышно доносились голоса, но откуда, было не совсем понятно. На втором этаже были только жилые комнаты и тайная замаскированная кладовка для хранения архива штаб-квартиры. Надо сперва проверить их, а потом уже заняться первым этажом. Приоткрыв дверь, я выглянул. Коридор и видневшаяся часть лестницы были пусты. Две двери в гостевые комнаты были закрыты, но одна — полуоткрыта. Закрыв свою, я первым делом заглянул в нее. Пуста. В третьей спальне тоже было пусто, но вот в четвертой, когда я приоткрыл дверь, отчетливо расслышал чье-то сиплое дыхание.

Открыв дверь шире, я заглянул. Там у окна на стуле сидел наблюдатель, держа под контролем улицу. В руках у него был самый настоящий английский «стен». Отреагировать на мой бросок он не успел и получил рукояткой пистолета по голове. Стрелять от двери я не мог из-за опасения наделать шума. Толстый ковер на полу заглушил мои шаги, не думаю, что кто-то что-нибудь услышал. Подхватив опадающее тело, я принял одной рукой автомат, положил его на пол и перенес тело на кровать. Обыск показал, что браунинги у британской разведки — штатное оружие.

Освободив британца от всего ценного, я спрятал автомат под кровать и дважды выстрелил в наблюдателя. После чего сменил магазин, проверил пульс и скользнул в

коридор. Голоса, что я слышал, явно доносились снизу, с первого этажа. Скользнув по скрипучим ступенькам вниз, я посмотрел на закрытую дверь в зал, где находилась радиоаппаратура, и проверил сперва другие помещения. Только на кухне обнаружилась женщина. Вырубить ее не составило труда, хотя она и успела схватиться за нож. Убедившись, что она в глубоком беспамятстве, я остановился у закрытой комнаты и, переведя дыхание, толкнул ее и спокойно прошел внутрь, держа пистолет наготове на уровне живота.

— Добрый день, господа британские шпионы. Что, лавры Джеймса Бонда покоя не дают?

В комнате обнаружили троих. Они ошарашенно обернулись к англоговорящему незнакомцу. Один явно был хозяином — лицо его совпадало с той восковой фигурой, что я видел в доме-музее будущего. Да и женщина имела некоторое сходство. Второй мужчина мне был неизвестен — может, какой старший шпион по Парижу. Кто его знает? А вот третий был явно тот, кто мне был нужен. Внешнее описание полностью совпадало. Этой был Марк Беринг.

— Не надо дёргаться. Шансов у вас нет, — подождав три секунды, продолжил я, после того как британцы и их местные прихвостни осознали случившееся.

— Ты кто? — спросил Беринг.

— Сами своих людей подсылали подкупить меня... Не договорились, жадные они у вас.

— Серебряков, — сообщил остальным догадливый хозяин дома.

Шутливо отдав честь, я улыбнулся:

— Это я. Значит, так, граждане шпионы. Садитесь на корточки, зажав кисти рук между ногами... Ага, молодцы. Сидим пока, время у меня еще есть.

Внимательно наблюдая за шпионами, я одной рукой достал из кармана куртки моток веревки, уже порезанной на нужные куски, и, посмотрев на хозяина дома, велел:

— Встать на колени и ползти ко мне, — как только тот это неловко выполнил затекшими конечностями, продолжил: — Повернуться спиной.

Нажав на определенную точку на шее Дифье, подержал, отчего тот потерял сознание. Быстро обыскал и крепко связал. Дернув за воротник, я оторвал его и отбросил в сторону. Хрен его знает, есть там капсула с ядом или нет, но побережёмся.

Так же я поступил со вторым шпионом — тем самым, что мне был незнаком. Только вот с воротником я помедлил. Тот, видимо, что-то решил для себя и, рванув его зубами, явно ухватил за капсулу с ядом. В принципе, он мне был не нужен, поэтому я ладонью закрыл ему рот, чтобы он не вздумал выплюнуть капсулу. Дождавшись, когда он закончит конвульсивно дёргаться, я разогнулся и произвел контроль, после чего перезарядил пистолет, насмешливо поглядывая на Беринга. Нужно оставаться профессионалом в любой ситуации.

Связав куратора, привязал обоих к тяжелому предмету в зале. Того же Беринга — к трубе отопления. Причем так, чтобы они не смогли развязаться. После этого я сбегал за женщиной и, притащив ее в зал, связал и привязал к ножке комода, в котором пряталась аппаратура связи.

Сняв с шеи женщины ключ, я отпер комод и, вытащив аппаратуру, стал снимать крышку с главного блока. Убрав проводок-обманку, что вел к взрывателю, стал вытаскивать взрывчатку — там было два небольших бруска. Всё, взрывное устройство обезврежено. Проверив блокноты рядом с рацией и шифровальной машиной, я довольно улыбнулся. Всё было на месте.

Еще раз проверив, как все связаны, я поторопился наверх. Нужно обуться и выставить знак, что всё в порядке.

С комнатой и занавесками проблем не встало, но, оббегав все комнаты, я не нашел ни одного цветочного горшка, хотя перед фасадом здания были две клумбы, полные цветов. Видимо, женщина отдала всю себя не комнатным, а садовым цветам... курва.

— Блин, я же помнил, в том доме-музее цветы стояли на окне! — воскликнул я и тут же передразнил: — «Всё восстановлено до мельчайших подро-бностей!» Гид — урод.

Мелькнула мысль взять кастрюли на кухне, вырвать цветы из клумбы и так выставить их. Но это фарс, да и выходить не хотелось. В это время послышался очередной шум мотора приближающейся машины, до этого проехала машина с семейством. Выглянув из-за занавески, я понял, что это наши. Один за рулем и двое пассажиров. Тот, что сзади, смотрел на мой дом, выискивая знак. Отдернув занавески — так, чтобы он меня разглядел — я указал на подоконник и развел руками. Ну-у нету-у-у.

Мне повезло, наблюдатель понял мой жест, улыбнулся и кивнул. Задернув занавески, я подобрал под кроватью «стен» и запрыгал по лестнице вниз. Снова проверив, как связаны пленные, стал ожидать появления парней, поглядывая через окно на кухне на задний двор.

Буквально через минуту из-за угла гаража быстро появилась голова паренька в шляпе. Быстро осмотрелась и исчезла. Потом появилась снова. Но уже вместе с туловищем.

Распахнув дверь, я наставил на него «стен» и спросил:

— От кого?

— От Алекса.

— Нормально, пароль прошел. Хватайте охранника, что там валяется, и тащите его в дом. Быстро работаем. Скоро грузовик должен приехать.

— Есть.

Как только паренек передал мои слова тем, кто стоял за гаражом, я отправил его охранять ценных пленных и, пронаблюдав, как два других, пыхтя, затаскивают в дом тушу охранника, велел им бросать его тут же. Только освободить проход.

— Всё, работаем в темпе. Тебя буду называть Первый, — ткнул я пальцем в парня, что нес охранника за ноги; потом во второго, что нес держа под мышки: — Тебя Второй... А ты будешь Третьим. Так, Третий. Продолжай охранять пленных. Первый, на улицу. Ожидай появление перевозчиков. Когда они приедут, берешь первый ящик и несешь его к нам. Он легкий, справишься, а мы со Вторым пока будем готовить всё к вывозу. Итак, разбежались, работаем-работаем!

Поднявшись со Вторым на следующий этаж, я показал, как открывается дверь в тайник и указал на стеллажи с кипами бумаги в пронумерованных папках.

— Всё это нужно спустить вниз и приготовить к погрузке в ящики. Канистру не трогай, там бензин, остальное выметай подчистую. Задание ясно?

— Так точно.

Оставив Второго складывать папки в стопку, чтобы удобнее было таскать вниз, я спустился, прошел через зал и подошел к комоду с аппаратурой и шифровальным оборудованием. Быстро накидав от руки схему подключения прямо на крышке главного блока, я стал разбирать блоки, складывая их у входа. После этого занялся бумагами.

Закончив, я с десять минут отдыхал, сидя на диване и положив ноги на пришедшего в себя хозяина дома, когда, наконец, появился Первый с большим ящиком в руках — где-то метр на шестьдесят сантиметров. Высотой тоже с метр.

— Ну, наконец-то! — воскликнул я и поспешил к задней двери. — Так, Первый, Второй, в этот ящик часть архива — что поместится. Унесете, доставите еще ящики — и продолжим грузить. Не спать, работать!

Надо отдать должное парням, работали они без напряжения и довольно быстро. Заметив, что при переноске Второй запыхался (он работал больше всех), я сменил его Третьим, поставив Второго на охрану. Пусть отдохнет.

Когда архив в трех ящиках оказался в грузовике, мы стали грузить всю аппаратуру и шифровальные блокноты.

Наконец в доме остались только мы и пленные. Второй охранял ящики в грузовике, поглядывая на водителя, а мы, подняв на руки Беринга, погрузили его в последний ящик и начали заколачивать крышку под его пронзительное мычание. Вот никак не думал, что можно выводить такие рулады носом. Парни понесли слегка дергающийся и раскачивающийся ящик к грузовику, а я стался охранять пленных.

Сейчас ящик будет погружен. Первый с водителем поедут на левый снятый склад, где всё разгрузят. Там Первый будет охранять, дожидаясь приезда другого грузовика, а оставшиеся парни, Второй и Третий, обеспечивают изъятие двух пленных из дома. Повезут они их на своей машине.

Через пару минут появился Второй (Третий должен был подогнать машину ближе), и я отчетливо расслышал через открытую дверь, как уезжает грузовик. Значит, всё по плану.

Дальше всё просто. После короткого размышления стало ясно, что в багажнике они не поместятся, поэтому хозяев дома посадили на заднее сиденье. Со стороны казалось, что это просто пассажиры. Даже кляпы у них вытащили, предупредив, что если будут орать, то пристрелят.

Забрав всё оружие, что было обнаружено в доме, и выданный мне специнструмент (про сбрую с браунингом я им не сообщил), парни уехали, оставив меня в доме. По плану, я сам эвакуируюсь, и беспокоиться им об этом не надо. У них задача посложнее.

Проводив их взглядом, я презрительно хмыкнул и по проходу между гаражами вернулся в дом. Пройдя в прихожую, снял ключи от машины и положил их в карман. После этого я зашел на кухню и, взяв разделочный топорик, поднялся в спальню хозяев. Там отсчитал от угла внешней стены два метра восемнадцать сантиметров, отстукал пустоту и, найдя место тайника, стал топориком проделывать дыру. Пыли налетело изрядно, но ничего, пару раз чихнул только. Когда отверстие было проделано, я достал из ниши серебристый чемоданчик типа дипломат.

Положив его на столик и открыв замки вставленным ключом, откинул запоры, подняв крышку.

— Сколько тут? Гид говорила, что было полмиллиона франков, но на первый взгляд тут явно больше, — пробормотал я.

Быстрый пересчет подтвердил мое мнение: в чемоданчике был миллион франков крупными и мелкими купюрами.

— Вот шустики. Похоже, кто-то снял неплохой процент при обнаружении тайника.

Снова закрыв дипломат, я запер его на ключ. Спустившись, прошел к гаражу и отпер замок ключом, что был в общей связке. В гараже стоял обычный такой «Пежо». Найдя лопату, я закинул ее в багажник. Также нашел брезент и тоже убрал в багажник. После этого завел машину и, дав ей прогреться, вылез и распахнул ворота гаража. Выгнал «Пежо», всё запер и поехал к выезду из города.

За два часа я выехал из города и закопал завернутый в брезент дипломат на приметном месте (браунинг я убрал к деньгам, было там немного места). После чего вернулся и бросил машину в трущобах, оставив ключи в замке зажигания. Жаль, ни дом, ни машину сжечь было нельзя, нам нужно было выиграть время.

Отпечатки оставить я не боялся, так как был в перчатках. Бросив машину, я снял их с блаженным видом. За три часа руки в коже успели вспотеть и чесались. При возвращении в отель я бросил перчатки в дурно пахнущий и дымившийся мусорный контейнер, избавляясь от улики. Через полквартиры поймал такси и поехал в свой отель. Естественно, по привычке сообщил адрес в квартале от отеля.

На заказанный обед я заметно опоздал, но повара подогрели, поэтому пообедал-пополдничал я с немалым удовольствием и выдал чаевые (хотя питание входило в стоимость номера) не только официанту, но велел передать и повару. У меня было отличное настроение — тем более можно и пошиковать. В записке семейной четы Диффе я нашел семнадцать тысяч франков. Если считать с теми, что собрал по карманам и бумажникам, почти двадцать выходит, и я уже прикидывал, куда их потрачу. Безотчётные деньги, можно сказать. Ну, понятное дело, часть уйдет парням и Алексу. Творец велел делиться. Они же не знают, сколько я реально поимел. Так что не жалко. Оставлю себе тысячи три, мне точно хватит, остальное раскидаю между парнями и Апполикарпычем.

Пообедав, я тяжело отвалился от стола — суп был выше всяких похвал — и направился к себе наверх. Что я уже выполнил работу, никто не знает. Тем более Алекс сейчас очень занят, и ему не до меня. Почему бы не воспользоваться этой ситуацией и просто не погулять по городу? Ведь сто процентов остальные дни я буду под присмотром парней из нашей группы.

Приняв душ, я вызвал горничную и отдал ей одежду, в которой ходил на дело, чтобы она ее постирала и выгладила. После этого я оделся в сменку и вышел из отеля.

Такси, конечно, удобно, но хотелось бы иметь свою машину и не зависеть от местных перевозчиков. И я отправился в пункт проката автотранспорта.

В прокате рядом с аэропортом был неплохой выбор. Поговорив с менеджером, я узнал тариф и выбрал привычный «Фольксваген», так как за «жучка» просили всего десять франков в день.

— А что это за документы? — с интересом крутя в руках мой загранпаспорт, спросил менеджер.

— Нормальные, — пожал я плечами. — Советские.

— О-о-о. Эсэсэсэр?

— Именно.

Оставив в качестве залога шестьсот франков, уплатил сразу за неделю вперед, тут же заправил полный бак и осторожно выехал на дорогу. Машина мне, конечно, была знакома, но сам я на ней за рулем не сидел. Тем более те «жучки», что я видел, имели съемную крышу. То есть брезент скатывался. У этой же был цельный железный верх, как и у обычных машин.

«Жук» мне понравился. Несмотря на слабосильный мотор, он легко разгонялся и имел на удивление мягкую подвеску. Немного покрутившись рядом с аэропортом, чтобы привыкнуть к управлению, я смело поехал в центр Парижа, иногда нагло сигналив на перекрестках.

Подъехав к своему отелю, я припарковал машину на свободном месте и, закрыв ее на ключ, направился вверх.

— Меня кто-нибудь спрашивал? — спросил я, проходя мимо скучающего портье.

— Нет, меcье. Ни звонков, ни посетителей.

— Хорошо.

Поднявшись в номер, я открыл шкаф и достал чемодан. Он был почти пуст, но все-таки не совсем. В нем лежала кипа бумаг, которые я заполнял все дни пребывания в Париже. Причем времени у меня на это было очень мало, но тексты сорока трех песен иностранных хитов будущего я записал. Вот и собирался их оформить в патентном парижском бюро. Оно же передаст данные, чтобы не было плагиата, в другие бюро. Жаль, в Союзе такого нет.

Оформлять, естественно, буду не на подложное имя Антона Серебрякова, а на настоящее. Фигня, нам к подобному не привыкать. То есть исполню роль собственного поручителя, благо данные собственного паспорта помню хорошо. Правда, внутреннего — загранпаспорта у меня не было.

Спустившись вниз, я попросил у портье папку для бумаг, получил, отблагодарил и направился обратно к машине. Адрес патентного бюро я узнал заранее. Хотя, честно говоря, поплутал, пока не подъехал к нужному зданию. Дальше была рутинная работа. Чиновник по приему аккуратно оформлял текст каждой песни, записывал данные автора, включая контактный телефон — адрес я не давал, — и оформлял. Короче говоря, за два часа мы успели оформить только двадцать три песни из всех. Так как рабочий день в бюро заканчивался, я пообещал прибыть с остальным завтра. После чего подписал несколько бумаг об оформлении и, получив три листа на руки — о том, что эти песни приняты к рассмотрению, — вышел на улицу.

— Уф! Тяжело же было регистрировать, — пробормотал я. Заметив на углу телефон-аппарат, забросил папку в машину, не забыв закрыть ее, и направился к телефону — едва успел занять его до какой-то шустрой и полной тетки. Судя по тому, на каком языке меня облаяли (я ответил на том же), она была из Италии.

Набрав номер телефона, что стоял в выделенном нам помещении жандармерии, я услышал голос Ивана, прямого зама Роземблюма.

— Иван, это Антон. Есть какая информация? — спросил я.

— Да, всё подтвердилось. Сейчас все полицейские чины уехали к месту происшествия. Повезло, ребенок не пострадал, но очень напуган. Роземблюм тоже уехал.

— О как? В принципе, правильно решение. Дай мне адрес, я туда же подскочу.

— Записывай...

Вернувшись к машине, я сразу поехал к месту очередного, хоть и не состоявшегося преступления. Оставив машину чуть в сторонке, я беспрепятственно прошёл через оцепление, махнув корочками (на фига они тут нужны, народу, что ли, демонстрируют, что работают?), осмотрелся и направился к старшим чинам, где мелькала седая кудрявая шевелюра Роземблюма.

Мы находились с тыльной стороны комплекса зданий, в основном развлекательного характера. Улица была узкой и заставлена мусорными баками. Именно здесь всё и происходило.

Заметив меня, Роземблюм отклонялся и поспешил навстречу:

— Что-то случилось? — тревожно спросил он.

— Да нет, я закончил, решил проверить, как у нас в отделе. Вот Иван и сообщил, что

было-таки нападение и вы тут. Решил посмотреть на место преступления.

— Да преступления как такового не было. Маньяк действовал по той же схеме. Встретил девочку на тихой улице. Оглушил и затащил в машину. Когда сюда привез, открыл заброшенный подвал и готовил инструмент, она сумела убежать. По ее словам, она еще в машине очнулась и пыталась развязаться. Когда маньяк отвлекся, убежала. Повезло, что она почти сразу наткнулась на патруль жандармов и сообщила о нападении, но те не успели. Только увидели удаляющуюся машину в конце улицы. Месье Жаржен уже поблагодарил меня за сообщение о точной дате сегодняшнего нападения, из-за чего и были усилены патрули. Жаль, совсем чуть-чуть не успели.

— Это да, — согласился я и осмотрелся. — А что это начальства так мало?

— В Булонском лесу нашли машину с тремя убитыми людьми, — ответил старшой, бросив на меня острый изучающий взгляд. — Тройное убийство, большая шумиха. Тут об этом сразу узнаёт пресса, вот начальство и рвануло туда. Я к такому еще никак привыкнуть не могу.

«Ага, это что же, Жанет они еще не нашли? Сутки ведь почти прошли. Наверное, никто не обращает внимания на спящую девушку в машине. М-да».

— А у них это в порядке вещей, — хмыкнул я.

— Ты сейчас куда?

— Есть еще дела. Сегодня ими буду заниматься, а вот завтра всеми силами примусь за работу. Думаю, сегодня можно будет подтвердить дату сроков поимки преступника. Чую, что я на верном пути. Посол наш уже теребит. Что-то у них там намечается. Хотят что-то от Франции получить под это дело.

— Хорошо, я обратно. Нужно быть в курсе всего... Ты что, на машине? — удивился старшой.

— Взял в прокате на неделю.

— А права?

— У меня их и нет. Если никто не останавливает и не спрашивает, так зачем они?..

До вечера я отдыхал душой, катаясь по улицам Парижа и знакомясь со всеми его сторонами жизни (в основном темными). Под вечер уже вернулся в отель. Алекс так и не появился. Звонок в посольство дал мне понять, что всё в порядке, просто все очень заняты.

* * *

— Ты уверен в этом? — наклонившись ко мне, спросил Роземблум. Я продолжал сидеть за столом среди разложенных уголовных дел, поэтому только устало кивнул.

— Точно. Этот Ромул Леонсо стопроцентно знает преступника и покрывает его. Нужно только допросить Леонсо и узнать имя маньяка. Можно и дольше поработать, завтра-послезавтра я сообщу имя преступника. Но так действительно быстрее. Я еще утром зацепился за него, а сейчас, к вечеру, уже уверен. Он знает. Он свидетель одного из преступлений.

— Почему он молчит?

— Из сорока семи лет тридцать он провел за решеткой. К тому же у него самого первый срок за изнасилование несовершеннолетнего. Полицейских он ненавидит, а поступки маньяка особым преступлением не считает, вот такая извращенная логика. Не маньяк, но

близкое существо.

— Вот мразь! — воскликнул стоявший рядом Иван. Остальные присутствующие в комнате одобрительно загудели.

Этого Леонсо в моем будущем осудили как сообщника, увеличив его вину за недоносительство, из-за чего дополнительно погибло семь детей, пока маньяка не поймали. Вот я его и подставил под полицейских.

— Нужно сообщить сотрудникам департамента о наших выводах, — решил Роземблум. — Надо брать его сегодня.

— Да, без них там делать ничего, — согласился я, протягивая листок бумаги старшему. — Вот его адрес. Разрешите участвовать?

— Можно.

Роземблум ушел извещать французское полицейское начальство об успехах расследования, а мы стали готовиться к выезду. Поучаствовать решили все.

Откинувшись на спинку стула, я хоть и устало, но довольно посмотрел на ребят. Вчерашний день по захвату британской резидентуры прошел более чем удачно. Вот я и решил посвятить сегодняшний день разоблачению преступника и тянул до вечера, закопавшись в горе уголовных дел. Может, и зря, но зато никто не скажет, что я взял имя с потолка. Всё это есть в материалах дела. Тот же Леонсо трижды проходил в разных делах как свидетель.

Только одно меня слегка беспокоило — долгое отсутствие Алекса. Похоже, он что-то такое накопал, допрашивая захваченных британцев и изучая документацию, что ему не до нас. Да и в посольстве явный переполох. Я это заметил, когда звонил туда в обед.

Похоже, захват резидентуры был в цвет, и местные готовились к передаче всех материалов и живых свидетелей в Союз, ожидая дождь наград и поощрений. Ничего, день-два — и я узнаю подробности.

Деньги я особо не тратил, да и раздавать среди своих пока не спешил, нужно было встретиться с Алексом, была одна задумка. Мои и так переваривают новость, что у нас теперь есть свои колеса. Вот Роман с Иваном подходили, спрашивали попользовать ее на сегодняшний вечер. Мне не жалко, дам. Мне же не надо таскать на себе многочисленные покупки для родных. Парни, похоже, тратят последние сантимы перед отправкой домой. Ничего, скоро я их порадую.

В это время к нам заглянул Иван, сообщив, что машины готовы, как и дежурные подразделения полиции. Надев фуражку, я последовал за остальными.

Ехали мы с помпой и даже с сиренами и мигалками. Весело тут ездят на захват преступника. А ведь Леонсо самый настоящий преступник, фактически сообщник, и кровь последних детей и на нем тоже.

В этот раз я сидел в одной машине с Роземблумом и слушал его душевный монолог о работе французских полицейских, изредка похихатывая на особо смачных перлах. Благо переводчиков-соглядчиков от местных с нами не было, а то даже в кабинете слово не скажи — слушают, гады. Нет, всё-таки молодец посол Вормсер, что продавил нашу свободную работу. Местные чины только и смогли, что подсунуть нам своих переводчиков для помощи в работе, отказавшись от наших посольских. Но главное, переводчики работают очень хорошо и не мешают, а то, что явно фиксируют и докладывают каждое наше слово... Что ж, хоть так.

— Если нам будет сопутствовать успех, нужно сообщить об этом французскому послу. Заслужил, — сказал я, когда старшой наконец выдохся.

— Это да. Прикрывал нас он от своих очень хорошо. Вон, даже не помешали ни разу. Мелкие стычки не в счёт. Да и отношение к нам видел, какое доброжелательное?

— Не такие они белые и пушистые, — сообщил вдруг водитель из нашего посольства, поворачивая следом за полицейским фургоном, что ехал впереди. — Мы уже трижды наблюдали слежку за вами и попытку прослушивания. Кстати, к товарищам Серебрякову, Антонову, Ющенко и Романенко не было приставлено ни одного человека. Только к вам и вашему заму Ивану Теплову.

— Для местных полицейских это удар по репутации, — усмехнувшись, сказал я. — Замечу, сильный удар, раз правительство решило привлечь для расследования сыщиков других стран, фактически подтвердив несостоятельность местных правоохранительных служб. Так что я не удивлен, я бы удивился, если бы слежки не было. Капитон Апполикарпович, а что, если на пресс-конференции вернуть фразу о том, что при совместной операции с французской полицией мы обезвредили преступника и его сообщника, и так далее? Думаю, это наладит хорошие отношения с высшими полицейскими чинами. А то в них кто только не плюет и дармоедами не называет! Спасибо демократической прессе.

— Надо подумать и посоветоваться с нашими парнями из посольства. А то я тогда выступил со сроками поимки и вызвал их недовольство. Говорили, что не надо называть точные даты. Сам думаю, что зря пошел у тебя на поводу.

— Да вы не волнуйтесь, я уверен в успехе. Более того скажу вам: возможно, мы сегодня возьмем маньяка, если разговорим Леонсо прямо на месте задержания... О, приехали.

— А эти откуда взялись?!

Причина возмущения Роземблюма была очевидна. Кроме машин полиции и самих полицейских, частью уже штурмующих одноэтажный частный панельный дом, частью стоявших в оцеплении, я увидел фургон с логотипом телекомпании, рядом с которым сустились телевизионщики, устанавливая громоздкую камеру.

— Кто-то в департаменте явно сидит на подкормке у прессы. Причем не в слабом таком чине. Хотя, может, это кто-то из диспетчеров, — в ответ предположил я.

Мы, конечно же, не участвовали в захвате, но вот наблюдали с интересом. Особенно за тем, как один полицейский вылетел в окно. К нему тут же подскочили два жандарма и оттащили в сторону. Дом реально ходил ходуном, отчётливо доносились вопли и команды, но всё перекрывал какой-то медвежий первобытный рев. Наконец в проеме двери показались помятые полицейские, окружившие огромную тушу, обмотанную веревками, которую они сопровождали к машине. Та вращала бешено глазами и пробовала на прочность веревки. Пострадавшему полицейскому, что вылетел из окна, уже оказывали медицинскую помощь. Еще двух вывели под руки (у одного всё лицо было в крови), и судя по тому, как забегали подъехавшие медики, в доме еще кто-то оставался, кому требовалась квалифицированная медицинская помощь.

— Ого, как они его взять сумели? — ошарашенно спросил Роземблюм.

— Как-то взяли, — с не меньшим удивлением и уважением ответил я.

Мы находились в частном секторе, и хоть народу было не так много, всё равно за нами наблюдали. Совсем рядом находился комплекс трехэтажных домов, где сдавались квартиры, — балконы там оказались оккупированы зрителями.

— Нужно сразу с ним поговорить, — сообщил я Роземблюму. — В департаменте как бы не было поздно.

— Согласен.

Дальше я стоял у машины с нашими парнями и наблюдал за работой старшего. Первым делом он повелительным взмахом подозвал закрепленного за ним переводчика, что жался неподалеку, и направился к трем старшим чинам. Я до сих пор в их званиях не разбирался. Комиссары вроде бы они были. В течение минуты велись переговоры. За это время штурмовая группа подвела громилу к фургону и попыталась затолкнуть его внутрь, но тот упирался ногами. Кого они брали, штурмовики знали, поэтому не стеснялись работать дубинками по ногам. Тот ревел, но всё равно не давался, крутясь и упираясь.

Заметив, что Роземблюм машет мне рукой, я оставил парней с интересом наблюдать за зрелищем у фургона и трусцой поспешил к начальству, демонстрируя прыть подчиненного.

— Я объяснил ситуацию, — отошел на пару шагов в сторону старшой, обрисовывая мне диспозицию. — Комиссар Жевьен согласился на допрос. Только выставил условие, чтобы присутствовали его люди.

— Да проблем нет.

Когда я в сопровождении чинов и других полицейских приблизился к месту побоища, там как раз отлетел в сторону очередной полицейский после хука ногой громилы. Я встал и принялся с интересом его разглядывать.

«М-да. Такого пытками быстро не сломаешь. Такого можно только победить, и никак иначе», — прикинул я и, подозвав старшего группы, велел ему развязать задержанного. Тот посмотрел на меня, как на психа, и перевел вопросительный взгляд на начальство. Видимо, получив разрешение, отдал несколько приказов и велел выставить оцепление, чтобы задержанный оказался внутри. Молодец, понял ситуацию.

Сперва громила не поверил, что его оставили в покое, только переводил взгляд с одного полицейского в оцеплении на другого, тяжело переводя дыхание. А когда двое полицейских освободили его от верёвок, вообще обрадованно расправил плечи, разрабатывая затёкшие руки.

— Мне нужно только имя, — сказал я, проходя на импровизированный ринг. — Скажешь имя, останешься цел. У меня есть все необходимые разрешения на твой допрос. А то, что ты его можешь не пережить, никого не волнует.

Громила перевел взгляд на меня и с недоумением разглядывал, как незначительную блоху. Со стороны мы так и смотрелись: слон и стоящая рядом с ним моська.

Хрипло зарывав, тот направился в мою сторону, заходя слева. Часть оцепления колыхнулась ко мне, чтобы прикрыть, но я остановил их жестом руки. Как побить противника, который весит в четыре раза больше тебя? Надо использовать тычковые удары и захваты с использованием веса противника. Только так, и никак иначе, сказал бы Петрович, мой первый инструктор в этом мире. Я бы добавил подручные средства, нож или пистолет. Против таких все средства хороши, но в данном случае его нужно было именно победить. То, что его скрутили полицейские, он за победу не считал.

Как только он приблизился и на последних метрах рванул ко мне, я нанес два молниеносных удара. Отсушив ему левую руку, взял на излом правую и, используя вес противника и большую часть его массы с инерцией движения, бросил-швырнул в сторону фургона. Я почти не использовал никаких усилий, вся хитрость в том, чтобы использовать его массу и инерцию движения.

Вы когда-нибудь видели, когда худенький, но крепкий на вид паренек хватает здоровяка хитрым приёмом и банально швыряет того в сторону машины, от чего та чуть не переворачивается, да еще закручивает при этом вокруг своей оси? А французские полицейские и часть зрителей на балконах видели очень даже хорошо. Ладно, хоть пресса этого не заметила из-за оцепления. Подскочив к ошарашенному громиле (на то, что на боку фургона отчетливо отпечаталось тело здоровяка, я тактично не обращал внимания) и схватив его за космы, запрокинул голову и, холодно глядя в глаза, спросил:

— Так ты скажешь мне имя, или мне переломать все твои кости?

— Это Матт. Это он. Матт Решке, — указал пальцем в сторону одного из балконов здоровяк. Стоявший там не особо крупный мужчина, с интересом наблюдающий за захватом, дернулся, отшатнулся и быстро скрылся в квартире через балконную дверь.

Подошедший ближе командир группы захвата среагировал молниеносно:

— Взять! — и сам ломанулся вперед.

Большая часть полицейских рванула следом ко входу в комплекс, но нашла и светлая голова, что отправила часть полицейских в оцепление вокруг дома. Шестерка оставшихся под моим присмотром связала безвольного Леонсо и отвела его в фургон. Захлопнули двери, и грузовичок, просевший на один бок, сорвавшись с места, под вой сирены увез сообщника маньяка.

— Весело, — буркнул я, покосившись на подошедшего Ивана.

— Это да. Сейчас всё начальство с прессой беседует. Старшой там же. Уже дает интервью. Сейчас еще начальства понаедет. Новость о захвате маньяка уже расползлась по верхам, она перебила даже информацию про бойню в Булонском лесу, о которой сейчас трещат все газеты.

— Так не поймали еще маньяка-то, — удивился я.

— Похоже, никто и не сомневается, что это произойдет. Лягушатники, что еще скажешь?.. Что это они там кричат?

— Похоже, поймали, — прислушался я. — Пойдем, узнаем подробности.

Всё выяснилось, когда страсти немного улеглись. Маньяка действительно поймали, и сделала это не группа захвата, а простой жандарм из оцепления. Его сейчас как раз перевязывают у кареты скорой помощи. Поглядывая на невысокого жандарма, который со смущенной улыбкой слушал врача, перевязывающего ему голову, я понял, что скоро во Франции появится новый национальный герой, задержавший известного, благодаря прессе, маньяка.

Как выяснилось, преступник черными ходами ушел от группы захвата и, перепрыгнув через забор, столкнулся с нашим героем. Завязалась драка, жандарм, будучи куда меньше преступника, просто спеленал того руками, прижав его руки к телу. Маньячина, оправдывая прозвище Парижский мясник, данное народом, ухватил жандарма за ухо и принялся его грызть. Но тот молодец, настоящий герой, терпел и не отпускал, пока не подоспела помощь, хотя тот успел сожрать пол-уха. Так и был задержан этот легендарный преступник с окровавленным лицом и жутким оскалом.

Всё это я объяснил парням, сообщив в конце:

— ...мавр сделал свое дело, мавр может отдыхать.

— Да-а. Интересная история, — протянул Андрей. — Значит, скоро домой.

— Ну, не совсем скоро, неделя у нас точно есть. К тому же есть приятный бонус. Помните, я отсутствовал вчера? Так вот есть трофеи в местной валюте. Вечером поделим на

всех, так что будет вам, на что подарков родне и себе накупить.

— О как? — удивился Иван. — Это согласовано?

— Откуда? Деньги не подотчетные. Говорю же, трофеи. Так что особо не шикуйте и закупайтесь в меру. Вечером попробую с Алексом встретиться, должен он уже освободиться и пробить вопрос доставки наших закупок в Союз, а то, боюсь, багажное отделение самолета всё не вместит.

— Да мы не так много и закупили, — удивился Иван. — Хотя да, потратились изрядно.

— Так я и не про вас говорю. Хотя когда деньги будут, можете и меня догнать. Обогнать вряд ли, но догнать — точно.

— Ясно, — рассеянно ответил Иван. — Дело мы свое сделали — значит, будем встречаться с прессой.

— Это точно, — хмыкнул я, так как меня эта чаша точно минует, а вот судя по кислому виду Ивана, он знал, что будет сопровождать Роземблюма на все выезды и встречи. — О, смотрите. Скотландярдовцы приехали. Пошли, позлорадствуем...

* * *

Промычав что-то, я оторвался от теплого девичьего бока и, перевернувшись на другую сторону, прижался к другому, более фигуристому.

Вчера вечером сразу после окончания поисков маньячины мы отметили завершение работы в тихом кругу в нашем отельном ресторанчике. Даже лейтенанта, то есть юнкера Шмидта пригласили. Тому семьдесят лет, а выпить в хорошей компании не дурак. Также под конец заскочил наконец освободившийся Алекс. Судя по темным кругам под глазами, в последний раз отдыхал он давненько.

Поздоровавшись со всеми, он быстро похватал со стола закусок, выпил один стакан за празднество и отвел меня в сторону.

— Есть что? — спросил я, когда мы сели за свободный столик в углу.

— Тут рассказывать не буду. Но сведения получены такие, что из Москвы уже прилетела группа и сейчас работает, — Алекс понизил голос и прошептал: — Говорят, там наверху уже кого-то задержали. Чуть ли не генерала. Сам слышал от приезжих. Так что крути дырку под орден. Сейчас всё захваченное переправляют в Москву. Уже должны границу пересечь, так что всё нормально, отлично поработали. Как ты и просил, я описал захват так, что ты там проходишь краем, только как специалист по захвату. Потом только рапорт напишешь, и всё.

— Есть еще новости? — спросил я, осмысливая информацию. Много мне Алекс сказать не мог, но и этих намеков вполне хватило.

— Да. Сменилось руководство комитета. Сейчас начальником стал какой-то Андропов. Не слышал про такого?

— Краем уха, — рассеяно ответил я, прикидывая, что может измениться в моей судьбе. Вроде как ничего. — Ничего особенного сказать про него не могу. Кстати, хорошо, что ты приехал, пора делить трофеи.

— Какие еще трофеи?! — изумился Алекс. — Ты что, не всё сдал?!

— Алекс, личные трофеи — это свяшенно. Пошли ко мне, твою долю отдам, ты же участвовал в операции.

— Но... Подожди! Но я не могу взять, это всё требуется сдать.

— Ага, щас-с. Алекс, ты думаешь, я просто так ввязался в эту историю? На хрена мне это надо? Я, конечно, махровый патриот, но у меня уже было свое задание найти маньяка, которое я, кстати, выполнил. Ловить шпионов — это не моя работа... если, конечно, меня материально не заинтересовать. Я заинтересовался, в результате у вас те, кто вам нужен, а у меня то, что нужно мне, то есть определённая сумма иностранной валюты для личного пользования, а то, что выделили, это слезы одни. Так что всё, что я взял, поделил на равные доли. Тебе как старшему чуть больше. Парням, что участвовали в вывозе, по тысяче франков, тебе три.

— Это большие деньги, — задумчиво протянул Алекс.

— Конечно, причем полученные за работу и не подотчетные. Это еще не всё, готов накинуть пятьсот франков сверху за небольшую помощь.

— Что хочешь? — заинтересовался куратор. Похоже, он уже мысленно принял деньги, так что еще одно предложение его заинтересовало.

— Ничего незаконного. Сам понимаешь, деньги у нас теперь есть, и купить мы знаем что, но как всё это вывезти? Мне одному только женского белья до тонны везти надо. Родственников, особенно женского пола, много, — пояснил я на большие глаза Алекса.

— Понятно. Ну, с вывозом как раз не проблема, это моя специализация. Подгоним вам морской контейнер — и заполняйте его. Потом отправим в Марсель, погрузим на наш сухогруз, и тот доставит контейнер в Ленинград, — мгновенно решил вопрос по поводу груза Алекс. — С таможенниками вопрос решим — это не сложно.

— Вот и отлично. Пошли ко мне наверх, решим основную проблему.

— Пошли.

У себя в номере я передал Алексу его три с половиной тысячи и три штуки велел передать парням, что работали со мной в резидентуре. Алекс, конечно же, их может зажать, но честно говоря, это его проблемы и всё на его совести. Я свое дело сделал.

Потом Алекс немного погулял с нами, сообщил всем официально, что в посольстве через пять дней будет праздничное мероприятие, а точнее бал — по поводу окончания расследования, и пригласил всех нас туда как основных и главных гостей, пообещав прислать приглашения чуть позже. После этого он нас покинул, отправившись по своим делам.

Чуть позже я пригласил к себе Роземблюма. Тот сперва не понял, что я от него хочу, но потом кивнул, и мы поднялись ко мне в номер.

— Командир, помните, вы вчера разрешили мне отлучиться и прикрывали от всех?

— Было дело.

— Так вот, дело я сделал и даже получил некоторые дивиденды. Получите свою долю, — протянул я старшему тоненькую пачку банкнот.

— Что это? — с подозрением спросил Роземблюм, даже не прикасаясь к деньгам.

— Это? Три тысячи франков. Это трофеи, я сразу поясню, чтобы не было недопонимания. Они не проходят ни по каким бумагам. Но начальство о них знает, решило, так сказать, поощрить нас. Но просило особо не афишировать это.

Приняв деньги — с ними и у старшего были проблемы, хотя ему дали триста франков — он спросил, убирая их в карман:

— С остальными что?

— Ивану две тысячи, остальным по полторы. Мне три как непосредственному

участнику.

— Справедливо, — кивнул старшой и спросил: — А вот...

— Насчет перевозки возможных покупок я договорился с Алексом. Он предоставит нам морской контейнер для перевозок. Но сразу предупреждаю: полконтейнера мои, остальное ваше. Там морем до Ленинграда, а забрать оттуда уже труда не составит. Своя страна.

— Это да, — согласился Роземблум. — Самому-то зачем столько места?

— Для тряпок. Как это ни смешно звучит, но самые ходовые подарки среди моей родни — это нижнее белье. Особенно кружевные комбинации и купальники. Не привезу — голову оторвут. Оно весит мало, но объем большой. Вот поэтому и места много надо. Ну, и мелочь всякая, конечно.

— Что, такой хороший подарок? — заинтересовался старшой.

— Узнаете, когда привезете. Особенно когда ваша жена подругам похвастается обновками.

— У меня ещё дочь есть.

— Тем более. У меня только отцу надо привезти пару ящичков эксклюзивного пойла. Он очень большой ценитель. А друзей сколько? У-у-у...

Роземблум ушел в ресторанчик продолжать праздновать, а я вызывал парней по одному и вручал деньги. Отказавшихся не было, только деловито узнавали, когда будет тара для перевозки. Слухи среди своих разошлись мгновенно.

Дальше я повстречал двух туристок-шведок и пил с ними на брудершафт. Вечер, как водится, закончился у меня в постели.

«Что ж меня разбудило-то?» — сонно подумал я, по привычке погладив ягодицы ближайшей обнаженной нимфы.

В этот момент раздался повторный стук в дверь, и я понял, что меня разбудило. Осторожно встав, чтобы не растряссти голову, подошел к двери, отпер и открыл ее.

— Ты бы хоть оделся и не тряс причиндалами, — сказал отвратительно бодрый Иван.

— Что надо? — не совсем вежливо спросил я. — Видишь, болею?

— Тебе машина нужна? У нас с Апполикарычем окно образовалось до обеда, вот и хотим проехаться по магазинам.

— Не нужна пока, — походкой зомби дотопав до буфета, взял со столешницы ключи и отдал их Ивану.

— Права точно не нужны? — уточнил он.

— Меня ни разу не остановили, — сонно пробурчал я. — А раз не останавливали и не спрашивали — значит, не нужны. Мы сейчас в фаворе, остановят — корочками помашите. Фигня, свои люди, разберёмся.

— Ну ладно, бывай, — бросив еще один взгляд на спавших шведок, сказал Иван, и я закрыл за ним дверь. После чего протопал до кровати и завалился спать дальше.

В следующий раз разбудили меня несколько нетривиальным способом. Образно говоря, возбудила и на меня взобралась одна из девчонок-шведок. Судя по звукам из ванной, вторая была в душе. Такое пробуждение мне очень понравилось, правда, я был слегка не в форме, с перегаром, да еще и небрит, но быстро исправился... в первом случае.

Под конец, когда я близился к финалу, к нам присоединилась вторая. Как чуть позже выяснилось, так девушки прощались, они торопились на поезд.

Вместе с ними пополдничаю, посадил в такси, заплатив водителю, и отправил на железнодорожный вокзал. Девчата говорили только на родном наречии.

— Привет, — бодро поздоровался я с Романом, который сидел в ресторане и со страдальческим видом пил кофе.

— Ой, не ори, — сморщился он.

— Что, головка бо-бо? А не фиг было вчера на спор с Кузьмичом литр вискаря выхлестывать. Кстати, а кто победил? А то я раньше свалил.

— Не помню, я на третьем стакане... уснул. А как ты уходил, помню. С тобой еще две белобрысые француженки были.

— Не, это шведки. Ни фи́га по-нашему не понимают, какой-то редкий диалект. Я пять языков знаю, и то пришлось жестами с ними общаться. Кстати, они мне только сегодня на пальцах объяснили, что вот этот жест, — я показал мастурбирующие движения, — которым они меня вчера пригласили покувыркаться в постели, ну это как я понял, оказывается, была просьба воспользоваться туалетом. Пока одна заседала на фаянсовом друге, я другую окучил. Ну, а там так повернулось, что повеселились изрядно. Сейчас их в такси посадил и отправил на вокзал. Оказывается, они еще вчера должны были уехать на вечернем поезде. На море уехали.

— Как-то у тебя с ними всё просто. Какие они у тебя по счету?

— В Париже? — уточнил я.

— Ну, да... и говори тише.

— Шестая и седьмая. А что?

— Да больно уж легко ты их сговариваешь. Последние даже языка не знали, а всё равно смог. Ну вот как?

— Личное обаяние и шикарная улыбка.

В это время к нам подошел что-то весело насвистывающий Андрей и, поручкавшись с каждым, знаками показал официанту, что хочет яичницу с беконом и чай. Закончив с составлением заказа, он грозно добавил официанту:

— Еще раз ведро кипятка принесешь, я тебе его на голову надену, — повернувшись к нам, пробормотал: — Лягушатники, пусть русский учат.

— Я плохо на тебя влияю... Ты бы меня попросил заказ сделать, — отсмеявшись, сказал я. — Хоть не будешь шокировать присутствующих тут дам, показывая на себе, что ты хочешь прожаренную яичницу и отбивную.

— Да ладно, — отмахнулся тот. — Антон, вчера я видел, как ты сразу двоих уговорил. Как?! Научи.

— Что, лавры Казановы-Серебрякова покоя не дают? — усмехнулся я. — Бери пример с Романа — женатый человек. Такие не озабочиваются. Это ты, холостяк, на всех девушек голодным взглядом смотришь.

— Ты так и будешь разводить политесы? Просто объяснить не можешь? — обиделся Андрей.

— Да мне не трудно, только мой метод тебе не подойдет.

— Сперва попробовать надо... Тьфу, ты что мне притащил?! — увидев доставленный заказ, возмутился Андрей. — Я яйца с прожаренным мясом просил и чай, а не... а что это такое?

Узнав у официанта, что за заказ он доставил, я перевел:

— Бычьи яйца в собственном соку с майонезом. Сарделька с тостами и настой на

травах. Не фиг было на себе показывать. Говорит, что нечасто им делают такой заказ, ты второй за день. Говорит, хорошо, что повар сделал большие порции, вон даже тебе хватило. Интересно, кто из наших был первым заказчиком сегодня? И знал ли, что он ест?

Рядом молча трясся от смеха Роман, слушая мой перевод и глядя на бледнеющего Андрея.

— Бэ-э, — сморщился Андрей.

— Зря ты так, это, между прочим, довольно вкусно. Даже ценители есть, — с совершенно серьезным видом добавил я.

Наконец я отменил заказ, а то Андрей уже стал цветом похож на любимое земноводное лягушатников. Когда Андрей немного пришел в себя и попил кофе, принесенный официантом, то спросил:

— Так что насчет знакомства с девушками? Научишь? Будь уверен, я способный ученик.

— Забьемся на десятку франков? — хитро прищурившись, спросил я.

— Зная твою страсть к шуткам и розыгрышам, я сперва узнаю, что это за метод, тогда и посмотрим, — настороженно посмотрев на меня, протянул Андрей.

— Да способ простой. Смотри, берем французскую статистику. Подходишь к девушке и говоришь: «Можно мне вас отчпокать?» В трех случаях ты получишь по морде, в двух оскорбят словесно, одна пригрозит пожаловаться мужу, ну а четыре согласятся. Вот вчера шведки попали в ту самую четверку.

Сбоку закашлялся Роман, пытаюсь скрыть смех, но потом страдальчески сморщился и схватился за голову.

— И что, вот так просто согласились? — недоверчиво смотрел на меня Андрей, покосившись на соседа.

— Конечно. Вон, например, видишь, сидит одинокая дама лет двадцати пяти и демонстрирует свое глубокое декольте? Ставлю двадцатку — она сразу согласится.

— Разбей, — велел Андрей Роману, протягивая мне руку, потом он деловито спросил: — Что там говорить надо?

Я честно перевел Андрею фразу на французский язык, минуты две он её вполголоса повторял, запоминая. После чего встал и направился к привлечшей мой взгляд женщине. А я достал из кармана стопку купюр и горсть монет, собираясь отсчитать проигрыш. Пронаблюдать тот спектакль, что сейчас будет, десятки мне было не жалко.

В это время Андрей подошёл к женщине, что строила из себя этакую светскую львицу, наклонился и явно выложил заученную фразу. Дама слегка наклонилась назад, глаза ее ошарашенно расширились. Рука дрогнула для замаха, но... тут она вдруг кивнула, встала, подав руку Андрею, и они направились к лестнице.

Мы с Романом проводили их озадаченными взглядами. После чего он пробормотал:

— Я думал, ты шутил.

— Я тоже так думал, — почесав затылок, ответил я, после чего убрал деньги обратно в карман. — Целее будут.

Тут подошел официант и сообщил, что меня приглашают к телефону.

— Это Алекс, наверное. По времени он должен быть. Пойду, узнаю.

Дойдя до стойки местного ресепшена, взял у портье трубку и сказал:

— База торпедных катеров Северного флота, дежурный мичман Череззаборногузадерищенко у аппарата.

— Антон? — услышал я осторожный вопрос с той стороны.

— Я это, я. Ну, что там с нашим делом?

— Фу, я уж думал... Всё сделал. Новенький двадцатитонный контейнер дожидается тебя на территории железнодорожных складов. Записывай адрес и номер контейнера...

Вернувшись к Роману, я сказал:

— Есть тара для перевозок. Я сейчас съезжу проверю, и начнём его набивать.

— Угу.

Чтобы не беспокоить меня, начальство оставило ключи от машины у портье. Я забрал их, вышел на улицу, посмотрел на полуденное солнце и, довольно улыбнувшись, направился на поиски машины. Она нашлась чуть дальше от отеля, чем я предполагал. Видимо, только тут было свободное место.

Запустив двигатель, я посмотрел на уровень топлива и понял, что надо заехать на заправку, иначе далеко не уеду.

До самого вечера я крутился по городу и пригороду. Заправившись, поехал на склады, где у местного работника по книге учета узнал, где стоит зарезервированный для меня контейнер. Он обнаружился неподалёку от въезда, поэтому я подкатил сразу к нему. Первым делом выяснилось, что закрывается он просто на запор одним словом — надо купить замок, чтобы запирать. Потом проверил сам контейнер. Как и оказалось, он был девственно пуст. Закрыв его, я направился в супермаркет, где в хозотделе купил навесной замок с четырьмя запасными ключами, молоток, толстый карандаш и коробку гвоздей-соток. Потом на обратном пути, заметив телефон-автомат, припарковался и позвонил в фирму грузоперевозок. Телефонного справочника на месте не оказалось, но не беда, я возил такой же с собой. Стащил в другом телефон-автомате. Французы — наивные, оставляют их в телефонах на специальных полочках. Хоть бы цепочками прикручивали, чтобы не воровали.

Слушая гудки, я надеялся, что попал не в ту фирму, одной из которых пользовался Алекс позавчера при перевозке оборудования штаб-квартиры британцев.

В этой фирме я заказал восемь ящиков метр на метр для себя и еще для парней по большому ящику. Хватит им пока. Надо будет еще — дозакажут. Сообщив адрес и попросив привезти в течение часа, я направился на склады.

Пока ожидал машину с фирмы, проверил, как работает замок и входит ли он в узкое отверстие дужки. Подходил идеально, как будто для него сделано. Наконец подъехал грузовик, я подписал пару бумаг, принял ящики и оплатил доставку, как и сам груз. За пару франков экспедитор и водитель занесли ящики в контейнер, крышки были занесены отдельно. А вот гвозди, как оказалось, я зря покупал, они были в комплекте.

Поскрипев по днищу ящиками, я утащил свои в дальний угол, сделав коридор посередине, и приготовил их для загрузки. Молоток и гвозди сложил у входа — кому-нибудь пригодятся закрывать свой ящик. Заперев контейнер, я вернулся в нагретый на солнце салон «жучка» и, выехав с территории складов, погнал по «магазинам». По «магазинам» в кавычках, заметили? Это только идиот берет крупные партии в магазинах, чтобы жирели на наших нетрудовых доходах буржуи Запада. Не, мы пойдем другим путем. Опт — наше всё.

Требовалось только выяснить, где находятся склады с разными товарами, и нагло поехать прямо туда. Выяснить труда не составило: обзвонил по телефонной книге часть дорогих магазинов и, представляясь сотрудником налоговой службы, банально спрашивал, откуда они берут товар. За двадцать минут на телефоне я узнал всё, что мне было надо. Четыре крупных магазина закупились на складах одной фирмы с самым разнообразным товаром, и эти склады располагались в одном месте. Выяснив адрес, я вздохнул, покачал

головой и поехал обратно туда, где стоял мой контейнер.

Узнав у служащего, где находятся нужные мне строения, повернул налево и поехал к серебристым ангарам, откуда слышался шум приближающегося товарного состава.

В ангаре загружались два грузовичка с эмблемами брендовых магазинов, которые заявляли, что вся их одежда индивидуального пошива (ага, как же), и, найдя завскладом, узнал у него насчет продажи в частные руки. Как оказалось, в этом не было ничего необычного, владельцы даже поощряли сотрудников продавать товар на сторону. Главное, чтобы это было оформлено и оплачено. Цены были фиксированные, то есть не поторгуешься. Фигня, сто франков на руку завскладу — и я закопался в товарах, разглядывая этикетки и откладывая понравившееся в сторону. Сколько я эротических комбинаций набрал, красного, розового, белого и черных цветов, уму непостижимо. На три ящика точно. По обуви тоже прошелся, хорошая в Союзе — дефицит. Парни из моей группы вон уже давно в местную обувь переобулись. Все довольны. Наша, конечно, очень прочная, особенно бить бандюгов по почкам, но вот с внешним видом и удобством — проблемы. В одном углу ангара, пробегая мимо с пакетами, даже нашел лодку на перевозном прицепе. Нет, на самом деле — настоящая двухместная мини-лодка. Маленькая, метра два на метр, с мощным мотором. Срочно позванный завскладом, который в это время пил чай в каптерке, подошел и сообщил, что это штатовская мини-лодка, отданная им в уплату долгов. Хозяевам она не нужна, выставили за тысячу триста франков. Именно столько были должны заемщики.

— Тысяча триста? — у меня в уме сразу застучали фишки бухгалтерских счетов, подсчитывая финансы. Вроде на пределе, но хватает. — Беру. Деду подарю, он у меня рыбачить любит.

Я четырежды ездил к контейнеру, перевозя покупки, пока четыре больших ящика не были полностью забиты подарками. Заколотив их, я понял, что в пятый раз можно не ехать, хватит на сегодня. Проблема была с лодкой. Нет, к контейнеру я ее привез, привязал веревкой к бамперу и тихонько дотащил. Сейчас она стояла у открытых створок контейнера, блестя белой краской с красной полосой на боку. Красивая, чертовка. Походив вокруг нее, я стал читать техпаспорт. После недолгого осмысления я вдруг сообразил, что водных мотоциклов еще не существует, и эта лодка до их появления банально занимает эту нишу. Так вот что это такое, она предназначена только для развлечения! Погонять, там, на скоростях. Порыбачить с нее вряд ли получится. Узкая специализация, однако.

Вытащив все ящики, кроме уже заколоченных, я с матом и пыhtением закатил прицеп с лодкой в контейнер. После чего укрыл ее штатным брезентом и снова заставил ящиками. Вечер уже, пора возвращаться в отель. На сегодня хватит. Покупка лодки проделала дыру у меня в распланированном бюджете, поэтому, похоже, придется растряссти одну из кубышек. Завтра посмотрим. О, и лопату надо купить, откопать схрон.

Заглушив машину, я закрыл ее на ключ и направился в отель, однако у лестницы меня перехватил закончивший разговор по телефону портье и сообщил, что меня ожидают в ресторане. Подумав, что можно перекусить и до душа, хотя после того как несколько раз потел на солнце и в нагретом контейнере, попасть под прохладные струи воды хотелось до зуда в спине, я направился в ресторанчик. Кто меня спрашивал, стало ясно быстро. Наша команда ужинала в полном составе (ну я же тоже тут) за двумя поставленными вместе столиками.

— Добрый вечер всем, — бодро поздоровался я и, взяв за соседним пустым столиком

стул, присел к своим.

— Ты где пропадал целый день? — спросил Роземблум.

— Узнавал насчет контейнера. Всё в порядке, он на месте. Также организовал ящики для каждого. Свои я подписал.

— Как? — заинтересовался Иван.

— Увидите сразу. Там «Заминировано» написано.

— Мы после пресс-конференции с журналистами из здания правительства Франции поехали в наше посольство и там узнали, что сразу после празднества отбываем на родину. Так что времени мало осталось. Когда в следующий раз пропадешь на полдня, сообщай, где тебя искать, — добавил Роземблум.

— Нет проблем, я и сам не знал, что так надолго задержусь. Оказалось, там же на товарных складах есть оптовые фирмы, которые предоставляют также услуги частным лицам, и изрядно закупились. Даже вон лодку купил... зачем-то.

— Лодку?

— Гоночную мини-лодку с двумя посадочными местами. Как написано в техпаспорте, она разгоняется до девяноста километров в час.

— За сколько взял? — деловито поинтересовался Роземблум.

— За две... за полторы тысячи. А что?

— Я так понял по твоему тону, что тебе она не особо нужна?

— Ну да, мелкие вещи не особо люблю. Но она скоростная, а это привлекает.

— Продашь?

Задумавшись, я прикинул, нужна ли она мне, и понял, что нет. Не моё, да и родственникам я на ней убиться не дам. Есть и другие способы. Поэтому, пожав плечами, сказал:

— Да нет, не нужна. На блеск повелся. Красивая, чертовка.

— Посмотреть когда на нее можно? Завтра съездим?

— Так можно и сейчас, ворота складов закрываются, конечно, рано, но можно и за территорией машину оставить, там пешком недалеко идти. Кстати, вот ключи от замка на контейнере. Правда, одного не хватает, так что сами разделите, — передал я Роземблему четыре ключа. Тот быстро раскидал их.

В принципе, правильно распределил, отдав один на двоих Андрею и Роману, они всё равно всегда вместе ходят.

— Ну что, поехали? — спросил старшой.

— Едем, — согласился я. Не знаю, почему, но старшого изрядно заинтересовала моя новоприобретенная мини-лодка, и он решил не откладывать дело в долгий ящик. Пока старшой ходил наверх, наверное за деньгами или переодеться — они с Иваном до сих пор были в форме, видимо только недавно вернулись в отель — я быстро похватал, что было на столе, допил чей-то кофе и, мысленно посетовав, что так и не попал под душ, направился к выходу, заметив, что там собрались наши. Со мной поехали кроме старшого и Ивана Андрей, имевший добродушный и расслабленный вид, и еще один следователь — Кирилл Романенко.

Трое назад и старшой рядом со мной на переднее сиденье — ничего, загрузились и поехали, поскрипывая подвеской.

К моему удивлению, ворота еще были распахнуты, поэтому мы беспрепятственно проехали через них и, пропустив встречный грузовичок, повернули направо.

По прибытии я показал контейнер начальству. Открыл и дал наглядеться, что находится

внутри. Незашедшее еще солнце позволяло это сделать. Пока Роземблум и Иван снимали брезент с лодки и внимательно ее осматривали, я глядел, как Кирилл и Андрей распределяют ящики по людям. Обошлось нормально, распределили и даже расписали моим карандашом.

Вдруг громко взревел мотор. Да еще внутри контейнера, да еще без глушителя, так что не я один вздрогнул от рева и эха. Поработав секунд семь, мотор заглох, а от лодки доносились радостные и довольные возгласы, изредка перемешанные крепким матерком.

— Антон, лодка в порядке, так что беру! — крикнул Роземблум изнутри контейнера. — Сейчас чехол обратно наденем и расплатимся.

Через минуту, как только начальство вышло, я получил полторы тысячи франков и передал в руки старшего техпаспорт на лодку.

После этого Андрей закрыл контейнер, запер его, и мы, загрузившись, поехали обратно в отель.

На выезде выяснилось, что ворота уже закрыты, но вышедший сторож спокойно их открыл, выпустив нас.

В отеле я наконец принял душ и завалился спать. Завтра у нас по плану экскурсии до обеда, потом личное время (которое пойдет на заполнение ящиков в контейнере). И так до дня празднования в посольстве, где будет поздравление и вручение наград.

Наконец спустя час, расслабленный под душем и чистый, я завалился спать, пробормотав полусонно:

— Как же хорошо жить... а хорошо жить еще лучше.

Следующие дни до праздничного мероприятия в посольстве мы провели в экскурсионном угаре и в погоне за покупками. Я за два дня забил все свои ящики, совершенно успокоился и в одиночку гулял по достопримечательностям Парижа. Парни, пользуясь моей машиной, объездили в столице Франции все магазины, но таки нашли, что им было нужно.

Так же я прогулял и день празднества. Поскольку мне там появляться из-за обилия журналистов не рекомендовалось (шестеркам награды не положены), так я особо и не рвался, предаваясь безделью. Даже искупался в Сене для разнообразия. Поглазел на жилые лодки и погулял по набережной.

Конечно же, я не всё время тратил на отдых, и поработать пришлось. Про патентное бюро не забыли? Нанял двух юристов, специализирующихся по этой теме, и повесил на них оформление патентов. Друг о друге они не знали, работал я с каждым отдельно. Хотя, честно говоря, и мне приходилось присутствовать. Некоторые технические новинки пошли в регистрацию на ура. После того как заявка одного из патентов прошла, юрист, что отвечал за этот патент, получил мой приказ на то, чтобы после полного оформления он проехал по автозаводам Франции и оформил лицензии на использование. В этом случае мне пришлось в главном государственном банке Франции открыть номерной счет, чтобы туда капали денежки с патентных отчислений. Номерной — это значит, что деньги мог снять любой человек, кто знал длинный ряд цифр, букв и пароль. Еще одна моя закладка на будущее. Жаль, что на регистрацию и проверку каждого патента тратится от месяца до двух. Ничего, юристы наняты на проценты. То есть им будет капать доля с лицензионных отчислений. Не самая распространённая практика (не каждый автор согласится на такое, проще разово заплатить или долгосрочно нанять), мне же некогда этим заниматься, поэтому я легко пошел

на десять процентов двум юристам, и они с азартом принялись за дело, представляя меня. То, что первые отчисления пойдут не скоро, их мало волновало. Перспективу они видели, а отчисления — это их приятных бонус к пенсии.

Так вот, в тот день, когда парни гуляли и принимали поздравления от разных уполномоченных лиц в посольстве, я, заложив руки за спину, гулял по парку Марсова поля, направляясь к Эйфелевой башне. А то всего раз на ней был, нужно еще раз посмотреть, сфотографироваться.

— Месье! — кто-то крикнул сзади. Так как по тропинкам бродило множество месье, включая тех, что с сосками во рту, я не спешил оборачиваться, однако крик раздался ближе, и я обернулся любопытствовать, кто это там надрывает гланды. К моему удивлению, это оказался клавишник. Тот самый старший музыкант, с группой которого я забацал пару песен не так далеко отсюда.

— Наконец-то я вас нашел, месье, — пытаюсь восстановить дыхание, сказал он. — Шесть дней уже ищу. Даже в прессу обращался с заметкой.

— Извините, как вас?

— Антуан Лемур. Руководитель музыкальной группы Лэ-...

— Что вам надо, месье Лемур? — оборвав его, без особого интереса спросил я.

— Я хотел узнать про те песни, что вы пели. Они ваши?

— Да, и оформлены как положено, — подтвердил я.

— Давайте пройдем в кафе, — честно говоря, хочется промочить горло, пересохло. У меня к вам дело, месье...

— Серебряков.

— Месье Серебряков, есть шикарное предложение.

— Ну что ж, пойдем, послушаем, что вы мне можете предложить.

Мы направились к выходу из парка и в сторону ближайшего кафе.

Пока шли, Лемур пытался навязать ничего не значащий разговор, явно стремясь меня прощупать и понять, что я за человек. Но я не повелся и больше отмалчивался, только улыбался на некоторые его вопросы. Судя по тем взглядом, что на меня бросал Лемур, он начал думать, что у меня не все дома. Надеюсь, я не переборщил с глуповатой, хорошо отработанной перед зеркалом улыбкой.

— Прошу, — пододвинул мне стул Лемур и, садясь напротив, крикнул: — Официант! Два безалкогольных коктейля!

— Вы о чем-то хотели поговорить, — напомнил я музыканту, расслабленно поглядывая по сторонам.

— Сейчас... — приняв у шустрого официанта два больших стакана с какой-то белой жидкостью, Лемур один протянул мне. — Попробуйте, очень неплохо освежает. Угощаю.

— А, халява? Тогда конечно, — попробовав напиток, я удивленно приподнял брови и буркнул: — Мороженое подтаявшее... У меня мало времени, месье Лемур. Может, перейдете сразу к делу?

— Зовите меня просто Антуан.

— Хорошо, Просто Антуан. Я до сих пор не услышал, что вы от меня хотели.

На несколько секунд музыкант завис, потягивая коктейль, явно собираясь с мыслями. Вот он поднял на меня взгляд:

— Это ведь ваши песни вы пели тогда?

— Допустим.

— Те люди, что нас слушали, очень благодарили за эти песни и просили повторить их. Ничего подобного они не слышали. Кроме того, среди слушателей был и музыкальный руководитель одной из ведущих групп Франции. Он заинтересовался текстом и просил узнать насчет его использования.

— Вот как? — неопределенно хмыкнул я и, добив коктейль, поставил пустой стакан на стол. — То есть, как я понял, вы хотите представлять меня и продвигать мои же песни. Я прав?

— Правы, — тихо согласился Лемур. — Это золотое дно, да на одном авторском отчислении вы получите огромные гонорары, если песни пойдут! А они пойдут, поверьте моему опыту.

— Я согласен, — спокойно ответил я.

Похоже, Лемур собирался долго уговаривать меня, поэтому запнулся, закашлялся и, получив от меня по спине, просипел:

— Почему... кхе-кхе...

— Почему быстро согласился? — переспросил я, пока музыкант вытирал платком выступившие от кашля слезы.

— Да.

— Всё очень просто. Один мой юрист работает по техническим патентам, вот второй как раз по песням, но... Дело для него новое. Нет, регистрацией он занимается неплохо, продвигая их, но вот пустить песни в дело — это уже не для него. К тому же я не сказал вам главного, точнее не уточнил. Песни регистрируются, на что понадобится достаточно много времени. Речь идет о неделях, если не о месяцах, поэтому дело не такое скорое.

— Это не так важно, главное подписать договор о намерениях, чтобы они не ушли другим музыкантам, а там можно и подождать.

— Да? Ну, хорошо, вот визитка моего юриста, он более компетентен в этом деле с юридической точки зрения. Я ему позвоню и сообщу о вас. Он предоставит вам альбом поданных на регистрацию песен, вы отберете себе нужные. Советую поторопиться. Юрист не уполномочен подписывать столь важные документы, а я пробуду во Франции до завтра. Вылетаю в обед.

Лемур заторопился:

— Вы можете, месье Серебряков, позвонить своему юристу и договориться, что я буду у него сегодня в течение часа?

— Конечно. В кафе, у стойки бара есть телефон. Подождите меня минутку.

Мне повезло, Юрген был на месте. Объяснив ему ситуацию, я получил полное согласие и, вернувшись, передал адрес конторы юриста Лемуру. Тот торопливо поблагодарил меня и поспешил в сторону стоянки такси.

Проводив его взглядом, я посмотрел на столик и возмутился:

— А платить кто будет?!..

После кафе я все-таки дошел до башни и, найдя «своего» фотографа, узнал, как у него с негативами нашей прошлой фотосессии. Но как оказалось, к нему приходил мой родной брат и забрал негативы.

— ...но, молодой господин, у меня осталось несколько ваших фото на выставочном стенде. Не хотите ли приобрести? — хитро прищурился старый фотограф.

— Ну, давайте посмотрим, что у вас там есть.

Было всего шесть фотографий, все шесть я и выкупил. Пришлось, так как прошлые изъяс Роземблюм, передав их Алексу, а тот, видимо, озаботился негативами. Пустым возвращаться не хотелось, вот я и побегал, благо был не под контролем. Слежки не обнаружилось, как я ни проверялся. То есть мог гулять, как та собака... или кошка. Да не важно.

Конечно, некоторых фото не хватало, вот я и предложил настрогать еще. Только предупредил старика, что приеду за готовыми фотографиями и негативами лично. Завтра к утру. В течение часа мы гуляли вокруг и по самой Эйфелевой башне, нащёлкав до пятидесяти снимков со мной и башней. Даже с жандармом сфотографировали. С новым, я его не знал, но попозировать тот не отказался, даже денег не попросил.

После этого я вернулся в отель и ожидал возвращения парней своей группы после посещения посольства. За их явлением я наблюдал в окно. Веселенькие такие, с какими-то перевязанными коробками в руках. И судя по блестке, застрявшей в подворотничке Романа, их еще там и салютом осыпали. Короче говоря, поздравили хорошо. Вместе с Роземблюмом из машины вышел и Алекс. Заметив меня в окне, он показал знаком, что сейчас зайдет. Кивнув согласно, я закрыл окно и вышел в коридор встречать победителей.

Первым на лестнице появился Иван. Увидев меня, он обрадовался и показал на коробку, что нес в руках.

— Смотри, что мне вручили. Дарственный пистолет.

— О, — удивился я. — Дай заценить.

В это время поднялись остальные с такими же коробками в руках, встали позади Ивана и слушали меня.

— «Беретта» модели тысяча девятьсот тридцать четвертого года. Пистолет самозарядный, действует на основе отдачи со свободным затвором. Кожух-затвор характерной для многих пистолетов «Беретта» формы — с большим вырезом сверху, почти на всю длину ствола. Дульная часть ствола слегка выступает за передний срез затвора. Возвратная пружина расположена под стволом. Ствол при выстреле неподвижен, однако он легко снимается при неполной разборке оружия. Ударно-спусковой механизм одинарного действия с открыто расположенным курком. Предохранитель флажкового типа, расположен слева на рамке. При повороте флажка вниз-вперед пистолет снимается с предохранителя, поворот флажка вниз-назад блокирует спусковой крючок. Коробчатый магазин на семь патронов, однорядный, с характерной «шпорой» под мизинец. Защелка магазина — в основании рукоятки. Подаватель магазина служит затворной задержкой. После израсходования патронов затвор упирается в выступ подавателя и остается в заднем положении. Когда пустой магазин вынимают, затвор закрывается, если только он не был зафиксирован в заднем положении флажком предохранителя за выемку в затворе. Такая фиксация затвора нужна, в частности, для неполной разборки пистолета. На затворе слева расположен указатель наличия патрона в патроннике в виде выступающей шпильки. Эти пистолеты обладают отличным качеством, включая экземпляры, изготовленные в годы войны. Лишь в конце войны снизилось качество обработки поверхностей, что не сказалось ни на надежности работы, ни на точности стрельбы. К тому же они имели минимальную стоимость, были удобны в обслуживании и просты в ремонте, если случалась такая необходимость. Недостатком пистолета является флажковый предохранитель, запирающий только спусковой крючок и не блокирующий курок или ударник, что резко снижает безопасность в обращении с оружием, если его курок взведен, а патрон находится в патроннике... — посмотрев на круглые глаза слушателей, я смущенно хмыкнул. Увлёкся,

бывает у меня такое с оружием. И быстро закончил: — Данный экземпляр выполнен в подарочном исполнении и имеет дарственную табличку на рукоятке. Написано по-французски: «Честь и верность. Коллегам из Советского Союза от французских полицейских».

— Хм, спасибо за подробную лекцию, — прочистив горло, поблагодарил Роземблум, нарушив молчание. — Всем отдыхать, завтра вылетаем на родину.

Парни задвигались, направляясь к своим комнатам, а стоявший на лестнице Алекс проскользнул в мою комнату.

— Ну, ты выдал. Что это было?

— Да так. Повеселился, — отмахнулся я. — Как там наш контейнер?

— Уже движется по железной дороге в порт Марселя. Не волнуйся, всё будет в порядке. Тут другое. Наш ответственный за моральный и психологический облик сотрудников посольства товарищ заинтересовался тобой.

— Замполит, что ли?

— Он самый. До него дошел слух о твоих... э-э-э... аморальных для советского человека делах.

— А что не так? — не понял я, быстро прикидывая, что я мог такого сделать.

«Про патенты узнал? Так по всем документам я числюсь инкогнито, мои настоящие данные знают только юристы. Даже первые мной лично поданные на регистрацию патенты переделаны. Веселье с покупками? Нет, тут я прикрыт, парни меня не сдадут, так как сами в это влезли, наш наблюдатель от конторы Иван мной куплен. Что еще? Бабы, что ли?»

— То, что ты ведешь разгульный образ жизни. Кто-то из нашей технической группы поддержки на тебя настучал. Вот меня этот товарищ и вызвал.

— А-а-а?..

— Не волнуйся, я прикрыл тебя. Сказал, что это было только раз, и то не по твоей инициативе, а во втором случае в твоей комнате ночевали две девушки, ты им как советский джентльмен уступил номер, а спал с Андреем в его номере. Запомнил? Будешь так и говорить, если что спросят. Заучи, это всё по документам проходит.

— Ясно, спасибо. Что за жук этот замполит?

— Новенький. Нашей службы еще не знает, но гонору-у! Такой пока гору дров не наломает, не успокоится. Ладно, я поехал. Завтра в десять часов за вами прибудет небольшой автобус и повезет в аэропорт.

— В десять? В десять — это нормально. Успею сдать арендованную машину.

— Ну, всё. Береги себя, — Алекс встал и подал мне руку. — Больше мы не увидимся, поэтому скажу без пафоса, я был горд с тобой работать. К майору вот представлен, приезжай еще через полгодика так — вдруг мне на плечи упадут погоны подполковника? Ты фартовый. Я вижу.

— Фартовым меня еще не называли, но спасибо. Бывай.

Мы обнялись, и я проводил Алекса до дверей.

Утром, как и собирался, я заскочил в мастерскую фотографа, забрал заказ, потом заехал к юристу и подписал с десятков договоров, после этого сдал машину в пункте проката, на что ушло с полчаса, получил назад залог и поехал на такси в отель. Едва успел. Собрал вещи и в форме, как и остальные, загрузился в ожидающий нас микроавтобус «Мерседес», и мы поехали в аэропорт. Там еще одна, последняя во Франции пресс-конференция, которую я

также избежал, и посадка в самолет. Что примечательно, французский посол летел с нами на том же самолете. Причем он был *очень* доволен. Причина была ясна даже мне (остальные и так знали): на лацкане его пиджака была новенькая красная пуговичка ордена Почетного Легиона. Заработал-таки награду за свою авантюру.

Поглядывая на уносящуюся назад землю при разбеге самолета, я пробормотал:

— Прощай, весёлая и хорошо понятная мне Франция, увижу ли я тебя еще когда-нибудь?

— Чего? — не расслышал сидевший рядом Андрей.

— Я говорю, что побыстрее бы домой. Дочек хочется обнять, — громко сказал я ему в ухо, чтобы он расслышал под рев взлетающего самолета.

— Это хорошее желание, — кивнул он. — Надеюсь, всё будет хорошо.

— Это да, — согласился я, потом сдвинул фуражку на лоб, слегка опустил спинку сиденья и прикрыл глаза.

* * *

Честно говоря, Москва меня встретила недоброжелательно. Нет, погода была изумительная. Солнечный вечер, легкая дымка над городом и прекрасное настроение, пока мы не сели в аэропорту и нас не повезли в контору писать рапорты. Ладно во Франции, я там исполнял роль шестерки, но почему-то и тут со мной так же обошлись. То есть по прибытии в управление всех парней увели, нам даже попрощаться не дали, а мне сунули в руки пару десятков листов, дали ручку и велели написать рапорт о работе без всяких объяснений. Видимо, перестановка была глубже, чем я думал. Ни с Власовым, ни с Вихрем мне встретиться не дали, даже до Сахаровского, ранее непосредственного командира, добраться не дали возможности. Мол, я в запасе, теперь не в штате, так что гуляйте, юноша, генералам не до вас. Так мне и ответили.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

После написания рапорта, на что у меня ушло два с половиной часов, аж пальцы, что перо держали, заболели, я отдал рапорт дежурному, и меня выпроводили из управления. Одним словом, ни доклада начальникам, ни чего-то подобного не было. Пожав плечами, я подумал, что пока не до меня, поэтому налегке поехал к себе. Благо смог позвонить и предупредить Дарью Михайловну о своем скором прибытии. В ее коммунальной квартире был общий телефон, так что это было не трудно сделать.

Планы у меня на ближайшие дни такие. Неделя в Москве, есть некоторые мелкие дела, прокачусь по Союзу. Планы по ликвидации маньяков отодвигать в сторону я не собирался. Через одиннадцать дней в Ленинградский порт должен прибыть сухогруз с нашим грузом, мы с парнями уже договорились, чтобы они не дергались, я всё беру на себя. Доставку в Москву я имею в виду. Мои-то ящики сразу мимо Москвы в Киев пойдут товарным составом, там родня встретит (о, не забыть предупредить!), а небольшой ящик, где были чисто мои покупки, для себя и дочек, я доставлю лично в Москву к себе на квартиру. Данные Роземблума у меня были, по прибытии я сообщу ему о доставке и месте хранения, то есть на каких товарных железнодорожных складах их ждет заветный контейнер, а дальше он сам сообщит остальным. Мое дело доставка.

Кстати, а что делать с контейнером? Алекс сказал, что он был куплен, но кем и кому?

Интересно, его можно прихватизировать? Надо будет подумать.

Выйдя из здания управления, я на секунду остановился, вдыхая запах свободы, и неторопливо пошел прочь от грозного здания, имевшего не очень хорошую репутацию в народе. Чемодан у меня забрали как подотчетные спецсредства, поэтому сунув руки в карманы стильных штанов, купленных во Франции, я лениво шагал по улице. Повернул на перекрестке не останавливаясь, и потопал дальше. Правда, крохотная заминка все-таки была, когда я заметил за собой хвост.

«Это еще что за хрень?» — мысленно пробормотал я, неторопливо шагая и проверяясь всеми доступными незаметными способами. Вычислить я смог только две машины и трех топтунов, но был уверен, что это не все.

В кармане у меня лежали возвращенные родные документы, паспорт, права, партбилет, а также вернули бумажник, подарок отца, и внутри всё было на месте. Жаль, остаток франков пришлось сдать по описи в бухгалтерию, хотя там не так много осталось. Удостоверение я давно сдал, как и оружие, когда меня вывели в запас. То есть я — недействующий сотрудник, и эта непонятность слегка беспокоила, а всё, что беспокоит, меня напрягает. Ладно, посмотрим, что вам от меня надо, будет возможность — узнаем.

Встав на кромку тротуара, я стал ловить такси — улица центральная, их тут много ездит. Так что буквально через минуту рядом притормозила такси «Волга», уже с пассажиром.

— Куда? — спросил водитель.

— В ГУМ.

— Садись.

Я сел на переднее сиденье и, расслабленно откинувшись на спинку, стал наблюдать за дорогой, другими машинами и прохожими на улицах.

«А ведь мы такие же. Не вижу никакой разницы с тем, что видел во Франции. Те же спокойные и доброжелательные лица. Только машины другие и одежда. А разницы почти нет. М-да».

У ГУМа я вышел, расплатился — отдал сорок копеек — и направился к ближайшим дверям универмага. Мне нужно было оторваться от слежки, и что другое, кроме как огромный магазин-муравейник, мог мне в этом помочь? Одним словом, у меня получилось уйти через черный ход — успел сбежать на соседнюю улицу раньше, прежде чем ее перекрыли топтуны. Дальше было просто. Я поехал в международный аэропорт, где прошел в помещение камер-хранения аэровокзала и, найдя нужную ячейку, набрал код. Достав из ячейки плотный конверт с вещами, которые у меня бы точно отобрали (успел вытащить их из чемодана, воспользовавшись походом в туалет, и перепрятать в ячейку), после чего направился к выходу. Через тридцать минут мое такси въезжало во двор дома, где в глубине двора я заметил очередного топтуна, встрепенувшегося при моем появлении.

Дарья Михайловна уже приготовила ужин и встречала меня в дверях. Поздоровавшись и передав ей пакет, который она отнесла на стол в кабинет, я быстро принял душ, накинул домашний халат и сел ужинать, нахваливая домработницу. Что сказать? Было видно, что она расстаралась. Также я пояснил, что приехал временно, на неделю-другую, после чего вернусь отдыхать в Сочи дальше. Мол, подработка организовалась.

После того как Дарья Михайловна ушла домой, я провел некоторое время за чтением подшивок газет и журналов, что успели накопиться на столе в кабинете за время моего отсутствия. Я выписывал две газеты: «Труд» и «Комсомольскую правду» — а также журнал

«Крокодил». Дарья Михайловна добросовестно собирала корреспонденцию, всё складывая стопками на краю стола. Газеты отдельно, журналы отдельно, письма тоже отдельно. Последних, на мое удивление, было довольно много, штук двадцать.

Изучив по номерам газеты, я нашел несколько больших статей о нашей командировке во Францию. В последнем выпуске было указано, что умами наших сыщиков была одержана блестящая победа, и что скоро они вернуться на родину, где получают заслуженную награду.

— Ага, как же, — саркастически хмыкнул я. То, что меня со всем этим прокатали, я уже понял.

Убрав газеты, я отодвинул журналы в сторону — пока не до них, потом подниму себе настроение — и взял первое письмо сверху.

Письма были разные. Семнадцать от восторженных читателей, слушателей и почитателей, — их я пробежал мельком, но с интересом. Даже посмеялся пару раз от читательских перлов.

— Как только издательство додумалось перенаправить вас ко мне? Наверное, как-то прорвались по благу. Ладно, что там дальше?

Четыре письма были более интересны. Одно от режиссёра, что снимает «Кавказскую пленницу», с сообщением о начале съемок и приглашении на презентацию фильма весной следующего года. Намек был ясен. Я обещал Леониду Иовичу протолкнуть фильм на большие экраны, так как цензура его могла и не пропустить. Видимо, он об этом вспомнил и намёком дал понять, что моя помощь в скором времени понадобится. Поможем, мне это не трудно. Главное, чтобы он уговорил Никулина и Моргунова сняться в нем. В мое время сценарий им, видите ли, не нравился. Надеюсь, доработанный мной он им придется больше по вкусу. Ладно, я всё равно дал разрешение на легкую доработку, потому как сценарий был фактически один в один с тем, что был снят в моем мире.

— Однако! Уже снимают? Не ожидал, — удивился я.

Презентация была назначена на позднюю весну — начало следующего лета, чему я не удивился. Пока снимут, пока смонтируют, пока обкатают.

Три других были от разных ведомств. Одно от Союза писателей с предложением о вступлении, второе такое же, только от Союза композиторов. Правда, в последний не предлагали вступить, но приглашали к себе на очередное праздничное событие. Оба конверта отправились на полку для дальнейшего осмысления. Вот четвертое, последнее письмо меня заинтересовало. Оно было отправлено из американского посольства сотрудником, отвечающим за культуру, с приглашением встретиться в ближайшее удобное для меня время. В штатовских посольствах эта должность была закреплена в основном за сотрудниками ЦРУ.

— Ха, так вот почему наружка за мной ходит? Я-то думал, — облегченно хмыкнул я.

Я вышел в коридор и, пройдя к входной двери, прислушался. Было тихо. Открыв дверь, я вышел на лестничную площадку и снова прислушался. Так ничего и не расслышав, подошел к соседней квартире и нажал на дверной звонок. Через минуту дверь открылась, и я увидел соседа. Инженера с завода «Серп и Молот».

— А, Игорь. Я думал, ты ещё отдыхаешь, — пробасил он, здороваясь со мной. — Какими судьбами? Что-то случилось?

— Да. Телефон сломался, а мне срочно позвонить нужно. Разрешите воспользоваться вашим?

— Да пожалуйста, — отодвинулся инженер в сторону, пропуская меня. Поздоровавшись

с выглянувшей из кухни хозяйкой, я подошел к тумбе в прихожей, где стоял требовавшийся мне аппарат.

Сняв трубку телефона, я набрал номер дежурного конторы и сообщил о подозрительном письме (так было положено действовать по инструкции), попросив перенаправить меня в отдел майора Владимирова. Того не было на месте, рабочий день закончился.

Меня это не особо расстроило, я знал домашний номер майора. Набрав его, велел соседу их коммунальной квартиры позвать майора и, поздоровавшись, попросил того о небольшой услуге. Узнать, что хочет от меня штатовский прыщ. Тот обещал всё сделать быстро. О прослушке соседей я не беспокоился — мой еще ладно, но не соседей. Не то время, не тот век.

Поблагодарив соседей, я вернулся к себе и, взяв пакет, что привез из Франции, разорвал его, чтобы достать множество фотографий. С полки серванта взял пустой фотоальбом и стал раскладывать фото по страницам. Уместились все, я подписал рукой на обложке: «Я и Франция». После чего убрал альбом в сейф. Этот альбом я могу показывать только тем, кому доверяю, то есть не всем. Может, и зря так рисковал, но зато память.

Одним словом, возился я так до самого вечера. Закончив, убрал весь мусор в ведро, после чего умылся, почистил зубы и пошел в спальню. Пора ложиться спать. Завтра дел много, нужно хорошенько отдохнуть.

Друзей я не предупреждал, что вернулся, для них я всё еще в Сочи. Это меня устраивало, и менять ситуацию не хотелось. У меня были серьезные планы, и рушить их я не хотел.

Про следующие пять дней особо сказать нечего, я просто отдыхал и гулял по городу. В Лувре я так и не побывал, зато в московскую Государственную Третьяковскую галерею зашел. Как раз сейчас гулял по залам, изучая творения прошлого.

О чем можно вспомнить, так о том, что Владимирова таки смог выяснить интерес ко мне со стороны штатовцев. С этой стороны чиновник по культуре действительно им и являлся, а не цэрэушником, как мы все думали. То есть интерес его ко мне был чисто рабочим. Он хотел уговорить меня на издание «Интернов» в Штатах, так как издательство и другие государственные структуры что-то не телятся и тормозят продвижение этой идеи. Думал, что я потороплю их. Когда всё это выяснилось, в тот же день был отправлен мой вежливый отказ, тогда же наружка была снята. Это произошло сегодня, и я, наконец, расправил плечи — не люблю, когда за мной наблюдают.

Вот и гулял я поэтому по галерее, дополнительно убеждаясь, что топтунов за мной нет. Кстати, меня так и не вызвали. Хотя награждение группы, в который я как бы состоял, даже по телевизору показали. Роземблюма наградили орденом Ленина. Подумав, я сплюнул и не стал обижаться, махнув на это рукой. Пошли они. Если еще где им задницу подпалят, пусть ко мне не обращаются.

В галерее мне понравилось. Проходив по залам до усталости и набравшись новых впечатлений (вот уж не думал, что я такой эстет, хотя в живописи немного разбирался — прошлая жена была художницей), я вышел из здания и, не раз вспомнив об оставленной в Сочи машине, поймал такси и поехал домой. Эти пять дней прошли в праздном безделье, однако у меня было множество дел, и их нужно было решить. Вот завтра еще подождем, для проверки, мало ли, но послезавтра начнём по ним плотную работу.

Так и получилось. Следующий, шестой день пребывания в Москве я развлекался по-всякому, отдыхая, как и предыдущие дни, душой и телом. Даже на колесе обозрения

побывал. Море впечатлений! Ну, и заодно убедился, что наружка с меня сто процентов снята. Это хорошо, пора платить по долгам.

Нужный мне человек появился только поздно вечером. Вот он вышел из служебной черной «Волги». Наклонился и что-то сказал водителю через открытую дверь, после чего хлопнул дверцей и направился в сторону подъезда. Я же, аккуратно скатав коврик и на ходу убирая его в рюкзак, поспешил в сторону двери с чердака на верхнюю лестничную площадку элитного дома для государственных деятелей, который охранял милицейский наряд. Дверь уже была открыта, хотя с виду всё так же на надежном запоре, однако я легко открыл ее и, слыша шум движущегося лифта, спустился на один этаж ниже, приготовив оружие, которое я купил во время своих пошлых прогулок. Ранее это была длинная вязальная спица. Сейчас же это шило-стилет с длинным и заострённым лезвием. Может, кому-то покажется, что лезвие мягкое и от удара в кость уйдет в сторону, так для меня это не проблема — я знал куда бить.

Как только створки лифта распахнулись и на лестничную площадку вышел тот, кто мне был нужен, я нанес удар, вогнав стилет на всю длину лезвия, и сразу же выдернул лезвие из раны. Старик, на вид лет шестидесяти пяти, схватился за грудь и осел на плитку площадки, глядя на меня с недоумением. Наклонившись, я прошептал, чтобы сотрудники милиции внизу не расслышали:

— Твоя сучка-внучка убила мою женщину. Не стоило ей этого делать, а вам не стоило делать против меня те телодвижения, что вы предприняли. Я не убивал вашу внучку, хотя очень хотел... Блин, сдох, сука, — тихо пробормотал я, заметив, что взгляд старика налился черной ненавистью и так застыл. Ранки на груди не должно быть заметно, так как она была похожа на укус шмеля. Конечно, рано или поздно выяснится, что это было убийство, но меня это мало волновало.

Обыскав тело, я нашел пузырек с сердечными лекарствами и, открыв его, слегка рассыпал таблетки и бросил пузырек рядом. Это временно уведет расследование в сторону. Может, даже успеют закрыть его по причинам естественной смерти, пока патологоанатом не сообщит об умышленном убийстве — если обнаружит и сообщит, конечно. Мне нужно было выиграть время, ведь при кажущейся естественной смерти особых мероприятий по расследованию не проводят, а позже уже будет поздно.

Вернувшись на чердак, я вернул замок, как было, и, посыпав везде перцем, направился на другую сторону тупичка. В нем я просидел почти два часа — до самой темноты.

Пару раз светили фонарики для галочки изучающих чердак милиционеров. Когда стемнело, я подождал еще час и выбрался из своего убежища, скинув со спины разный мусор, после чего направился к слуховому окну.

Там, выйдя на крышу через слуховое окно, посмотрел вниз. Высоковато, шесть этажей все-таки. Подойдя к краю, я достал из рюкзака блок с ручками и, установив его на натянутый стальной провод, оттолкнулся и покатился по небольшой слабине на крышу соседнего дома (на этом проводе был закреплен телефонный кабель, так что меня иногда потряхивало на местах креплений).

Тот был на этаж ниже, и я стал набирать ускорение. Хорошо, из-за темноты меня не заметили, хотя по улице, через которую я перелетал на ролике, проехала машина. Достигнув здания, что находилось через дорогу, я быстро спустился и через черный ход вышел на улицу. Через минуту я скрылся во дворах, где переоделся, и, пару раз сменив машину, вернулся домой. Всё, дед Марины Руссовой обезврежен. А то мне очень не понравилось, что

он искал меня с не очень хорошими намерениями. Дошли до меня такие слухи краями. Первое время мне было не совсем понятно, я-то тут причем? Девка сбила Марину, потом сошла с ума и повесилась. Я-то причём, я ее трогал? Но проведя быстрое расследование, отчего один из помощников слегка утонул при купании, я узнал причину такого интереса. Люди старика — что не успели прибыть за девкой в психушку — чтобы оправдаться, выдумали версию, что это было не самоубийство, а убийство. Я тогда крутился рядом, так что для старика версия получилась достоверной. Вот так всё и сложилось.

Может, кто-то подумает, что я сработал грубо, но этого старика реально можно было убить только в его подъезде. Везде он был или на виду, или под присмотром охраны, и только в подъезде он поднимался совершенно один. Из-за дефицита времени и пришлось разрабатывать подобную операцию. На чердак я попал еще вчера ночью, в этот раз банальней: просто поднялся на крышу по водосточной трубе и затаился на чердаке, готовясь к мероприятию, то есть проверяя чердачную дверь и пути отхода.

Кто-то подумает, что зря я это делаю, могу привлечь к себе внимание. Однако потом может быть поздно, старик подключит все свои связи, и даже с крышей из конторы меня сомнут. Старые партийцы — они такие. Так что я нанёс превентивный удар, хотя краем и подставлялся. Думаю, у старика много врагов, слишком уж у него была жесткая позиция в его министерстве. Так что следствию будет с кем поработать. Вполне возможно, на меня даже не выйдут, так как об интересе ко мне со стороны старика знали единицы. Да и они вряд ли подумают, что я решусь на подобное, а даже если подумают и проведут расследование, что они мне предъявят? Да ничего. Где доказательства?

Дома, приняв душ, я завалился спать. Уже девять дней как нахожусь в Москве, завтра вылет в Ростов в шесть утра, надо будет раньше встать, такси на это время заказал, да и вещи собраны. Чемодан стоит в прихожей. Так что ничто мне не мешает нанести свой удар по уже действующим или еще не «работающим» по причине малолетства маньякам Союза. Главное, сделать нужно это за два, максимум — три дня. Контейнер нужно встречать лично, Алекс уже договорился, чтобы прошло гладко. Это наводило на мысли, что канал налажен, и мы воспользовались им в своих целях. То-то он говорил, что это его специализация.

Утром после гигиенических процедур я позавтракал, оставил Дарье Михайловне записку со списком работ и, собравшись, спустился к уже ожидающему такси. Спокойно доехав по пустым улицам Москвы до аэропорта, так же спокойно зарегистрировался на рейс. Успел тютельница в тютельница. Сдав багаж, прошел через поле к самолету и, заняв свое излюбленное место у окна, немного расслабился. Если бы был приказ на мой захват, то тот бы уже произошел — значит, смерть деда Руссовой еще не связали с убийством. Хотя, может, и не свяжут.

Перелет получился на удивление незапоминающимся. Даже не трясло почти, так что я всё время продремал. Удобно, что город относится к южным краям и в нем много празднующихся туристов. Он находится чуть дальше сорока километров от Азовского моря, тем самым Ростов имеет выход к пяти морям: Азовскому, Каспийскому, Чёрному, Балтийскому и Белому. Развлечения во Франции и в Москве несколько морально подавили меня, то есть я нуждался в отдыхе, поэтому решил отработать двух маньяков, разобраться с грузом из Франции и отправиться к родным в Сочи. Отдохну пару недель — родные, особенно дочери, в этом помогут — и до окончания отпуска еще раз съезжу в командировку. Трех маньяков уничтоженных и одного пойманного (во Франции) хватит на этот год. А то

как бы они не перевелись, на кого я охотиться буду? Двух будущих маньяков я линчую в Ростове, одного уже поймал, ну и последнего — после отдыха в Сочи. Съезжу на Брянщину, есть там у меня одна цель, которая уже начала свой кровавый путь. Правда, жертва пока одна (я в это время был во Франции), но к началу осени появится вторая, вот этого уже не надо допускать.

Проснулся я при касании колёсами поверхности бетонированной полосы аэродрома Ростова-на-Дону. Попрощавшись с улыбчивой, но строгой стюардессой (как-то в ней это совмещалось), я спустился по трапу на поверхность поля и следом за остальными пассажирами направился в сторону вокзала. В это время из багажного отсека как раз начали доставлять наш багаж и грузить в тележку. Пройдя регистрацию, с полученным чемоданчиком в руках дошел до стоянки такси и был вынужден констатировать, что все машины уже разобрали. С прищуром посмотрев в сторону ближайших городских строений и покачав в руках чемодан, чтобы прикинуть его вес, бодро зашагал в сторону ближайшей улицы. Что мне с километр прогуляться до окраин?

Найти временное жилье мне труда не составило. Тут кумушек спросил, там бабулек — и вот уже иду по подсказанному адресу. Дом был частным и, соответственно, находился в частном районе города. Обычный такой деревянный домик, с резными наличниками и большим садом.

Подойдя к калитке, я остановился, так как во дворе сразу забрехала собака.

— Кто там? — услышал я. Причем голос шел не от дома, а от кустов вишни в глубине сада.

— Отдыхающий. Я слышал, вы комнату сдаете? — громко поинтересовался я, пытаюсь перекричать брехливого пса.

— Это да.

Кусты зашумели, раздвинулись, и вышла бойкая такая бабулька с забавным белым передником. Чуть наклонив голову набок, в точности повторив движение собаки — только уши не торчали на макушке — она с интересом осмотрела меня и спросила:

— Никак не пойму поговору: то ли с Москвы, то ли с Киева. В говоре то одно, то другое.

Судя по обрезкам материи в руках, старушка подвязывала кусты.

— Угадали в обоих случаях, — улыбнувшись, ответил я спокойным голосом. Пес уже не гавкал.

— Так я на междугороднем телефонном пункте старшей телефонисткой была. Уж кому, как не мне, знать говоры-то? Пойдем, милоч, комнату покажу. Аль передумал?

— Отчего же мне передумать? — весело переспросил я. Старушка очень напоминала мне прабабку Серафиму.

— Надолго ли?

— В командировке я, в номер с тремя рабочими не захотел — пьют. Вот, к вам. А приехал я на два дня, настрою новое оборудование, проверю, как оно работает, — и обратно. Инженер я, электрик.

— Ну, на два так на два. Столоваться где будешь?

— Обедать на предприятии. А вот завтракать и ужинать хорошо бы у вас.

— Тогда ладно.

Мимо собаки я прошел спокойно, хотя она и тихо зарычала при моем приближении,

даже сделала намек за хватание штанины, но я не повелся и не дернулся.

— Вот, смотри, — пропустив меня в отдельную, на удивление светлую комнату, сказала старушка. — Как тебя величать-то?

— Ой, простите, забыл представиться. Игорем, бабушка, зови. Несмеянов я. Игорь Несмеянов. Инженер-электрик из Москвы. Командировочный. После вас в Казань полечу. Работы много, вот и не дают отдыхать. А вас как звать?

— Инга Валерьевна я. Так и называй. Сейчас я белье приготовлю.

— Хорошо, Инга Валерьевна. Я вам тогда деньги сразу за оба дня отдам, чтобы спокойно можно было уехать. Хорошо?

— Это ладно.

Старушка быстро расстелила белье и приготовила кровать, после чего забрала деньги за постой и вышла. А я, поставив чемодан, переоделся и, не забыв прихватить некоторые нужные мне вещи, включая мини-бинокль, стащенный из театра, вышел из дома.

Хозяйка возилась где-то за домом — был слышен ее напев. А вот пес лежал у будки и нехорошо так поглядывал на меня. Посмотрев ему в глаз, я стал мериться с ним взглядами. Тот взгляд не опускал и не уводил в сторону, так что мне это быстро надоело, и я пошел на экспромт. Быстро подойдя к псу, отчего тот, очень шустро перебирая лапами, задом стал отодвигаться от меня, схватил его за холку, поднял и прошипел в морду:

— Вот попробуй только раз вякнуть на меня! Ты понял?

Пес тихо заскулил, поэтому я опустил его на землю, посчитав, что так он дал понять о своем согласии. Пес быстро скрылся в будке, прогремев цепью, и оттуда испуганно выглядывал, провожая меня взглядом до самой калитки.

Выйдя на улицу, я дошел до ближайшей остановки и направился в центр города. До полудня оставался еще целый час, так что я был уверен, что нужное мне учебное заведение еще работает. То есть, несмотря на лето и сезон отпусков, там должен кто-то быть.

Чикатило поступил на заочное отделение филологического факультета Ростовского университета еще два года назад, в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году. Сейчас занятий нет, но я надеялся узнать в деканате, где он находится, или хотя бы адрес проживания. По идее, у него сейчас летние каникулы. Вполне возможно, что он находится дома или на практике, что было бы хуже. Вот только проблема — адреса я не знал, но собирался его выяснить.

Была еще одна возможность это сделать — справочное бюро, но я сомневался, что он мог там числиться, не все передают туда данные, поэтому решил сперва позвонить в справочную, и если ничего не получится, то засвечусь в деканате факультета. Времени мало, вот и приходится импровизировать, что может в конце концов привести к провалу. Ничего, будем надеяться на мой профессионализм.

К моему удивлению, когда я дошел до почты и позвонил в справочную с уличного телефона-автомата, то мне совершенно спокойно и без заминки сообщили адрес нужного недочеловека, да еще и не в городе, а в районном центре. Во сервис!

Оказалось, человек с такими данными жил в населённом пункте Родионово-Несветайская, неподалёку от Ростова-на-Дону (всего сорок километров с мелочью). Из собственного архива я знал, что он был женат и у него в прошлом году родилась дочь. Конечно, оставлять ребенка без отца не очень хороший поступок (вспомнил своих дочек и взгрустнул), но лучше уж так, чем впоследствии всеобщее презрение и отравление алкоголем от запоев.

На маршрутном автобусе я доехал до нужного населенного пункта и, прогуливаясь по улицам, нашел нужный дом. Это был скорее барак на несколько квартир, вот в одной из них и жила чета Чикатило с дочкой.

Найдя неплохой наблюдательный пункт, я было хотел в нем укрыться и продолжить наблюдение за бараком, однако обнаружил, что стал предметом немалого интереса со стороны сельских мальчишек, которые с любопытством разглядывали явно городского парня, прогуливающегося по их улице.

«Засветился. Блин, придется работать тоньше и без следов. А то эти малолетние следопыты быстро наведут на меня», — подумал я, проходя мимо облюбованной точки наблюдения.

Прогулявшись до реки Большой Несветай, что перерезала райцентр, я скинул одежду, попросил незнакомую женщину приглядеть за вещами, запомнив ее, и присоединился к другим купающимся.

Когда я лежал на песке, подставив под солнце спину, рядом приземлился неизвестный, осыпав меня мелкими и на удивление холодными брызгами воды (видимо, кожа на солнце нагрелась).

— Осторожнее, — буркнул я.

— Извините, — ответил кто-то. Это был мужской молодой голос.

Приоткрыв глаза, я мельком глянул на соседа, зевнул и отвернулся от него, повернув голову в другую сторону, и замер, напрягшись. Что-то в этом парне было мне знакомо.

«Да быть не может. На пляже человек двести, а он сел именно со мной. Это пруха такая или просто совпадение? Хотя в селе всего две с половиной тысячи человек. По теории вероятности мы должны были когда-нибудь встретиться».

Перевернувшись на спину и подставив солнцу живот, стряхивая-сдирая с него прилипший песок, я мельком глянул на соседа. Тот тоже лежал на спине и блаженно щурился, изредка чему-то улыбаясь.

Краем глаза разглядывая соседа, я всё больше и больше убеждался, что передо мной тот, кого я искал. Буквально в метре от меня на узкой полоске песчаного пляжа среди таких же отдыхающих лежал тот, кому в будущем дадут несколько прозвищ: Бешеный зверь, Ростовский Потрошитель, Красный Потрошитель, Убийца из лесополосы, Гражданин X, Сатана, Советский Джек-Потрошитель. Тот, из-за кого многие семьи потеряли своих детей и получили незаживающие душевные травмы. Тот, кто не должен был жить.

В это время от воды к нам подбежала молодая женщина с голеньким младенцем в руках.

— Андрей, держи Люду. Я пока искупаюсь, а то всё на берегу да на берегу.

«Точно он, не ошибся», — мысленно улыбнулся я.

Пронаблюдав, как тот изображает любящего отца, я зевнул и продолжил делать вид, что лежу и дремлю. Ожидание оправдало себя: вернувшаяся жена стала весело разговаривать, перескакивая с одной темы на другую. Правда, мне это ничего не принесло — судя по всему, чета собиралась весь вечер провести дома, но вот через три дня они должны были идти к кому-то на день рождения и спорили, кому оставить дочку на попечение. Это мне, конечно же, не подходило, по идеалу я должен был закончить сегодня, хотя этот день я планировал на рекогносцировку. Но раз так быстро нашел будущего Потрошителя, то почему не закончить дело разом?

Наконец чета засобиравшись и, одевшись, направилась домой. Я тоже минуту подождал, встал и, отряхнувшись от песка, надел брюки и, накинув рубашку не застегивая, босиком

последовал за ними в отдалении, держа обувь в руках.

— Гражданин? — окликнули меня строгим голосом чуть сбоку.

Повернув голову в сторону окликнувшего, я заметил в кустах хорошо замаскированный желто-синий милицейский мотоцикл и старшину рядом с ним, который явно отдыхал в тени от жары и отслеживал ситуацию в поселке.

— Попрошу ваши документы.

«Черт, вот так и проваливаются операции», — подумал я, но всё же спокойно подошел к милиционеру и, поискав документы, протянул паспорт.

— Москва? — спросил он, изучая прописку. — Что же вы тут делаете... э-э-э... Игорь Викторович?

— Проезжал мимо. Да вот искупаться решил, жарко. Скоро поеду дальше.

— Понятно. Я смотрю, вы с Андреем знакомы?

— Простите, с кем?

— С Андреем Чикатило, он мой сосед. Видел, как вы общались. У меня создалось впечатление, что вы как будто давно знакомы.

Обернувшись, я отметил себе, что пляж отсюда был виден как на ладони. Получалось, милиционер присматривал не только за трассой, что вилась неподалеку, но и за купающимися. Молодец, одним словом: и гаишник, и спасатель — два в одном флаконе. Это я без иронии, действительно молодец.

— Да нет, просто он обрызгал меня, когда из реки выбежал. Мы не знакомы. С... э-э-э... Андреем, кажется?

— Извините, значит ошибся. Всё в порядке, — вернув мне документы, козырнул старшина. — Счастливого пути.

Забрав документы, я отошел чуть в сторону и, одевшись, направился к остановке. К сожалению, о Чикатило в ближайшее время можно забыть. Старшина производил впечатление настоящего профессионала, так что даже если с его соседом произойдет несчастный случай, а уж если медики подтвердят, что это не было несчастным случаем, то он может вспомнить обо мне. Так что пусть пока будущий маньяк поживет, покоптит небо, можно им будет заняться чуть позже.

Через час на попутке я вернулся в Ростов. Как раз успел к ужину, приготовленному Ингой Валерьевной.

Неудача с Чикатило никак не повлияла на меня, я ее воспринял философски. Не получилось сейчас, получится потом.

Утром следующего дня я снова позвонил в справочную и, слегка изменив голос, попытался узнать адрес нужного мне человека. Так как интересующий меня субъект являлся шестнадцатилетним пареньком и носил фамилию Рогожин, то по его отчеству я узнал, что в Ростове проживают двое с такими данными. Главное узнать, кто из них его отец — Роман Игоревич Рогожин или Роман Степанович Рогожин. К сожалению, в архиве таких данных у меня не было, поэтому пришлось объехать оба адреса. Первый оказался пустышкой: Роману Игоревичу было шестьдесят шесть, и хоть теоретически он мог быть отцом цели, фактически я сомневался. Если это было так, в архиве были бы эти данные.

Вот второй адрес меня порадовал. Более того, моя цель оказалось фанатичным голубятником, и в данный момент что-то ремонтировала в голубятне на крыше сарая.

Совсем рядом располагалась пивная, совмещенная с летним кафе. Проще говоря, бочка

с пивом и продавщицей и десяток деревянных ящиков из-под водки, что натаскали местные доброхоты-алконавты. Так что можно было взять пива и присесть. Вот я и воспользовался этим наблюдательным пунктом. Пиво пили не только алкаши, встречались и приличные люди, так что среди этой массовки я выделяться не буду. Очень хорошая маскировка.

— А тебе есть восемнадцать? — с подозрением спросил продавщица.

«Опять», — мысленно простонал я и, жестко посмотрев в глаза продавщице, спросил:

— Может, мне еще паспорт показать?.. Полную не надо.

В этот раз продавщица без слов налила пол-литра отличного ячменного разливного пива — пока я искал место, где присесть, чуть не захлебнулся слюной.

Найдя свободный ящик рядом с двумя местными алкашами, которые чистили тараньки, присел рядом и бросил быстрый взгляд в сторону голубятни. Цель пока была на месте.

— Будешь? — спросил меня один из местных, протягивая рыбку. Их у парней была небольшая такая горка.

— Почему нет? Спасибо, — принял я вяленую рыбешку. К моему изумлению, под пиво она пошла на ура. Изредка вставляя в разговор слово для его поддержания, я держал под контролем работника в голубятне. Судя по стуку молотка, ремонт шел серьезный.

Причина охотиться на этого курносого невысокого и слегка коренастого паренька была прозаична, как никогда. Более двадцати жертв, что записали на Чикатило, были делом его рук. Без шуток, так как я знал это, как никто другой. Потому что этот Сергей Романович Рогожин был одной из моих жертв еще в *той* жизни. Под сывороткой правды этот отставной полковник МВД выложил всё — как и где работал. В момент начала серии убийств, которые действительно открыл Чикатило, он служил в милиции и прикрывал делишки со всем старанием и, надо сказать, немалым опытом оперативной работы. Так что не удивительно, что никто о нем не знал... а я вычислил. Но, скажу честно, чуть не бросил, думал, пустую леску тяну, ан-нет, поработал еще и вытащил сома. Так-то.

Конечно, паренек еще ничего не совершил, да и в будущем стал скорее не маньяком, а копиистом, однако он мне тогда сам подтвердил, что на нем кровь двадцати трех человек. Большой человек, что еще скажешь, хоть и отлично умеет это скрывать.

Причина его ликвидировать, ведь Чикатило в будущем по-любому не начнет свой кровавый путь, — я не я буду, если дам начать его — но у парня кроме этого были еще тяжести на душе. В восемнадцать лет он удушил и закопал собственную родную сестру, то есть это произойдет через полтора года. В мое время она по-прежнему была в розыске пропавших. Убить собственную сестру за то, что она мешала ему жить — это край. Ему через три недели в армию нужно было отправляться, а он труп собственной сестры закапывал. Удод, одним словом.

Пиво я тянул медленно и с явным удовольствием. Парни, угощавшие меня (по виду, работяги, сбежавшие с работы — тунеядцы, короче говоря), уже сбегали за добавкой. К тому времени как они дошли до состояния «Ты меня уважаешь?», парень закончил работу и начал гонять палкой голубей. Я большими глазами смотрел на это, а вот местные даже не обратили внимания. Большая куча разных голубей, было даже два белых, поднялись в небо и стали наворачивать круги.

Через сорок минут свистом парень вернул их и начал возиться, явно заканчивая с ними (у меня уже кружка опустела, блин, а напиваться я не хотел).

Вернув кружку пивной хозяйке, я направился к дому. В этом месте был небольшой перекрёсток двух узких улиц старого района города. Рогожины жили в старом, еще

купеческом двухэтажном деревянном доме. Удобно, что небольшой двор со всех сторон закрывали разросшиеся кусты сирени.

Зайдя в подъезд, я поднялся на две ступеньки, проверяя их, и замер, вслушиваясь. Подъезд был закрыт по бокам от чужих глаз высокой сиренью, поэтому то, как я прошмыгнул мимо, никто не видел. Будний день, все на работе. Это только тунеядцы да я собрались в пивной.

Через пару минут послышался скрип гальки под чьими-то ботинками, и, затемнив подъезд, внутрь прошел тот, кто мне был нужен. На меня он посмотрел с любопытством и прошел мимо (я посторонился). Когда он проходил, я молниеносно нанес удар ребром ладони по шее паренька, смещая позвонки. Отчетливо хрустнуло, и тот начал оседать. Подхватив подмышки, я положил его так, чтобы голова лежала на нижней ступеньке, и развязал шнурки на одном из ботинок. Всё, с какой стороны ни посмотри, тот споткнулся о развязанный шнурок и упал, об ступеньку сломав себе шею. Бывает и такое.

Быстро выйдя из подъезда, я неспешным шагом направился к выходу с этого небольшого двора, после чего вниз по улице до ближайшей автобусной остановки. Успел я как раз вовремя: увидел, как подъезжает автобус к остановке, даже немного пробежался, но успел.

Взойдя в салон, я плюхнулся на свободное место и, зевнув, стал безразлично смотреть в окно. Дело я сделал, сейчас позвоню в аэропорт, забронирую билет, и следующим утром вылетаю в Ленинград — вот-вот должны доставить контейнер.

Размышляя о своих дальнейших планах, я поймал себя на мысли, что что-то давненько пялюсь на макушку, затылок, шею и рубашку сидящего передо мной парня. Чем-то всем этим в одном образе он мне кого-то напоминал.

«Да быть такого не может!» — не мог поверить я.

Встав, как будто собираясь выйти, прошел вперёд к двери рядом с водителем и, немного постояв, лениво обвел взглядом салон сзади.

«Он! Но какого он тут делает?! Вот свезло-то. Два уродца махом. Это я удачно зашел. Откуда только он именно в этом автобусе взялся? А какой у автобуса маршрут... вроде от автовокзала? Точно! Значит, из своего поселка он на автовокзал Ростова приехал и сел на маршрутный автобус. Понятненько. Что ж, от судьбы не уйдешь. Будем работать!»

Эту остановку я пропустил, как и интересующий меня объект, а вот на следующей мы вышли вместе. Только из разных дверей. То, что он меня узнает, я совершенно не боялся, он меня видел мельком, и то со спины, когда обрызгал речной водой. Когда я его разглядывал, он сидел в пол-оборота или лежал. Нет, он точно меня не может узнать.

Вышли мы в новостройке, успев проехать на другой конец города. Я даже проехал остановку, где требовалось пересест на другой автобус, идущий в частный район, где я снимал комнату.

Молодой мужчина, фактически моих лет, шел в ста метрах впереди, а я за ним, стараясь особо не привлекать к себе внимания, играя праздничношатающегося отпускника, благо внешний вид этому способствовал. Правда, нездешний загар немного портил картинку, но я надеялся, что это не сильно заметно.

Чикатило прошел до одной из новеньких девятиэтажек, так называемых хрущевок, и вошел в подъезд. Судя по тому, как с ним поздоровался дедок, что сидел на скамейке у подъезда, он тут был частым гостем.

— Любовница у него там, что ли? — пробормотал я, найдя неплохую наблюдательную позицию — банально сел на скамейку ближайшей автобусной остановки, откуда открывался

изумительный вид на нужный мне подъезд.

Ожидание не продлилось долго, всего два автобуса и троллейбус проехали. Из подъезда появился Чикатило и два парня его лет.

— А-а-а, так вот в чем дело, — вслух пробормотал я, пользуясь тем, что на остановке нахожусь в одиночестве. — Так вы туристы-затейники.

Куда они все направляются, понять было не трудно. У всех рюкзаки, одна палатка, котелки, а у одного даже, кажется, ружейный чехол.

Посмотрев время, я вскочил с сидухи и помог полной женщине с тяжелыми сумками пройти до остановки и поставил сумки на скамейки.

— Спасибо, — поблагодарила она.

— Да не за что. Похоже, зря я тут стою. Не ездит тут нужный мне маршрут.

— А какой вам надо?

— На железнодорожный вокзал.

— Тогда действительно. Пройдите по улице вниз, поверните направо на второй улице, и на первой же остановке сядете на нужный маршрут, — подсказала она.

— Спасибо, так я и поступлю, — поблагодарил женщину и поспешил вниз по улице, следом за отпускниками. Судя по возрасту всех отдыхающих, скорее всего они учатся заочно на одном факультете, иначе откуда у него тут друзья-товарищи?

Чуть сбоку я заметил играющих мальчишек. Мое внимание привлекла крепкая на вид рогатка из орешника с мощной резинкой из какой-то камеры. Могу ошибиться, но вроде мотоциклетной. Слишком толстой она была.

Парней было отчётливо видно, поэтому я ненадолго свернул к малышне.

— Хорошая рогатка, — обратился я к девятилетнему мальчишке, что с подозрением повернулся ко мне.

— Сам делал, — гордо выпятил он грудь.

— Подаришь?

— Берите, я себе еще сделаю, — спокойно протянул мне рогатку паренек.

— Вот спасибо. Бывай.

Остальные мальчишки с любопытством пронаблюдали эту сцену и начали шушукаться, а я поспешил за туристами, которые успели свернуть за угол.

Рубашка и так была у меня навывпуск, так что незаметно спрятать под нее рогатку труда не составило, хотя народ на улице присутствовал. Заметив округлый камешек-гальку, я наклонился и поднял его, продолжая догонять туристов. К моменту, когда я достиг угла, собрал три более-менее приличных камешка, хорошо подходящих для дела.

Туристы обнаружили идущими неспешным шагом метрах в ста впереди, поэтому я продолжил слежку-наблюдение.

Парни дошли до той самой остановки, про которую мне подсказала местная жительница, и, сложив поклажу, стали ожидать нужный автобус. Позади остановки находилась достаточно густая лесопосадка, что вместе с забором опоясывала какой-то объект — то ли завод, то ли фабрику. Сделав вид, что захотел по малой нужде, я забрался в кусты — так, чтобы меня не было видно — и, достав рогатку, взял один из камешков и стал в двадцати метрах от цели тренироваться, стреляя в дерево с широким стволом. Семь раз пришлось стрельнуть, пока не приноровился к этой рогатке и этому камешку. Всё, осталось только ждать. Держа в руках рогатку с зажатым в ней камешком, я, как тот Робин Гуд, ожидал удобного момента.

Наконец подъехал автобус. Судя по тому, как начали собираться туристы, именно его они ждали, и через крохотное окно в листе, заранее разведанное, я выстрелил в висок как раз повернувшегося Чикатило. Выстрел был фактически снайперским, попал — и это главное, но попал я, к сожалению, не в висок, а чуть-чуть левее. Рядом с ухом. Моя цель дернула головой, мягко осела на асфальт и замерла. Никто так и не заметил камешка под ногами, удар заглушил рев мотора автобуса.

На остановке почти сразу началась суматоха, я же сунул рогатку за пояс, так как бросать ее тут было просто глупо — я не киллер сбрасывать ствол — вышел из кустов и, с любопытством посмотрев на суматоху, встал позади какой-то женщины, квохчущей, как курица.

— Мертв, — послушав грудь, известил какой-то опытный доброхот. Рядом присели друзья Чикатило. Повздыхав в аккомпанемент с другими пассажирами, я сел в автобус. Двери закрылись, и мы стали обсуждать непонятный случай на остановке (то ли солнечный удар, то ли с сердцем стало плохо), пока маршрутка увозила нас с места происшествия.

Пересев на другой автобус, я избавился от рогатки и через двадцать минут был на месте поста, где сообщил хозяйке, что закончил раньше, чем планировалось, — и съехал. На выходе потрепав пса по холке, велел ему хорошо сторожить и направился в сторону аэропорта. Узнать ближайший рейс в Ленинград мне не составило труда. Правда, промежуточная посадка в Москве, но ничего. Подождём.

Спустя пять часов я смотрел в иллюминатор, как земля стала удаляться. Курс наш лежал на Москву, а потом уже в Ленинград.

Перелет прошел спокойно. Довольно сильно поболтало над Москвой при снижении, но приземление вышло удачным. Потом выход всех пассажиров, нам пришлось два часа подождать в здании вокзала, пока проводится дозаправка и другие технические работы (я успел поужинать в буфете и сбегать в туалет), и вот мы снова поднимаемся в салон самолета и взлетаем. Понятное дело, большая часть пассажиров вышла в Москве, и тут же загрузились новые. Соседка, например, была другой.

Кстати, замечу интересный факт: я только во Францию летал туда и обратно с мужиком-соседом. На авиалиниях Союза у меня такого никогда не было, всегда соседками оказывались женщины, хотя мужчины в пассажирах преобладали по количеству. Вот так вот везло.

Спать не хотелось, в сон не тянуло. Поэтому я еще в Москве купил свежую газету и с интересом читал ее, пока мы летели. Правда, до конца пути ее не хватило, некоторые информационные статьи читал дважды. А один некролог так даже три раза. Там было написано, что *своей* смертью умер заместитель министра тяжелой промышленности Савелий Руссов, который не щадил себя на работе и в быту — и так далее и тому подобное. С удовольствием полюбовавшись на фотопортрет старика в траурной ленте, я продолжил изучать другую информацию.

«Это хорошо. Значит, патологоанатом не обратил внимания на красненькую точку на груди, видимо менты ему все уши прожужжали, что это естественная смерть. Бывают и такие раздолбаи. Честно говоря, я на это и надеялся, попался бы фанат своей работы и по миллиметру бы исследовал тело старика, он бы понял, как тот умер... После вскрытия, естественно».

Под конец перелета я сложил газету и просто смотрел в иллюминатор. Там внизу как

раз была железная дорога, по которой ползла крохотная змея состава. Правда из-за высоты я не мог понять, какого — то ли пассажирского, то ли товарного. Хотя по длине вроде пассажирский, товарный подлиннее будет. Наверное, я в этом не особо разбираюсь.

Наконец, я заметил, что мы стали снижаться, и я стал приготавливаться (пристегивать ремни). Через двадцать минут мы сели. Получив свой багаж, я спокойно прошел через здание аэровокзала и вышел наружу. Подойдя к стоянке такси, мысленно порадовался, что появился тут одним из первых, и сел в пустую машину.

— В гостиницу «Россия», голубчик.

— Сейчас, ждите пока. Сейчас люди повалят, а у нас пустые сидячие места.

— Хм, логично.

Честно говоря, меня заметно раздражала эта привычка таксистов использовать свои машины для дополнительного дохода как маршрутки, но конфликтовать я не стал. Корочек пригрозить нет, а брать его на испуг не стоило, вонять начнет, по характеру и манере говорить водителя было видно.

Наконец, водитель удовлетворился, что у него на заднем сиденье уместилось четыре человека, да еще с двумя детьми, и отъехал от вокзала. По городу мы катались довольно долго, даже стемнеть успело, пока не остановились у нового гостиничного комплекса «Россия».

— С вас два рубля двадцать копеек, — увидев протянутый рубль, он возмутился. — Но я сказал два рубля?!

— Я тебя не просил возить меня по всему городу, — холодно ответил я. — Прямой путь от аэропорта до гостиницы выходит как раз рубль. У тебя такси, а не маршрутный автобус. Будешь бузить, я расскажу, как ты обсчитал других своих пассажиров и навариваешься в этих аферах.

Подхватив чемодан, что стоял рядом под ногами, я вышел из машины и направился ко входу в гостиницу по небольшой площади, засаженной цветами и освещаемой уличными фонарями. Сзади взвыл мотор и, взвизгнув покрывками, такси с нервным водителем скрылось в переплетении улиц. Пройдя в фойе гостиницы, я прямиком направился к стойке портье, где стояли двое. Женщина, что разговаривала по телефону, и мужчина. Судя по одежде, женщина была постояльцем, а вот мужчина служащим.

— Чем могу быть полезен? — поинтересовался он у меня, когда я остановился у стойки, поставив чемодан на пол.

— У меня бронь. Игорь Соколов. Одноместный номер на сегодняшнее число.

Портье быстро пролистал журнал и кивнул:

— Такая бронь действительно есть... Но, к сожалению, свободных одноместных номеров у нас нет.

Молниеносно выбросив руку, я схватил служащего за удавку-галстук и, подтянув к себе через стойку, прошипел в лицо:

— Меня заверили при бронировании, что проблем нет, и я получу одноместный номер. Так что ищи лучше, голубчик, если не хочешь быть поломанным.

— Я милицию вызову, — прохрипел тот.

— Ага, давай, а я скажу, что ты аферист и пытался получить с меня взятку, — я отпустил его, отчего тот едва устоял на ногах. Вымогатель поправлял галстук и пытался отдышаться. Его лицо было красным от перенапряжения. В это время из бокового помещения, находившегося за стойкой, вышел другой мужчина и, заметив, как мы смотрим

друг на друга, он привлек к себе внимание вопросом:

— Что-то не так, Ираклий?

— Всё нормально, — влез я. — Ваш служащий подбирает мне лучший одноместный номер согласно броне. Не так ли?

Тот только кивнул и не глядя взял за спиной с держателя ключ с биркой. Мастер.

— Это, конечно же, лучший номер? — покачал я ключ перед собой. — Ведь если это не так, я спущусь, и будьте уверены... Ираклий ведь, кажется?.. очень расстроится, что я буду разочарован... Будьте уверены.

— Паспорт, пожалуйста, — протянул тот руку, под пронзительным взглядом явно старшего служащего. Пока Ираклий записывал мои данные, служащий вернулся обратно. Быстро обернувшись, Ираклий взял мой ключ, что лежал на стойке, и быстро заменил его другим, и всё это не поднимая головы под мое одобрительное хмыканье.

Зная манеру таких вот работников зарабатывать в летний сезон, я, будучи не в самом хорошем расположении духа, решил не тратить деньги, а опустить его на землю и настроение себе улучшить. Ведь как? Сделал гадость другому, в данном случае заслуженно, и настроение поднимается.

Забрав паспорт и ключ, я подхватил чемодан, подмигнул женщине, что, продолжая держать трубку у уха, с интересом наблюдала за нашим с портье общением, и направился к лифту. Мой номер находился на четвертом этаже, подниматься по лестнице я не желал.

Номер мне понравился, окно выходило на площадь, хотя планировка была стандартная. Приняв душ в отдельном санузле, я, с обмотанным вокруг бедер полотенцем, смотрел в окно на ночной город. Красиво, между прочим.

Звонить контактеру, что отвечал за приемку груза и перевод его через пограничников, было поздновато, но я всё равно накинул свежие штаны и рубаху и спустился вниз к дежурному. Жаль, что мой номер был без телефона.

Портье неприязненно скользнул по мне взглядом, кивнул на просьбу позвонить и занялся другими клиентами.

Набрав номер, я стал ожидать, слушая гудки. Наконец с той стороны что-то щелкнуло, и ответил приятный баритон:

— У аппарата.

— Я от Алекса. Прибыл за грузом.

— Я понял. Можешь пока отдохнуть, груз прибывает завтра к вечеру, так что до послезавтра не получишь. Оставь свой номер, я позвоню и сообщу.

— Хорошо.

Продиктовав неизвестному собеседнику номер телефона гостиницы и сообщив, кого надо вызвать к телефону, я вернулся к себе и, переодевшись из домашней в выходную одежду, отдал дежурной по этажу другую, в которой ходил в последние дни, чтобы постирали, и направился на ночную прогулку по одному из самых красивых городов планеты.

На следующий день, после плотного обеда в ресторане гостиницы, я, неторопливо прогуливаясь, направился к станции метро, собираясь доехать до здания телеграфа и пообщаться с родными. Я еще утром отбил им телеграмму, и к часу они должны были ждать моего вызова. Так и оказалось. Когда нас соединили, я прошел в кабинку и, сняв трубку, услышал отца. Они с мамой и сестренками еще отдыхали. Так как кроме очередного отпуска

они еще взяли неоплачиваемый, так как могли себе это позволить, то у них оставался еще целый месяц впереди.

Пообщавшись с отцом, потом с дочками, которые, наконец, смогли прорваться через других родственников и пообщаться со мной, прося вернуться поскорее — я пообещал это сделать через несколько дней и попросил к телефону маму.

Мама у меня была умницей, и мои иносказательные (а иногда и прямо сказанное, что был во Франции) пояснения понимала правильно. Сообразив, что у меня огромное количество подарков для них, узнала, куда я собираюсь их доставить и пообещала отбить в Киев телеграмму, чтобы там встретили груз, разгрузили и доставили в хорошее и надежное место, пока она не вернется с курорта. Дядя Яков уже вернулся в Киев, так что один ящик, который предназначался чисто ему, он сможет сразу забрать себе. Так как там находились две специализированные швейные машинки с кучей запчастей, а также отрезы ткани, причем разные, которые Союз не производит. Остальное отправится в квартиру к родителям. Получить, довести и поднять ящики на пятый этаж, у нас было кому поручить. Родственников в Киеве полно.

Под конец мама не выдержала, переиграла и сообщила, что сама выезжает ближайшим поездом в Киев на пару дней. Где примет груз и сразу распределит его по родственникам и вернется обратно. Потом уточнила, есть ли там парфюмерия и косметика, и обрадовалась, получив положительный ответ. Она быстро закрутилась, передав трубку другим желающим со мной поболтать. Я заказывал вызов на сорок минут, думая, что мне хватит, но оказалось, что нет — час сидел у телефона и, довольно улыбаясь, слушал новости из Сочи. Молодцы, отдыхают.

Закончив общаться с родственниками, я доплатил за дополнительное время и, выйдя из здания телеграфа, поймал попутную машину и поехал в Эрмитаж на экскурсию, а то как же так — побывал в городе Ленина и не был в Эрмитаже? Хотя сколько я живу в Москве, в Мавзолее ни разу не был.

Этот день также пролетел вполне замечательно, я отдыхал душой и телом. На следующий день, когда я завтракал яичницей в ресторане, запивая её кофе, ко мне подошел официант и, наклонившись, тихо сообщил, что меня вызывают к телефону.

«Ага, как раз время подошло. Значит, человек Алекса звонит», — понял я и, промокнув губы салфеткой, заторопился к телефону. Как я и ожидал, звонил тот, кто мне был нужен, и сообщил место встречи. Велев портье вызвать мне такси, я сбегал-съездил на лифте в номер переодеться и, спустившись, узнал, что такси меня уже ожидает.

Я быстро доехал до порта. Оставив машину снаружи, прошел через пропускной пункт, там уже было разрешение для моего прохода, и вместе с сопровождающим от охраны дошел до нужного участка порта, где среди других похожих контейнеров находился и тот, что мне был нужен.

— Всё уже улажено, — сообщил представитель порта. — Можете разгружать контейнер и забирать груз.

— Подождите, но мне сообщили, что и контейнер я могу забрать, — не понял я.

— Нет, вас ввели в заблуждение, судя по сопровождающим документам, контейнер вы можете использовать только до порта. Потом он переходит на наш баланс. Можете убедиться в этом в администрации порта.

— Вот ведь гады какие, — пробормотал я, прикидывая, что мне делать с лодкой. С остальным грузом проблем нет, он в ящиках, а лодку как переправлять? — Ладно, где ваша

администрация? Пойдем, изучим документы.

Когда мы вошли в здание и прошли в нужное помещение, я чуть не рассмеялся в лицо местным хитрецам, когда они мне с уверенным видом протянули документы на контейнер на французском языке и начали врать в глаза, что в них написано, будто контейнер состоит на балансе порта. Как будто я прочитать не могу.

Меня изрядно позабавили морды лица местных сотрудников, когда я вслух зачитал, что там написано. После чего свернул документы в трубочку и спокойно сунул их в карман.

— Совсем охренели? — спокойно спросил я, почему-то голос у меня напоминал шипение змеи. — Что, толстомордые, хотите в Сибирь снег разгрести?!

Путём легкого полевого допроса, после которого тот, что был сопровождающим, описался, я узнал то, что, было нужно. Алекс не обманул, груз встретили и провели через таможенников, но! Контакт Алекса в других случаях *всегда* сопровождал груз, увозя его в неизвестном направлении, тут же он провел его через границу и, позвонив кому-то, потерял интерес и исчез.

То, что этот человек очень серьезный, они знали. Видели красные корочки. Но вот задушила их жаба из-за этого контейнера. Причем он им был очень нужен, иначе они бы поопасались лезть в это дело, все-таки слава встречающего была не очень хорошей (ну и меня считали его коллегой, я не разочаровывал их, пользуясь ситуацией). Также я расколол их на предмет интереса к контейнеру. Причина оказалась достойной. Контрабанда. То есть она у них есть, и даже английский контейнеровоз, который вот-вот должен отойти, ожидал этого груза (капитан был в доле), но вот достойной тары не было, а тут новенький контейнер, который еще никем не встречен и не зарегистрирован. Не могли удержаться, ворюги. Свободные, не состоявшие на балансе контейнеры у них, видишь ли, закончились.

— Значит, так. Я не буду доводить это дело до конца, если мой контейнер достаточно быстро исчезнет с территории порта. Вам ясно мое желание?

— Куда отправить его? — деловито осведомился старший из тройки контрабандистов.

— Этим я сам озабочусь. У вас есть машины для перевозки контейнеров?

— Да. Я могу распорядиться выделить вам одну такую за счет порта.

— Хорошее предложение. Пожалуй, оно меня устроит, — благожелательно кивнул я.

Согласовав все детали, мы вышли из здания администрации и направились в нужный сектор, пока один из контрабандистов бегал распоряжаться насчет машины. Было видно, как желают местные избавиться от меня. Когда мы подошли к контейнеру, у него уже, тихо урча мотором, стоял безбортовый грузовик и кран на той же базе КРАЗа. Контейнер шустро погрузили в машину, закрепили, я сел в кабину к водителю, и мы поехали сторону КПП. Там, предъявив сопроводительные документы охране, выехали с территории порта. Отпустив ожидающее меня такси, я велел водителю грузовика править в сторону железнодорожного вокзала северной столицы. Там была своя товарная станция. Я не хотел, чтобы служащие порта знали, куда отправляется груз. Узнать они, конечно, могут и тут, но я был уверен, что не станут этого делать. Себе дороже, я их изрядно запугал.

Дальше я почти три часа проторчал на товарной станции Ленинграда, отправляя груз. Первым делом, сорвав пломбы, я вскрыл контейнер и проверил груз. Потом грузчики достали семь ящиков и отправили их на склад. Следующим товарным составом их отправят в Киев. То есть завтра рано утром. Документы-квитанцию на них я уже получил. Потом, проверив контейнер еще раз и переложив груз компактнее, закрыл его и велел местным служащим запломбировать заново. После чего пронаблюдал, как его грузят на как раз

готовившийся к отправке состав. Тот шел на Москву.

Когда все дела были сделаны, я вернулся в гостиницу, велел портье заказать авиабилет на Сочи и стал собирать вещи. Хотя как оказалось, я поторопился: сегодняшний рейс пропустил, а следующий будет только завтра. Пришлось подтвердить бронирование. Поужинав в гостинице, я последний раз погулял по городу, и в обед следующего дня вылетел в Сочи. Там меня уже ждали.

Обняв отца и взяв на руки радостно попискивающих дочек (всех трех), я направился к кассе.

— Вчера получили телеграмму, что ты прилетаешь, удивились. Но вот встретили, — пояснил отец.

— Да я решил к вам заскочить, была причина... Сегодня на Москву будет самолет? — спросил я у кассира.

— В шесть вечера и в восемь.

— На двадцать часов, пожалуйста, — попросил я.

После покупки билета мы вышли из здания аэровокзала и направились к стоянке машин, где стояла моя бело-красная красавица, причем я всё это умудрился проделывать с дочками на руках. Чемодан остался в камере хранения аэропорта. Я не видел смысла таскать его с собой, если вечером улетаю обратно.

Встретили меня как дорогого гостя. Все-таки почти три недели отсутствовал. Поздоровавшись со всеми родственниками, я прошел к столу, дочери убежали к детскому, сказал тост, и началось празднество. Где-то часам к пяти я отозвал маму в сторону и передал ей подробный список того, что сегодня утром торговым составом отправилось в Киев (вчера весь вечер писал), не забыв передать ей квитанцию, без которой она не сможет получить груз.

Пока она вчитывалась в список, восхищенно и радостно охая и ахая, я вернулся к столу и поблагодарил всех за отличную встречу, которая мне очень понравилась. Остальное время провел с детьми, пока мама общалась с другими родственниками, совместно прикидывая кому что. Один-то ящик идет дяде Якову, это все знали, но в остальных шести столько всего, что у наших женщин голова кружилась, так им хотелось получить всё, что там было. Мне уже казалось, что маловато привез.

Узнав, что мама собиралась отправляться в Киев на поезде, я посоветовал ей воспользоваться услугами «Аэрофлота». Хоть и дороже, но зато куда быстрее. Деньги у родителей были, но я им добавил, поэтому они согласились, да и на проживание я оставил прабабушке Серафиме тысячу рублей из своих запасов. Детей много, на прокорм тоже немало уходит, пусть будут в запасе.

Вечером отец увез меня в аэропорт. Дочек я не стал брать, помня, как они прощались в прошлый раз. Сердце у меня не каменное, и так пришлось выдержать их слезы дома. Ничего, мне так спокойнее. К тому же вернусь на днях, я это им твердо пообещал.

Попрощавшись с отцом, я забрал чемодан, прошел регистрацию и поднялся на борт самолёта, что летел прямым рейсом на Москву.

Думаю, нужный мне состав уже прибыл на товарную станцию Москвы, осталось только получить контейнер, организовать его хранение, забрать свое и позвонить Роземблюму.

В этот раз Москва встретила меня не очень приветливо. Мало того что сажались мы ночью, так еще накрапывал мелкий и противный дождик.

Быстро перебежав в здание вокзала, я отряхнулся и неторопливо направился в сторону выдачи багажа. Понятное дело, пока я возился, более ушлые пассажиры (пока один получал багаж, второй занимал такси), заняли все машины. Но мне все-таки повезло. У одного таксиста оказалось свободное место, поэтому, погрузив чемодан в багажник, я его занял.

«Какие все-таки молодцы таксисты, что дополнительных пассажиров берут. Сейчас бы ждал свободную вернувшуюся машину или автобус, мокнув на остановке, как другие неудачники», — подумал я, расслабленно сидя на мягком сиденье в теплом нутре «Волги».

Покатавшись по городу, я, наконец, оказался в своем дворе, и щедро отсыпав вместе с платой водителю чаевых, направился в свой дом. Консьержка подремывала одним глазом, но встрепенулась и посмотрела на меня внимательно. Сегодня дежурила Михайла Спиридоновна. Она жила с родственниками в соседнем подъезде и, будучи заслуженным ветераном МВД, смогла получить работу консьержки, так как отдохнув полгода на пенсии, поняла, что без работы уже не может.

Поздоровавшись с ней, я пешком поднялся на свой этаж, чтобы не будить соседей шумом лифта. Отперев дверь, быстро позвонил на пульта милиции, снимая квартиру с сигнализации, и, наконец, стал снимать с себя слегка влажную одежду.

После горячего душа надев сухой и теплый халат, я проверил корреспонденцию и, изучив некоторые статьи, направился спать.

Утром меня разбудила Дарья Михайловна шумом на кухне. Дверь в спальню была открыта, и я слышал, как она, старясь работать тихо, возилась у плиты.

Позанимавшись на спортивной стенке с полчаса и придя в тонус, я вышел из спальни, поздоровался с домработницей. После чего привел себя в порядок посредством душа и зубной щётки и пошел завтракать, он как раз был готов.

— Вы, Игорь, надолго в Москве? — спросила Дарья Михайловна.

Первое время она называла меня по имени-отчеству, но так как у нас была большая разница в возрасте, я попросил именовать меня просто по имени. Конечно, без панибратства и с уважением — всё-таки я ее работодатель. Дистанцию, хоть и крохотную, нужно держать всегда.

— Думаю, дня два. Разберусь с делами и послезавтра улетаю в Сочи, уже недели на две-три. Скоро у меня начнутся занятия в институте, нужно подготовиться.

— Я уже привыкла к вашим дочкам, скучно без их смеха и улыбок.

— Это да, я их вчера всего полдня видел, так не поверите, улетать не хотел... — вытерев салфеткой губы, я поблагодарил домработницу за завтрак и, сообщив, когда примерно буду дома, направился к себе. Собираться.

— Игорь, — зашла ко мне Дарья Михайловна с чемоданом в руках. Я его вчера как бросил в прихожей, так и забыл. — Мне разобрать вещи?

— Да. Сделайте милость. Перед отъездом заполним его новыми и чистыми вещами, — попросил я.

Одевшись, я не забыл прихватить документы, квитанцию на транспортировку контейнера и вышел из квартиры. Перепрыгивая со ступеньки на ступеньку и весело насвистывая своим мыслям, я спустился из подъезда, на ходу приветливо кивнув консьержке, осмотрелся и, посмотрев на часы, направился к выходу со двора. В этот раз я не стал вызывать такси, а просто позвонил Михе. Благо он был свободен и не отказался поработать грузчиком и таксистом.

Миха запаздывал и подъехал только через пять минут. Заметив его бежевую «Победу», что появилась в конце улице и, разбрызгивая оставшиеся от прошедшего вчера дождя лужи, направилась ко мне, я отошел от стены дома, пересек тротуар и приблизился к проезжей части, встав на край бордюра.

— Опаздываешь, — укорил я его, садясь на переднее пассажирское место.

— А-а-а, — расстроено махнул он рукой. — Потом задний бампер посмотришь. Когда разворачивался во дворе, снес бетонную пепельницу.

Так Миха называл бетонные мусорные урны. Я помнил, они стояли у самого подъезда, и дворники их каждый день чистили.

— Ты как умудрился-то? — удивился я. — Она же у подъезда стоит.

— Стояла. Оказывается, их меняют на железные, вот и вытащили к проезжей части, чтобы удобно в машину было грузить, а я не видел. Выезжал со стоянки задом, вот и впечатался.

— Серьезно так?

— Бампер погнул.

— После того как съездим на товарную станцию, я тебя сведу с одним мастером, он тебе всё за день устранил.

— А запчасти? — заинтересовался Миха. Он о моих связях знал прекрасно, поэтому не возражал, возможно даже рассчитывал на это.

— У него есть. Можешь даже и передний поменять, будут они у тебя хромированные.

— Надо будет подумать, деньги есть... Мы правильно едем? — уточнил он.

Оглядевшись, я уверенно кивнул. Мы объехали железнодорожный вокзал с тыльной стороны, тут и должна быть товарная станция.

— Да, вон к той будке со шлагбаумом правь.

Охранник, посмотрев на квитанцию, пропустил нас и указал, куда ехать, так как старшего начальника в конторе не было — он был на территории. Пришлось немного поплутать среди пакгаузов, но вот мы нашли того, кого нужно. У одного из складов загружались три дальнобоя-длинномера. Бегали грузчики, таская какие-то тюки, и стоял над всем этим местный завскладом, руководя погрузкой и грозно присматривая, чтобы не взяли лишнего.

Пока Миха бегал отливать — его, оказывается, растрясло по дороге — я подошел к распорядителю и предъявил квитанцию. Тот достал из желтого портфеля журнал и, проверив приход, подтвердил, что подобный груз прибыл. Оставив погрузку на подчиненном, он с нами доехал до нужного места, где разгрузили с состава мой контейнер. Пока ехали по складской территории, я узнал, можно ли здесь хранить контейнер с вещами. Как оказалось, в этом не было ничего сложного, оплати место — и храни, что хочешь. Главное — бумаги правильно оформить.

Служащий подождал, пока я проверю пломбы и сохранность груза. Миха сразу же полез посмотреть лодку Роземблюма, а я подписал акт приема — передачи, что претензий за перевозку не имею и всё, мол, в порядке.

После этого я закрыл контейнер обратно на ключ, мы сели в машину и поехали в контору. Там оформили договор о месте хранения контейнера, я оплатил на полгода вперед и, воспользовавшись телефоном начальника, позвонил Роземблюму, сообщив ему место, где находится контейнер. Тот находился в отпуске после командировки во Францию, поэтому был дома. Сразу же сообщив, что выезжает, он попросил подождать его.

Уладив с местным начальником мелкие просьбы (например, контейнер пару дней постоит там, где его загрузили, но потом перевезут на оформленную и оплаченную стоянку среди таких же контейнеров), я вышел наружу и, сев в машину, велел Михе возвращаться к контейнеру.

Там мы сразу же вытащили единственный ящик, что принадлежал мне, и стали его вскрывать подручными средствами. То есть баллонным ключом, отверткой и молотком. Я как-то не догадался прихватить из дома гвоздодер или спросить его у местных. Но ничего, скрипя гвоздями и под треск хрустящих досок мы смогли-таки снять крышку, хотя гвоздей я набил порядочно.

— Я тебе подарки отдельно сложил, — сказал я, вытаскивая из ящика отдельный пакет.

— Что там? — сразу же заинтересовался мой друг. И тут же стал доставить из пакета коробки, складывая их на капот машины. Ящик, понятное дело, в машину не влезет, поэтому пока Миха охал и ахал в восхищении, я стал складывать всё из ящика в багажник «Победы» и на заднее сиденье.

Михе я накупил достаточно предметов, для меня копеечных, но друг был рад. Из покупок были стильные солнцезащитные очки — взамен раздавленных, футболка с рисунком Эйфелевой башни и надписью «Я люблю Париж». Мужской брендовый одеколон (их было два, Михе и его отцу), а также духи для матери. Миха сразу обрызгался. Две пары стильных плавок он надевать не стал, в отличие от футболки.

— А это что? — спросил он, держа в руках коробку, потом потряс ее. — Тяжелая.

— Открой, увидишь, — улыбнулся я, заканчивая с перекладыванием вещей.

Тот осторожно вскрыл ее и с недоумением осмотрел деревянную лакированную коробку с какими-то непонятными вензелями. Нашел, как она открывается, и, щелкнув запором, открыл. Я с немалым удовольствием смотрел, как у него расширяются глаза и вырывается вздох восхищения.

— Настоящий? — выдохнул он.

— Зажигалка, — улыбнулся я. — Остальное бутафория. Патроны и запасной магазин из дерева.

Быстро найдя, как пистолет работает, он нажал на спуск и увидел, как из окна для выброса гильзы вырвался огонек.

— А почему не из дула? — поинтересовался он.

— Там переключатель.

— Ага. Нашел.

Пока Миха щелкал курком и спуском, проверяя работу, я проверил, как всё стоит в контейнере, и затащил пустой ящик обратно.

Когда я вышел на свежий воздух, Миха сказал:

— Игорь, спасибо тебе большое. Мне подобного никто не дарил. Спасибо... И можно я зажигалку отцу отдам, я не курю, а он, сам знаешь, любит трубкой подымить...

Засмеявшись, я залез в салон и вытащил такую же коробку.

— Это твоему отцу. Только уже не люггер, а вальтер. Твой подарок — это твой подарок. У отца пусть свой будет, держи. Насчет денег не беспокойся, мне это всё по халаве досталось, даром.

Миха не был бы Михой, если бы тут же не распаковал другую зажигалку и не проверил ее. Теперь он стоял, как ковбой в вестерне. Правда, лицо его было задумчивым, он явно прикидывал, покачивая зажигалки в руках. Что лучше, вальтер или люггер? Подумав, он

решил оставить люггер себе как больший по размеру и грубо смотрящийся.

Закончив все дела, подарки Миха убрал в машину, только футболку и очки не стал снимать, да и продолжал приятно пахнуть французской парфюмерией. Мы нашли тенек и сели там, ожидая приезда Роземблума.

Ждать пришлось долго, но когда машины наконец появились, я понял, почему их долго не было. Роземблум ехал на своей личной «Волге», в которой сидели Иван, Андрей и Роман, только Кирилл не было. К тому же за «Волгой», тихо порывая мотором, двигался ГАЗ-51 с закрытым кузовом.

— Они? — поинтересовался Миха, кидая очередной подобранный под ногами камешек в большую лужу неподалеку. С бульком тот исчез в воде, но лягушка, в которую тот целился, даже не шелохнулась.

— Они, — подтвердил я и добавил: — Моя очередь.

Бросок — и небольшой камешек плюхнулся в воду рядом с лягушкой. Фактически рядом с правой лапой. Отчего та забеспокоилась и ушла на глубину.

— Опять ушла... Пошли, — я отряхнул штаны и направился к остановившейся «Волге». — Добрый день, Капитон Апполикарпович... Андрей... Иван... Рома.

Поздоровавшись со всеми, представил Миху и указал на открытый контейнер:

— Как и договаривались, всё на месте. Свое я уже достал, там только ваше.

К моему удивлению, Роземблум, быстро поздоровавшись, нырнул в контейнер, пока остальные со мной общались. Через минуту он вышел обратно с каким-то приспособлением в руках. Не сразу (он держал его вверх ногами), я опознал в нем обычный автомобильный фаркоп. Это же подтвердили дальнейшие действия бывшего начальника. Он присел позади своей машины и приложил фаркоп, проверяя, как он будет стоять.

— Вы пока тут перегружайтесь, а я съезжу и установлю, — сказал он и, сев в машину, завел двигатель.

Проводив взглядом отъезжающую «Волгу», я удивленно спросил:

— Думаете, он успеет?

— Успеет, — отмахнулся Иван. — Он тут недавно следствие вел по хищениям, всё знает. Сейчас ему в железнодорожных мастерских всё быстро сделают, он успел договориться. Через полчаса вернется.

Так действительно и произошло, мы вытащили все ящики (кроме моего пустого) и закинули их в грузовик. Также выкатили прицеп с лодкой, и я запер контейнер.

Буквально через пять минут перекура вдаль послышался знакомый звук мотора, и показалась «Волга» Роземблума. Подъехав, он развернулся, явив нам установленный фаркоп, и задом, под крики советчиков, подъехал к лодке. Иван и Андрей быстро накинули на фаркоп держатель прицепа и проверили, как он держится. Стоял намертво.

Посмотрев на прицеп и на грузовик, что, развернувшись, выезжал с территории складов, Роземблум подошёл ко мне и, протянув руку, сказал:

— Ну, спасибо тебе... Антон. Большое спасибо. Извини, что не успел поговорить, де видишь, торопился, время не хотел терять.

— Да я понял уже. Как у вас всё прошло?

— Да на удивление прилично. Осыпали наградами и благодарностями. Даже в звании и должности повысили. Я только удивлен, что о тебе так и не услышал и не узнал.

— Так и должно быть, — грустно хмыкнул я. — Ведь я не должен был мелькать на людях, сами знаете почему. Ладно, в общем, не будем расставаться. Если что, номер моего

телефона у вас есть. Как я понял, мои настоящие данные вы уже знаете?

— Случайно. Получилось так, — улыбнулся Роземблюм.

Пожав руку старшему — я привык его так величать — попрощался с остальными и кивнул Михе на его машину:

— Поехали.

Пристроившись за «Волгой» Роземблюма, мы доехали до КПП, но не проехали через него, а остановились у конторы. Там я нашел начальника и сообщил, что можно не ждать и перевозить контейнер прямо сейчас. Я потом проверю, как он, и если потребуется, загружу его нужными вещами.

На складах мы пробыли почти пять часов со всеми своим делами. Поэтому на часах уже было два часа дня, когда мы выехали со складских территорий местной товарной станции и поехали ко мне. Сперва завезем домой всё, что я себе набрал, а потом прокатимся по нашим, кто дома, и раздадим остальные подарки. А то был во Франции и не привез ничего в подарок — люди не поймут. Сувениры все любят.

Так мы и сделали. Времени у нас было достаточно, так что мы перетаскали из машины пакеты, коробки и другие французские покупки ко мне, сложив всё в кабинете. То, что я определил в подарки, было частично сложено в багажнике, а салон мы полностью освободили от вещей.

Заехали к Михиному отцу — он еще был на работе и вручили презенты, было видно, что подарки его удивили и были действительно приятны. Духи матери Муха вручит сам. Заехали ко Льву (он отдыхал), Натальи не было, хотя они жили вместе. Она была на съемках. Вручили всё Льву, он ей передаст. Одним словом, до семи вечера так и катались, но всех, кто был в городе и не отдыхал на курортах или дачах, мы объехали. Где-то в полвосьмого Муха завез меня домой и, отказавшись подняться попить чайку, поехал к себе.

Дарья Михайловна еще не ушла, хотя в прошлый наш приезд ее не было, видимо ходила по магазинам. Она мне сообщила, что ужин и завтрак приготовила, и спросила, надо ли еще что, явно собираясь домой.

Я попросил ее обождать и вручил некоторые подарки. Это была красивая материя для платья, отрез, одним словом, и парфюмерия с косметикой. Домработница, конечно, очень удивилась, но подарки взяла, искренне поблагодарив. После ужина она помыла тарелки и, попрощавшись, ушла. Я же принялся сортировать всё, что было свалено кучей на ковровой дорожке кабинета и на диване. То, что детям — в детскую, в основном игрушки и некоторая одежда. Десяток коробок с зажигалками ко мне в нишу шкафа. Остальное тоже разошлось по полкам шкафов кабинета.

На следующее утро я поехал уже по сослуживцам, взяв такси. Первым делом заехал к Семичастному. Он был дома, так как находился в отпуске. Консьерж внизу уже сообщил обо мне, и генерал встретил меня в прихожей, явно показывая свое расположение.

— Добрый день, товарищ генерал, — поздоровался я, проходя в квартиру и протягивая коробку. — Это вам подарок из Франции.

— Что это? — поинтересовался он, принимая коробку, в которой была скрыта шкатулка с зажигалкой.

— Зажигалка в виде пистолета «Вальтер». Сделано красиво и хорошее качество.

— Спасибо, не ожидал. Пройдем в гостиную, там посидим. Хозяйка моя в санатории, домработница ушла пополнять запасы продуктов, так что я тебя сам обслуживаю. Сейчас чайку

сделаю.

Через десять минут, когда мы пили чай в гостиной Семичастного (горничная вернулась и, сменив на кухне генерала, приготовила просто изумительный чай), я оставил пустую чашечку с тарелочкой и сказал:

— Я пришел не только из-за этого, Владимир Ефимович. Мне нужно было доложить об успешной работе во Франции. Так как это именно вы меня отправляли в командировку, доложусь именно вам. Маньяк пойман точно в озвученный мной срок. Французы в восторге. Также мной была ликвидирована британская резидентура в Париже. Старший резидент раньше работал у нас, и поговаривают, рассказал много интересного нашим разведчикам. Некоторые наши офицеры задержаны по этому поводу.

Бывший председатель КГБ тоже поставил стакан с тарелочкой на столик и задумчиво посмотрел на меня.

— Как ты понимаешь, Игорь, я был отправлен в почётную отставку и назначен на малозначительный пост первого заместителя Председателя Совмина УССР. Сейчас я мало что решаю, но благодарю, что не забыл меня.

Кивком принимая слова генерала, я добавил:

— Причина моего прихода не только в этом. Понимаете, я хоть и работал, скажем так, неофициально, хоть и по приказу, но ничего с этого не получил. То есть даже спасибо за поимку маньяка и благодарности за британскую резидентуру я так и не услышал. Это противоречит логике и элементарной вежливости. Понятное дело, меня это, скажем так... обидело. Поэтому даже если новое начальство опомнится, ни на какие посулы я не пойду и помогать больше родной конторе не буду. Именно поэтому я пришел к вам, они вполне могут попросить вас посодействовать, так что отказывайте сразу.

— Что-то ты не очень напоминаешь обиженного, Игорь, — задумчиво протянул генерал и, взяв ручку, что-то быстро написал на листке. Взяв его, я прочитал: «Для тех, кто нас слушает?»

Подтвердив кивком, я продолжил:

— Это не обида, а разочарование в новом начальстве, Владимир Ефимович, в его полной несостоятельности, которое уже никак не исправишь. Одним словом, я буду посылать в далекое эротическое путешествие всех, кому будет дело до моих умений. Отказом в помощи Родине они меня не уговорят, я ей отдал всё с процентами. Надавить тоже не получится. Я студент-медик. Пошли они куда подальше. У них есть свои специалисты-розыскники, вот пусть они и работают, а обо мне забудут.

Еще недолго поговорив о разном, я попрощался и спустился, пройдя мимо цербера-консьержа.

Такси терпеливо дожидалось меня, счетчик капал. После этого я поехал к полковнику Власову, который так же скоростижно оказался на пенсии. Тот тоже принял подарок, кивнул в благодарность. Посидев с ним и уговорив стакан водки, заехал к Владимирову и в подмосковную базу к подполковнику Вихрю. Сахаровского на работе, по причине длительной командировки, не было.

Зажигалки все принимали, роняя скупые слова благодарности. Парни понимали, что дарю я от чистого сердца, и благодарили так же. Только на базе у меня ушло пять коробок с зажигалками. Там было много знакомых, поэтому я спокойно прошел на территорию секретной части, хоть и с сопровождающим. По этому поводу, правда, был нанесен удар по моему здоровью с использованием спиртосодержащих жидкостей, но как бы то ни было,

вечером я благополучно оказался дома и отсыпался от пьянки с офицерами. Все меня угостить умудрились, генерал, молодец, только чаем напоил.

Отоспался я хорошо, а следующим утром позвонил в кассу аэропорта, забронировал на себя билет до Сочи и стал собираться. Дарья Михайловна получила инструкции на следующие недели и обещание известить о приезде заранее, после чего я, собранный и довольно бодрый, несмотря на остаток похмелья, не до конца выбитый зарядкой и большим количеством чая, поехал в аэропорт.

Через пять часов на аэровокзале Сочи меня встретил отец, и я, наконец, попал в доброжелательные и теплые объятия своей семьи. Я был дома. Я был счастлив.

* * *

Придерживая шампур, я ножом стал стаскивать по очереди куски шкворчащего прожаренного шашлыка. Рядом пасся с тарелкой мой десятилетний племянник Руслан. Как только тарелка была наполнена, он сразу же понёсся в сторону других детей, что возились после купания на песке.

— Хлеба возьми! — крикнул я ему вслед и, повернувшись к маме, сказал: — Сейчас опять мяса наедятся — и ужинать не будут.

Это был мой третий пикник за три недели с момента возвращения из Москвы. Наступил уже август, сегодня девятое. Еще неделя — и поедем в Москву, пора заняться подготовкой к учебе и устройством личной жизни. Дети крепко вошли в мою жизнь, и, как ни странно, без них я уже не мыслил своего существования. Мысли ехать на Брянщину я не отбросил, но пока не было желания. Было такое чувство, что ничего хорошего меня там не ждёт, а к своим чувствам я привык прислушиваться. Они часто помогали мне уйти от неприятностей.

Я отдыхал, купался, катался с детьми по окрестностям и вообще беззаботно проводил время, как проводил бы его в детстве, которого меня лишили в прошлой жизни. Одним словом, возмещал утраченное. Дочки в этом мне хорошо помогали.

С подарками тоже всё было хорошо. Мама слетала в Киев и, организовав родственников, получила груз и распределила его. Причем это заняло у нее не пару дней, как она рассчитывал, а все пять ушли. Уж больно много я всего привез. После этого она вернулась обратно с многочисленными благодарностями, как от родственников, так и от себя. Да и сейчас она была в одном из выбранных купальников.

Жаль, их с отцом отпуск заканчивается, из-за чего мы и устроили этот пикник на нашем семейном тайном пляже. Завтра сажаем их на поезд и отправляем в Киев с частью детей, что наотдыхались за три месяца и загорели до черноты. Тот же Руслан раньше был бледнокожим брюнетом, сейчас негр с выцветшими до белизны волосами. Родители точно не узнают. Остальные пока с нами будут, их отправим с другими взрослыми-отдыхающими.

Наконец, вторая порция шашлыков начала шкворчать над углями. Я сидел рядом и поворачивал шампуры, чтобы прожарка была равномерной, и посмотрел на подбежавшую младшую дочурку Максимилиану, всю мокрую от воды.

— Папа, а мы сёня тут нотивать будем? — спросила кроха, не совсем правильно выговаривая некоторые слова.

Подхватив ее и посадив на ноги, я ответил:

— Нет, отдохнем и поедем домой. Сегодня без ночевки.

— Ну-у-у, — протянула дочка и задёргалась, пытаясь вырваться из объятий. Со смехом сняв ее с колен, поставил на песок и шлепнул по попе. Та, взвизгнув скорее радостно, чем испуганно, сломя голову, разбрасывая песок ножками, побежала к другим купающимся детишкам младшего возраста.

Подошедшая сзади мама ласково шлепнула по затылку:

— Смотри, шашлык сгорит.

— Смотрю, — ответил я, продолжив поворачивать шампуры.

Через час после плотного ужина, когда все разбрелись по берегу — кто гулять, а кто всласть покупаться — я отошел чуть в сторону и подошел к отцу. Народу хватало: взрослых человек десять и молодежи с мелкотнёй около двадцати, так что шуму и гаму было достаточно. Рядом с отцом присел Толик, мой младший брат. Я договорился с командованием его части, и те пошли нам навстречу, отпустив его в увольнение на три дня. Завтра вечером отвезу обратно в часть.

Присев рядом, я спросил, о чем идет разговор, и стал глядеть на удивительно спокойное море и белый теплоход, что шел в пяти километрах от берега. Чуть дальше была видна парусная яхта.

— О жизни сынок, о жизни, — вздохнул отец. — Толя, расскажи Игорю, что ты мне только что сказал.

Тот слегка помедлил и уверенно пробасил:

— Жениться хочу. Я с одной девушкой встречаюсь, мы любим друг друга. Вот, хочу жениться — она согласна. Думаю просить руки у ее родителей.

— О как? Неожиданно, — удивленно покачал я головой. — Что родители скажут, не знаю, но я лично думаю, что ты взрослый человек, хотя еще пацан пацаном — это твое решение. Но хоть посмотреть на нее дашь до свадьбы?

— Конечно, обратно полетим — познакомлю.

— Вот и ладушки.

Через час все, кто был на пикнике, знали тайну Толика, большая часть молодёжи встала на его сторону. А вот взрослые, включая маму и бабушку, просили погодить. Мол, молод еще. Толик отвечал, тыкая в меня и дочек пальцем в доказательство. Не убедил.

Как бы то ни было, пикник прошел удачно, и вечером, сделав несколько рейсов, я перевез всех отдыхающих обратно на нашу фазенду.

Споры слышались до самой глубокой ночи, но они мне не мешали спокойно уснуть, обнимая ближайшую дочку. Завтра видно будет. Нужно посадить на поезд родителей. Потом отправлю Толю, познакомлюсь с его невестой, а там видно будет. Закончу отдыхать, и с дочками, сестрами и дедом с бабкой поеду в Москву. Там они пока поживут у меня, а перед началом сентября посажу на поезд и отправлю в Киев. Вот такие планы я составил в полудреме вполглаза, пока совсем не уснул.

Утром меня разбудила мама — заглянула в нашу спальню и, подойдя, притронулась к руке.

— Завтрак не проспи, — тихо сказала она.

— Хорошо, — так же тихо, фактически одними губами ответил я. Мама вышла, а я, взяв с прикроватной тумбочки наручные часы, посмотрел на время.

«Девять утра? Вот это я дал храпака», — удивился я. Посмотрев на посапывающих дочек — видно было только Сашеньку и Максим, Женька накрылась одеялом с головой —

осторожно приподнялся, скрипнув пружинами матраса, и спустился на пол, на самодельный половичок, что навязала на все комнаты тетя Роза.

Взяв в руки шорты и майку, я тихо выскользнул в коридор, стараясь не разбудить дочек, и, прикрыв дверь, быстро оделся. На кухне у умывальника совершали омовение две девочки десяти лет, мои племянница и двоюродная сестра. Покосившись на них, я вышел во двор. Рукомойник тоже был занят, там дед брился, в душе тоже кто-то плескался. Стянув с веревки свое полотенце, я встал в очередь за девочками на кухне, так как дед явно надолго встал наводить свою красоту.

Умывшись ледяной водой из-под крана и почистив зубы, я вышел в сад. Дед всё еще плескался, бабушка как раз подошла и из ведра подлила ему воды в рукомойник, отец возился у сарая с мотоциклом. Рядом топтался Толик в солдатских галифе, в армейской рубаше и тапках на босу ногу. Женщины бегали из кухни к столу в саду с судками и тарелками в руках. Больше никого не было. Вся малышня еще спала. Как это ни странно, по заведенному распорядку дети, что отдыхали у нас на фазенде, спали до одиннадцати, а то и до двенадцати часов дня. Некоторые взрослые этому радовались — тишина до обеда. А то многоголосое чириканье малышей для непривычного человека очень тяжело переносится.

Поезд, на который уже были куплены билеты, отправлялся в полдвенадцатого. После отправки шести детей и части их родителей, что отдыхали с нами, в том числе и моих родителей, мы обедаем, после чего я один везу Толика к месту его службы. Больше никто с нами не едет. А то возьмешь дочек или Томку с Лидой (кстати, а где они, спят, что ли, еще?), так другие детишки захотят, а у меня машина не резиновая. Ничего, тут попрощаются, и я увезу брата. После звонка в аэропорт выяснилось, что билетов на сегодня нет, но это не расстроило, и я решил отвезти Толика до Новороссийска, где он на пароме дойдет до Севастополя, к месту службы. Получалось, что познакомиться с невестой брата я не смогу.

Когда мама крикнула нас к столу завтракать, я как раз наблюдал, как появившиеся сестренки с самым сонным видом прошлепали в сторону рукомойника с полотенцами в руках. Ага, хитрые. Бабушка туда воду налила теплую, а из-под крана была ледяная. Я знаю, сам там умывался. Сразу видно, что сестренки отдыхают тут давненько. Всё уже изучили и на грабли, как новички, не наступают.

Поел я не так много, как хотела мама. Тут прихватил, там... Не хотелось нагружаться перед привычной тренировкой, по времени я ее заметно пропустил, так как просыпаюсь в семь, всё успеваю, а сегодня позорнейшим образом проспал.

Пока остальные продолжали трапезу, я быстро надел спортивную обувь и, пожелав завтракающим родственникам приятного аппетита, немного позанимался на самодельном турнике, и после двадцати поднятий для разминки, выбежал за калитку и побежал вниз по улице в сторону ближайшего перекрестка. По возвращении из командировки я возобновил свои ежедневные тренировки, добившись семнадцати километров на пробежку и часа на тренировку с подручным оружием. Образно говоря, учился махать с выскальзывающей из рук табуреткой или лавкой. Толика от приобщения к спорту я освободил на эти дни, ему и в армии всего этого хватало, пусть отдохнет. Вот в спарринге я его не щажу, и получает он от меня довольно крепко, но... он тут сам виноват. Пусть лучше тренируется и отрабатывает удары, а не ходит по двору, демонстрируя всем здоровенный синячище на левом боку.

Пробежки мне нравились, много людей вижу на улицах города, приятный ветерок обволакивает и остужает разгорячённое тело, такая же приятная тяжесть во всем теле, когда уже видишь заветную калитку по окончании пробежки. Всё это я испытал и в этот раз.

Правда, не в том объёме, как привык, из-за лимита времени мне пришлось пробежаться всего километров восемь, так как подходил срок отвозить закончивших отдых курортников на железнодорожный вокзал.

Привычно перепрыгнув через забор, проигнорировав калитку, подбежал к турнику и стал подтягиваться. После пятидесяти силы оставили меня, и я плюхнулся на пыльную землю. Вскочив, нанес несколько ударов невидимке и побежал к мешку. Еще двадцать минут истязания беззащитного мешка, и зову уже отошедшего от плотного завтрака Толика.

Во дворе и в доме царила суматоха. В машину грузились вещи, стоял шум и гам. Чмокнул в лобик одну из своих дочек, что подскочила ко мне вежливо поздороваться, видимо их поднял шум с кровати. Отойдя с братом в сторону, мы стали проводить учебный спарринг. Минут десять топтались под деревьями, используя их как укрытия или для возможности контратаковать — как говорится, всё себе брали на вооружение. Наконец нас окликнули для прощания, так как через десять минут мы должны были отправляться. К тому же на улице уже стояла машина Тимофея Юрьевича, которого еще вчера попросили подъехать к этому времени.

Толик побежал в дом одеваться, а я в душевую, где быстро окатился неожиданно ледяной водой, смывая пот, и, вытеревшись полотенцем, поспешил за братом. Поднявшись к себе, потрепал по макушкам Максим и ее погоду Юлию, что играли у нас на кровати, велел им собираться и стал переодеваться. Шорты полетели на стул, пропотевшую майку еще перед душем бросил в таз для грязного белья, достал из шкафа нужную одежду и натянул черные выглаженные брюки, носки и белую рубашу. Золотую цепочку на шею и солнцезащитные очки. Всё, я стильно одет и готов для проводов родителей и других родственников. Юля уже убежала, ее переоденет своя мама, а я принялся за Максим, она одна была не одета. Других-то еще мама озаботилась одеть в праздничные платья. Так что, закончив с этим делом, я с дочкой на руках быстро спустился во двор и, пройдя до машины, посадил ее на переднее сиденье к отцу и другим сестрам. Ехать хотели многие, но из-за нерезиновых салонов машин, поехали не все. Хотя у меня в машине, например, уже сидели отец с внуками на переднем сиденье. На заднем сиденье мама, тетя Роза, тетя Тоня с Томой и Лидой и плюс еще трое детишек, в возрасте от пяти до семи лет. Последние были не провожающими, а самыми что ни на есть отбывающими, как бы они ни были против. В другой машине также набилось до десяти человек. Дедушка с бабушкой тоже ехали провожать.

Наконец, когда крики прощания и перекличка стихли, я запустил мотор и осторожно вывел машину со двора. Повернув направо, вниз по заполненной курортниками улице, поехал следом за бежевой «Победой» Тимофея Юрьевича.

Доехали мы до вокзала вполне благополучно. Припарковавшись рядом с «Победой», я увидел, как с переднего сидения вылез Толик в повседневной форме пограничника, выпуская с того же сиденья стайку детишек, после чего стал помогать покидать машину другим пассажирам, но уже с заднего сиденья.

Я повторил его движения. Помог выбраться маме и другим женщинам с заднего сиденья. Пока я с ними возился, отец сам выбрался из машины и стоял у капота, опираясь на тросточку одной рукой и поглаживая другой по голове одну из внуков.

До отправления поезда оставалось чуть больше десяти минут, поэтому мы заторопились на перрон. Большая часть родственников шла впереди, а мы с Толиком, нагруженные, как

мулы, шагали следом. Даже Тимофей Юрьевич помогал нести пару сумок и чемодан. Состав уже был подан, поэтому, сгрузив часть вещей у нашего вагона, мы побежали за следующей и последней порцией багажа и южных подарков. За один раз мы просто не могли всё притащить. Во второй раз Тимофей Юрьевич нам уже не понадобился, мы с Толиком справились сами.

Быстро перетаскав вещи в три купе и сложив их частью на багажных полках, а что не уместилось — прямо на полу (в основном подарки с юга родственникам в Киев), стали прощаться.

Пожав отцу руку, я крепко обнял его и сказал:

— К Новому году ждите. Праздновать с дочками у вас буду.

— Хорошо, спасибо, сын, — кивнул он. После этого я уступил место Толику и начал прощаться с матерью.

Когда я закончил прощаться со всеми одиннадцатью отбывающими родственниками, услышал сигнал отправки.

— Выходим! — крикнул я. — Поезд отправляется.

Проводница проследила, как мы покинули вагон. Все наши уезжающие собрались в коридоре и махали нам руками.

Наконец состав дёрнулся, шумя сцепками, и начал медленный разгон, отходя от перрона. Мы еще шли рядом с вагоном, но потом остановились, провожая взглядами уходящий состав.

Подхватив на руки Сашу и Женю, я посмотрел на Максим, которую держал на руках Толя, и предложил:

— Поехали домой.

Народу осталось не так много, как по приезду, и мы вполне могли уместиться у меня в машине, поэтому расплатившись с Тимофеем Юрьевичем, мы погрузились в «Волгу» и поехали домой, по пути завернув на базар прикупить продуктов. По приезде тетя Роза сразу же пошла в дом проведать, как там прабабка Серафима — та в последнее время что-то хандрила и не ездила с нами провожать отъезжающих. Остальная молодёжь рванула кто в сад, кто в дом собираться на пляж.

Толя пошел в дом переодеваться, а Тома и Лида, которые были старшими в походах на пляж, следили, чтобы малышня взяла с собой всё, что нужно. После этого они неорганизованной толпой покинули двор и вниз по улице направились на пляж. Мои дочери тоже ушли с полотенцами на плечах и с веселыми улыбками. Эх, беззаботное детство!

Сходив к себе и переодевшись, я спустился в одних шортах и, взяв в сарае ведро с тряпкой, наполнил его водой и пошел мыть машину. Она успела запылиться, пока мы ехали по улицам Сочи. Да и пора уже заняться ею. Три дня не мыл. К тому же через пару часов повезу Толика, надо, чтобы она выглядела прилично.

После мытья я вместе с братом, накинув на шею полотенце, спустился на полный отдыхающими пляж, прошел до пристани, как к месту отдыха родственников, нашел на мелководе наших детишек, включая дочек, положил полотенце на песок, рядом с явно нашим одеялом-покрывалом и, скинув шорты и сандалии, стал осторожно лавировать между купающимися к глубине. Чуть левее, метрах в пяти от меня, зеркально повторял мои действия Толик. Наконец дно стало резко уходить вниз, и я, оттолкнувшись, поплыл, довольно отфыркиваясь, продолжая также лавировать между отдыхающими, включая тех, кто плавал на камерах от машин и надувных матрасах.

Кстати, два таких матраса были и у нас на фазенде, а еще три латанных-перелатанных камеры от «Волги», что я купил на базаре. И если камеры еще держались, ими как раз пользовалась в играх малышня, то матрасы уже пришли в негодность, и никакая клейка не помогала. Два-три дня — и новая дыра. Ну вот как они умудрились пропороть бок одного из матрасов на сорок сантиметров?

Накупавшись, я вышел на берег и, расстелив полотенце, лег на него. Больше из наших никто из воды не вылезал. Толик плавал где-то в отдалении, присоединившись к компании такой же молодежи, в которой преобладали девушки, малышня продолжала толкаться на мелководье, сейчас шла игра «Большая гора» — кто взберётся на один из баллонов. Рядом сидела и брызгалась Тома, Лиды не было видно, как и третьего баллона. Видимо, отплыла на глубину. У них с сестрёнкой было дежурство. Одна следит за малышкой, другая купается, потом меняются. Остальные дети того же возраста сегодня отправились в Киев, вот и свалилась вся эта работа на моих сестрёнок. Ничего, через три дня должны приехать еще одни родственники, там есть дети того же возраста, так что будет им полегче.

В это время из воды выбежала Максим и, подбежав ко мне, прижалась к боку, греясь. Погладив ее по мокрым волосам, я спросил:

— Пить хочешь?

— Ага.

Подтянув к себе сумку, в которую тетя Роза обычно клала бутылку с водой и что-нибудь съестное вроде бутербродов — «шобы детки не голодали», как она говорила, — стал искать бутылку.

В этот раз в сумке была не стеклянная бутылка, заткнутая огрызком кукурузы, а приличный такой армейский двухлитровый термос. С прищуром посмотрев в ту даль, где плавал Толик, я усмехнулся. Термос был его подарком, причем к месту. Вон, тетя Роза сразу его использовала для детей, залив горячего и сладкого чаю.

Я подал большую крышку от термоса с чаем Максим, сидевшей у меня на коленях. Пока она делала несколько глотков, щурясь от каждого, я, внутренне улыбаясь, нашел бутерброды, развернул газету и подал один, что с колбасой, дочке.

«Влияние прабабки Серафимы сказывается, из всех только она одна пьёт так чай и щурится. Теперь понятно, на ком основное воспитание малышкой», — хмыкнув, подумал я и погладил Максим по уже слегка подсохшим волосам.

Другие детишки, заметив на берегу подобное происходящее без них непотребство, тут же шумной толпой ломанулись к нам. Так что на ближайшие десять минут я превратился в такого шеф-повара, раздавая каждому бутерброды и чай, благо в сумке были и кружки в количестве пяти штук. Правда, на всех не хватило. Точнее, на двух, но ничего, попили позже, когда освободилась тара.

Когда Толик вышел из воды, прыгая на одной ноге и трясая головой, я уже сидел один. Мелкие ихтиандры вернулись в родную стихию.

Посмотрев на часы, я сказал брату:

— Пора.

— Ага.

Взяв протянутое полотенце, он стал вытираться. Крикнув дежурившей на мелководье Томе, что мы уходим, направились к выходу с пляжа. Там мы оделись и уже бодрее зашагали в сторону дома.

На фазенде было короткое прощание, тетя Роза собрала Толе всяких вкусностей, всё-

таки на службе этого не хватало, что там — одна сгущенка? Забросив сидор с подарками на заднее сиденье, Толик устроился на переднем рядом со мной, и мы осторожно выехали со двора. Помахав руками провожающим нас женщинам, что закрывали въездные ворота, мы поехали вверх по улице.

Через двадцать минут мы миновали окраину и выехали на трассу, что вела в сторону Крыма. Зная, что на выезде находится заправка, я свернул к ней. Пока Толик, держа в руках пистолет, управлял машину, я расплатился и, подумав, направился в деревянный туалет, что находился в небольшом отделении от заправки. Специально дляправляющихся поставили, чтобы не загаживали всё вокруг.

На выходе я заметил, что рядом с Толиком стоят двое военных. Сперва я принял их за патруль, но отсутствие повязок на рукавах гимнастеров, старшего и положенных штык-ножей на поясе дало мне понять, что это, скорее всего, такие же отдыхающие-отпускники, как и Толик. Чуть левее в тени деревьев я заметил небольшой чемодан и такой же сидор, как и у брата, что подтвердило мой первый вывод. По приезде мы их не видели, видимо они находились в небольшом буфете, что частично находился в здании и частично на улице в виде двух столиков и пяти колченогих стульев, в данный момент пустующих.

При приближении я по знакам различия понял, что это солдаты автобронетанковых войск, сержант и рядовой. Когда я подошел, то отметил, что Толя общался с ними как-то уж больно доброжелательно, как будто он их знал.

— О, Игорь, — обернулся брат. — Это парни из соседней части. Мы с ними как-то в одной палатке ночевали во время учений.

— Привет, — спокойно кивнул я, здороваясь с ними, потом повернулся к брату. — Подожди. Ты же на сторожевике служишь, это что еще за наземные учения?

— Отрабатывали оборону от морского десанта, — пожал тот плечами. — Мы этот десант и высаживали. Три дня учения шли... Тут такая просьба. Мы можем их взять? Они тоже после отпуска в часть возвращаются.

— В чем проблема? Места и на четверых хватит. Закидывайте вещи и поедem, — велел я им, потом повернулся к Толику: — Полный бак залил?

— Под пробку, — кивнул он и полез на заднее сиденье за своим сидром. Открыв багажник, мы сложили весь багаж туда.

— Это хорошо, за полный я и заплатил, — пробормотал я и велел: — Сидайте, едем.

Вернувшись за руль, я завел машину и отъехал от колонки. Развернувшись на небольшом пятачке, покинул территорию заправки и, выехав на трассу, набрал скорость и направил машину в сторону Крыма.

Дорога ровным асфальтом со всеми положенными разметками привычно убегала под колеса. Встречные и сопутствовавшие машины не мешали мне держать стрелку спидометра на ста километрах, слушая разговор солдат-срочников. Те делились впечатлениями ототпуска. Изредка улыбаясь их перлам, я обогнал очередную машину, в этот раз медлительный экскурсионный автобус, и прибавил скорости, поглядывая в зеркало заднего вида и на пустую дорогу впереди. Думаю, часа за три мы доедем до Новороссийска, а оттуда на пароходе прямым маршрутом до города, где находятся части Толика и парней-срочников. То есть до города-героя Севастополя.

Жаль, что я не увижу невесту брата, очень бы хотелось, но тот сам выбрал этот маршрут. Ничего, еще будет время. Жаль, авиабронь брата сняли, отдали какому-то типу из партаппаратчиков, а билетов свободных не было. Бывает и такое.

Так-то Толик для экономии времени прилетел со мной из Севастополя на самолете, чтобы подольше побыть с родителями и родными, но вот обратно мы решили, что я частично подвезу его. Причина проста: Толику хотелось посмотреть мир, благо была возможность. Прошлый раз, когда я его забирал из части, ему наша поездка до Новороссийска очень понравилась, хоть это и заняло порядочно времени. Ничего, зато на пароме побывали вместе с машиной. Это было куда быстрее, чем всё это объезжать.

Дорога стелилась под колесами без проблем. Машина глотала километр за километром. Только в одном месте, где шел ремонт дороги, пришлось снизить скорость, пока совсем не остановились, пропуская по сигналу дорожного регулировщика встречную колонну машин. Потом уже нам дали дорогу, тормознув встречных. Проехав этот участок, мы к полудню подъехали к окраинам Новороссийска. Особо мы не торопились, до отхода парома осталось полтора часа, утренние сочинские и новороссийские мы, конечно же, пропустили, но зато в последнем еще вечерний рейс есть. Ничего, успеем.

На въезде заметив на посту ГАИ еще и армейский уазик, я сказал:

— Сейчас точно тормознут.

Так и получилось, капитан-мотострелок с повязкой патруля на рукаве толкнул в бок полусонного милицейского старшину, что стоял рядом, и тот поднял руку с жезлом, тормозя нас.

Аккуратно притормозив, я нажал на кнопку стеклоподъемника. Отчего механизм отчетливо жужжал, и стекло поползло вниз под удивленно-любопытным взглядом подходившего старшины. С другой стороны было слышно такое же жужжание и представление капитана.

— Старшина Вердиктов, попрошу ваши права и документы на машину.

— Конечно, — ответил я, доставая документы. — Прошу.

Пока старшина изучал мои документы, капитан построил солдат, проверяя увольнительные. Старшина быстро закончил, вернув права и техпаспорт, козырнул и пожелал доброго пути, а вот капитан еще минут пять мурыжил сержанта. Как оказалось, у того увольнительная заканчивалась сегодня вечером, но именно поэтому и отпустил. По времени тот успевал.

Как только брат и попутчики сели обратно, я завел машину и тронул ее с места, направляя в город. Проехав его насквозь, мы выехали к порту и поехали к речному вокзалу. Где он находился, мы знали прекрасно.

Время еще было, я проводил парней до кассы, где они взяли билеты, и вместе с ними посидел в буфете, попивая холодный лимонад и заедая его мороженым. Угощал всех, понятное дело, я. Откуда у солдат деньги, да еще после отпуска? Брату сотку сунул, да и то он брать не хотел.

Наконец подошел паром, выгрузив десяток легковушек, три грузовика и около двух сотен пассажиров. Парни забрали багаж и по сходням, предъявив билеты матросу, поднялись на борт.

Я стоял у перил, наблюдая за отходящим судном, помахал рукой брату, что появился на верхней палубе, еще немного постоял и направился обратно.

Машина всё так же стояла на стоянке. Обратная дорога длилась заметно дольше, я не так гнал, чтобы иметь лимит времени на случай опоздания на паром. Мало ли колесо проткнет. Да еще эти частые подъёмы и спуски. Ровная дорога встречалась довольно редко, а у побережья вообще петляла.

Домой я вернулся благополучно, да еще успел заправиться под пробку на заправке, после чего, уже в сгущающейся темноте, стараясь не подавить отпускников при свете фар и редких уличных фонарей, наконец подъехал к воротам нашей фазенды. Из взрослых мужчин на фазенде остался только дед, поэтому, не сигналив и не глуша двигатель, я вышел, открыл ворота и загнал машину во двор. Наступила долгожданная тишина.

Заметив в открытом дверном проеме тлеющий огонек сигарки, я спросил, закрывая створки ворот:

— Как у вас тут, пока меня не было?

— Да всё так же, — ответил дед, и было слышно, как он сплюнул. — Вовремя ты приехал. Твои без тебя укладываться не хотят, всё папку зовут. Сара, мамаша твоя, вокруг них вертится, а они ни в какую.

— Сейчас душ приму и приду, пусть успокоит их, — улыбнулся я.

Мои слова помогли, дочери терпеливо дождались, пока я приму водные процедуры, смывая пот и дорожную пыль, так что когда пришел в нашу комнату, мама передала мне их.

— Совсем от рук отбились, — тихо сказала она, но так, чтобы внучки слышали.

— Ничего, в таком возрасте им это позволительно.

Уложить дочурок спать мне не составило труда. Лежа рядом с сонно посапывающей Максим, я машинально поглаживал ее по голове, перебирая локоны, и размышлял. Отдыхать нам тут осталось максимум дней десять, после этого едем ко мне в Москву и занимаемся делами. Устрою дочек в садик, проведу экскурсии для сестер и дедушек с бабушками. Получу зачетку и студенческий билет, узнаю, что у нас будет по предметам, проверю, записали ли меня в кружок юного хирурга. Это планы на ближайшее будущее. Дальше я загадывать пока не буду. Там видно будет. А сейчас даже думать об этом не стоит, мы на отдыхе, так надо отдаться этому всей душой.

Счастливо вздохнув, я осторожно перевернулся на бок и закрыл глаза, довольно быстро провалившись следом за дочками в царство Морфея.

* * *

— Всё погрузили? — заглянул я в багажник, разглядывая сумки, свертки, пару чемоданов, что-то завернутое в газету и даже один мешок.

— Всё-всё, — отмахнулась бабушка.

Поглаживая пальцами левой руки подбородок, она задумчиво смотрела на багажник, вспоминая, не забыла ли чего.

Прабабушка Серафима в данный момент на веранде прощалась со своими единственными праправнучками и неединственными правнучками, а дед, пользуясь моментом, сидел в свободном кресле-качалке и дымил трубкой, которую он недавно где-то приобрел. Она ему настолько понравилось, что он свои сигарки больше и не курит, забивая табак в трубку. Даже средство для чистки прикупил.

Вот и сейчас, покачиваясь в кресле-качалке, пока прабабка его не согнала оттуда, он время от времени выпускал облачко дыма, довольно шурясь. Знал ведь, что в машине я не разрешаю курить, чтобы салон не пропах, вот и накуривался на длительную дорогу вперед.

Зря, конечно, остановки у нас будут, едут ведь живые организмы. То одному в кустики надо, то другому. Так что время покурить у него еще будет.

Наконец, бабушка уверенно кивнула, и я захлопнул багажник, отрезая ее от мыслей, что бы еще такого взять на ридну Украину.

— Ну всё, садитесь, пора отправляться, — велел я.

Тетя Роза пустила слезу, обнимая моих сестер и дочек. Потом принялась за бабушку с дедушкой. В этом не было ничего необычного, она всегда расстраивалась, когда кто-то уезжал, особенно если к нему привыкла.

Сегодня было девятнадцатое августа, день, назначенный мной к отъезду. Так что готовились к нему заранее. Провожали нас многие, но не все. Большая часть простилась еще утром перед походом на пляж, поэтому провожающих было не так много.

Дед открыл створки ворот, позволяя мне задом выехать на улицу. С трудом развернувшись в этой узости, я стал ожидать деда. Тот, закрыв ворота, галантно поцеловал ручку тети Розы, чмокнул в щеку прабабку и, помахав рукой остальным, присоединился к нам.

— Поехали, — велел он, захлопывая дверь и потянувшись за ремнем безопасности.

С этими ремнями я повозился, как с заказом в мастерских «Аэрофлота», так и с установкой. Но зато на переднем сиденье было два ремня безопасности, жаль времени не было с задними возиться. Заказать я их заказал, в багажнике лежат, но пока не устанавливал. Хорошо, что дед помнил мои наставления: сел — пристегнись.

Ехали мы тем же составом и почти так же. Лида с Максим и дедом на переднем сиденье, бабушка, Тома и остальные дочери — на заднем. Достаточно комфортно.

Поплутав по узким улочкам, мы выехали на окраину Сочи. Там я выбрался на главную автомобильную трассу, и мы по ней поехали обратно почти тем же маршрутом, что и приехали в Сочи. Только в этот раз в бывший Сталинград не будем заезжать, объедем чуть стороной.

Честно говоря, дорога как-то почти сразу не задалась. Буквально через три часа спустило переднее колесо со стороны пассажира, поэтому пока я его снимал, клеил, решив не доставать запаску, остальные приготовили обед, превратив его в легкий пикник, благо время как раз было обеденное.

Поставив накаченное до нормы колесо на место, я поел, что мне оставили, и снова сел за руль. Стронувшись с обочины и набирая скорость, я вот о чем задумался. Пока мы стояли и ремонтировались, около нас машин десять остановилось, и водители спрашивали, не нужна ли помощь. Вспоминая свою прошлую жизнь и особенно время, какое было-будет, думал, что такое в мое время было бы редкостью. Сам бы я проехал, даже не притормозив. Все-таки поменялся у нас в будущем народ, и сильно, и если в деревнях это почти не заметно, то в городах... Причем самое забавное было в том, что я теперь и сам, если на пустой дороге увижу машину с поднятым капотом, то просто не смогу проехать мимо. Получалось, что не только я влиял на этот мир, но и мир на меня. Вот как это еще назвать?

Размышляя об этой особенности своего изменившегося менталитета, я и продолжал ехать дальше. Однако приключения на сегодня у нас не закончились, я как раз поднимался по довольно пологому, но все-таки крутому склону, одновременно поглядывая в зеркало заднего вида. Там еще минуту назад показалась машина, которая, скажем так, делала странные движения по трассе, частенько выезжая на встречную дорогу. Так вот когда мы поднялись наверх, то увидели впереди зеленую долину, от вида которой Лида сзади восхищенно ахнула, а неизвестный на «Победе» догнал нас и, несмотря на запрещающий

знак, обогнал, чудом уйдя от лобового столкновения с переполненным встречным автобусом. И мне, и водителю автобуса пришлось принять к обочине, чтобы лихач не задел никого. Благо всё обошлось.

— Вот сволочь! — вырвалось у меня.

Скорость после подъема была не большая, но все-таки пятьдесят на спидометре было, а лихач точно шел ближе к сотне.

— Пьяный, похоже, — уверенно сказал дед, прижимая к себе испуганную правнучку.

— Ну да, похоже, — согласился я, прибавляя скорость, чтобы догнать неизвестного. У меня для таких есть верное средство против лихачества. Крепкий кулак и умение бить в нужные части тела. До многих доходит, что так больше не надо делать.

С семьей в машине не погоняешь, но на допустимой скорости я держал с лихачом практически одинаковую скорость. Даже, кажется, стал нагонять.

— Точно пьяный. Вон его как виляет, — азартно сказал дед.

— Там поселок впереди, дорога через него идет. Если он въедет туда на такой скорости, могут быть жертвы... Смотри, даже не снижает.

— Там милиционер впереди, — сообщил дед.

— Да, я вижу.

Впереди действительно был довольно большой посёлок, даже что-то дымилось в нем, вроде фабрики или котельной. Котельная труба была достаточно высокой. У въезда находился стационарный пункт ГАИ, и даже сотрудник наличествовал на боевом посту. Разглядев машину, идущую на большой скорости, тот вышел к проезжей части и поднял руку с жезлом. Это не был привычный мне гаишный жезл, а белая палка с блином на конце. С обеих сторон по цветному кругу. С одной стороны зеленый, с другой — красного цвета. Гаишник, что вышел на дорогу, поднял жезл, повернув в сторону лихача красным бортом. То есть приказывая ему остановиться.

Однако это ни к чему не привело, тот только прибавил скорости, не проехав, а скорее даже низко пролетев мимо гаишника. Реакция у того была молниеносной, он мгновенно рванул к единственному транспортному средству поста — служебному мотоциклу, разукрашенному в милицейские цвета. Внутри будки я сквозь стекла заметил силуэт второго гаишника.

Мне пришлось сбрасывать скорость до положенной, так что пока милиционер пытался запустить мотоциклетный мотор, я проехал мимо.

Лихач уже давно скрылся, даже гаишник, нарушая скоростной режим, пролетел мимо с напарником и скрылся вдалеке, пока я пересекал поселок. Наконец скоростной запрет вместе с посёлком остался позади, и я стал наращивать скорость, но опомнившись, посмотрел на дочурку, что тыкала пальчиком в кнопки выключенного радио, сбросил скорость и поехал на стандартных девяноста.

Буквально через пять минут дед воскликнул:

— Смотри, что впереди творится! Дымит что-то... и хорошо так дымит. От немецких танков и машин такой же дым был. Техника горит, — уверенно добавил он.

На ближайшем повороте, когда лес, что рос по краям дороги, немного отступил, перед нами открылась настоящая трагедия. При первом же взгляде стало ясно, что лихач на повороте не справился с управлением, на что намекали следы колес, идущих юзом, и боком влетел на остановку. По трагическому стечению обстоятельств она находилась на обочине рядом с дорожным ответвлением, ведущим к какому-то населенному пункту. Умудрившись

снести бетонную остановку, лихач (а скорее уже гарантированный труп), улетел с высокой кручи, что находилась за остановкой, вниз. Так что машину мы не видели, только изрядный дым от нее. У остановки стоял милицейский мотоцикл, одного гаишника не было видно, видимо спустился вниз, другой, сидя на корточках, что-то делал среди обломков, откидывая небольшие куски в сторону. С другой стороны трассы подъезжала легковушка, горбатый запорожец. Как раз на наших глазах полноватый водитель остановился, достал какую-то тряпку вроде кошмы и побежал на помощь. Еще из машины вылезла такая же полная женщина и стала тревожно смотреть в сторону дыма, но оставаясь у машины. Больше никого на дороге пока не было.

«Похоже, у меня тут у одного машина оснащена от А до Я. И огнетушитель есть, и аптечка», — подумал я, сбрасывая скорость и притормаживая.

Сориентировался я быстро, сразу стал отдавать команды, притормаживая и поворачивая к обочине, противоположной той, где произошла трагедия.

— Деда, следи, чтобы мелкие не видели, что там происходит, им это еще рано, а я на помощь.

Заглушив машину и не забыв поставить ее на ручник, я сбегал к багажнику. Ругаясь, перелопатил вещи, пока не нашел большой красный автомобильный огнетушитель, и с ним побежал к остановке.

При приближении стало понятно, почему второй милиционер не спускался. Среди обломков, что он поднимал, была видна окровавленная рука.

«На остановке кто-то был», — с замирающим сердцем понял я, глядя на окровавленную детскую ручку.

В это время обернувшийся сержант крикнул-спросил у меня:

— Аптечка есть?!

— Есть, и большая. Я медик.

Оставив огнетушитель рядом с сержантом, который, пыхтя, поднимал бетонный обломок, я с той же скоростью рванул обратно к машине. Промедление смерти подобно. Чужой.

Найдя, стал доставать небольшой специализированный чемоданчик с красным крестом на боку, который я сам окрашивал и собирал лекарства по своим знаниям. Жаль, что я еще не хирург, а то еще и хирургический инструмент бы возил. Только и есть, что один списанный, но хорошо заточенный скальпель, да пара зажимов.

Когда я бежал обратно, то увидел что водитель запорожца, поднявшись из оврага, схватил мой огнетушитель и кинул его кому-то внизу, предположительно второму милиционеру. Потом он подскочил к сержанту и стал помогать ему поднимать обломок бетонной стены бывшей остановки.

Я также подбежал и впрягся в помощь. Плохо было то, что это когда-то было цельной боковой стеной остановки. Ее, конечно, изрядно покорежило, но она держалась за счет арматуры, из-за чего нам приходилось тащить ее всю. Проблема была в том, что поднять мы ее подняли, но убрать в сторону не могли. Арматура уходила в фундамент и хоть частично полопалась, но частью держалась.

— Держите её! — услышал я крик деда. Мы держали, а дед подлез и вытащил тело молодой девушки, потом опять нырнул и уже волоком вытащил паренька лет четырнадцати.

— Всё, больше нет никого, — тяжело дыша, выдохнул он. Мы осторожно положили этот рассыпающийся в руках бетонный обломок и стали заниматься пострадавшими. К

мальчишке я даже не подошел, мельком глянул и отвернулся, открывая чемоданчик рядом с девушкой, которую я принял за ребенка из-за тонкой кисти. У мальчишки была черепно-мозговая травма, не совместимая с жизнью. Проще говоря, если он даже жив, в чем я лично сомневаюсь (вон и сержант, проверив по моей просьбе пульс, только отрицательно покачал головой), всё равно ничего не сделаю. Знаний для таких травм маловато.

А вот за девушку я еще могу побороться. Кроме перелома руки и черепно-мозговой травмы, у нее еще было проникающее ранение груди — обломок арматуры ударил под ключицей, и из раны текла кровь.

Сержант остался со мной, а мужик убежал вниз к полыхающей открытым огнем машине. Саму я ее не видел, но языки пламени с моего места видны были. Надеюсь, этот ушлепок сгорел заживо. Дед ушел к нашей машине, а мы с сержантом боролись за жизнь девушки.

— Держи на ране, пока я артерию не пережму, — держа в руках хирургический зажим, велел я гайшнику. Тот свёрнутым в тампон бинтом перекрывал рану, пытаясь остановить кровотечение.

— А остальное? — спросил он. Другие раны действительно выглядели страшно.

— Кровотечение в данный момент самое страшное... фу, всё, остановил.

— А что это она странно дышит? — прислушался тот, пока я готовил инструмент и поливал спиртом руки. Та действительно с заметным трудом дышала и булькала горлом.

— Поломанные ребра легкое пробили, оно кровью заполняется. Если в течение часа не доставить на хирургический стол, у нее нет никаких шансов.

Мельком глянув на шум приближающегося чего-то тяжелого, увидел автобус и велел сержанту:

— Тормози автобус, узнай, есть ли там врачи, а то я студент, учусь еще. Знаний маловато.

— Понял, — вскакивая на ноги, ответил он. — Я сейчас!

Сержант убежал, а в это время из оврага выбрались чумазый лейтенант и его помощник, хозяин запорожца. Судя по отчетливому запаху горелого мяса и продолжавшим вырываться языкам пламени над краем оврага, потушить машину они так и не смогли.

Оглядевшись, тот посмотрел в сторону остановившегося автобуса и удивленно на меня.

— Будет жить? — спросил у меня подошедший лейтенант.

— Шансы, несмотря на страшный вид, есть. Но чем дольше тянем, тем их меньше, — вымыв от крови руки спиртом, ответил я, после чего, используя остатки материала, продолжил перевязку. Когда я бинтовал голову, от автобуса в сопровождении сержанта подбежал пожилой кряжистый седоусый мужчина лет пятидесяти — пятидесяти пяти на вид. Тот сразу, можно сказать с ходу, включился в работу.

Обмениваясь фразами чисто медицинского толка, мы одновременно с работой прощупали друг друга. Его удовлетворили мои знания для студента второго курса (на третий я только собираюсь поступать), я же наблюдал за работой опытного сельского фельдшера на пенсии Степана Никифоровича Степанова, в войну бывшего ротным фельдшером. Используя фактически всё, что у меня было, мы смогли закончить с основной работой, включая наложение импровизированных лубков из подручных материалов. Даже голову зафиксировали на доске, привязав ее вместе с телом. Мало ли, спина повреждена? К этому времени милиционеры смогли с помощью водителей остановившихся машин собрать носилки с помощью двух палок, срубленных в лесу, и куска брезента, и раненую и погибшего

мальчика погрузили в почтовую машину, которая ехала в сторону ближайшей районной больницы. Сержант остался у места происшествия, лейтенант же поехал на мотоцикле сопровождать почтовую машину. Заодно сообщить о происшествии и известить все службы.

Степан Никифорович уехал сопровождать раненую, не забыв свои вещи из автобуса, которые ему принес водитель. А я стал собирать инструмент, убирая его в чемоданчик.

— Весь измарался, — сочувственно сказал сержант, поглядывая, как водители-добровольцы, используя ведра и лопаты, закидывают все еще дымящуюся машину землей и песком. Воды рядом не было.

— Да ничего, у меня в машине канистра с водой, отмоюсь и переоденусь. А одежда на выброс, уже не отстираешь... — щелкнув запорами чемоданчика, я спросил: — Что там с этим лихачом?

— Сгорел, так и не смогли вытащить.

— Он что, живой был? — удивился я.

— Да, когда мы подъехали, еще кричал. Потом замолк. Бак, похоже, полный был, вытекать начал, ну и полыхнуло, — обернувшись, добавил: — Всё еще потушить не могут, машину почти надвое разорвало, а всё еще горит. Думаю, в багажнике канистры были с бензином.

— Наверное, пьяный был, раз так гнал. У меня на глазах чуть в полный автобус на обгоне не врезался. Думал догнать да морду набить.

— Теперь уже не узнаем, пьяный он был или нет, — вздохнул сержант.

— Это да. Кстати, похоже, не простой человек был.

— Почему вы так решили? — заинтересовался сержант.

— Он меня в гору на сотне обошел, и это на «Победе». Не родной движок там стоит, будь уверен.

— Товарищ лейтенант записал госномера машины и отправит телеграфом данные по погибшему, так и узнаем.

— Ну, это ваши дела.

Развернувшись, я направился обратно к машине. Поставив слегка перепачканный чемоданчик рядом с багажником, я нашел канистру и позвал деда. Нисколько не стесняясь, я разделся до трусов и, бросив испорченную одежду под ноги, велел, наклоняясь:

— Лей.

Почти сразу на спину полилась слегка теплая вода, что я набрал перед выездом. Наблюдая, как по каменистой обочине, пузырясь, течет розоватая вода, я мысленно костерил лихача-полудурка. Мало того что свою жизнь сгубил, так поломал еще двоим. Одному навсегда, другой — даже не знаю.

— Хватит. Чистый уже, — сказал дед, опуская канистру. — В одежде вещи какие есть?

— Мелочь только. Документы под козырьком в машине, — отряхиваясь от капель, ответил я. После чего взял рубаху и, намочив часть, где она была чистой от брызг крови, отмыл чемоданчик-аптечку.

Достав из чемодана свои вещи, я переоделся в шорты и футболку с рукавами. Подобрал испорченную одежду, выгреб всё из кармана и зашвырнул ее подальше в кусты.

— Садись, сейчас поедem, — велел я деду, который убирал канистру в багажник.

Перебежав дорогу шлепая сандалиями (обувь я тоже отмыл), подошел к сержанту и спросил:

— Я тут нужен?

— Да нет. Огонь стихает, вон уже и дымит меньше. Спасибо за помощь, — козырнул он, после чего протянул руку.

Пожав ее, я ответил:

— Не за что. Всего хорошего.

Вернувшись в машину, я запустил успевший слегка остыть мотор и сказал гагаринское:

— Поехали.

Как ни странно, но успели мы вовремя. Хотя начало темнеть, но мы уже въехали в город и остановились у гостиницы, где были заранее забронированы номера.

Быстро оформившись, я перетаскал вещи и, искупав дочек после дороги, заставил их поесть, потом сам принял душ и через полчаса уложил их спать.

Утром, пока мои завтракали в столовой рядом с гостиницей, съездил в аптеку и обновил запас лекарств почти всех видов, что использовал (в дороге может пригодиться, как я убедился), даже перевязочный материал закупил и два жгута. Тот, что у меня был, уехал вместе с пострадавшей девушкой. После этого торопливо позавтракав, пригласил своих в машину, вещи уже были собраны.

Дальнейшая дорога заняла куда меньше времени (и прошла на удивление благополучно), мы оставили Киев сильно левее и продолжили путь к Москве. Приехали ближе к обеду следующего дня.

Проехав пол-Москвы я, наконец, свернул в родной двор и заглушил хорошо потрудившийся мотор.

— Ой, как тихо стало, я уже привыкла, что только едем и едем, — воскликнула Тома.

— Вылезай, балаболка. Дарью Михайловну я уже предупредил, так что наверху нас ждет праздничный обед. Давайте бегите, а я вещи начну носить.

Когда я закончил с переноской всего багажа и запер машину на стоянке, мои уже успели устроиться в квартире. Дед, напевая, принимал душ, бабушка помогала Дарье Михайловне накрывать на стол, Тома с Лидой смотрели телевизор в зале, а младшие или играли с новыми игрушками, что я привез из Франции, или бегали по квартире, заглядывая во все углы. Не изменилось ли чего, пока их не было.

— Уф-ф, вроде всё, — пробормотал я, укладывая последний сверток в прихожей. Я перетаскал снизу, а укладывают пусть женщины. Тут всё их, кроме моего и общего чемодана дочек.

Дед вышел из ванной в моем халате, поэтому, воспользовавшись заминкой — сестры не успели среагировать — я занял душ, пообещав, что быстро.

Когда после душа прошел в кабинет в запасном халате, дед сидел там на диване и листал подшивку газет.

— Это что такое? — спросил он, указав на небольшую коробку размером полметра на полметра с надписями по-французски.

— Мини-бар, он же холодильник. Привез из Франции. Хочу установить в кабинете вон в ту нишу в шкафу и замаскировать. Буду хранить там спиртное, не в общем же его держать, куда у дочек есть доступ?

— А в этот, думаешь, не залезут?

— В этот точно нет, — уверенно ответил я, проходя к столу и садясь за него. — Он на встроенный замок закрывается.

— У тебя такой только один в наличии? — с деланным безразличием спросил дед. Я с

подозрением посмотрел на него, предчувствуя, что меня сейчас будут грабить.

— Один, — подтвердил я и попытался ногой спрятать коробку с минибаром за стол.

— И тебе он так нужен?

— Нужен.

— А мне нужнее, — отрезал дед. — Ты себе еще найдешь, а я где такой возьму?

Подумав, я кивнул. Тут дед прав, с моими связями сделать это было не трудно, канал Алекса мне был известен.

— Ладно, тем более у тебя скоро день рождения. Подарком будет.

— Вот и ладушки, — обрадовался дед.

Похоже было, что он меня провел, взяв нахрапом, и сам не ожидал благополучного исхода. Я мог настоять на своем.

— Что думаешь завтра делать? — спросил дед.

— О, дел полно, нужно всё успеть до начала занятий. Так что я на вас рассчитываю, присмотрите за внучками, пока я по Москве бегаю, улаживаю свои дела.

— Конечно, поможем. Аль не родственники?

— Это да... Херес будешь? Из солнечной Испании, между прочим.

— А давай. Испробуем, что это такое.

Спустя двадцать минут дед сделал еще один смачный глоток, с удовольствием прищурился и, хитро улыбнувшись, спросил:

— У тебя только одна бутылка или?..

— Грабю-ю-ют, — тихо прошептал я.

* * *

Два с половиной года спустя, ноябрь 1968 года.

Москва.

Подняв воротник, чтобы спрятаться от пронизывающего ноябрьского ветра, я нетерпеливо посмотрел в сторону площади у метро.

«Может, в машину сесть? Блин, тогда пропущу Владимирова, а он мне очень нужен... Да где он?! Рабочий день начинается, это его обычный маршрут из дома на работу... О, он вроде?!»

Поежившись от ветра, я направился наперерез интересующему меня объекту, что направлялся к дверям станции метро.

— Здарова, — поприветствовал я его.

— Привет, — кивнул майор.

— Есть минутка поговорить?

— По такой погоде как-то желания нет. Пойдем в общепит. Тут за углом ближайший.

— Пошли.

Через двадцать минут мы стояли за высоким столиком и, попивая горячий чай, беседовали. Причина для встречи с майором у меня была прозаичная. Сегодня утром, буквально час назад, мне позвонили и предупредили, что меня вызывают завтра в обед в управление комитета, мол, чтобы я не уехал никуда. Причем быстро так сказали. Сперва спросили, кто у аппарата, убедились, что я — это я, сообщили и тут же положили трубку,

отчего я не успел послать звонившего далеким маршрутом. Вот и заинтересовался, кто это балуется со мной телефонными хулиганствами. А так как Владимиров работал в организационно-аналитическом отделе, куда его месяц назад перевели, то и решил через него узнать, кто мной интересуется.

Одним словом, позавтракал, отвез дочек в садик и поехал перехватывать Владимирова к станции метро, так как к дому я точно не успевал.

— Когда тебе надо? — уточнил майор.

— Сегодня бы.

— Звонить тебе не стану, встретимся тут же в семь вечера.

— Блин. В семь у меня курсы хирургии, профессор Зиновьев ведёт, не хотелось бы пропускать. Ничего, я что-нибудь придумаю.

— Тогда встречаемся тут.

— Договорились.

Распрощавшись, мы разошлись, я направился к машине, чтобы отправиться в институт, в котором учился с немалым удовольствием и интересом, а Владимиров к себе на работу. Надеюсь, вечером будут нужные новости.

«Интересно, что им надо? — размышлял я, шагая к машине. — Отдать долг за Францию? Глупость несусветная, два с половиной года прошло, какая, к черту, благодарность? Вон, ноябрь шестьдесят восьмого на дворе. К тому же я пробил, кто так ко мне отнесся и кто за это дело себе орден благодарности заимел, из-за чего я теперь и не люблю замполитов. Не-е-ет, тут что-то другое. Посмотрим, что».

Лекция на факультете хирургии так увлекла меня, что я чуть не пропустил встречу с Владимировым. Извинившись перед профессором и пояснив, что мне очень надо уйти пораньше, я получил разрешение. У профессора я был в любимчиках. Еще когда перешел на четвёртый курс в прошлом году, попросил Евгения Андреевича устроить меня на полставки в институт Склифосовского ассистентом хирурга, чтобы нарабатывать опыт еще на студенческой скамье. Просьба, конечно, была не обычная, но не для профессора, к тому же я не первый, кто подходил с такой просьбой. Были самородки и до меня, просто другие так не наглели, напрашиваясь на практику к лучшим хирургам Союза. Не знаю, на какие рычаги нажал профессор, но вот уже больше года я, оформившись как операционный медбрат, практикуюсь у наших лучших хирургов в свободное время. Честно скажу, я за год на практике узнал больше, чем за два года на лекциях. Участвовал во множестве операций, хоть и принеси-подай совместно с операционной сестрой, но опыт нарабатывал. Правда, какими бы у меня ни были успехи (около десяти аппендицитов лично вырезал под присмотром дежурных хирургов за полтора последних года), я всё равно пока не дотягивал до хирурга. К серьезному меня не допускали. В приемном покое также успел поработать, нарабатывая опыт. Кости вправлял, проводил первичный осмотр и направлял в операционные под присмотром дежурного врача. За год я сделал себе имя. Вон, даже начальник института интересовался, куда я собираюсь после учебы и не хочу ли к ним устроиться штатным хирургом. Решение мое удивления не вызвало, я с немалым удовольствием согласился работать в Склифе. В глухомань ехать по распределению не хотелось, хотя и там можно набрать немало практического опыта.

В прошлом году, когда дочкам было четыре годика, я всего месяц с ними отдохнул в бархатный августовский сезон, тогда я всё лето провел в приемном покое, не забывая

ассистировать в операционных в свободное время. Многие хирурги уже знали: если попадется в их практике интересный случай, можно смело вызывать меня. Примчусь быстрее собственного визга. Я еще ни разу не отказался попрактиковаться и наработать опыт. Этой весной отпраздновав дочкин день рождения и пятилетний юбилей, в начале лета отправил их отдыхать на нашу семейную фазенду в Сочи с тринадцатилетними тетками — и снова на практику в институт Склифосовского. Дошло до того, что те сами написали заявку на меня и еще на двоих. Дурной пример заразителен, как говорится. Жаль только, что зимой из-за детей практика у меня заметно слабее, чем летом. Сейчас-то я в дом возвращаюсь рано, часов в семь — восемь вечера, стараясь не пропустить вечерние лекции, а летом я и ночевать умудрялся в больнице.

Опыт я приобрёл немалый, даже участвовал (просто смотрел во все глаза) в особо сложных операциях. Таких случаев я могу с ходу насчитать три десятка. Огнестрельные, черепно-мозговые, ножевые, повреждения после ДТП, даже хронические заболевания и ожоги. Через все эти операции я прошел не раз.

Именно поэтому лекции хирургии профессора Зиновьева я не пропускал, о чем он прекрасно знал, будучи таким же фанатом хирургии.

— Причина серьезная, я надеюсь? — спросил он.

— На мой взгляд, более чем, — ответил я.

— Хорошо. Но просто так я тебя не отпущу. Держи конспекты лекций по проктологии на ближайший семестр. Выучишь за неделю и лично мне сдашь материал. Проверять буду строго.

Кроме того что я был его любимчиком, он еще не упускал случая дополнительно поучить меня. Причем как разнопланового специалиста, хирурга широкого профиля, так сказать. А мне что? Мне только в радость.

Встав из-за первой парты нашей аудитории, я подошел, забрал толстый том конспекта, написанный от руки знакомым профессорским почерком, повернулся было обратно за вещами, как профессор неожиданно рявкнул-спросил (это был его излюбленный метод, чтобы студент терялся от неожиданности):

— А ну, студент Соколов, назовите мне заболевания в проктологии?!

Развернувшись, я тут же оттарабанил:

— В проктологии занимаются диагностикой, лечением и профилактикой таких заболеваний, как полипы, травмы, инородные тела, опухоли, анальные трещины, выпадение кишки, глистные инвазии, проктит, анальный зуд и колит.

Подобными эскападами профессор мог вогнать только перво- и второкурсников, но никак не опытного пятикурсника, знавшего профессора не понаслышке и не раз бывавшего у него дома в качестве гостя.

«Да-а, как время летит. Казалось, только вот из армии пришел — и уже три года как учусь. Время летит незаметно. Дочки, вон, едва говорить умели, сейчас шпарят как по писаному», — подумал я о времени, проведенном в институте.

— Хорошо, отлично, садись... э-э-э... то есть можешь идти. Эта лекция будет за тобой засчитана.

Быстро подойдя к портфелю, что лежал на скамейке, я сложил туда всё, что лежало на столешнице парты, и убрал конспект, потом, коротко распрощавшись, покинул аудиторию.

В гардеробе я забрал свою утепленную куртку, отметив для себя, что пора переходить на польскую дубленку, и, выйдя на ноябрьский мороз, быстро направился в сторону

автостоянки, где находилась моя красавица.

Прогрев машину, я посмотрел на часы и заторопился к месту встречи.

«Интересно, что сообщит мне Владимиров? Два года ведь не трогали меня, что им надо?!» — размышлял я, поглядывая на проезжую часть ночной Москвы.

Наконец, пятнадцать минут езды, и я, свернув к обочине, припарковался рядом с помещением общепита. Оно работало до восьми, поэтому я был уверен, что майор будет ждать меня именно там до окончания, если опоздаю.

Пройдя в помещение и вдохнув довольно вкусные запахи, я обнаружил, что Владимирова еще нет, заказал горячего чая и бутербродов. Дома меня ждал ужин, приготовленный Дарьей Михайловной, поэтому не будем портить аппетит. Так, перекусим слегка.

Домработница у меня молодец, столько проблем с плеч сняла. С дочками постоянно возится. Я делаю только два обязательных родительских действия: отвожу их в садик и укладываю спать. Всё остальное на Дарье Михайловне. Забирает дочек из садика и возится с ними до моего прихода, зачастую позднего. В таком случае она ночует в гостевой спальне.

Владимиров пришел, когда я закончил с чаем и, блаженно щурясь от растекающегося по телу тепла, доедал бутерброд.

— Чаю будешь? — поинтересовался я.

— Давай, а то продрог в пальто.

Мне было не влом сходить за чаем и парой бутербродов с любительской колбасой.

Подождав, пока тот утолит легкий голод и попьет чаю, я, наконец, узнал причину сегодняшнего утреннего звонка.

— Тебе звонил дежурный управления, через него, а вернее через запись в журнале я и узнал, кто подал заявку на встречу с тобой. Тобольский. Слышал про такого?

Я задумался, прокручивая память, и отрицательно покачал головой.

— Что за крендель?

— Из партийных функционеров, что были инструкторами отделов ЦК республиканских компартий. У нас меньше года, сейчас курирует второе главное управление. Генерал-майор.

— Замполит, значит, — задумчиво протянул я. — Что ему надо?

— Ну, извини, слишком мало было времени, — развел майор руками.

— Ладно, прости. И за это спасибо, — сразу же покаялся я.

— Что думаешь делать?

— Ничего. Это я ему нужен, а не он мне. Нужно будет, пускай сам едет, выслушаю и пошлю его куда подальше. Я ведь не в штате. Всё уже. Два с половиной года как неподчиненный, и честно говоря, возвращаться не собираюсь.

— Я пробил его, раньше сталкиваться не приходилось. Говнистый, говорят, начальничек.

— Это мое дело. Мне на шею как сядешь, так и слезешь... и вообще я студент-медик. Что с такого возьмешь?

— Да уж, скользкая ты личность, Игорь.

— Вот только хвалить не надо, а то покраснею.

— Кстати, когда четвертая книга «Интернов» выйдет?

— Только начал работать над ней. Поэтому честно скажу, не скоро. Просто мало времени из-за учебы, я поэтому только две книги и написал за это время. Вот когда закончу, получу диплом, времени будет больше, тогда и допишу. Тебя до дома подвезти?

— Давай, а то ветер уж больно пронизывающий.

По дороге мы еще немного поболтали, после чего я высадил Владимирова у его дома, где у них с женой и двумя детьми была комната в коммуналке, и поехал к себе, подумывая обратиться к Михиному отцу. Тот стал начальником по жилищному вопросу в Москве. Думаю, он легко пробьет квартиру для майора. А то по выслуге уже положено, а родной комитет даже не телится, зато всякие замполиты, которые только и умеют, что портить жизнь начальству и простым служащим, получают отдельные квадратные метры без очереди и сразу. Круговая порука, одним словом.

Загнав свою красавицу на ее место в родном дворе (все жильцы знают, что это место я застолбил, и не занимают его) и заперев машину, с портфелем в руках направился к себе. Сегодня я был раненько, чему дочурки очень обрадовались. Они теребили меня, пока я раздевался в прихожей, и в три голоса рассказывали свежие новости, то, что произошло сегодня. С удовольствием слушая их галдение, я сообщил Дарье Михайловне, что ужинать буду легко и направился к себе в кабинет. Там оставил портфель, сходил в спальню переоделся в домашнее (всё это совместно с дочками) и направился ужинать.

Дарья Михайловна поспешила уйти к себе, пока было не поздно, я попытался остановить ее, попугав пронзительным ветром, но та ушла. Как оказалась, она ходила на кружок кройки и шитья, где собирались ее подруги.

Поиграв с дочками — опять пришлось изображать лошадку, хотя у них в комнате стояла почти настоящая, деревянная — я, наконец, уложил их в постели и стал рассказывать сказку на ночь. С тремя очень трудно уложить и усыпить: одна уснула, другие не спят, или наоборот. Но сегодня мне повезло. Наигравшиеся и уставшие дочурки уснули через полчаса. Положив большую книжку со сказками на столик, стараясь быть тише, я вышел из детской и, не закрывая дверь, направился в кабинет. У меня еще много работы, нужно начать учить конспект. Конечно, многое я знал, что там есть, но не всё. Вот и придётся всё это читать, вглядываясь в ровный убористый почерк профессора. Хорошо, что по сравнению с другими лекторами почерк у него был выше всяких похвал. Я вот неплохо разбираю.

Подойдя к шкафу, я открыл потайную стенку, ключом отпер минибар и, достав бутылочку так полюбившегося не только мне, но и отцу с дедом хереса (из-за чего мне пришлось стать их поставщиком, благо канал Алекса действовал до сих пор) и прихватив по пути глубокий хрустальный бокал, прошел к столу. Налив себе вина на самое доньшко, я сделал глоток и блаженно сощурился. Это было то, чего весь день не хватало. Посидеть в тишине и прочувствовать букет хорошего вина, думая ни о чем — вот что мне было нужно в последнее время.

Побалдев так с полчаса и выпив примерно пятьдесят грамм испанского нектара, я вернул бутылку и бокал на место, после чего принялся за конспект.

Утром я поднял привычно недовольных ранним подъемом дочек, умыл, причесал, вместе с ними позавтракал, так же морщась от каши, и одев в хорошую зимнюю верхнюю одежду, начал спускаться к машине с пятилетними колобками, что, переваливаясь, как медвежата, прыгали со ступеньки на ступеньку вниз по лестнице. Для зарядки — я почти и не помнил, когда в последнее время пользовался лифтом, да и детей к этому приучал. Даже тяжести таскал по лестнице, если, конечно, в одиночку. Пробежки я теперь устраивал редко, но вот со спортивной стенкой занимался каждое утро по часу, чтобы быть в тонусе.

Вчера вечером я читал конспект до часу ночи и только потом пошел спать. Четверть

прочитал, многое понял и запомнил. Хороший и понятный конспект.

Сегодня у меня в планах привычный садик, где оставлю дочек, и институт. На то, что меня там кто-то вызывает на десять часов, я махнул рукой — лекция в институте куда интереснее. Во-первых, я не подписывал подобный вызов — значит, юридически не подсуден. Во-вторых, жил себе спокойно, и дальше так собираюсь, не нужна мне контора. В-третьих, надо им, пускай сами приезжают, кончилось то время, когда я, как собачка, бежал по первому вызову.

С комитетом я больше дел не имею, вот с генералом Левиным, с тем самым, которому я помогал поймать партийного маньяка в Ростове, у нас установились теплые и дружественные отношения. Да что там! За два года я трижды помогал ему в охоте на маньяков, и он хорошо знал, кого надо благодарить на упавшие ему на плечи погоня генерал-лейтенанта и получение нового назначения. Он теперь в министерстве МВД работает, которое снова переименовали из МООПа. Вот такие дела.

Я отвел дочек в садик — тут всё рядом, больше кружился по улицам, напрямки, через дворы, быстрее бы получилось. Помог им снять верхнюю одежду и передал с рук на руки воспитательнице, вечером их заберет Дарья Михайловна, ну а я поехал дальше — грызть гранит науки.

День прошел спокойно, меня никто не дергал и не вызывал. Да в принципе, меня это и не расстроило, впитывал знания я с охотой и интересом, причем так, что даже забыл про всё, что связано с конторой. Думаю, никого не было у нас в институте настолько жадного до знаний, как я. Ну, или я иду в первой тройке.

Вечером, после двух лекций, что не относились к моему направлению учебы, но были мне интересны, приехал домой.

Туда тоже странных звонков не было. Если из конторы и звонили, то в десять-одиннадцать утра, когда дома никого не было. Звонил дядя Рома — узнать насчет запланированного ремонта у моих знакомых на квартире, где я был посредником; и мама, но последняя общалась с единственными внуками. Толик таки женился и даже успел родить крепенького такого сына. После армии он подал документы на учебу в военном училище погранвойск и сейчас грыз, как и я, гранит науки. Через два года у него выпуск.

Из-за позднего времени домработница осталась ночевать у нас. Я же, поиграв с малышкой, оставил их возиться у себя в комнате. Иногда то одна, то другая забегала в кабинет, и, получив отцовской ласки, или убегала, или садилась сперва на колени, а потом уже убегала играть дальше, а я продолжал сидеть за конспектом профессора.

Утром, когда я прогревал машину наблюдая за играющими во дворе дочками — те скатывались с другими детишками со снежной горки, радостно вопя, — во двор въехало такси «Волга» и, неторопливо прокатившись до стоянки, замерло. Через стекла я отчётливо рассмотрел двух седоков — водителя и пассажира. Такие «Волги», как моя, выпускались до сих пор. Жаль, что до «двадцать четвертой» ждать еще два года, их, кажется, в семидесятом должны начать выпускать. Хотя презентационные экземпляры могут и раньше. Надо будет одну урвать такую, я уже намекнул нужным высоко сидящим людям, обещали помочь.

Из «Волги» вышел парень моих лет, то есть около двадцати пяти, и задумчиво посмотрев в мою сторону, обернулся в сторону подъезда и направился к моей машине. Пришлось выйти из начавшего прогреваться салона.

— Старший лейтенант Петровский, — представился он. — Вы Игорь Викторович

Соколов?

— Это я.

— Можно посмотреть ваши документы?

— Вполне, — я достал права и показал их курьеру, не давая в руки.

— Хорошо. Мне приказано узнать о вашей неявке вчера.

— Причина проста, делать мне у вас нечего, к тому же в это время у меня пары в институте, которые я пропускать не хотел и не собирался. Но основная: нечего мне просто у вас делать, а если вашему начальству я так нужен, пускай сам ко мне едет или присылает повестку.

— Хм, — смущенно хмыкнул лейтенант от моей резкой отповеди, хотя зря я, конечно, набросился на простого курьера. — Мне приказано передать вам письменный приказ явиться сегодня в час дня в управление в кабинет сто шесть.

— Раз приказано, то передавайте, — вздохнул я.

Расписавшись в получении, я пронаблюдал, как лейтенант сел в машину и уехал, после чего посмотрел на белый свернутый лист бумаги. Развернув его, прочитал, убедившись, что там то же самое, что сказал Петровский. Мне было приказано явиться в такое-то время по такому-то адресу в такой-то кабинет. Теперь всё было законно, не явиться я просто не мог.

Убрав лист во внутренний карман, заглянул в машину и убавил подсос, а то мотор уже ревел, и стал выкрикивать дочек. Последнее, кстати изрядно забавляло жителей дома. Сейчас-то не понятно из-за зимней одежды, но летом, когда я выхожу во двор и зову дочек, то неместные изрядно удивляются, ошарашенно наблюдая, как на мой зов вместо мальчишек бегут девочки, с обычными такими косичками, и мы скрываемся в подъезде.

Усадив их на заднее сиденье, я вернулся в почти прогретый салон — стекла, по крайней мере, оттаяли — и, выехав со двора, двинулся по привычному маршруту в садик, где задержался на полчаса (а вы попробуйте раздеть трех детей и переодеть их в легкую одежду, когда они постоянно вертятся), и поехал к институту.

Закрыв машину, я пошел к огромному зданию университета. По пути меня догнал сокурсник.

С того момента как влился в их группу, я держал дистанцию, получив общее восприятие умника и зубрилы. За два года близко так ни с кем и не сошелся, общаясь с каждым нейтрально-холодно. Вот с теми, с кем учился раньше (жаль, что их выпустили), я общался охотно.

— Привет, Игорь, — поздоровался Антон Павловский, хлопая меня по плечу.

— Привет, — спокойно ответил я.

— Что, сегодня, как всегда, до глубокой ночи учиться будешь?

— Сегодня вряд ли. Повестку получил.

— Ты же вроде отслужил?! Слух такой был.

— Это в КГБ вызывают за чем-то.

Павловский почти сразу и как-то незаметно отстранился.

— А зачем вызывают? — осторожно спросил он, когда мы подошли к большим массивным дверям.

— Не знаю, сказал же. На первые две пары пойду. Потом отпрашиваться надо в деканате.

В последнее время после моих успехов в хирургии староста старалась, чтобы я влился в коллектив, а не был демонстративной одиночкой. Некоторые ей помогали, вроде этого

Павловского. А мне этого было не надо, и таким способом я еще больше отдалил их.

Раздевшись, я до начала занятий сходил в деканат, где секретарь, переписав с предписания данные повестки в журнал, что, мол, не по своей прихоти отлучиться собираюсь. Обычно у нас, студентов-медиков, нужды отпрашиваться не было: нужно — собираешься и идешь по своим делам. Вот только всегда требовалась отработка пропущенных занятий. И совершенно не имело значения, по болезни ли пропустил или по каким-то другим причинам — пропущенное занятие всегда отрабатывалось. Тут же я хотел сделать всё по правилам. Есть веская причина — предьяви. Пусть только попробует вызывающий меня этим укорить, что, мол, раскрываюсь. Пошел он.

Я направился на занятия нашей группы.

В двенадцать сходя в студенческую столовую (разрешение от декана я все-таки получил), оделся, взяв в гардеробе свою дубленку с шапкой, и вышел на улицу. Там на стоянке прогрел машину и поехал в управление КГБ.

Там было всё, как прежде. Машину оставил на обочине, метрах в трехстах от грозного здания, запер и пешочком дотопал до входа. Дежурный офицер, приветливо кивнув (мы были знакомы), взял у меня паспорт, оформил данные в журнал, вернул документ и подтвердил, что мне требуется идти в сто шестую комнату. Где она находилась, я знал, часто заседал в сто четвертой. Поднявшись на нужный этаж, прошел к комнате и постучал. Та оказалась закрытой.

Стульев рядом не было, пришлось тащить с другого места через два кабинета, где стояла пара свободных. Устроившись в расслабленной позе на стуле закинув ногу на ногу, я сдвинул шапку на лоб и решил прикорнуть, пока не придет тот, кто меня вызывал.

Даже заснуть не успел, буквально через пять минут послышались тяжелые шаги и рядом кто-то остановился.

— Соколов? — услышал я.

Подняв шапку, я посмотрел на незнакомого крепкого и кряжистого мужчину и кивнул.

— Да.

Погремев ключами, тот велел:

— Проходи.

Войдя в обычный служебный кабинет, я расстегнул дублёрку и положил шапку на стиб коленки, пригладив слегка отросшие волосы на голове. Надо будет к своему парикмахеру сходить, не люблю обросшим быть.

— Я вас слушаю, — сказал я, посмотрев на устраивающегося за столом мужчину.

Неизвестный оторвался от переключивания бумаг и посмотрел на меня.

— Почему ты не пришел по первому вызову? — спросил он.

— У меня пары важные перед экзаменами были, времени бегать куда-либо из-за телефонных шутиков не было.

— Допустим, — кивнул тот, потом взял два листа и толкнул их в моем направлении. — Подписывай.

Взяв листы и не обращая на протянутое перо ни малейшего внимания, я стал читать, что мне подсунали.

— Я это подписывать не буду, — толкнул я листы в обратном направлении.

— Это приказ на временное твое возвращение на службу. Как это ты не будешь его подписывать? — изумился неизвестный.

— Очень просто. Не буду. Мало того, приходит какой-то хмырь, что мало того что не представляется, подписать что-то требует, так еще и тыкает. Вот я и говорю, что подписывать ничего не буду.

— Приказ о твоём временном возвращении уже действителен, подписал ты его или нет, — усмехнулся неизвестный.

— Меня это мало заботит. По закону я прав и чист. Это всё? — деловито спросил я. — Я могу идти?

— Нет, не можешь, — усмехнулся неизвестный.

Меня немного напрягала его торжествующая усмешка, но всё равно я был само спокойствие, отчего тот заводился всё больше и больше. К этому я и стремился, вдруг что интересное скажет в порыве.

— Что так? Я задержан, арестован? Нет? Тогда всего хорошего, — встав, я направился к двери.

— Сядь! — рявкнул неизвестный.

— Ты мне еще фас скомандуй, — усмехнулся я и, открыв дверь, вышел в коридор.

Кто-то подумает, что я зря так себя веду, но мне нужно было вывести его из себя. Посмотрим, что получилось.

На выходе, как и ожидалось, меня тормознул дежурный.

— Извини, Игорь, самоход у тебя не подписан.

— Почему? — удивился я, протягивая ему квитанцию на выход. — Всё у меня подписано.

— Действительно, — озадаченно разглядывая закорючку замполита первого главного управления генерала Мортина, пробормотал капитан. Подпись он узнал, подделать ее было нетрудно, чем я иногда пользовался. — Но всё равно нельзя. Звонил полковник Стругов и велел тебя не выпускать.

— Ага, вон кто это был? — задумчиво протянул я и, развернувшись, направился к лестнице.

Генерал Сахаровский был у себя. Попросив у секретаря доложить обо мне, я удостоился аудиенции.

— Проходи, — велел генерал, вставая из-за стола. — Вроде только недавно был, случилось что?

— Да мелочи, Александр Михайлович, — здороваясь с ним, ответил я. — Прислали повестку, я пробил, оказался приказ. Отдал некто Тобольский. Пришел — так меня обхамил непонятно кто, даже не представившись, да еще требует, чтобы я вернулся на службу. Что-то вот я не понимаю этой ситуации. Я всегда работал в первом управлении, а тут какой-то хмырь из второго условия ставит. Вот что это такое было?

— Тобольский, значит? — нахмурился генерал. — Знаю такого. Подожди минуту, сейчас выясню.

Генерал сходил к столу и вызвал некоего полковника Рощина. Вернувшись к дивану, он снова сел и спросил:

— Не объяснили, зачем ты им нужен?

— Понятия не имею. Даже догадок нет, — отрицательно покачал я головой.

В это время в кабинет вошел моложавый полковник в полной форме.

— Алексей Петрович, тут такая интересная информация появилась. Нашим бывшим починенным капитаном в запасе Соколовым заинтересовались люди из второго управления.

В частности есть информация о генерале Тобольском. Узнайте о причинах такого интереса и немедленно доложите.

— Есть, — козырнул тот и вышел.

Нам было о чем поговорить с генералом. Поэтому те полчаса, что прошли к моменту возвращения полковника, пролетели незаметно.

— Докладывайте, — приказал генерал.

Открыв папку, что держал в руках, полковник начал хорошо поставленным голосом докладывать:

— По полученной информации, капитан Соколов вчера в одиннадцать часов был восстановлен в звании и временно принят во второе управление на должность оперативного сотрудника. Приказ подписан председателем Комитета государственной безопасности СССР Андроповым Юрием Владимировичем. С той минуты капитан Соколов находится на действительной службе.

— Причина интереса к капитану? — поинтересовался нахмурившийся генерал. Ему эта ситуация очень не понравилась.

— Уточняется, но предположительно... по слухам... генерал Тобольский предложил товарищу Андропову использовать капитана Соколова для поимки маньяка. По непроверенной информации, где-то в Европе, возможно в Италии. Сами они там облажались, это тоже слухи.

— Выяснить, почему всё это прошло мимо меня, — еще больше нахмурился Сахаровский.

— Будет сделано. Разрешите идти?

— Идите.

За полчаса Рощин, молодец такой, успел сделать многое, хоть немного приоткрыв завесу тайны с моим вызовом.

— Будешь помогать? — искоса посмотрев на меня, спросил генерал.

— Нет, — уверенно ответил я. — Обломится Тобольскому выехать на моей спине вверх. Тут дело принципа.

— Приказ о твоём возвращении подписан.

— И что? Поймите, Алексей Петрович, без моего на то желания я и пальцем не пошевелю. Нужно куда-то слетать? Да пожалуйста. Но работать я не буду. Будут из-под палки заставлять? Да флаг им в руки, я еще в таком свете их выставлю в Европе, отплёвываться замучаются. Так что идиот этот Тобольский, притом клинический, это я вам как будущий врач говорю.

— Ты такое кому другому не скажи, — покачал головой генерал.

— Ну я же не идиот. Наберу конспектов, сообщу *всем* студентам и учителям, что меня временно наняли в комитет, и буду и дальше поднимать свои знания. Я ничего не подписывал, где мне предписывалось хранить секретность. Пусть потом докажут. Надо еще адвоката нанять, чтобы он меня постоянно сопровождал, вот фарс будет!

— Это твое решение. Парень ты взрослый, своя голова на плечах, действуй. Я бы, конечно, не советовал так делать, но мне любопытно посмотреть со стороны, что у тебя выйдет.

Попрощавшись с генералом, я вышел в приемную, приветливо кивнул секретарю и, покинув приемную, направился вниз.

— Вот ты где? — с облегчением сказал дежурный. — Тут тебя обыскались. Куда

пропал?

— Чаи гонял, — ответил я, мысленно пожалев, что не заглянул на огонек к другим знакомым, так можно пару дней перекантоваться в управлении, фиг меня кто найдет.

Кивком капитан указал на двух крепких парней, что скучали у входа, а при моём приближении поднялись.

— Капитан Соколов?

— Студент-медик Соколов, — ответил я, совершенно спокойно разглядывая парней. Не знакомые. Силовилов по Москве я всех знал, а вот этих нет, скорее всего парни из какого-то республиканского управления. Не ошибусь, если скажу, что их Тобольский с собой притащил, чтобы иметь верных людей под рукой.

— Это не важно, — ответил блондин-крепыш. — У нас приказ доставить вас в кабинет генерала Тобольского.

— А доставлялка не треснет? — с любопытством поинтересовался я, склонив голову. Дежурный с немалым интересом и удовольствием смотрел на меня и почему-то неприязненно на мой конвой.

— Хочешь проверить? — с угрозой спросил второй, сделав шаг вперёд.

— Конечно. Размазать вас по стене мне будет в удовольствие.

— Подожди, — остановил его второй, а потом уже обратился ко мне: — Извините, товарищ капитан, но у нас приказ доставить вас, и мы его выполним в любом случае.

— Ну, пошли. Посмотрим, что за зверь этот Тобольский.

Я немного вырвался вперед, поэтому конвой, торопливо идущий следом, больше напоминал свиту, чем охрану. Где нужный кабинет, я успел узнать у полковника Рощина. Остановились мы только в приемной, которая мало чем уступала приемной Сахаровского.

Секретарша доложила обо мне, и я прошёл в кабинет. Пройдя до стола, я выдвинул один из стульев и спокойно сел.

— Встать! — рявкнул сидевший пожилой мужчина в генеральской форме с каким-то округлым бабским лицом.

Удивлённо посмотрев на него, я продолжил сидеть, только приподнял бровь, показывая свое изумление подобным поведением.

Неожиданно тот успокоился и, взяв одну из папок, толкнул ее в мою сторону. Заметив, что я не тороплюсь ее взять, сказал:

— Это приказ о твоём возвращении на службу.

— По какой причине? — спросил я, мельком посмотрев на папку, но продолжая сидеть.

— Требуется сделать то, в чем ты признанный всеми специалист. Найти преступника, которого все называют маньяком.

— Зачем мне это? — пожал я плечами.

— Ты не хочешь послужить своей Родине?! — изумился генерал.

— Родине я все долги отдал и ничего ей не должен. На патриотизм давить тоже не стоит, не поможет. Вот я и спрашиваю: зачем мне это?

— Тебе не жаль убитых маньяком людей, и не волнует, что он продолжает бесчинствовать?

— Совершенно не волнует. Пусть это беспокоит полицию той страны, где всё это происходит.

— Ладно, не буду тянуть. Ты полетишь куда надо и всё сделаешь быстро...

— А иначе? — заинтересовался я.

— У тебя ведь есть любимые дочки, без которых ты жить не можешь, — усмехнулся генерал, чем подписал себе приговор.

— По больному месту бьёте? Ничего то, что это подло?.. Хотя вы, замполиты, по-другому и не умеете. Только исподтишка и вот так... Ладно, я подумаю.

— Тебя отведут в кабинет, там выдадут на руки материал. Всё, что мы знаем по преступнику. Завтра утром я ожидаю новостей. Тебя проводят.

Во мне всё просто клокотало от ярости и ненависти. Как можно угрожать детьми?

«Ну, тварь, урою», — думал я, шагая за сопровождением.

Отвели меня на этаж ниже в кабинет с окном, выходящим во двор.

— Сейчас принесем материалы дела, воду и еду на ночь, — известил меня блондин.

Через двадцать минут действительно всё доставили. Даже ведро-парашу.

Заметив мой взгляд, блондин пояснил:

— Вам запрещается покидать этот кабинет.

Как только они вышли и в дверях щелкнул замок, я подскочил к двери и прислушался. Голоса моих охранников явно удалялись. Скинув верхнюю одежду и достав из поясного ремня спрятанную в него отмычку, я присел перед замком и через двадцать секунд тот щелкнул. В коридоре находилось двое служащих. На меня они не обратили никакого внимания. Поэтому закрыв дверь, я направился в сторону лестничной клетки. План я разработал, когда еще меня конвоировали к этой комнате-камере. Повезло, что это был обычный кабинет, а не специализированная комната, откуда черта с два вырвешься.

Подойдя к лестничной клетке, я осторожно выглянул. Мои конвоиры спускались вниз, обсуждая, что бы заказать в столовой управления.

«Ну-ну, жрите знайте».

Охрана продолжила спускаться, а я не быстрым и не медленным шагом поднялся и направился к нужному кабинету на четвертом этаже. Повезло в этот раз, из трех человек, что мне попались, ни одного я не знал. Вполне возможно, что и они меня. Пойдя к нужной двери, я посмотрел на печать — хозяин был в отпуске. Осторожно отделив ее, отмычкой открыл замок, заблокировав сигнализацию, чтобы не сработал огонек на пульте охраны.

Пройдя внутрь кабинета, я подошел к платяному шкафу и, открыв его, ковырнул пальцем стенку, убирая ее в сторону. Из ниши я достал одну из находящихся там винтовок. Та, что я взял, была обычная советская промысловая винтовка под 5,6-миллиметровый винтовочный патрон кольцевого воспламенения ТОЗ-11. Достав из секретного ящика коробку с патронами, я отнес всё это на стол и, не включая свет, достал из той же ниши ремонтный оружейный набор и начал вскрывать один из патронов. Забравшись в мусорную корзину, я достал обрывок бумаги, вернее даже газеты — видимо уборщик ленился — и стал оборачивать пулю в несколько слоев.

Причина была проста. Хозяин кабинета был моим хорошим знакомым, к тому же охотником-любителем плюс коллекционером, и подставлять его не хотелось категорически, а в данном случае бумага не даст оставить на пуле следов нарезков. Это нужно было, чтобы криминалисты не смогли определить, из чего стреляли. К тому же во время полета бумага слетает, частично сгорает. Одним словом — улики нет.

Снова зажав пулю в гильзе, только в бумажном коконе, я прибрался в кабинете, сделав всё как было и стерев отпечатки, зарядил винтовку. Приоткрыл окно и, держа оружие наготове, стал ждать, поглядывая на ряд служебных машин. Это только оперативники заезжают во внутренний двор, начальство же выходит из парадного выхода, куда личные

водители подают машину.

Понятное дело, что из окна я просто ничего не увижу. Чтобы увидеть вход, мне нужно было перегнуться через подоконник и посмотреть вниз и чуть левее. Вот как в таком случае мне опознать цель и не быть обнаруженным?

А поступил я просто. Взял зеркальце со стола и, выставив его так, чтобы отражение показывало парадный вход, стал терпеливо дожидаться, пристально наблюдая за входящими и выходящими сотрудниками. Конец осени — открытых окон в управлении не было (кроме форточек, конечно), но я надеялся, что на мою приоткрытую створку не обратят внимания.

От парадного входа до подъехавшей машины метров двадцать, у меня секунд пять на опознание и на выстрел, потом нужно сматываться и обеспечивать себе алиби.

Дёрнувшись, когда дверь распахнулась и одна из машин тронулась (по звуку определил), я тут же расслабился. Не моя цель.

Поглядывая на оружие, я задумался. Винтовка хоть и мелкокалиберная, но шуму производит достаточно, а мне нужно всё сделать так, чтобы не сразу обратили внимание на хлопок. Вывод? Нужно сделать импровизированный глушитель.

Из подручных средств только одно подойдет для этого — толстый вязаный шарф хозяина кабинета, который попался мне при открытии секретного оружейного отдела шкафа. Так я и сделал. Обмотал на конце шарфом и обвязал бечёвкой. Целиться стало невозможно, поэтому придется стрелять на глаз. Тут метров пятьдесят всего, думаю попаду. Ради детей попаду.

Тобольский появился пятым, я сперва не поверил, что это он, видел-то сидящим, но грушевидная фигура, особенно в районе бедер, и знакомая лысина дали понять, что это он. Да и он сам снял фуражку, когда машина остановилась, и протянул руку к двери. У меня была всего секунда.

Высунувшись из окна и моля, чтобы никто не обратил внимания на верхний этаж, я прицелился и выстрелил. Было видно, как дернулась голова генерала, и он начал вываливаться из машины. Убедившись, что цель поражена, я закрыл окно, протер и убрал винтовку на место. Хорошо послуживший шарф закинул на шкаф — звук действительно был тихим — потом проветрил помещение от сгоревшего пороха через открытую форточку. Стерев везде свои отпечатки, я выскользнул в пустой коридор, что позволило мне подольше повозиться с печатью, разблокировать сигнализацию и поспешить вниз.

«Надо будет, как всё уляжется, прибраться в кабинете уже нормально. Часть следов я все-таки оставил. Ту же винтовку почистить и выкинуть гильзу с шарфом. Улики, мать их! Жаль, сейчас времени нет».

Особой паники или шума не было, я спустился на второй этаж и, выглянув, довольно кивнул — охраны не было. Наверняка побежали вниз, когда прозвучало *такое* сообщение.

Пройдя по коридору до «своей» двери, отмычкой снова открыл замок и, проскользнув в комнату, закрылся, привел себя в порядок и, включив свет, сел за стол и открыл материалы дела.

Понюхав руки — запахек все-таки был — взял графин с водой и стал отмывать их и протирать одежду. Для криминалистов всё это, конечно, филькина грамота, сразу определяют, но явные следы я убрал.

Успокоившись, несколько раз глубоко вздохнул и, усмехнувшись, вспомнив о Тобольском — попал куда целился, — стал с интересом изучать материалы дела. В коридоре пару раз прошумели шаги, похожие на бег, и кто-то что-то громко сказал, но потом всё

стихло. Честно говоря, меня больше беспокоило, как там с моими. Я еще от генерала Сахаровского позвонил домой и предупредил Дарью Михайловну, что возможно, буду несколько дней отсутствовать. Прикрыл, так сказать, тылы, но всё равно беспокоился.

Через пару часов, после того как стемнело, поев и попив, я воспользовался парашей и, прочитав от силы еще пару листов, лег на диван и, укрывшись дубленкой, спокойно уснул. К моему удивлению, до утра обо мне так никто и не вспомнил.

— Вставай, — почувствовал я толчок.

Открыв глаза и зевнув, я посмотрел на уже знакомого незнакомца, которого дежурный назвал полковником Струговым. Шестерка Тобольского.

— Что, уже утро? — хмуро поинтересовался я.

— Закончил? — спросил он.

— Нет, спать захотелось, но пару листов я пролистал.

— Ты охренел, капитан?! — изумился тот.

— Я — нет. К тому же мне работать мешали, топали, орали, вот решил, что утро вечера мудренее.

Завуалированный вопрос пропал втуне, полковник не ответил, что там с Тобольским.

— Я не понял, ты работать будешь или нет? — набычился полковник.

— Зачем мне это? — задал я уже привычный вопрос.

— Это приказ начальства, — пытаюсь усмирить ярость, ответил тот.

— Ну и что? Призвали вы меня обратно без моего на то согласия, ну с чего вы решили, что я буду вам помогать?

— Ты же помогал милиции.

— Так то милиции. Они меня не обманывают, даже благодарят. Большого мне и не надо, от вас же такого не дождешься, именно поэтому наше сотрудничество невозможно. А то, что вы якобы вернули меня на службу, я не признаю и признавать не собираюсь.

— Вот оно как? Про дочек напомнить? — усмехнулся полковник.

— А вот дочек попрошу не трогать, — нахмурился я. Быстро прикидывая, как мне избавиться от полковника точно так же, как и от Тобольского. Только что полковник, как и Тобольский вчера, одной фразой подписал себе смертный приговор. Я подобного не прощаю и прощать не намерен. Тобольский тому пример.

— А раз не хочешь, чтобы что-то с ними случилось, работай. Понял?

Полковник вышел, а я сел подумать, сколько еще мне требуется отправить на тот свет подобных тварей, чтобы они оставили меня в покое.

Долго мне размышлять не дали, зашли двое незнакомых сотрудников и под ручки повели по знакомому маршруту, где я уже бывал несколько раз. То есть в кабинет председателя Комитета государственной безопасности СССР. Правда, хозяин сменился, но обстановка была та же. Пройдя к столу, я остановился и, вытянувшись по стойке смирно, стал смотреть перед собой отсутствующим взглядом. Андропов сидел за столом и хмуро смотрел на меня.

— Ты мне брось тут тупого служаку строить, — я продолжал молчать, поэтому он спросил: — Причина подобной неприязни?

— Когда тебе в лицо говорят, что если откажешься работать, то твоих детей уничтожат, то этим вызывают стойкую неприязнь. Тем более замполитов я вообще не люблю, есть причины.

— Что еще за угрозы? — заинтересовался Андропов.

Я быстро пересказал ему всю беседу с Тобольским и его подручным полковником.

— Об этом я был не в курсе, — сняв очки и устало протерев очки, ответил председатель. — Хотя причина подобных решений мне понятна. Очень навредил генерал Тобольский, когда влез в командование некоторых операций, что мы проводили в Италии. Я вмешаться не успел. Поэтому последствия катастрофические. Путём долгих переговоров итальянская сторона согласилась закрыть глаза на некоторые моменты в случае помощи с нашей стороны. Фактически генералу Тобольскому грозил трибунал, такое не прощают, до самого может дойти. Узнав своими каналами об условии сделки, он попросил меня дать ему последний шанс... Не ожидал. Честно скажу, не ожидал, что он так себя поведет.

— Рожу я ему всё равно начищу, и полковнику этому, — глядя в стену хмуро сказал я.

— Генерал Тобольский скончался в институте Склифосовского прямо на операционном столе, от тяжёлой пулевой раны в голову, — устало вздохнул Андропов.

— Скрывать не буду, туда ему и дорога. Найду стрелка, руку ему пожму.

— Стрелка ищут... Я хочу извиниться перед тобой за действия своих подчинённых. Как бы то ни было, в этом и моя вина тоже. Вопрос стоит остро, поэтому задам тебе его прямо. Ты согласен нам помочь и откинуть подобные мелочные обиды?

Я задумался. Одно дело замполит, которому я, зная внутреннюю кухню, грубил вполне осознанно, с другой стороны председатель. Другие ставки — другие решения.

— Только с одним условием. Это в последний раз, и вся ответственность этого дела и все благодарности в случае удачи пусть передадут в первое управление генерала Сахаровского. То есть пусть он лично курирует это дело. Не хочу, чтобы всякие приживалы вроде Тобольского почивали на лаврах. Работу я сделаю, но это будет в первый и в последний раз, мне очень не понравилось, как ко мне отнеслись в конторе, поэтому согласился только из уважения к вам и генералу Сахаровскому.

— Хорошо, просьбы вполне выполнимы. Я перенаправлю все материалы Сахаровскому. Дальше будешь согласовываться с ним.

Выйдя из кабинета, я в сопровождении охраны, которую с меня не сняли, спустился на этаж вниз и прошёл в приемную генерала. Тот был занят, и мне пришлось подождать сорок минут. Когда меня, наконец, пропустили, я поздоровался и выложил всё, что было со мной с момента ухода от него, кроме, конечно, стрельбы в Тобольского.

— Вот мразь! — ударил генерал кулаком по столешнице, узнав, как тот меня склонял к сотрудничеству. — Полковник Стругов, значит, тоже позволил себе подобные высказывания?

— Так точно.

— Этот вопрос я решу, будет проведена внутрислужебная проверка. А вот то, что ты скинул подобный геморрой на меня, честно скажу — не радует. Ты уверен, что справишься? Кстати, самолет готов, можешь вылетать в любое время.

Подойдя к генералу, я пролистал папку с предоставленной информацией и, открыв на нужной странице, указал на копию опросного листа.

— Он проходил свидетелем в двух делах. Это точно он. Так что моего присутствия не требуется.

— Ты так в этом уверен?

— Так точно, товарищ генерал. Он это. Однако проблема не только в этом, но и в том, что он не трофейщик. То есть доказать в случае ареста причастность к нападениям очень

трудно, фактически невозможно, он тщательно убирает свои следы. Поэтому только визуальная слежка и задержание в момент преступления. Судя по материалам дела, у него давно не было выходов на охоту, в ближайшую неделю он не выдержит и выйдет. Остается только взять его с поличным. С этим наши люди должны без проблем справиться, если только не спугнут его. Это всё по этому делу. Разрешите отбыть домой и продолжить обучение в институте? Считаю моё присутствие тут избыточным.

— Всё по полочкам разложил, — хмыкнул генерал. — Спорить не буду, раз ты такой признанный специалист. Пока свободен, но старайся быть на связи, чтобы в экстренном случае можно было тебя найти.

Получив самоход, я прошелся до комнаты, где мной были оставлены вещи, и собрав их, направился к выходу. Ни в отдел кадров за удостоверением, ни к завскладу за оружием я не пошел. К чему? Моя служба как началась, так и закончилась. Я действительно сдал настоящего маньяка, так что если наши не напортачат в слежке, успех гарантирован.

Было девять утра, поэтому я сперва поехал домой, где побывал в душе, потом переодевшись, направился в институт, где просидел в аудитории профессора Зиновьева, сдавая экзамен по проктологии и договариваясь с другими учителями об отработке прогулов по вине КГБ.

Вечером я заехал в управление — у меня был временный пропуск, выданный в приемной Сахаровского. Пришел я не просто так, по серьезной причине. Погуляв по зданию и наведив с десятков знакомых, я смог незаметно проникнуть в тот кабинет, откуда стрелял. Кстати, версия криминалистов была в том, что выстрел был произведен из остановившейся машины, на это намекало входное отверстие (выходного не было, пуля осталась в теле), уж так совпал поворот головы генерала во время выстрела, когда он садился. То есть версия, что выстрел был произведен из здания, даже не рассматривался. Более того, криминалисты считали, что выстрел был произведен из неизвестного оружия, скорее всего самодельного, нашим мелкокалиберным патроном. У меня камень с души упал, пусть ищут этих невиданных стрелков.

Почистив винтовку и убрав все остальные следы, включая шарф — пусть Антон гадает, куда он пропал, когда завтра выйдет из отпуска — и со свободной душой еще наведив некоторых знакомых, покинул это грозное здание. Шарф чуть позже я размотал — он был обмотан вокруг туловища — и выбросил его, как и гильзу. Всё, и с этой стороны я подстраховался. Слежки точно не было.

Три дня меня не беспокоили, пока я жил своей обычной жизнью, общаясь с дочками, сдавая многочисленные хвосты в институте и даже дважды попрактиковавшись в Склифе. Мало того, один раз я вырезал аппендицит у школьника, что срочно привезли из школы с приступом. Хирург похвалил, шов в шесть сантиметров. Он вообще не помогал, просто стоял и, наблюдая, одобрительно хмыкал, слушая, как я командую операционной сестре, что подать. Правда, вся ответственность была на нем. Поэтому он готов был в любую секунду остановить меня, но операция прошла более чем удачно. Успел зашить до того, как пациент завозился после окончания действия обезболивающего.

Понятно дело, всё это было не официально, но врачи-хирурги, понимая, что скоро им на смену придут молодые, готовили эту смену всеми доступными средствами. Рисковали, конечно, но и подстраховывали не слабо. Заведующий хирургическим отделением как-то сказал, присутствуя при одной из моих операций на аппендицит, что у меня рука легкая и

нет боязни крови. Намекал на место в интернатуре в его отделении.

Так вот, на четвертый день, когда я был у себя, примерно в полдевятого вечера мне позвонили.

— Приезжайте немедленно в управление. Вас вызывает генерал Сахаровский, — сообщил дежурный.

Дарья Михайловна еще не ушла, поэтому, оставив детей на неё, я поспешил спуститься и направиться в управление. Генерал Сахаровский был на месте.

— Ну, заходи, будем отмечать, — сказал он, когда я зашел в кабинет. В его руках была бутылка коньяка.

— Поймали?

— Да, даже провели фотосъёмку и запечатлели момент нападения, там уж его повязали. Итальянцы в восторге, так что наши договоренности о постройке автозавода в силе. Мы уже давно с ними ведем переговоры, но из-за английского влияния те начали затягиваться. Всё тебе не расскажу, но Тобольский влез в это и чуть не поставил соглашения на грань краха. Брежнев в ярости, ему уже доложили.

— Почему условие было именно в поимке маньяка? — спросил я, садясь рядом с генералом и беря бокал с янтарной жидкостью.

— У главного инженера завода «Фиат» жена от его рук погибла. Вот он и настоял... Ну, давай! Ты даже не представляешь, Игорь, что ты сделал. Вытащил из такого...

Долго мы не просидели, меня известили, что я совершенно свободен и могу идти на все четыре стороны. Естественно, благодарности от начальства ждать не стоило — из-за моего поведения. Только Сахаровский сказал скупое спасибо, но я и этому рад. Мол, хорошо еще, что просто так отпустили.

Выйдя на улицу, я посмотрел на падающие снежинки, первые этой зимой, и, счастливо вздохнув, направился к машине. Впереди у меня учеба и поиск, как убрать полковника, причем так, чтобы и тени не упало на меня. Ничего, я что-нибудь придумаю. Да, обязательно придумаю.

* * *

Про следующие три недели ничего особенного сказать не могу. Я сдал два экзамена досрочно, хотел подольше побыть с родителями. Так что в институте всё было в порядке, даже зачет получил у профессора Зиновьева по хирургическим болезням (а это ой как не просто). Наступила последняя предновогодняя неделя, двадцать четвертое декабря, а так как у нас уже сложилась традиция проводить его у родителей, то я еще вчера заказал билеты на Киев. Друзья об этом знают, я их уже всех заранее поздравил, да и потом по телефону буду поздравлять, благо у родителей он есть. Правда, в прошлый год из-за загруженности телефонных станций дозвониться я смог не до всех.

Но это так, всё шелуха. Что-то меня беспокоило. Всё это время я обдумывал произошедшее в управлении Комитета, и чем больше думал, тем больше понимал, что Тобольского банально подставили под меня. То есть убрали неудобного.

Мне эта мысль так не понравилась, что я стал крутить ее, рассматривая со всех сторон и анализируя. Из-за этого чуть один из экзаменов не провалил, но повезло, сдал, даже с приличной оценкой.

По моим прикидкам, Тобольского подставили ну очень хитро и знающе. Однако тут не только это, кто-то достаточно неплохо просчитал меня и возможности моих поступков, если меня зажать в угол. То есть тут аналогия с крысой. Ладно, просчитали меня верно, Тобольский меня действительно довел до края, когда обратного хода нет — или он, или я. Но дальше пошло не по сценарию неизвестных кукловодов. Соколов (то есть я), спокойно сидел запертый в кабинете под охраной (вполне возможно, что неизвестный кукловод не знал, что я покидал кабинет, меня только смущают те двое, что присутствовали в коридоре, общаясь друг с другом, и видели меня выходящим), а тут в генерала стреляют и он получает смертельное ранение. Причем как утверждают эксперты и появившиеся откуда-то свидетели, стреляли из машины из неизвестного, возможно импортного оружия, но нашим боеприпасом. Про тайный сейф в одном из кабинетов и о наличии там небольшой оружейной коллекции знали только хозяин кабинета и я, потому что я же эту нишу и делал по просьбе Антона. То есть с этой стороны у следствия швах. Получается, у меня алиби, причем серьезное, а ненависть к Тобольскому к делу не подошьёшь.

Вот как-то так. То есть план частично не сработал, если хотели не только избавиться от замполита, но и меня подставить. Это подтверждали долгое раздумье (я тогда выпасться успел) и приход подручного Тобольского некоего полковника Стругова. То есть у неизвестных просто не было времени разработать хороший план, и полковника тупо направили спровоцировать меня. Более чем уверен, снаружи ждали те, кто нас будут разнимать. Однако и тут у них не получилось, а потом я убежал под крылышко Сахаровского, который, зная меня лет восемь, быстро и эффективно справился с поставленной перед Тобольским задачей и разрешил проблему у союзников.

Вывод? Вот вывод мне очень не понравился. Враги неизвестны, к полковнику Стругову на пушечный выстрел не подойдешь (я всё равно его кончу), и нужно побережься, черт его знает, чего ожидать от неизвестных, если они действуют в излюбленной манере нашей конторы.

Одним словом, после празднования Нового года я возвращаюсь в Москву и буду вычислять тех, кто так меня невзлюбил и решил их убирать. И вообще, в чем я провинился? То, что через патенты капает денежка малая? Так об этом никто не знает, да и я не афиширую. Кроме того, доступа к счету у меня нет, да и своих, союзных отчислений за песни и сценарии хватает. Некоторые новинки, что шли через канал Алекса, я даже смог получить на руки, но никто же не знает, что импортный кубик Рубика запатентован мной. А то хотел дочкам купить, а их и нет, пришлось конструировать, благо сколько их в моем прошлом детстве поломал — не пересчитать. Один из юристов через канал Алекса прислал мне стандартную коробку с кубиками Рубика и коротким отчетом о делах. Так что игрушки расплозились по Москве и Киеву в виде подарков, отчет прочитал, и впоследствии не раз их получал таким вот образом. То есть тайна сохранения полная. Я не раз проверял, коробки с моим грузом не вскрывали, секретки на месте.

Так что мои вольности во Франции отпадают, кто тогда? Недовольные действиями в Союзе? Нет, конечно, «Интерны» вызывают у всяких замполитов и некоторых литературных критиков, включая чиновников от цензуры, ярость, но книги народу нравятся, начальству в верхах тоже. Вот третий том хотят на иностранных языках издавать, два уже издали. Фильмы тоже идут на ура. Этим летом Леонид Иович снял «Бриллиантовую руку» с моим хорошим знакомым и даже другом Юрой Никулиным. А две мои юмористические программы? Одна — прототип «Кривого зеркала» с юмором музыкального уклона, другая — с тремя

юмористами разговорного жанра. Рассказы ведущих юмористов из будущего я в большинстве своем помнил, особенно задорновские шлягеры. Подобранные мной лично юмористы смогли отлично передать всё это народу, и двое уже получили звания народных артистов за этот год. Конечно же, все знали, кто автор этих рассказов и этюдов. Нет, не настоящие авторы, под всеми подписывался я. Всё оформлено как положено, так что и за эти выступления я получаю отчисления.

Да и по песням я занимаю одно из первых мест, у меня они по количеству выпущенных уже перевалили за семьдесят, жаль пока поют около сорока, остальные просто числятся за мной. То есть они застолбленные.

Моя слава среди народа была очень высока, но вот как был я сам неизвестным, так и оставался. Сперва это требовалось по работе в органах, а потом уже привык, и самому не хотелось славы. Многие близкие родственники и друзья, конечно же, знали, но хранили эту тайну. Правда, в последнее время завеса начала приоткрываться, чему я очень противился из-за общения со многими известными артистами. А кому не хочется блеснуть где-нибудь на светском рауте? Мол, вот недавно у самого Соколова дома побывал — и упивались вниманием. Это мне Никулин рассказал. Он, кстати, жалел, что Наталья после напумевшей и получившей всесоюзное признание зрителей «Кавказской пленницы» больше не снимается, в декрете находится. Да и фильм был хоть и очень похож на свой прототип из моего мира, но некоторые моменты были другие, кое-где сценарий был слегка исправлен, отчего фильм получился даже лучше. Хотя как и в будущем, озвучивать красавицу пришлось Надежде Румянцевой, а пела за нее Аида Ведищева.

Как я намаялся с «Пленницей», не передать. Фильм сняли, а цензура его в категорической форме не пропускала, один хлюпик, впоследствии с расквашенным носом, орал, что его надо вообще сжечь. Вот тогда мне и пригодился тайный канал к телу Брежнева. Одним словом, он посмотрел «Пленницу» у себя на даче (причем, как мне позже рассказали, дважды), долго смеялся и велел выпустить ее для пробы в кинотеатрах Москвы, а там как лавина пошел фильм. Ладно, хоть не пришлось «Бриллиантовую руку» так проталкивать. Она впервые вышла на экраны неделю назад, я с дочками уже три раза ходил на премьеру. От родителей, вон, получил поздравительные открытки. Уж они-то знали, кто автор сценария, да и знакомые многие благодарили за такой фильм.

Одним словом, я в советском шоу-бизнесе был фигурой неоднозначной и загадочной. Те, кто были допущены к телу, старались это, по моей просьбе, не афишировать, а кто не удержался, получал черную метку от меня. То есть там, где было мое влияние, этому человеку не было песен или роли. Я мстительный. Так что краем, но мое инкогнито еще держалось моими же титаническими усилиями. Не хочу, чтобы меня узнавали на улице. Это противоречит всей моей сущности.

Но это всё так, шелуха повседневной жизни. Да, вполне возможно (отрицать это глупо), скоро я стану известной личностью, и меня будут узнавать на улице (не хочу-у-у!) — это могло подвигнуть неизвестных принять подобные меры? Фиг его знает. У нас в Союзе всё может быть. Кто еще? Британцы? У них агентуры в наших органах и службах хватает, и хоть мы изрядно пропололи от них грядку, но оставалось еще немало, уж я-то знаю. Жаль только, что общие сведения без фамилий и другой информации, а то бы стуканул куда следует.

Что у нас по британцам? Могли они узнать о том, что это я приложил руку в захвате их резидентуры во Франции? Могли, на них вроде не только полковники пахали, но и генералы. Хотя нет, одного, что был с ними связан, давненько взяли. Хм, а если янки поделились с

ними информацией, их-то законспирированная сеть целёхонька? А ведь вполне могли, преследуя свои цели, когда сдавали меня. Британцы мстительны — вон, нашим мешали с автозаводом в Италии. Да, из всех, кому я явно и неявно наступил на хвост, именно британцы могли посметь всё это устроить. Получается, основанная версия — это они? Пусть пока будет, поработаем над этим предположением после возвращения от родителей... и надо будет побережться. Если это действительно они, могут принять и непопулярные методы. М-да, и к Стругову не подойдешь. Ловушка, стопроцентная ловушка.

Все эти размышления двадцать четвертого декабря шестьдесят восьмого года я проводил у себя в кабинете в тишине за бокалом вина, хотя... с тишиной я погорячился. Поставив бокал на столешницу, я подхватил подбежавшую Женю и посадил ее на колени, как раз зазвонил телефон, и я снял трубку. Звонила мама. Подтвердив, что встречать нас нужно завтра в три часа дня, когда самолет сядет в аэропорту Киева, поговорил о дефицитных подарках для родственников, которые можно достать только в Москве, и которых уже были собраны три чемодана. Потом мама пожелала поговорить с внучками, и я передал трубку Жене, крикнув остальным, что звонит бабушка и чтобы они сняли трубку параллельного телефона в прихожей.

Пока дочери рассказывали бабушке свои детские новости, я взял со стола бокал и сделал глоток, продолжив размышления. Настроение такое было. Из него меня вырвала Женья, протягивая трубку:

— Всё.

Вернув трубку на аппарат, я снял дочку с колен (выросла совсем, большая стала и тяжелая) и вместе с ней направился на кухню. Время — семь вечера, ужинать пора. К тому же выходной, воскресенье, по причине которого я сегодня появился дома достаточно рано. В час приехал после отработки небольшой практике в Склифе в приемном покое (нас, студентов, старались перебрасывать в разные отделения, чтобы разносторонний опыт был). Ничего особенного не было: двое с травмами, поскользнулись на льду, у обоих переломы рук, причем самое забавное — у обоих левых. Закон случаев во всей красе. Наложил гипс и отправил их домой. А вот третий немного посерьёзнее, черепно-мозговая. Жена угостила сковородкой. Отправил на рентген, потом дежурный врач решил того положить. Как будущий врач я с ним был не согласен, у парня не было ничего серьезного, контузия разве что, но как человек был обеими руками за. Второго удара тот мог и не пережить, пусть у нас полежит, пока жена не успокоится.

Вот после нескольких часов работы в приемном покое под присмотром дежурного врача, радуящегося, что всю черновую работу свалил на студента-практиканта, я и вернулся домой пораньше.

После завтрака я немного поиграл с дочками и вернулся в кабинет. У меня еще два конспекта лежат, я их с собой беру, буду учить у родителей. Но можно начать и сейчас. Хоть они и не профильные — терапия — но всё равно очень мне интересны. К тому же недавно от своих юристов получил книгу на французском языке одного ведущего хирурга Франции. Очень вкусная вещь. Нужно будет часть перевести Зиновьеву, я уже похвастался приобретением, и он ею заинтересовался. Честно говоря, для того и хвастался, он мне постоянно помогает, вот я ему и хочу сделать подарок, хоть что-то новенькое узнать, а то пока Минздрав подсуется, не один год пройдет, а у меня книга чуть ли не сразу из типографии.

Утром я стал собираться, складывая в один чемодан свои и дочкины вещи. Остальные, то есть все, что у меня были в наличии, были набиты подарками (в прихожей стоят). Дочки радостные, что не идут сегодня в садик, поспали подольше, но уже успели встать, сами умылись и почистили зубы, а сейчас помогали мне собираться. Серьезные такие.

Дарья Михайловна гремела посудой на кухне, готовя нам завтрак, а я прикидывал, что еще взять. Наконец, собравшись и позавтракав, я спустился с дочками во двор — в аэропорт поедем ближе к обеду, так что времени полно, пусть поиграют во дворе, тем более очень уж просились.

Очистив скамейку от выпавшего снега, я положил небольшую овечью шкурку и сел на нее, поглядывая на дочек, скатывающихся с ледяной горки (в постройке я принимал непосредственное участие), и, достав сегодняшнюю газету, стал читать свежие новости по Москве. Прочитав основные новости, я перевернул газету и принялся за некрологи.

«Тэк-с. Что у нас тут? Скорбим в связи со смертью мужа... жены... матери... О! Не понял?! Коллектив больницы... так-так-так... выражает соболезнование коллеге в связи... гибелью мужа, полковника Стругова?! Блин, почему не пишут, как он погиб?!» — прочитав некролог еще раз, я задумался. Сомнений быть не может, да и не верил я в такие совпадения, зачистили полковника, к гадалке не ходи. Убрали опасного свидетеля, а я ведь хотел поговорить с ним приватно, планы строил, как британцев разоблачу. Оборвалась ниточка.

Свернув газету, я стал задумчиво похлопывать ею по голенищам обрезанных валенок-галош, в которых обычно выходил во двор.

Подумать долго не сложилось, скоро вылет. Получалось, что мне требовалось навестить своего бывшего непосредственного начальника, то есть генерала Сахаровского, раз пошла такая пьянка. Дотянулся, блин, думал, сам всё это распутаю. Нет, пусть этим профессионалы занимаются. Наводку я дам на британцев, а уж генерал по-любому им жизнь усложнит, чай узнать, кто отдавал приказы и кто их выполнял, представится возможным.

Встав, я крикнул, чтобы дочки собирались. Ага, как же, уйдут они от игр, вон уже дважды участвовали в куча-мала. Так что пришлось их ловить, бегая по площадке. Правда, мне это было в радость, не меньше чем дочкам. Ничего, за полчаса поймал, хоть и другие дети мне старательно мешали. За Женькой даже с горки следом пришлось скатиться, с Максим и Сашей на руках. Родители на скамейках громко болели за меня.

Так с дочками на шее и под мышками я и вернулся обратно в квартиру. Пока Дарья Михайловна, квохча и бормоча, снимала с дочек мокрую от снега одежду, я, скинув обувь и верхнюю одежду, прошел в кабинет, где набрал номер приемной генерала, попросив меня соединить с ним. Тот оказался недоступен, на совещании. Попросив секретаря записать меня на прием, добавил, что буду через сорок минут, и пошел одеваться, мысленно выстраивая будущий разговор.

Спустившись по лестнице, на ходу поправляя шарф и застегивая дубленку, я пробежал мимо консьержки и, выйдя во двор, заторопился к машине. Уже вставляя ключи в машину, я замер и, оставив ключи в дверном замке, присел, разглядывая едва заметные заметенные снегом и пургой следы, но от этого не ставшие невидимыми. Вернее, ветер выдул часть недавно упавшего снега из следов. Отряхнув легкий и летучий недавно выпавший снег, задумчиво погладил подбородок кончиками пальцев. Присмотревшись, заметить, что кто-то подходил и явно возился рядом с машиной стоя на коленях, было возможно. Следы не детские, вполне себе взрослые по размеру. Что получается? Кто-то что-то делал рядом с моей машиной или с ней. Тревожный звонок зазвонил, связать некролог и эти следы было

не трудно.

Встав на колени, я заглянул под машину.

— М-да. Банальщина.

Под водительским местом были закреплены в связке три гранаты, причем не слабые такие, Ф-1. От чеки одной из гранат натянутая бечевка тянулась к карданному валу. Не было кирпича, да и запаса в бечевке не было, то есть зная, что я прогреваю машину, кто-то решил устроить взрыв во дворе. Выехать, пока горит замедлитель, я точно не успею. Пока разворачиваюсь на вычищенной площадке, неминуемо произойдет взрыв. А три Ф-1 — это три Ф-1. Встав на ноги, я посмотрел на играющих детей и зло ударил по крыше машины. Тот, кто устанавливал взрывное устройство, был моральным уродом. Даже я себе подобное не позволяю... если меня не доведут, конечно.

Вытащив ключи из машины, я посмотрел на свою красавицу и с опаской на детей. Бросать хоть и на пару минут машину не хотелось категорически.

Быстро оглядевшись, я заметил того, кто мне был нужен — Михайлу Спиридоновну. Консьержку из нашего подъезда. По-видимому, сегодня у нее был выходной, у них с напарницей сменная работа.

— Михайла Спиридоновна, можно вас на минутку? — попросил я подойти старушку. Та сперва удивилась, что молодой ее заставляет бегать, но встала со скамейки и засеменила ко мне, искоса поглядывая на своего внука, что вопил на горке не меньше остальных.

Старушка-пенсионерка раньше работала в органах правопорядка. К кому еще обращаться из местных? Только к ней.

— Что случилось, Игорь? — спросила она.

— Беда, Михайла Спиридоновна. Большая беда может случиться, — тихо ответил я, когда пенсионерка подошла. — Вы только не волнуйтесь, кто-то заминировал мою машину. Ночью, судя по следам. Вы посторожите машину, чтобы к ней никто не подошел, а я сбегая вызову соответствующие службы.

— Ой, беда-то какая, тут же дети, — охнула та, но уверенно кивнула и встала на пост у машины. Теперь можно быть уверенным, к машине подойдут только через ее труп.

Быстрым бегом поднимаясь по ступенькам, я невольно улыбнулся своим мыслям. Фактически этим своим решением мои противники поставили себя мало того что вне закона, так еще дали понять, что я на верном пути. К тому же теперь я могу безотлагательно привлечь к этому своих бывших коллег, как и собирался сделать, поехав к Сахаровскому. А уж они будут копать на совесть, вон, убийц Тобольского до сих пор со всем рвением ищут, а тут можно всё это связать в одно дело.

Приподняв меховой воротник, я накинул на голову капюшон (куртку мне шили по заказу) и, поёживаясь, смотрел, как через милицейское оцепление ко мне идет полковник Рошин. Доверенный человек генерала Сахаровского. Да и мы с ним были неплохо знакомы.

Сорок минут назад я поднялся к себе в квартиру и, пройдя к телефону в прихожей, позвонил первым делом в контору и сообщил дежурному о заминированной машине, адресе и кто звонит. Потом с тем же сообщением в райотдел нашего района, и только после этого в приемную генералу и оставил секретарю сообщение — сам генерал всё еще находился на совещании. После этого я сразу же побежал обратно.

Милиция прибыла на забитом людьми «бобике» через семь минут, к этому времени жители под руководством Михайлы Спиридоновны убрали со двора детей. Двор опустел,

только в окнах были видны любопытные лица, да я под начавшимся снегопадом стоял, как тот снеговик, охраняя машину.

Сотрудники милиции, надо отдать должное, быстро разобрались в ситуации. Я сообщил старшему, что уже вызвал товарищей из комитета и они скоро придут со своими специалистами, и попросил организовать оцепление. Тот всё сделал, но предварительно подошел и с десяти метров, присев, убедился, что вызов не был ложным. Спустя пятнадцать минут прибыла уже дежурная группа из комитета. Осмотрели закладку и последовали моему совету подождать сапёра. Тот вместе с экспертами прибыл на пару минут раньше полковника Рощина. Милиция же навела порядок, жителей эвакуировать не стали, но прошлись по квартирам и попросили укрыться в дальних комнатах. Честно скажу, не многие последовали этому совету. Я лично считал, что жителей надо было эвакуировать, это советовал здравый смысл. Стекла в окнах разлетятся от взрывной волны, и если не убьют, то покалечат многих. Но когда я подошел к сотрудникам комитета, что руководили на месте происшествия, меня попросили не нагнетать панику. Пришлось вернуться на свое место к дверям подъезда и наблюдать оттуда.

— Добрый день, — поздоровался я с полковником за руку. Сам я продолжал стоять рядом с подъездом, замещая сотрудника милиции. У каждого подъезда стояло по одному, остальные на въезде в оцепление.

— Привет, — кивнул тот. Обернувшись и встав рядом, он тоже стал наблюдать, как сапёр, подстелив брезент на снег, лег сперва на живот, потом на бок и принялся изучать закладку под днищем моей машины. Причем несмотря на световой день, подсвечивая себе фонариком.

— Генерал в курсе? — спросил я.

— Да, именно он меня и отправил сюда. Велел проследить и доложить ему лично... Кстати, ты же у нас вроде сапер?

— И сапер тоже, — согласился я.

— Почему сам не снял? Закладка же простейшая?

— С виду да, но не всё так просто. Гранат слишком много, да и бечёвка слишком натянута. А так не должно быть. Думаю, поставлена как раз на сапера. Перерезал — и сработала закладка. Наверняка там детонатор без замедлителя. Сам такие не раз ставил, так что тому знаю.

— То есть на тебя рассчитана? Что ты сам полезешь и снимешь? — задумавшись, уточнил полковник и тут же встрепенулся: — Ты саперу об этом сказал?!

— Конечно, поэтому он так долго и осматривает.

Сапер достал из чемоданчика инструменты и пару минут возился под машиной. Вот он слегка приподнялся и стал осторожно доставать гранаты, обезвреживая и сразу же передавая в руки криминалистов. Вдруг тот подрывник прощёлкал и оставил отпечатки? Минифургон криминалистов КГБ стоял у выезда, загораживая дорогу.

После этого, воспользовавшись моими ключами, сапёр проверил салон и заглянул в капот с багажником, после чего крикнул:

— Чисто!

Немедленно к машине направились эксперты-криминалисты, а сапер с пару минут что-то энергично объяснял начальнику следственной группы, потом направился к нам, вытирая снегом руки.

— Митрич, ну что? — спросил я у него.

— Ты, Игорек, не ошибся. На тебя ставили, без сомнения, — сплюнул кряжистый пятидесятилетний сапер.

— Значит, была ловушка? — уточнил Рошин.

— Взрыватели проверю, скажу точно, но если бы я перерезал бечевку, что была привязана к валу, то рванула бы. Хитрая схема... Суки. Полный двор детей был. Неужто не понимают? Действуют, как поляки в сорок четвертом, когда наши наступали. Ладно, пойду, мне еще рапорт и экспертное заключение давать.

Сапер направился к фургону, а мы продолжили наблюдать за работой криминалистов.

— Они мне всю машину так своим порошком обсыпят, — недовольно сказал я, видя, как один эксперт снимает с дверцы отпечатки пальцев.

— Ладно, им тут работы еще на полчаса. Рассказывай, зачем хотел с генералом встретиться, — велел Рошин. — Александр Михайлович велел мне разобраться с этим делом.

— Давайте поднимемся, там и доложусь.

В квартире полковник разделся и, надев тапочки (ботиночки у него были не зимние), следом за мной прошел в кабинет. Закрыв дверь, я предложил ему присесть и, достав бутылку хереса, сказал:

— Мне нужно немножко выпить. Будете?

— Немного, — пошел на контакт полковник.

За полчаса я выложил все свои мысли насчет британцев и что они действуют руками завербованных сотрудников комитета. Генерала Тобольского и полковника Стругова я тоже на них навесил. Полковник, покачивая в руке полупустой бокал и иногда прикладываясь к нему, слушал очень внимательно, казалось бы впитывая информацию. Ой, чую, не зря его генерал себе в замы взял, не зря.

— Интересная информация, но согласен, она идеально ложится на все несуразности последнего месяца, — задумчиво сказал полковник. — Ты куда-то собрался? Что за чемоданы в прихожей?

— Кстати, странная ситуация, но заставляет задуматься. Фактически машину я поставил на прикол на две недели до возвращения из Киева. Билет я купил, всех обзвонил, поздравил, предупредил. Однако неизвестные всё равно минировать машину. Что это говорит?

— Ты хочешь сказать, они не владели этой информацией? — подался вперед полковник.

— Именно, если бы они знали, что я улетаю и наверняка воспользуюсь такси, что логичнее, чем гонять свою, они бы машину не минировали, но они этой информацией не владели. Но и минировал, по словам Митрича, профессионал. Несуразность какая-то.

Было видно, что полковнику очень интересна эта загадка, и он приложит все силы, чтобы ее разгадать.

— Когда у тебя самолет?

— Через три часа.

— Значит, так. Сейчас всё, что мне сказал, пишешь на бумаге на имя Александра Михайловича и улетаешь. Мало ли, как тут повернется, рисковать не будем. Я позвоню в киевское управление и предупрежу их о тебе. Пусть приставят охрану.

— Дело, конечно, хорошее, но они будут привлекать внимание, — попытался отказаться я.

— Не волнуйся, они будут охранять тебя со стороны. И это не обсуждается... Я спущусь,

узнаю, как там дела у экспертов, а ты начинай писать рапорт. Всё, давай, — велел Рошин и, поставив пустой бокал на столешницу, направился в прихожую, однако остановился у двери и спросил: — Телефоном воспользоваться можно?

Мне понравилась его вежливость, поэтому я без промедления кивнул:

— Конечно, товарищ полковник.

Дочки находились в зале у телевизора, с ними была Дарья Михайловна, а я сидел почти два часа в кабинете и быстро писал, почти не останавливаясь. Даже сделал несколько предположений, пусть и их отрабатывают. Если получится, это очень осложнит противнику работу.

Под конец вернулся Рошин и терпеливо дожидался, когда я закончу. Заодно сообщил, что машина первично проверена и ее в данный момент отгоняют в гараж управления, где она пройдет более вдумчивое исследование. По возвращении я смогу ее забрать. Потом, сложив более двух десятков листов в свой портфель и коротко попрощавшись, отбыл в управление. Молодец он, освободил меня от опроса дежурного следователя, что вел дело о минировании моей машины. Всё, что надо, то есть мои показания, он уносил с собой в портфеле.

Как только я проводил полковника, то крикнул, чтобы собирались. Выделенная управлением машина, что отвезёт нас в аэропорт, как сказал полковник, уже должна ожидать, да и на самолет надо бы успеть.

Дочки были фактически собраны, поэтому с Дарьей Михайловной мы быстро их одели, я подхватил два чемодана из четырех, и мы заторопились вниз. Во дворе было полно народу, в основном из молодежи, участковый, что беседовал с замученным опросами следователей дворником, и стоявшая у входа черная «Волга» — больше никого не было. Водитель выскочил из салона, чтобы помочь мне, и открыл багажник. Пока он усаживал дочек, я побежал наверх за багажом. Перехватив у лифтовой площадки Дарью Михайловну с чемоданами — она решила помочь — поблагодарил ее и укорил, что в ее возрасте носить тяжести нельзя, коротко попрощался и поспешил обратно.

Погрузив оставшиеся чемоданы в багажник, я проверил, как сидят дочери на заднем сиденье, и сел на переднее.

— Аэропорт, и поторопись. Опаздываем.

— Сделаем, — ответил тот, запуская двигатель и врубая на рулевой колонке первую передачу.

Доехали мы действительно быстро, вот что значит ехать на служебной правительственной машине, да еще с опытным водителем. Я бы, честно говоря, на своей приехал позже.

Пока водитель доставал багаж, я помог выбраться из салона дочкам. Вместе с водилой подхватили по два чемодана и заторопились к кассе выкупать забронированные билеты.

Успели едва-едва. Как раз сдали багаж и с последними пассажирами поднялись на борт. С водителем мы расстались еще у пункта сдачи багажа. Я его не знал, но нормальный такой парень.

Полет был недолгий, и скоро мы уже покинули салон самолета.

— А где снег? Папа, кто-то снег украл! — закрутилась Женя, спускаясь по трапу.

— Видно, еще не выпал, доча, — ответил я. — Идем, вон дедушка и тетки руками машут.

— Где? — хором спросили дочери, закрутив головами.

— Вон, в вокзале, видите? — указал я рукой.

Дочки тоже им помахали. Мы прошли по полю, по которому дул умеренный, но на удивление холодный ветерок и, пройдя в здание вокзала, радостно обнялись с родными. Сестры взяли племянниц за ручки и побежали к машине, а мы с отцом пошли за багажом.

— Что, все-таки выполнил заказ матери? — спросил отец, пока служащий выдавал мне багаж по квитанции.

— Да почти всё.

— Вот зря ты им потворствуешь. Что ни попросят, всё везешь. Нет, это, конечно, хорошо, я теперь всякую мочу не пью, только херес и коллекционные коньяки... Ты его, кстати, привез?

— Да, вот в этом чемодане, — ответил я.

— Ага, хорошо... О чем я?

— Надо знать меру в просьбах мамы, — напомнил я.

— Точно.

— Ну, тут ты, батя, не совсем прав. Мне вот лично всё это приятно делать. Люблю, когда мама подаркам радуется. Так что мне всё это в удовольствие... Так. Ты давай стой с этими, я отнесу сперва те два чемодана, потом вернусь за остальными и за тобой.

— Давай, — согласился отец.

Перетаскав багаж в машину, мы с отцом сели на переднее сиденье, девчата чирикали на заднем, вполне удобно там уместившись, и мы поехали к дому родителей. Я краем глаза постоянно проверял окружающую обстановку и таки обнаружил за собой машину. Причем, как чуть позже выяснилось, их было три, они ехали за нами, сменяясь друг с другом.

— Снега у вас еще не было? — спросил я.

— Почему не было? — удивился отец. — Выпал неделю назад, сантиметров десять был, но почти сразу растаял, а два дня назад ударили морозы и держатся до сих пор. Минус девять на уличном термометре показывает.

— Понятно. У нас минус пятнадцать да сугробы по колено. Когда обильные снегопады были, мы во дворе снежную горку сделали, три метра высотой. Правда, часть снега пришлось с улицы заносить. Трешка трактористу, он нам натаскал. Зато детвора в восторге, из соседних домов прибегают кататься. Шум и гам во дворе до самого вечера.

— Не мешают?

— Да нет. Старушки и деды из нашего дома даже дежурство организовали во дворе. Следят, чтобы ничего не случилось и не баловались. А то на льду поломаться не трудно. Да и нравится им, не только сплетнями меняются, какая-никакая, а работа по интересам. Тем более внуки и правнуки там играют, а то сидят по квартирам, носа во двор не кажут, мол не лето, а сейчас попробуй загони, самые экстремальные еще и чай с собой выносят в термосах.

— Да, интересно там у вас.

— Так приезжайте. Отдохнем у вас, и айда с нами. Чай, недельку за свой счет сможете на работе взять? Вот и Тома с Лидой повеселятся, у них же каникулы.

— Надо будет подумать, — ответил отец, поворачивая на нашу улицу. Я от поворота и дом разглядел.

— Толик со своими тут?

— Завтра должны на поезде приехать. Это ты самолётами, как такси, пользуешься, простым людям билеты трудно достать. Особенно вот в такие предпраздничные дни.

— Так надо было мне сказать, я бы Артуру позвонил и пробил этот вопрос.

— Артур — это кто?

— Зам директора «Аэрофлота».

— Ну у тебя и знакомые, — покачал головой отец. Не понятно, то ли одобрительно, то ли недовольно.

— Да нормальные, причем я их особо не ищу. Сами находятся. Вон, ты в прошлый приезд у меня на квартире с Никулиным и Варней сфотографировался. Разве плохо?

— Это да, с этой стороны знакомые у тебя очень хороши. Только вот я с Натальей разговаривал, голос не тот, что с экрана. Я специально на недавний киносеанс с Сарой ходил. Вслушивался. Не её голос. Не похож.

— Ее Румянцева озвучивала, — рассеянно ответил я, и тут же выскочил из машины открывать ворота, чтобы пропустить машину во двор, и услышал ответ отца:

— Точно, а я понять не мог. Ну, знакомый голос, и всё тут!

Распахнув ворота, я пропустил изумрудную «Волгу» отца во двор и стал закрывать их, пока хлопали дверцы машин и слышались детские голоса. Обернувшись, я увидел, как девочки скрываются в доме. Отец же открывал багажник. Подойдя к нему, я подхватил два чемодана и пошел в дом. Расцеловав маму, поздоровался с Машей и Ольгой, которые помогали готовиться к нашему приезду. Какой-никакой, а праздник.

Сбежав за остальными вещами, отдал всё, что нужно, маме, она там сама разберётся, спустился в гостевую спальню в подвале и разложил вещи по шкафу и комоду. У родителей удобно, дочери спят с тетками у них, так что комната мне предоставлена единолично. Ничего, наотдыхаемся.

К шести вечера начали собираться родственники, и мы отпраздновали наш приезд. Так, легко, до десяти вечера. Многие не хотели вредить здоровью перед Новым годом, на котором уж ух!

На следующее утро я встал с кровати и, пройдя все водные процедуры в ванной, направился завтракать. Мама уже раза три приходила, пытаюсь меня растолкать. А я что? Я отдыхаю.

После завтрака, наблюдая, как мама убирает последствия праздника, в чем ей помогали сестры и дочери, я спросил:

— Надо чем помочь?

— Делов тут... Хотя... сходи в магазин, я сейчас список накидаю.

Забрав список, я прихватил авоську, идти было до магазина недалеко, поэтому я не стал обращаться к отцу, что растапливал баню.

Прогулка до магазина принесла мне много интересного и дала пищу для размышлений. Топтунов было три, причем один — явно конкурент паре. Одна машина обнаружилась в конце улицы, другая у здания музея, откуда дом родителей хорошо просматривался.

«Те двое явно из конторы, а это что за живчик? И ведь не только за мной, но и за этими двумя присматривает. Интересный персонаж», — размышлял я, проходя в магазин.

К сожалению, телефона там не было. Чтобы позвонить куда надо, домашним не воспользуешься. Глупо, могут слушать. Однако мне повезло, в магазине затаривался блоком папирос, сигаретами и свежим хлебом сосед отца, старый чекист дядя Саня. Сейчас он стоял у прилавка и размышлял, что забыл купить. Правда, специализация у него охрана важных лиц была. Телохранитель, если проще. Я даже как-то просил его помощи в охране дома родителей, но тут мне было нужно другое. Встав сразу за ним, я тихо на ухо выложил свои наблюдения, приоткрыв завесу тайны, что сейчас нахожусь под охраной. Дядя Саня —

старый чекист, и что делать, знал прекрасно. Тем более связи в конторе остались, да еще меня там помнят, забегал я здороваться, когда бывал в Киеве. Сейчас даже не знаю, получится ли под таким колпаком. В магазине мы и расстались, дядя Саша вышел раньше, а я по списку стал сообщать продавщице, что мне надо.

Через пару минут с полной авоськой и двумя буханками хлеба под мышкой я направился обратно к дому родителей, стараясь незаметно поглядывать по сторонам. Очень не нравилась мне такая возня. Мало того что прошли всего сутки, как мы прилетели, так еще народу понабежало много. Чую, используют меня как наживку. Приманку, проще говоря, что мне очень не нравилось. Я не любил, когда мои дела могли коснуться родных.

Пара топтунов уже исчезла. Им на смену пришел другой, пошатывающийся мужичок в тулупе, артистически изображающий пьяного, а вот живчик сменил место наблюдения и находился у небольшого узкого прохода, что шел на соседнюю улицу. Сразу я живчика не увидел, но его тень выдала. Несмотря на то что на небе были низкие хмурые свинцовые облака, что навевали тоску, пару раз солнце прорывалось через оконца, вот тогда я его и засек, а так маскировка живчика была идеальной.

Дядя Саша стоял у своего дома и перекрикивался с соседкой — та что-то спрашивала, потом он ушел к себе, а я неторопливо прошел мимо, поздоровался с пожилой женщиной и подошел к дому родителей. Что тут, всего метров восемьсот от магазина. Сдав продукты, я сообщил, что собираюсь прокатиться по городу, и с трудом отбил от мелких, которые хотели составить мне компанию. Но я был непреклонен и велел продолжать помогать бабушке. Ага, чтобы я еще с дочками под прицелом катался. Держите карман шире.

Отец сидел на пеньке, что использовал для колки дров, и отдыхал, прикрыв глаза, когда я вышел. Посмотрев на столб дыма из трубы бани, я спустился с крыльца и подошел к отцу.

— Бать, я машину возьму? Нужно знакомых навестить.

Открыв глаза, отец спокойно посмотрел на меня и ответил:

— Бери, конечно. Что спрашиваешь? Бак полный, так что можешь весь день кататься. Ключи в машине.

Глядя на отца, я подумал, что он заметно постарел. Когда часто видишь близкого человека, это не так бросается в глаза. Но вот три месяца его не видел, а изменения заметны. Появились новые морщины, волосы еще более посеребрила седина, вены стали видны на руках.

— Давай помогу с баней, — постояв немного, предложил я.

— Да я затопил уже, теперь только следить. Да и не трудно это. Дрова заготовлены, вон в сарае поленница, даже воду носить не надо. Бросил шланг из дома и заливаешь. Езжай, хорошо мне тут, отдыхаю, — снова прикрыл глаза отец.

Еще немного потоптавшись, я прошел к машине и несколько секунд скакал вокруг нее, заглядывая под капот и дно. Чисто. Заведя и дав ей прогреться, я вышел и распахнул ворота. На улице сразу засустились, некоторые, меняя маршруты, направились в сторону припаркованных в разных местах машин. Другие вроде как продолжили движение.

«М-да, они на мне что, молодняк, что ли, тренируют?» — сердито подумал я, мельком отметив грубую работу наружки, а вот неизвестный живчик и машина — та, непонятная, у музея, находившегося в дореволюционном купеческом кирпичном доме — пропали.

Выкатившись на улицу, я закрыл ворота и поехал в противоположную от магазина сторону, чтобы быстро выехать на одну из главных улиц Киева.

За мной обнаружилось сразу две машины плюс три местных, что ехали по тому же

маршруту, причем две из них были грузовыми. Гонять по улицам города я не стал и направился в сторону городского рынка. Вторник, он работает, да и самое время, десять часов всего.

Проехав до рынка, я запер машину и прошел на территорию, окунувшись в непередаваемые запахи и людской гам. Затеряться тут было проще некуда, поэтому я быстро ушел от наружки. Встав за одним из торговых рядов, я наблюдал за мельтешением топтунов из наружки, их оказалось аж семь человек, и неожиданно заметил и живчика. Как я понял, тот поступил просто и элегантно. Он следил не за мной, а за моей наружкой. Логика в этом есть, однако сейчас он пожинал плоды недалёковидности. Стоя у мясного прилавка, он слушал продавца, что говорил и показывал ему вырезки, а я со своего места наблюдал, как тот, торгуясь, тревожно поглядывал на суетящихся топтунов.

— Хорошее место подобрал, — сказал кто-то у меня за спиной знакомым голосом.

Мельком обернувшись, я вернулся к наблюдению и ответил:

— Опыт не пропьешь, дядь Саш, хотя попытки были. Как у вас там дела, ладятся?

— Задал ты мне задачку. Позвонил кому следует и сразу поехал сюда, на рынок, как и договаривались. Вычислил слежку?

— Ага, вон тот, видишь, у мясных рядов, живчик такой неприметный. Вроде с лентой ходит, но реакция молниеносная. Видел, как тот двигается?

— Это который к бочкам с солеными огурцами подошел? — уточнил дядя Саша.

— Он. Это самый опасный и непонятный. Теперь давай перечислю остальных. Значит, вон тот у овощного ряда в дембельской шинели...

Быстро описав дяде Саше всех топтунов, я подождал еще с полчаса, давая ему время, потом стал прогуливаться между рядами. За полчаса я купил вязанку сушеной рыбки, пива на разлив в бочонке. За тару пришлось доплатить. В мясных рядах взял буженину и копченое сало. Удобно покупать на базаре, всегда всё можно попробовать. Я пока ходил, успел наесться, но к машине вернулся сильно перегруженным. Ничего, нашим в радость будет. Отец сало очень уважает.

Обстановку я, конечно, вокруг себя держал под контролем, поэтому довольные моим возвращением топтуны продолжили издали отслеживать меня, а вот живчик пропал. Ну, надеюсь, знакомые дяди Саши, которые третьим рядом отслеживают перемещения местных топтунов и, надеюсь, живчика, не подкачают.

На улице была премерзкая погода: тяжелые свинцовые облака, казалось, готовые вот-вот разразиться колючим снегом, и сильный пронизывающий ветер, трепавший полы пальто прохожих и пытавшийся сорвать с них шапки.

Сложив все покупки в багажник, я поехал обратно. Всё что надо я сделал, теперь дело осталось за парнями, которых привлек дядя Саша. Причем тот отдел, куда он звонил, работал только по охране, и там есть свои группы дальнего сопровождения, то есть у них есть опыт сопровождения объекта в невидимости и выявления угрозы. Причем опыт у них реальный, постоянный, и они обычным топтунам фору дадут. Вон, я уже к дому родителей подъезжаю, так никого и не засветил за это время, а они есть. Я это своим звериным нутром чуял. Было два заинтересованных взгляда за спиной, а теперь появился и третий. Хотя может, просто спина чешется, правильно батя баньку затопил.

Заехать я даже не успел, отец у ворот встретил со своей неизменной тросточкой с рукояткой из слоновой кости в виде львиной головы (мой подарок по спецзаказу) и велел съездить за дедом с бабкой. Часа через три, нужно будет ехать на вокзал за Толиком с

супругой и сыном, они в четыре часа прибывают.

Так что, не разгружаясь, я направился к деду с бабкой. Живут они далековато, но за сорок минут обернулся. Дольше ждал, пока они одевались.

Когда я возвратился и загнал машину во двор через гостеприимно распахнутые отцом ворота и заглушил двигатель, то выбираясь из салона, чтобы помочь бабушке, слышал невдалеке, как будто сухо треснула палка.

— Наган, — уверенно определил отец, прислушавшись.

— Он, — подтвердил стоявший у открытых дверей машины дед.

Почти сразу послышался звук, как будто провели палкой по штакетнику забора. Это была длинная автоматная очередь. Причем бил «калаш», уж я-то ни с кем его не спутаю.

Это послужило как будто спусковым крючком, зачастили выстрелы пистолетов, по звуку семи — восьми, которые перекрывали басовитые голоса двух автоматов. По звуку легко определялись обычные Макаровы, но изредка хлопал уже знакомый наган, который и открыл этот сезон охоты.

— В дом, всех в подвал! — скомандовал я. — Калаша работают, им наши стены — что бумага.

В это время на улице грохнула граната и почти сразу вторая. Замолк один автомат, да и второй бил короткими очередями, надолго для боя прерываясь, а вот пистолеты продолжали щелкать интенсивно. Пару раз над головой свистнули шальные пули-дуры, но и без них было понятно, что огонь ведут не по нам.

Отец с дедом и бабушкой скрылись в доме, а я, достав из кармана один из своих неучтённых наганов, что хранился с тех пор, когда я его дернул из общака-схрона Гоши Музыканта, взвел курок.

— Вот блин, — пробормотал я, заметив, что тонкий поначалу дымок превращается в куда более плотный. Похоже, начинал гореть чей-то дом, но стрельба, несмотря на это, продолжалась. — Надо было оставить тут дочек и ехать в другое место, привел беду в дом... на улицу... в город. Вот блин!

В это время скрипнула дверь дома, и выглянул отец с двустволкой. Оружие было рабочим, я знал что, несмотря на отсутствие одной ноги, отец увлекается охотой. Вернее, его пару раз попросили свозить на охоту, когда у него появилась машина, а что ему там дожидаться их, тоже купил и как-то пристрасился. Мне, вон, с оказией как-то утку копченую привезли. Очень неплохо, нам понравилось.

— Укройся, — махнул я рукой и, держа наготове револьвер, подбежал к дому, где к нему подходил высокий дощатый забор, и, ухватившись за перекладину в углу, выглянул наружу, быстро охватив взглядом улицу.

Первыми привлекли внимание, можно сказать бросились в глаза, двое бегущих по улице парней с пистолетами в руках. Причем знакомых парней: один был тот, что ходил в дембельской шинели, полы которой при беге обвивались вокруг ног парня. Табельное оружие подуспокоило меня, но я всё равно с подозрением проследил, как они пробежали мимо в сторону стрельбы.

Бежали они с той стороны, где находился магазин, в противоположный конец, к выезду с улицы. Вот там я определился, что и как. Было видно «Победу» с распахнутыми дверями, уткнувшуюся в забор, и лежащее рядом тело. Не совсем понятно на таком расстоянии, но, кажется, лобового и части других стекол не было в наличии, что указывало, что по ней изрядно постреляли.

Теперь стало понятно, что горело. Это сарай разгорался у углового дома, где и шла стрельба. Но там уже плохо было видно, далековато. Ладно, хоть улица прямая, отсюда всё видно.

Тут я заметил, что пробежавшие мимо парни, уже удалившиеся метров на двести, метнулись в разные стороны, и если один укрылся у забора рядом с кучей промёрзших чурбаков, то второй споткнулся, сделал несколько неуверенных шагов и, выронив пистолет, мягко повалился на укатанную дорогу.

Из-за заборов и ворот выглядывали те жители, что были дома. Двое пацанов стояли у открытых ворот дома напротив и, открыв рот, наблюдали за пожаром и стрельбой. Тут же из ворот выскользнула старушка и, схватив в охапку детей, метнулась обратно. Хлопнули ворота, и заскрежетал брус. Через секунду над забором показалась голова старушки в знакомом платке, стрельнула туда-сюда глазами и спряталась обратно.

Пострадавший продолжал лежать. Парень в шинели, успевший укрыться, покрутил головой и внезапно метнулся к нему и, не забыв подхватить оружие напарника, за шиворот потащил его к себе в укрытие.

Это сказало мне о многом. Только наши будут под пулями вытаскивать своих товарищей из-под огня. Будьте уверены, я это точно знаю.

Прикинув, где они укрылись, я метнулся к дворовым постройкам, пробежал через открытую калитку в сад и через другую калитку — на участок соседей.

— Тьфу ты, Игорь. Напугал, — вздрогнул сосед, когда я отвел вилы в сторону. — Ты чего?

— Там у тебя, дядь Богдан, где поленница, двое. Один ранен. Нужно его затащить сюда и оказать помощь.

— А они не эти?

— Вроде наши. Оружие табельное, — с деланой уверенностью ответил я. — Да и проверим, документы-то должны быть.

— Это да, — согласился сосед. — Пошли, у меня там ворота к поленнице ведут.

Ворота действительно были. Причем снаружи не заметные. Сосед просто выпилил части забора и повесил их на петли. А так как забор был из досок да цельный, без щелей, то мы смогли подойти близко и прислушаться.

Кто-то едва слышно бормотал:

— Сейчас, братуха. Подожди немного, их задавят, и помощь придет. А там больница и врачи, всё будет в порядке.

В голосе отчетливо слышалось отчаянье. Значит, ранение серьезнее, чем мне казалось.

Услышав голос и о чем говорит «шинель», мы с соседом переглянулись. Точно наши.

— Эй, кто такие? — спросил я.

— Лейтенант Головачев. Управление КГБ, — ответили с небольшой заминкой.

— Сейчас ворота откроем и поможем вам. Только документы на всякий случай приготовь, — велел я и кивнул соседу. Тот стал возиться с запором, а я держал наготове наган.

Сосед распахнул одну створку, и я увидел «шинель», только вот документов у него в руках не было. Да и понятно, почему. Все руки были в крови.

— Ладно, скидывай шинель, сейчас переложим на нее твоего напарника и понесем в дом дядьки Богдана. Ко мне нельзя. Там дети. Потом я сбегая за помощью. У меня мама медсестра, лекарства и бинты есть, — стал командовать я. Я это умел, поэтому все сразу

зашевелились.

— Хорошо, — кивнул лейтенант и стал снимать шинель. Мы, пригибаясь, подошли ближе (стрельба продолжалась) и помогли перекатить раненого, отчего тот застонал, на шинель. После чего ухватились за края и волоком затащили раненого на участок дядьки Богдана, и там уже взяв нормально, понесли в дом.

— Глафира, стол готовь! — когда мы ввалились в сени, крикнул сосед жене. Эта семейная пара жила одиноко, сыновья уже повзрослели и свили свои гнезда, поэтому я не предполагал, что у них в доме могут находиться дети. Поэтому вздрогнул, когда увидел двух белобрых мальчишек четырех лет, жмущихся к печи.

— Вы укладывают его на стол, — велел я. — А я к родителем побегу и отведу детей к ним. Там подвал глубокий, пуля не достанет. Кстати, кто это?

— Внуки, — коротко ответил сосед с напряжением в голосе, помогая лейтенанту снять часть одежды с лежащего на полу раненого, пока его жена, квохча, вытирала стол тряпкой.

— Ясно.

Подхватив под мышки пацанов, я выскочил на улицу и, не обращая внимания на то, что они в одной домашней одежде, то есть в колготках и рубашках, понёсся к дому родителей. Мальчишки от неожиданности расплакались, да и холодно было для них на улице, но мы вихрем пронеслись по саду-двору и, заскочив на крыльцо, попали в сени, потом в гостиную, и по лестнице спустились в подвал.

— Бабуль, присмотри за ними, — велел я, передавая ей мальчишек. — Это внуки Хмельницких. Мам, там у них тяжелораненый. Давай свой чемоданчик с лекарствами. Нужно помочь.

— Он стоит в прихожей в шкафу, — быстро ответила мама, подхватывая одного из мальчишек. Того, что был помладше на вид.

— Понял, — я подбежал к лестнице и, остановившись, велел отцу: — Ты тут проследи, хорошо?

— Конечно, — ответил батя, покачивая на сгибе руки ружье.

— Вот и хорошо.

Подхватив чемодан, я выбежал во двор, не забыв прикрыть двери, и побежал обратно к соседям, неся в руках довольно увесистый кожаный кофр-портфель. Навстречу мне попала тетка Глафира, направлявшаяся к родителям. Видимо, побоялась оставлять внуков одних, или муж отослал в безопасное место.

— Как тут у вас? — спросил я, забегая к соседям.

Раненый, уже раздетый до пояса, лежал на столе, а вот лейтенант и хозяин дома на вид чистыми, но уже окровавленными тряпками закрывали раны. Судя по всему, их было две. В грудь и живот.

— Вот черт, — пробормотал я.

Лезть в живот и грудь я не могу, навыков, как ни печально, не хватает. Знания есть, опыта нет операций при огнестрельных ранениях. Одно дело смотреть, другое — оперировать самому. Без опытного помощника я в раны не полезу. Так что единственный выход — это плотно и хорошо перевязать. Главное — остановить кровь и отправить в больницу. Открыв кофр, я стал доставать всё необходимое: перекись, бинты и мази.

Найдя шприцы и сыворотку от столбняка, я только покачал головой. Вот что значит старшая медсестра. Сделав укол, я начал перевязку, одновременно расспрашивая стоявшего рядом лейтенанта:

— Что у вас там произошло?

— Не знаю. Нас как примелькавшихся убрали на соседнюю улицу, отслеживать, чтобы к вам по огородам не подобралась. Когда началась стрельба, мы по проходу перебежали на эту улицу и поспешили на помощь. Да вот подранили командира моего.

— Раны тяжёлые, до окончания перестрелки может не дожить. Его немедленно надо эвакуировать. К тому же, лейтенант, я не видел ваши документы.

— Да, конечно, — вытерев руки о чистую тряпицу, парень достал красные корочки и предъявил их мне. Мельком глянув, я убедился, что парень действительно свой, из местного управления.

— Кто там старший на связи у вас в управлении? — задал я вопрос.

— Капитан Сидихин.

— А Андреев куда делся? — удивился я.

— Перевели.

Сидихин был замом Андреева, так что перестановке я особо не удивился.

— А-а-а... Кстати, почему оставили пост без приказа?

— Старший приказал, я исполнил, — тут же отвертелся тот от неудобного вопроса. Хотя может, так и было.

— Значит, так. Пулевое в плечо я перевязал, но похоже, легкое задето, вот на губах кровь, и дышит он с хрипами. Дальше живот. Тут тяжелее ранение, крови мало, а это значит, у него внутреннее кровотечение. Если за полчаса не доставим его на операционный стол, твой напарник не долго проживет, лейтенант. Раны сквозные, из автомата его срезали. Поспешить надо.

— Что делать? Стреляют еще.

— Дядька Богдан, — повернулся я к соседу, — через твой участок можно попасть к соседям?

— К Ветлицким? Можно, там калитка... А, понял, у них машина, и дом находится на соседей улице.

— Ты беги, предупреди их, и готовьте машину, а мы сейчас принесём раненого.

— Бегу.

Сосед действительно сорвался с места, прихватив с вешалки полушубок и шапку, а мы стали укрывать раненого его же одеждой. Чтобы тот не замерз, пока несем.

Раненый был достаточно сухощав и невысок, в этом нам повезло. Нести тут надо метров двести, поэтому, взявшись за полы шинели (лейтенант со стороны головы, я со стороны ног), мы вынесли его из дома. На половине пути нас перехватили дядька Богдан и сосед, дядька Илья. Вчетвером уже было легче.

Машина, старенький москвич, уже негромко работала на холостом ходу. Мы затащили раненого в салон и уложили на заднее сиденье. После чего хозяин сел за руль, а дядька Богдан устроился рядом. Лейтенант категорически не захотел уезжать, но просил проследить за раненым, отдав соседу его документы. Наконец машина уехала вниз по улице в сторону ближайшей больницы — тут езды пять минут, а я вопросительно посмотрел на летеху.

— У меня приказ охранять вас.

— Ясно. Пошли к нам, там и приступишь к своей работе.

Лейтенант был без шинели, в свитере да шапке. Заметив, что он начал синеть и дрожать на ветру — градусов пятнадцать с утра было — я повел его в дом.

У родителей, успокоив всех, кто был внизу, с вешалки дал лейтенанту полушубок и отправил на улицу — пусть сторожит. Хотя стрельба вроде стихала. Уже минуту ни одного выстрела, но зато в том месте слышался многоголосый шум, рев моторов, и, взыв, стихла сирена. Дети в подвале бегали, играли в догонялки, взрослые степенно беседовали, а я сидел на ступеньках лестницы и отслеживал ситуацию. Не выдержав, поднялся наружу и, выглянув, спросил у лейтенанта, который занял позицию наблюдения в том же месте, где и я их увидел:

— Ну, что там?

— Вроде взяли голубчиков. Начальства понаехало... Машины скорой помощи вижу, милиции и две красные пожарных, тушат угли, что остались от какой-то постройки, — обстоятельно ответил охранник, продолжая наблюдать за ситуацией. — О, к нам машина едет. Вроде наша «аварийка»... Точно, наши, из дальнего наблюдения.

Через минуту машина остановилась у ворот нашего дома, и вышедшие люди начали перекрикиваться с лейтенантом. Тревога в их голосе пропала, когда лейтенант подтвердил, что со мной всё в порядке. Потом он доложил о ранении напарника и о том, что его отправили в ближайшую больницу добровольные помощники.

Оставив еще двух охранников, грузовик укатил обратно.

На ближайшие два часа нас оставили в покое. Вернувшийся дядька Богдан с полчаса посидел у нас, доложил лейтенанту, что напарник его предан с руки на руки врачам. Пополдничаю, он прихватив своих и утопал домой.

Стрельба давно стихла, и охрана подтвердила, что все боевики задержаны. Жизнь в доме вернулась в нормальное русло. Бабушка с мамой сушили на кухне, отец убрал ружье на место и с дедом в подвале дегустировал домашние вина с батюкиных виноградников. Там же на всякий случай находились и дети. То есть дочери с сестрами.

Сходить к соседям за медпортфелем мне не дали, один из охранников сам принес его.

Так мы и сидели в неизвестности, ожидая новостей.

— Бать, время за семьей Толика ехать. Поезд прибывает через сорок минут. Пойду, поговорю с охраной и съезжу на вокзал.

Сперва охрана воспротивилась моему отъезду, пришлось дать напора в голос, что всё равно поеду. Те связались с начальством и получили разрешение. Один охранник остался во дворе у родителей, двое поехали за мной на своей машине. Так что доехал я до вокзала в сопровождении охраны и вполне благополучно. Также они сопровождали меня по перрону.

Наконец нужный поезд подошел, и я направился встречать брата, его жену и сынишку-грудничка. Первым из дверей вагона появился брат в своей курсантской форме, с распахнутой шинелью поверх, следом жена Аня. Поздоровавшись с братом, потом с невесткой, я посоветовал поторопиться. Ветер, ребенка можно продуть.

— Это что за типы? — засек сопровождение брат, мельком посмотрев на охрану.

— Да была у нас тут история. Садитесь, вещи в багажник... Ага, сейчас в машине расскажу.

Братишка устроился рядом, а его жена на заднем сиденье с ребенком. Пока ехали, я рассказал сильно урезанную историю о стрельбе на нашей улице и о том, что преступники обезврежены.

— Но что там происходит, я и сам не знаю. Это раньше козырнул удостоверениям — и прошёл к начальству. Сейчас даже к оцеплению не подпускают.

— Это там? — спросил брат, указав рукой.

— Ага, вон, видишь, где пожарные суется? — спросил я, поворачивая на нашу улицу на перекрёстке у магазина. — Там всё и происходило.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Родители и дед с бабушкой встретили Толика с семьей так же хорошо, как и меня, и тоже закатали небольшое гуляние. Правда, родственников звать опасались. Те, кто знал, сами приехали, удивлённые суетой на нашей улице. Как бы то ни было, погуляли хорошо, и я отправился в свою спальню (вторую занял Толик с женой).

Следующим утром охрана вежливо просила меня не покидать территорию участка родителей, так что я по-прежнему не знал, что происходит, так и прошёл в неизвестности этот день. Звонить я тоже и не думал, так с родственниками пообщался, и всё. Наконец, двадцать восьмого декабря, когда лениво бегал по двору с лопатой, собирая выпавший снег в одну кучу, складывая по возможности снежную горку, дверь в воротах открылась, и вошел полковник Рошин собственной персоной. Двор был пуст, Толик с женой, оставив сына на попечение родителей, уехал на отцовской «Волге» по друзьям, так что я был один.

Подкинув в руке лопату, я изучающе осмотрел полковника.

— Не советую, — ответил он на мой взгляд. — Я не делал из тебя мишень. Честно. Для нас самих было неожиданностью, что тебя тут уже ждут... Может, пройдем в дом?

— Может, — вздохнул я и воткнул лопату в небольшой сугроб. Всё, что удалось собрать. — Пойдемте, хотелось бы узнать, что тут происходило и *почему* это происходило?

Мы, оббив снег с ботинок на крыльце, прошли в сени, потом в прихожую, где разделись и повесили верхнюю одежду, и по лестнице спустились в полуподвал.

— А большой у вас дом, — удивился полковник, оглядываясь и приглаживая короткий ежик волос.

— Ну дык, сколько выбирали, что купить. Взяли самый лучший.

— Ну да, конечно.

Мы вошли в мою комнату, и я запер дверь, чтобы девочки, которые уже с любопытством следили за нами с лестничной площадки, не могли подсмотреть и теоретически подслушать.

— Я весь внимание, — сел я за небольшой столик и жестом пригласил полковника.

— Кхм, — прочистил горло Рошин и сел за стол. Поставив под ноги портфель, с которым он, казалось, никогда не расстаётся, и сцепив пальцы в замок, полковник посмотрел на меня. — Даже не знаю, с чего начать.

— А вы с начала начните, чтобы понятно было, — подсказал я.

— М-да. Не могу я тебе всего рассказать, у тебя доступа к этой информации нет, — задумчиво протянул полковник. — А мне проблем на службе за выбалтывание секретной информации не нужно. Поэтому пройдусь поверхностно.

— Давайте хоть что-то, — согласился я.

Да в принципе я и не надеялся, что мне всё выложат. Более того, не уверен, что вообще правду расскажут. Знаю, сам из этой системы. Но часть правды — и то хлеб, по крупицам можно собрать полную картину. Думать я еще не разучился.

— Честно скажу, пришлось покопаться в твоём прошлом, чтобы найти ту ниточку. Да и твои предположения на бумагегодились. Британская версия подтвердилась.

— Ага, значит, мстили за провал во Франции.

— И за него тоже, — кивнул полковник. — Я читал твоё личное дело. Не то, что ты таскал из архива, а настоящее. Так вот хочу напомнить тебе о том случае, когда ты гонял оуновцев и случайно вскрыл штаб-квартиру, перепутав корпуса домов.

— Было такое, — согласился я.

— Это были британские шпионы, частично они сдали своих агентов при допросах, да и мы устроили радиоигру, когда они согласились сотрудничать. Правда, через два месяца те оборвали связь, видимо догадавшись о дезинформации. Вот и во Франции ты им напакостил. Они и подняли все связи.

— Американцы помогли? — заинтересовался я.

— Нет, свой агент.

— Тобольский?

— Стругов, — спокойно ответил полковник. — Он смог получить доступ с помощью своего недалекого начальника к французскому делу двухлетней давности, выяснил, кто там участвовал, и докопался до твоего дела. До того самого, что ты читал. А в нем было указано об операциях на Западной Украине и о захвате штаб-квартиры. Полковник заинтересовался и, потянув за эту ниточку, раскрыл тебя. Информация ушла к британцам, и оттуда был дан приказ на твою ликвидацию. Какой-то у них там легендарный агент погиб при этом. Честь и гордость требовали мщения.

— А как? Стругов к моменту минирования полсуток как был мертв.

— Машина полковника, пробив ограждение, улетела в канал. Тело так и не нашли.

— О как? Эвакуировали подставившегося агента?

— Мы тоже так думаем, поэтому его ищут. Давай я продолжу рассказ. Значит, приказ был отдан завербованным подкупленным и законспирированным агентам, именно в такой терминологии, и их людям из остатков бандеровцев. На тебя охотились две команды.

— Так вот почему такая несогласованность действий, — понял я.

— Да. Гранаты под машину заложил бандитский подрывник с Галитчины. Именно поэтому они так и лопухнулись. Не знали они, как потом выяснилось, о твоём отлете. Только адрес. А другие ликвидаторы ждали тебя здесь. Причем ладно бы кто попроще, офицеры контрразведчики оказались. Из местных. Ты, когда подсуетился со своим соседом, сыграл нашим на руку. Охрана издали наблюдала за тобой, завербованные контрразведчики за ними, а группа профессиональной охраны уже наблюдала за разведкой.

— Не штабисты это были, силовики, сто процентов, — задумчиво протянул я.

— Да. Капитан и два старших лейтенанта. На чем их завербовали, уже выяснили, но тебе это знать ни к чему... Одним словом, из-за случайности начался бой у вас на улице.

— Причина?

— Один из военных хотел по огородам пройти в тыл вашего дома. Сейчас-то понятно, что он должен был подстраховать основную группу, но тогда твой сосед подумал, что началась акция, и выстрелил в него из своего именного оружия. Нагана, кажется. И надо сказать, попал, но не убил, а ранил лейтенанта. Тот открыл огонь из автомата, ну а там, как снежный ком, покатилося. Лейтенанта раненого добились быстро, но тот успел кинуть гранату, отчего погиб один и был ранен второй сотрудник охраны.

— Остальные?

— Через мгновение после начал боя двух других пытались задержать, но они успели закинуть в машину охраны, что подъехала вплотную, гранату и, добив из автомата и пистолета всех уцелевших, попытались уйти, но тут вмешались парни, которых привлек твой сосед. Они-то и загнали контрразведчиков в сарай, и оттуда те отбивались до последнего. Хорошо, что гранат у них было всего две. Плохо, что стандартный боекомплект к автоматам, это и дало им продержаться столько времени. А брать надо было живыми.

— Взяли?

— Только одного, того самого, что ты живчиком называл. Он и был старшим, капитан. Сволочи, с табельным оружием на дело шли. Потери с обеих сторон большие. Из девяти человек твоей охраны — кстати, местные решили на тебе молодую группу потренировать, ветераны ушли на пенсию, молодежи много — так вот, из девяти человек четверо погибли, двое тяжело ранены и только трое целехонькие. Это те, что в машине были. Тот раненый, которого ты перевязывал, выжил, но всё еще в тяжёлом состоянии. У парней, что неофициально привлек твой сосед, кроме пробитого колеса и простреленного лобового стекла потерь нет. У противника оба лейтенанта погибли, капитан ранен, но показания может давать, и уже дает. По его словам, после твоей ликвидации их должны были вывезти в нейтральную страну, обеспечить документами и деньгами. Как видишь — не получилось.

— Почему они раньше не расстреляли меня? Из автоматов не трудно изрешетить машину и отбиться от охраны. Проблем не вижу.

— Они хоть и предатели, но остатки совести еще не растеряли. Когда ты ехал от аэропорта, в машине были дети. Они перенесли акцию. Когда ездил на рынок, слишком тебя опекала охрана, да и в центре города всё происходило. Попытались ликвидировать тебя на рынке. Но ты сам пропал, и больше не было возможности, вот они и хотели провести акцию этой ночью и начали готовить позиции, стараясь не встревожить охрану. А те, лапти, ничего не замечали. Молодежь, что еще скажешь? Хорошо, что твой сосед среагировал.

— А может, их специально поставили, чтобы облегчить работу ликвидаторам? — поинтересовался я.

— Уже отработали эту версию. Нет, там дежурный офицер, что принял приказ из Москвы, направил их. Просто начальник всё подтвердил. С их стороны действия логичны.

— Ясно. А с Москвой что? Что с этими гоблинами?

— С кем? — не понял полковник.

— Одним словом, моральные уроды. С ними что?

— Да поймали. Сразу на следующий день после вашего отлета. Трое их было. Старший и двое подручных, старший и был сапером.

— Как сумели? Москва — город немаленький.

— Да проще некуда. Они были на машине, стояли на улице и с интересом наблюдали, как Митрич снимал закладку. Номера украинские, следовательно заинтересовался и записал. Когда прошла информация, что тут могут быть замешаны западенцы, он о ней и вспомнил. Послали ориентировки по всем постам ГАИ, на выезде и задержали. Отпечатки с теми, что остались на машине, полностью совпали, да и разговорить их удалось.

— М-да. Работать умеете.

— Это еще что. Один из бандитов снайпером оказался. Да еще во всесоюзном розыске. По горячим следам стали колоть его на убийство Тобольского. Не сразу — парням пришлось принять некоторые меры — но сознался. Уже и чистосердечное написал, указал, куда винтовку бросил, там водолазы работают, сейчас следствие заканчивается, и собирается материал для отправки его в суд.

— Стопроцентная вышка снайперу... Это всё, конечно, хорошо, за три дня вы сделали просто титаническую работу и заслужили награды и почести. Но что насчет меня? Вы вырвали пару зубов, но челюсти еще могут кусать. Противник знает про меня и моих родственников. Я не могу сменить имя и всю свою жизнь, всё равно при нужде вычислят. Да и для меня это неприемлемо.

— Ты прав, наемников мы выбили, но у британцев наверняка еще есть козыри. Одного дипломата британского посольства мы объявили персоной нон грата и вчера выслали из страны. Была сделана фотодокументированная съемка встречи с одним из захваченных бандеровцев, что согласился с нами работать.

— Получается, я всё еще под прицелом. Мне это не нравится, — нахмурился я. — Ладно, я обнаружил гранаты, а если бы нет — и сел в машину с дочками?

— Ты прав, главную проблему мы не убрали и, к сожалению, должен признать, вряд ли сможем. Мы не знаем, сколько агентов противника осталось в нашем управлении и не узнают ли британцы о том, что к ним отправлены люди, задолго до того, как мы это сделаем.

— Я так понимаю, у вас есть ко мне предложение? — криво усмехнулся я.

— В некоторой степени так и есть. Мы не будем отдавать приказы на разработку операций по ликвидации резидентов. А просто продолжим проводить расследования. Нам политического скандала не нужно. Это не я сказал, — Роцин поднял палец вверх и добавил: — Сам.

— Я понял. Дело спасения утопающего в руках самого утопающего... Мне нужна информация.

Роцин поднял с пола портфель и открыл его. Через минуту передо мной лежал листок с краткими биографиями трех человек.

— Это вся информация о британских агентах. Одного, как ты знаешь, выслали, он там указан первым. Один работает в торговле, у нас с официальным визитом. Улетает обратно через месяц. Работает на разведку. К сожалению, информация по нему есть, но доказательств... Это он курировал и направил на ликвидацию контрразведчиков, как сообщил капитан. Про третьего ничего не скажу, но то, что он работает на британцев, это точно. Работает у нас по экспорту зерна. Инспектирует и ставит подпись на документах судов, что отправляются с продовольствием в Англию.

— Хорошо подготовились, — задумчиво протянул я, пробежавшись по информации на листе. — Генерал меня просчитал?

— Вы с ним уже сколько лет знакомы. Как он сказал, ты подобного не оставишь. Лучше взять это дело в свои руки, а не дать тебе заниматься самодеятельностью. Зачем нам самим этим заниматься, когда есть хорошо мотивированный желающий, что не состоит у нас на службе? Британцы никак не подумают, что именно ты вышел на охоту... Как работать будешь?

— Это мое дело.

— Я оставлю тебе телефон. Если потребуется перейти через границу, свяжись, помогу.

Подумав, я решил не раскрывать свои каналы и кивнул, принимая предложение.

— Это всё?

— Из того, что мне разрешено тебе сообщить и... предложить, всё. Была только просьба начать работу с середины января. Мы успеем подготовиться к неожиданностям.

— Без проблем, я и сам не собирался торопиться. Отдохну тут пока.

— Тогда всего хорошего, — встав, сказал полковник. Пожав ему руку, я проводил до выхода, помог одеться и, убедившись, что машина с Роцином отъехала от дома, задумчиво посмотрел на охранников, что продолжали работать и изрядно нервировать родственников, и направился обратно. Ага, сейчас прям — разбежался ждать. Как говорится, резидента надо колоть, пока он горячий.

Уходить я решил незаметно для охраны — ночью. Записку оставлю отцу, он передаст

старшему. В ней попрошу вести себя, как обычно, как будто я в доме. Тот запросит у начальства, те обратятся к Рошину, ведь это он курирует меня, тот подтвердит.

Вечером перед ужином, когда Толик с Аней вернулись из гостей, мама попросила меня сходить за пропавшими мужиками. Отец с дедом были у дядьки Богдана, отдыхали душой от последних дней знаменитой на всю улицу наливкой дядьки Богдана. Сходив за ними, напомнил, что скоро уже ужин, и мама зовет.

— Черт, я же чуть передачу не пропустил, — воскликнул отец, посмотрев на часы. — Идем-идем, включай телевизор.

Пока отец с дедом собирались, я поспешил домой. Отец очень серьезно относился к некоторым недавно появившимся передачам на телевидении. В мое время была очень популярна такая передача, как «Жди меня». Тут она тоже была, но по радио, вернее нечто подобное было. Я смог продать ее, и вот уже полгода эта передача выходит каждый понедельник в семь вечера и идет до полдевятого в прямом эфире по телевидению. Люди, потерявшие во время войны, уже и не чаявшие и потерявшие надежду, смогли попытаться найти своих родственников, друзей, знакомых, однополчан. Вал писем на адрес телестанции шел такой, что ведущий режиссёр был вынужден настоять на двух выходах передачи в неделю. Вот уже три недели, как она выходит в понедельник и пятницу с семи вечера, далеко обогнав по рейтингу другие передачи. За полгода телеведущие уже набили руку, как и работники, так что эта передача была одной из самых популярных в Союзе. Автором, естественно, в титрах был указан я... ну и еще два парня. Но тут ничего не поделаешь, моя идея и их проработка, они действительно неплохо потрудились, отчего теперь телезрители радуются каждому выходу.

Отец серьезно на неё подсел, и в конце передачи, когда двигался обзорный лист с именами и фамилиями, сидел у экрана с блокнотом, и если встречал знакомого, то записывал. Были и фото.

Мама рассказывала, буквально на днях во время такого просмотра отец вдруг возбудился, вскочил на ноги и побежал к телефону. Изображение на одном из фото он узнал. Это был мужчина лет сорока пяти — пятидесяти, и комментарий, что тот с войны ничего о себе не помнит. Просили помощи в опознании. Отец узнал в нем техника Ил-2, летчика из звена бати, немедленно связался со знакомым пилотом, благо войну тот пережил, и объяснил ситуацию, тот как раз искал своих однополчан, и этого техника тоже. Тот самый летчик улетел в Москву, и хотя потерявший память техник его не признал, но встреча состоялась. Недавно он звонил отцу и рассказывал, как встречались. Более того, там же он повстречался с командиром их полка, генерал-майором в отставке, что тоже прилетел после передачи. Так что удачный был проект. Актуальная, как никогда, я бы сказал.

Во время ужина я сидел между Толиком и Лидой и нарезал мясо, подкладывая его сестре на тарелку. Дочки угощались за отдельным столом для малышей, сестры его уже переросли и очень гордились, что доросли до взрослого, но вот в таких случаях им надо было помогать.

Разговор за столом шел обычный. Мама, вернувшаяся к столу (она подкладывала второе мелким), о чем-то спросила отца, который на миг отвлекся от телевизора, остановила взгляд на Толике и спросила у меня:

— Игорь, посмотри на брата. Младше тебя, и уже женат. Когда ты осчастливишь нас свадьбой? Родственники волнуются, станешь бирюком.

— Игорю это не грозит, если вспомнить, где он учится, — засмеялся брат. — Это не как я — с одними мужиками вокруг.

— С однокурсницами я принципиально не встречаюсь, — отмахнулся я от шуточек брата на эту тему. — Хотя, честно говоря, было тяжело. Сдуру приехал в первый учебный день на машине, так сразу видный жених. Да еще в одежде от дяди Яши. Стильный, да на машине. Вот наши медицинские красотки и устроили на меня охоту. Оно мне надо было?

— А как ты от них отбивался? — с мечтательной улыбкой спросил брат, и тут же получил легкую затрепину от жены, чтобы не думал о других бабах.

— Сделал вид, что зубрила и не интересуюсь девушками. Со временем сами отстали, да и я привык постоянно учиться. Нравится оно мне.

— Но всё равно нехорошо, что у тебя нет девушки, — огорчённо сказала мама, явно строя на меня какие-то планы.

— Почему нет? — удивился я. — У меня они всегда есть. Просто недолго и не из института. Дольше всех продержалась последняя, полгода уже. Пока рвать наши отношения не собираюсь, нравится она мне как человек, и собеседник хороший. Да и харизма присутствует.

— Кто такая? — заинтересовалась мама.

Задумавшись, говорить ли о своей девушке родственникам, получил незаметный тычок от брата в бок, очнулся и нехотя ответил:

— Артистка.

— Подожди, — встрепенулся отец, отвлекшись от голубого экрана телевизора, импорта из Франции. — Когда мы у тебя были недавно, ты нас еще в ресторан пригласил. Там к тебе такая девушка красивая подходила. Не она ли?

— Она, — улыбнулся я. — Быстро вы ее вычислили.

— Что там вычислять было, она естественная, с кем ты встречался и разговаривал при нас, — встрепенулась мама. — А красивая была, тонкая, как тростиночка.

— Это да. Как я уже говорил, встречаемся мы полгода.

— А жениться собираетесь? — мечтательно спросила мама. — Очень красивая девушка. Детки будут красивые.

— Пока не знаю, — попробовав салат, невнятно ответил я.

— Может, дети будут?

— Мне троих хватает, хотя я не против мальчика.

Последнее я буркнул совсем тихо.

— А почему ты нам не сказал, что у тебя девушка есть? — продолжила допытываться мама.

— Мам, если бы я тебе про всех своих девушек говорил, у тебя бы страниц в блокноте не хватило. Чего зря говорить? К тому же в данной ситуации это, наоборот, хорошо. Всё, что происходило за последние дни, ее никак не коснется. Никто о ней не знает, Никулин только и Лев Лесенко с женой. Ходили вместе как-то на один концерт.

— Но ты нас познакомишь? — уточнила мама.

— Чуть позже, хорошо?

— Хорошо, — вздохнула она.

— Сейчас все внимание! Вы, как я вижу, закончили ужинать, я хочу сказать вам вот о чем. У меня появились срочные дела, которые надо решить, поэтому сразу извиняюсь, но я исчезну на несколько недель. Дочки останутся у вас, пока я не вернусь. Это необходимо, и

расспрашивать о причинах не надо. Поэтому добавлю, когда Толик, как и вчера, увезет бабушку с дедушкой домой, я уйду. Охрана снаружи об этом знать не должна. Бать, я тебе потом отдам письмо, передашь старшему, когда они обнаружат мое исчезновение, а так старайтесь вести себя так, как будто я дома, но болею. Говорите всем, что с постели не встаю. Охрану проинструктируют. Мне нужен надежный тыл. Я могу на вас надеяться?

— Я отвечу за всех, сын, — встав, сказал отец. — Раз для тебя это так важно, то ты можешь рассчитывать на нас. Мы же твоя семья, мы тебя не подведем. Не волнуйся.

Остальные подтвердили слова отца.

— Выберите сами, кто вместо меня будет болеть и лежать в постели, подобная кукла должна быть обязательно. Мама, сделай мне бутербродов с собой. Через час я уйду.

— Хорошо, — тихо ответила мама.

Спустившись вниз, я стал собираться. Старый мой фибровый чемодан, в котором отец хранил рыболовные снасти, был принесен из сарая и наполнен вещами. На дно положил наган и узелок с двадцатью патронами. Из денег у меня было с собой полторы тысячи. Подумав, я отделил пятьсот рублей, решил оставить их родителям. Остальное убрал в карман. В чемоданчик же ушел и узелок с продовольствием, что заготовила мама.

Прихватив чемодан, я поднялся наверх и, поставив его у вешалки, подошел сзади к маме (она возилась у плиты) и, поцеловав ее в макушку, сказал:

— Пора.

Попрощавшись со всеми, дождался, когда Толик и бабушка с дедушкой сядут в машину и начнут выезжать со двора, я тихо выскользнул через окно с другой стороны дома и, поскрипывая молодым снежком, через огороды направился к соседним участкам.

— Вот и началась моя охота, — пробормотал я, потрепав по холке сторожевого пса, что бежал по участку соседей и, отодвинув доски в заборе, выскользнул на параллельную улицу.

Через пять минут я скрылся в ночной темени улиц Киева, редко где освещаемого фонарями. Начавшийся снежок заметал мои следы.

Искать меня вряд ли будут. Я действую в интересах конторы. К тому же когда еще обнаружат? Отец должен утром выйти и сказать, что я заболел. Ночной горшок будут выносить. Мама — бегать с тревожным видом (она хорошая артистка), вот бы дочери да сестры не подвели, а то у них что на уме, то и на языке. По садику знаю. Всё, что происходит в садике, до мельчайших подробностей мне сообщают мелкие, ну и воспитателям, соответственно, что происходит у нас на квартире. Вот я с воспитателями и договорился: я не буду возмущаться порядками в садике, они не будут распускать слухи, что происходит у меня на квартире. Но, думаю, можно и рискнуть, тем более я провел среди них разъяснительную работу. Вроде запомнили, надо говорить, что папа болеет. Да и тетки за ними присмотрят.

Так что ориентировочно у меня не больше суток, когда о моей пропаже узнают в Москве. Это по минимуму, могут и через пару дней узнать, если мои хорошо сыграют. В охране хоть и молодежь, что уцелела в перестрелке, но и опытные есть. Раскусят игру быстро.

Аэропорт встретил меня сиянием огней и шумом взлетающего самолёта. Работает, я-то думал, с начавшимся снегопадом закроют, на поезде придется ехать. Ан-нет, вот летают. Когда очередной самолет на Москву, я узнал заранее. Толик, прежде чем везти бабушку с дедушкой, сходил в магазин по позвонил с уличного телефона-автомата.

Отдав частнику, что меня подвёз, рубль, я взял чемодан за кожаную потрескавшуюся ручку и поспешил в здание вокзала.

Пройдя в кассу, я сообщил кассирше:

— Бронь на московский самолет.

— Фамилия?

— Андреев.

Паспорт предъявлять не требовалось. Вот житуха тут для террористов! Сколько рапортов писал на имя председателя, а всё не чешутся.

— Есть такая бронь.

Получив билет и сдачу с червонца, я направился к выходу на взлетное поле. Посадка должна была начаться через полчаса. Узнав у служащих багажного отдела, что небольшой чемоданчик можно перевезти как ручную кладь (до сих пор фигейо, никто не проверяет, нет ли у меня оружия), и вместе с ним прошел в салон самолета, где смог запихать его на багажную полку.

Перелет прошел нормально, потрясло в воздушных ямах в начале пути, да попали в турбулентность при снижении над Москвой. Но, право, какие это мелочи. Я до сих пор радуюсь, что не на поезде отправился — сколько экономии во времени!

Спокойно выйдя из салона и прикрываясь рукавом от холодного ветра — в Киеве не такие морозы — я прошел вокзал (багажа нет, не задерживался) и вышел из здания вокзала.

Таксистов хватало, я был одним из первых, но подошел не к ним, а побежал к подъезжающему рейсовому автобусу. Меня мало интересовал его маршрут, нужно было уехать от вокзала. А вот таксисты одного из своих пассажиров могли запомнить.

Успел. Пройдя в салон, бросил пяточок в приемное устройство и оторвал билет. Заняв место у окна, я стал поглядывать на ночную Москву, по которой мы ехали. Машин на улицах хватало, но мне нужна была определенная, которую можно было найти только в одном месте. Одним словом, мне нужно было обзаводиться транспортом. Пересев на очередной остановке на нужный маршрут, я задумался.

Один из интересующих меня, тот, кто по списку проходил третьим, жил в Москве. Второй, что по торговой части, в Ленинграде, ну а третий островитянин, и самый вкусный по части информации, вернулся на историческую родину.

Вот и начнём с малого. Может, он и не знает о проводимых в мою сторону телодвижениях, но владеет другой информацией, которая мне может пригодиться. Например, всё по Лондону, людям, что там работают, и штаб-квартирам. Все контакты, о которых он знает, меня очень интересуют.

Заметив, что мы попали в деловой центр Москвы, я насторожился и закрутил головой. Были тут, конечно, и частные дома, но это пока не то. Разные министерства и другие организации меня не интересовали, но зато тут недалеко были гаражи и мастерские по ремонту машин скорой помощи. То, что доктор прописал, это и была моя цель.

На первой же остановке я вышел и, смешавшись с немногочисленными пассажирами, направился в сторону ближайших дворов. Ничего, тут всего полквартала — и будет то, что нужно. Остановившись на миг, я достал из чемоданчика пару бутербродов и, жуя на ходу, быстрым шагом направился к нужным мне строениям.

Муниципальные гаражи охранял всего один сторож, что прогуливался с берданкой на плече и в тулупе. С улыбкой вспомнив «Операцию Ъ», я подкрался со спины и спросил:

— Бабуль, огоньку не найдется?

— Вот сейчас кто-то дошутится, — мужским басом ответила «бабуля» оборачиваясь, и тут же осела от удара в подбородок. Как говорил Папанов, «бить буду сильно, но аккуратно».

Охранник был не причем, поэтому я и нанес ему следы побоев на лицо — алиби, как говорится. Ключей у него, естественно, не было, как и сигнализации на воротах. Легко вскрыв висящий замок, я схватил сторожа за ворот полушубка и затащил его в гараж. Бросил у входа, связав руки ремнем винтовки.

Включив свет, с помощью рубильника осмотрел ряд машин и пробормотал:

— Ага. Это, значит, гараж. Мастерская в соседнем боксе.

В боксе, сверкая лакированными боками, стояло четыре белых «Волги» Газ-22 с красными полосами на боку и медицинскими эмблемами. Ключи даже искать было не нужно, они находились в небольшом ящике у входа. Висели на гвоздиках. Забрав все, я нашел машину с полным баком. Сев в нее, завел мотор. Работал тот заметно не так, как было нужно. Стучал. Проверив остальные (одна вообще не завелась), понял, что эти машины собраны для ремонта.

Пришлось вскрывать соседний бокс — может, там стоят исправные?

Разочаровался. Я надеялся хоть на одну работающую, которую не успели вернуть после ремонта, но в наличии были только разукomплектованные, вот и пришлось выгонять ту, у которой стучал движок, надеясь, что ее хватит на эту ночь.

Заперев и оставив всё как было, я поехал к гостинице «Украина» на Кутузовский проспект, где и жил нужный мне иностранец.

Доехал на удивление без проблем. Никто не остановил, регулировщик на одном из перекрёстков так еще и пропустил. Да и водители были предельно вежливы. Хотя я и ехал без sireны и маячков, а они были в наличии.

Остановив машину буквально на виду у гостиницы, в полукилометре — ее было хорошо видно через проспект — и припарковавшись, направился к телефону-автомату. Тот оказался целым и вполне рабочим. В справочной мне подсказали телефон гостиницы, и я набрал номер, что запомнил. Говорить я собирался на английском. Причем с заметным американским акцентом.

— Гостиница «Украина». Отдел регистрации и бронирования, — сообщил неизвестный мужской голос.

— Добрый вечер. Я хороший знакомый проживающего у вас Айрона Крисса. Вы не могли бы перенаправить звонок ему в номер?

— Конечно, сэр, минуточку... — перейдя на английский, ответил служащий гостиницы и на полминуты замолчал. — К сожалению, это не представляется возможным. Мистера Крисса нет в номере, но я смог узнать, что он находится в ресторане. Сейчас его пригласят к телефону.

— Хорошо, я подожду, — ответил я и стал терпеливо ожидать.

Буквально через минуту трубку взял тот, кто был мне нужен.

— Айрон Крисс у телефона, — услышал я мужской голос.

— Добрый вечер. Я Анникейн Росс, проездом через этот город. Я должен был передать одну посылку-письмо моему хорошему другу, но к сожалению, выяснилось, что обстоятельства заставили его спешно покинуть страну и вернуться на родину. Однако он передал ваши данные как один из запасных вариантов...

— Я понял, о чем вы. Не могли бы мы встретиться лично?

— К сожалению, у меня самолет, поэтому лимит во времени... Хотя... Выйдите прямо

сейчас из гостиницы и спускайтесь вниз по улице, я вас подберу.

— Я вас понял, мистер Росс.

Повесив трубку, я улыбнулся. Какой бред ни неси, да еще с иносказательными интонациями, шпионы в него верят больше, чем когда говорят прямо или откровенно врут.

Этот Крисс под колпаком конторы, и разговор наверняка прослушивался, поэтому нужно было торопиться. Сейчас группа внешнего наблюдения должна подготовиться, чтобы взять британского шпиона на выходе из гостиницы под контроль и зафиксировать наш контакт.

Вернувшись в машину, которая продолжала постукивать мотором на холостом ходу, я тронулся с места, направляясь к гостинице. Заметив, что среди немногочисленных посетителей вышел статный, легко одетый мужчина, поднял воротник пиджака и, сунув руки в карманы, направился вниз по улице, я немного прибавил скорость, пытаюсь вычленив среди людей и машин агентов конторы.

Проехав перекресток, я догнал бредущего и дрожащего от холода англичанина и, посигналив, открыл дверь с пассажирской стороны, притормозив на миг. Тот моментально прыгнул в прогретое нутро машины, и я надавил на педаль газа. В машине было темно, а от освещения приборов нельзя было разглядеть лицо, хотя британец явно пытался.

— Это вы мне звонили? — спросил он.

— Да. О том, что мистер Нортон покинул Россию, я не знал, вот и пришлось искать пути подхода к вам, — с тем же акцентом ответил я. — Черт, русские едут за нами на двух машин! Держитесь, попробую оторваться от них. Надеюсь, на этом металлоломе, что делают русские, это удастся.

С сиренами и мигалками я проскакивал на перекрёстках на красный свет светофоров и смог-таки уйти от слежки. Одна машина наружки столкнулась на перекрёстке с другим участником движения, а вторая вылетела с дороги на повороте и застряла в сугробе. Так что мы успели уйти.

— Что за пакет? — поинтересовался Крисс, когда сирена смолкла и люстра на крыше перестала работать. Мотор молодец, выдержал предельные нагрузки и не заклинил, хотя температура поползла вверх.

— Сейчас достану, подержите руль, — попросил я, и когда шпион это проделал, нанес ему удар по горлу. Тот наклонился вперед и получил вырубавший по затылку. Правда, пришлось добавить, крепкий оказался.

Зная, что сейчас идут поиски этой машины по всему городу, я заехал на пустырь в промышленном районе — позади металлургического комбината, и заглушил машину. Удобный салон универсала изрядно помог мне, хоть и был достаточно узок. Перетащив шпиона и расправ его на полу, стал приводить в сознание, приготавливая инструменты. Обыск показал, что ничем особенным в стиле Бонда тот похвастаться не мог. Капсула с ядом в пряжке ремня и небольшая кобура на лодыжке. Пистолета в кобуре не было. Поискав, я нашел на полу под передним сиденьем пропавшее оружие. Видимо, тот держал его в руке, мало ли что, но воспользоваться не успел. У меня холодок пробежал по спине. Мог ведь в этом деле победителем выйти не я, а британец, и распятым мог быть тоже я. По краю прошел, нужно в следующий раз лучше планировать свои операции, тут-то вынужденно действовал экспромтом.

И то, и другое я прибрал, как и часы с руки. Забавный циферблат, надо посмотреть, что там внутри, сейчас времени не было.

Тот очнулся, когда я прижег зажигалкой голые пятки. Как только он сфокусировал на мне взгляд, я сказал:

— Ну что, британский шпион, давай, вываливай на меня свои секреты... О, судя по твоим расширившимся глазам, ты меня явно узнал. Вот это интересно. Я хочу знать, кто отдал приказ на мою ликвидацию и перечисли мне *всех*, кто вообще знает обо мне из ваших.

Запирался тот долго, явно крепкий орешек. Но профессиональные пытки сломают кого угодно. Это я как профессионал говорю. Вот британец продержался семь минут, а это очень много, поверьте мне. Зная свои силы, я могу с уверенностью утверждать, что и я примерно столько же продержусь, хотя там от умений ката всё зависит. Я-то так, средненький.

Допрос шел полтора часа, очень много знал британец, очень. Он был посредником и курьером для встреч с агентурой и резидентом, которого выслали из страны, мистером Оливером Нортоном. Блокнот заполнился на двадцать страниц мелким и убористым почерком. Про себя я записывал отдельно.

Когда я понял, что выдоил сломленного британца до конца, попытал еще, чтобы убедиться, что он ничего не скрыл, дополнил блокнот еще одной страницей, но с более взрывоопасной информацией и, как обещал, прикончил его сразу. Просто пережал шею, и тот тихо уснул вечным сном. Свои обещания я держу, ушел он легко.

Дальше я действовал быстро, развязал британца и, найдя пару кирпичей на пустыре, привязал их к ногам покойника и выехал с пустыря. Пора избавляться от улики. Британец ушел под воду с набережной в промышленном районе, а машина была загнана на тихую улицу и подожжена. Протирать ее от отпечатков пальцев мне было банально лень. А так — облил из канистры салон и бросил горящую тряпку.

Через полквартала на соседней улице я загрузился в заполненный народом салон троллейбуса, стоя доехал до другого района, снова сменил транспорт, и уже на такси поехал на железнодорожный вокзал, пора узнать, когда будет следующий поезд на Ленинград. Требовалось сравнить показания разных шпионов и найти ту ценную крупницу, что мне могла помочь.

По словам Крисса, кроме него обо мне информацией владел Нортон и кто-то из британской разведки в Лондоне. Чуть ли не зам директора. То есть Крисс знал только о троих. На вопрос о шифровальщике, что мог получить доступ к этой информации, получил ответ, что в России он сам отвечал за это. А что творится в штаб-конторе их разведки в Лондоне, он не знает. Про парня, что работает в Ленинграде, Крисс орал, что не знал, но я с упорством спрашивал его. К концу он сломался, и я многое узнал о ленинградском агенте. Тот оказался его хорошим другом.

По мне он тоже работал, но выполнял чисто разведывательные функции, например держал связь с полковником Струговым и помог тому уйти от советского правосудия. Где сейчас полковник, Крисс не знал, передал его другому курьеру, но то, что те отправились в Ленинград, он был в курсе.

Обычной информации было много, но интересовавшего меня больше всего — не так много. Только те, кто ему был известен из своих по работе со мной; кто меня сдал (полковник); какие данные он переслал с курьерами в свою штаб-квартиру на острове; и исполнители. Но те провалились, о чем резидент пока не подозревал, ожидая от них известий. И на этом всё.

Делать мне в Москве было нечего, мелочевка будет зачищена уже парнями из нашей конторы, когда я передам показания Крисса, но позже, когда закончу свои дела. Сейчас они

мне не мешали, да и не знали обо мне, у них была другая работа, шпионская.

На вокзале я расплатился с таксистом, к машине которого сразу же бросилось несколько желающих, и поторопился на перрон, пробежав мимо касс, так как слышал объявление о том, что уже отходит-отправляется поезд на Ленинград. Я уже выбежал на перрон, когда заметил, что нужный мне поезд тронулся с места. Прибавив скорости, я подбежал к открытым дверям третьего от конца вагона, в проеме которых стояла проводница, и крикнул:

— Червонец!

Это магическое слово помогло, та посторонилась, и я заскочил в тамбур.

— На Ленинград? — спросил я, ставя чемоданчик на пол в тамбуре.

— Он самый.

— Выходил из такси, услышал объявление, что вы отправляетесь, и побежал. У кассы очередь была, думал, не успею — и сразу к вам. Надеюсь договориться, — со смущенной улыбкой пояснил я. Мне с этим действительно повезло.

— Ничего, главное, успели, — невольно улыбнулась та в ответ.

Сразу же расплатившись, я занял пустое купе и, получив постельное белье, стал обустраиваться. С принесенным проводницей чаем я доел бутерброды, что приготовила мне мама всего восемь часов назад. Посмотрев по трофейным часам, что носил в кармане брюк, сколько времени, я, достав небольшой пенал с инструментом, стал вскрывать их. Как и думал, часики оказались не простые. Маячка не было, как я надеялся, до такого тут еще не доросли, но нишу для микропленки нашел. Подумав, что надо будет избавиться от них при первой же возможности, я собрал часы, как было, и стал укладываться спать. Раздевшись и сняв с лодыжки трофейную кобуру с маленьким пистолетиком, я убрал их под подушку, укрывшись одеялом и уснул на нижней полке.

Из Москвы мы отбыли в одиннадцать часов ночи, а в Ленинград прибыли в девять утра.

Покачивая в руках чемоданчик, я спустился на перрон и направился в сторону вокзала. С местным шпионом, Алексом Турнье, нужно было разобраться как можно быстрее. Наши не дураки, и могут привязать одно к одному, хоть и им понадобится на это время. Впрочем, если дойдет до Рощина, то он, наоборот — уберет группы слежки от клиента, чтобы я работал спокойно. Но думаю, пока можно не напрягаться, вряд ли мне кто помешает, кроме самого клиента.

После вокзала я всё так же воспользовался чисто народным транспортом, то есть троллейбусом, доехав на нем до третьей по счету остановки. И уже там поймав частника, поехал к гостинице «Россия» (ага, та самая), где и жил нужный мне клиент.

Два с половиной года я в ней не был, но вот предугадать, опознают ли служащие скандального постояльца, не мог. Значит, что? Нужно сменить имидж, то есть переодеться. А то у меня простая одежда — кстати, уже примелькавшаяся. Пора ее менять. Но сперва позвоним и узнаем, на месте ли постоялец. Я провел тот же фокус, как и с Криссом.

Позвонив с ближайшего телефона-автомата, я с удивлением узнал, что вчера утром человек с такими данными был увезен по скорой в горбольницу с острым приступом аппендицита, где до сих пор и находится. И если его брату так нужно, то они могут дать адрес больницы. Мне было нужно, и я его получил.

— М-да, мне это во благо или нет? — задумчиво пробормотал я.

Вполне возможно, что британца взяли наши. А что там трудного? Сыворотку в еду — и

вот он мучается с животом с очень похожими симптомами, как от аппендицита, и всё, он изолирован в больнице. А может, его там и нет, и лежит в кровати двойник из конторы. Черт его знает.

Почесав затылок, я направился к ближайшему железнодорожному вокзалу. Это был Витебский. Там я оставил чемоданчик в ячейке камеры хранения и направился на такси к нужной больнице.

В течение часа покрутившись вокруг нее, я не нашел топтунов и машин наблюдения. Вполне возможно, что используются помещения вокруг больницы. Квартиры в домах, например.

Пообедав в небольшой столовой неподалёку от больницы и прикинув свои шансы, я направился к служебному входу. Он не был закрыт, более того — меня никто не тормознул. В помещении для медперсонала я разделся, повесил дубленку к другой одежде служащих и, надев халат, застегнулся, проверил, ровно ли сидит шапочка, и направился в нужное отделение. Мне требовалось хирургическое. По определению, именно там должен был находиться больной. В хирургии было тихо и спокойно. Заметив, что медсестра куда-то заторопилась, я прошел к ее посту и, взяв журнал и пролистав, нашел нужного мне больного в отдельной палате. Кстати, фамилия британца была записана с двумя ошибками.

Повесив на шею стетоскоп, что лежал на посту медсестры, я направился к нужной мне палате. Правда, сообразив, что медсестра зашла именно туда, прошел мимо и дошел до туалета. Судя по запаху, там была еще и курилка.

Просто так слоняться было не комильфо — привлеку внимание. Народу было немного: санитарка, что начала мыть полы, дежурная медсестра и немногочисленные гуляющие больные. Присев на скамейку, я ожидал, когда медсестра покинет палату. Это произошло довольно быстро. Судя по блестящему боксу в ее руках, она ставила укол больному.

На меня она глянула мельком, вполне возможно приняла за студента-практиканта, хотя сейчас как раз был не сезон. Когда девушка скрылась в другой палате — проводить процедуры — я еще раз внимательно осмотрелся: может, наблюдатель укрыт среди больных — и скользнул в палату Турнье.

Несомненно, это был именно он. Бледное лицо, полузакрытые глаза. Да и описание полностью соответствует.

— Ну, здравствуй, хрен горбатый, — пробормотал я и, прикрыв дверь, направился к британцу.

Поворачиваясь на пятках, я невольно заскрипел резиновой подошвой ботинок, отчего засыпающий после процедур больной проснулся и с недоумением наблюдал, как я, подойдя к нему, убрал тревожную кнопку вызова медсестры. Взгляд стал тревожнее. Достаточно быстро обыскав палату, я... не нашел ни одного микрофона.

— Не успели оборудовать, — тихо произнес британец и слабо улыбнулся.

— Узнал? — поинтересовался я. Подойдя к койке, присел на стул. — Можете говорить по-английски. Ваш русский, конечно, неплох, но не нужно напрягаться. Так вам будет легче.

Взяв его руку, я стал отслеживать пульс и состояние больного. Видимо, операция прошла тяжело. Состояние Турнье было не ахти. Я бы сказал, ближе к тяжелому.

— Копию твоего личного дела отправил по назначению. Конечно же, я... — отдышавшись, британец продолжил: — Я изучил его.

— Да?.. — задумавшись, я спросил: — Что за операция у вас была? Для аппендэктомии вы плохо выглядите.

— Язва. Мне ушили прободную язву.

— Понятно. Тянуть не будем. Как вы понимаете, я пришел задать вопросы и хочу получить на них ответы.

— Удачный момент выбрали, — снова усмехнулся британец.

— Смотря с какой стороны смотреть. Я очень рискую, находясь у вас в палате. Вы же понимаете, что без ответов я не уйду. Мы с вами профессионалы, могу обещать, что уйдете легко, но я должен знать всё. Даже в таком состоянии я вас могу допросить, хотя вы от этого можете умереть. Но вы не волнуйтесь, я смогу запустить ваше сердце, по этой дисциплине у меня высший балл в институте. Так что? — поинтересовался я.

Британец несколько секунд задумчиво смотрел на меня, потом устало прикрыл глаза и тихо произнес:

— Как-то нет желания открывать душу. Или у тебя есть, чем уговорить меня?

— Конечно, есть, — криво усмехнулся я. — Крисс много рассказал о тебе...

Турнье знал намного больше Крисса, так что будь у меня больше времени, я бы получил куда больше информации. Но сведения о себе я добыл в полном объеме. Британец не стал ничего скрывать, и рассказывал с такими грязными подробностями, что пальцы невольно белели, когда я сжимал карандаш, слушая его. Чудо, что тот выдержал и не переломился. По остальному я пробежался поверхностно: агенты, которых он курировал и места схронов.

Мне повезло: за час, что я сидел у Турнье, медсестра так и не заглянула в палату. По инструкции, она это должна была делать каждые полтора часа. Тихий час. Небось, чаи гоняет в процедурке с дежурным врачом. Знаем, плавали.

Закончив с этим, я осторожно нажал на одну точку и пережал другую. Радужная оболочка глаза британца посветлела, и из глаз ушла жизнь. Проверив пульс, я встал, убрал блокнот в карман брюк и, приняв деловитый вид, вышел из палаты. Пройдя мимо поста (как я уже говорил, был тихий час, и медперсонал отдыхал), вышел из отделения и поспешил вниз. Быстро переоблачившись в обычного советского гражданина, я, на ходу застегивая дублёнку, покинул больничный корпус, а потом и территорию больницы.

Как я ни проверялся, пряча лицо, чтобы невозможно было сделать фото, так никого и не обнаружил. Видимо, наблюдение велось с дальних постов, а не напрямую. Хотя ответ мог быть проще, наблюдение просто успели убрать, или... его не было.

Немного пройдясь, я убедился, что слежки за мной нет, поймал частного и договорился о том, что он отвезёт меня в порт. Как сообщил Турнье, Стругов всё еще находился на территории Советского Союза. Эвакуируют его на британском судне, где есть специальный тайник для этого, причем этим тайником часто пользуются.

Вот я и решил провести полковника. Нанести, так сказать, ему ответный визит вежливости и напомнить, как он обещал уничтожить моих детей.

У порта были рабочие бараки, частично приготовленные к сносу, частично еще не расселенные. Вот в таком бараке на втором этаже в комнате под номером двадцать два и ожидал эвакуации предатель-полковник. Охранял его курьер, так как на нем была полная эвакуация объекта до судна-перевозчика.

Время для акции еще было, тем более темнеть начнёт через час. Успею. Терять времени не хотелось, оно утекало как песок в песочных часах.

Частник довез меня до порта, там мы расстались, и я по пустырю, сунув руки в карманы и скукожившись (можно сказать, замаскировался), направился к баракам. Нужный мне оказался седьмым по счету, сразу за башней водокачки.

Пройдя в единственный подъезд, я поднялся по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж, вышел с лестничной площадки в коридор и посмотрел сперва в одну сторону, потом в другую. Было пусто, где-то работал телевизор, пела очередная певица по радио, и в некоторых комнатах хорошо были слышны голоса.

Определившись, что нужная мне квартира находится слева, в конце коридора, я сунул в карман руку и взял трофейный пистолет, который заранее туда положил и приготовил к бою. Стараясь ступать потише, я направился к нужной комнате. В это время за спиной скрипнула дверь, телевизор стало слышно отчетливее, и прозвучали шаги. Мельком обернувшись, я увидел молодящуюся женщину далеко за тридцать, с бигудями на голове. Не останавливаясь, с той же непринужденностью, я двигался дальше. Шаги стихли в другой комнате — общей на этаж кухне, и было слышно, как загремели посудой. Причем подозрительно громко загремели... Сигнал?

Почти сразу на это, буквально через пару секунд, дверь, к которой я шел, распахнулась, и в коридор вышел мужчина, на вид лет на пять старше меня. Держался он вроде как непринуждённо, но напряженный взгляд, который сразу же остановился на мне, и опущенная укрытая позади рука всё мне разъяснили. Прямо из кармана я выстрелил в парня, отчего тот, содрогнувшись, стал заваливаться на спину. Упав на бок, я перекатился на спину и, вскинув руку с пистолетом, выстрелил в дамочку, что выглядывала с кухни. Голова у нее дернулась, выплеснув из затылка содержимое, и та начала заваливаться, однако я этого уже не видел. Вскочил на ноги и, добив вторым выстрелом лежавшего парня, быстро заглянул в открытый дверной проем. Шум оттуда мне не понравился — это был звук разбившегося стекла.

Молниеносно окинув взглядом комнату, я отшатнулся обратно, чтобы не схлопотать пулю, однако меры предосторожности были излишни. Там было пусто, поэтому я сразу рванул к окну, створка которого лишилась стекла.

Посмотрев вниз, я разом растерял торопливость, убрал пистолет обратно в карман и, отряхнув руки, произвел быстрый обыск тела погибшего парня, забрав оружие — это был ТТ — и выгреб всё из карманов, после чего принялся за комнату. Нашёл в кровати тайник. Содержимое тоже рассовал по карманам. Валюта лишней не будет.

Прикрыв лицо шарфом, я прошел по коридору. Все-таки любопытные выглядывали из комнат, но так как большая часть были женщинами (мужья на работе), то, естественно, не геройствовали. Спустившись, я прошел к лежавшему под окном полковнику Стругову, который, кривясь, зажимал руками рану на ноге, стараясь остановить кровь. Торчащая из ноги кость, что пропорола штанину, явно мешала ему это сделать.

— Вот оно как получается, — сказал я, присев рядом с ним на корточки. — Правда — она всегда возобладает над подлостью и предательством.

— Чего ждешь, — хрипло прорычал Стругов. — Я знаю, зачем ты тут. Делай, что хотел.

— Ну да. Я ведь тебя искал. Думаю, ты понимаешь, почему. Я никому не прощу угрозы моими детьми. Тобольский за это уже поплатился.

Стругов даже морщиться перестал, так его шокировала эта информация.

— Не верю, ты был под запором и под наблюдением. Ты не мог.

— И все-таки это был я. А пройти мимо охраны было совершенно не трудно, как и вернуться обратно, ведь все побежали вниз, к генералу.

Стругов хрипло матерился, глядя перед собой. Подняв пистолет, я прижал ствол к его виску и нажал на спуск. Голова полковника дернулась, и он завалился набок. Пистолет был

пятизарядный, в нем остался один патрон, поэтому, направив ствол на грудь, выстрелил в сердце последним патроном. Посмотрев на начавшее темнеть небо, я быстро обыскал одежду полковника, нашел много чего интересного и, сунув ему в карман часы Крисса, быстрым шагом направился прочь. Хотя у меня и оставался еще один пятипатронный магазин, но я всё равно избавился от пистолета, бросив в темную, даже черную воду ручья, текущего в залив. Следом отправилась кобура. Со мной остался только ТТ с двумя запасными магазинами, раскладной нож Стругова и личные вещи убитых, включая столь нужные мне британские загранпаспорта.

Через полчаса начавшийся снегопад и темень скрыли меня среди портовых сооружений. Где-то едва слышно свистели милицейские свистки. Но я уже удалился от места свершившегося возмездия и шагал по промышленному району. Вскоре я тормознул грузовик-самосвал, который подбросил меня до ближайшей остановки. Мой путь лежал на Витебский вокзал за вещами.

С двумя пересадками я доехал до вокзала и, забрав вещи из камеры хранения, направился к стоянке такси. Там взял машину и велел везти меня в аэропорт, что тот и сделал.

Жаль, что самолеты не летают по желанию. Вечерний на Москву будет через два часа, на один я опоздал на час, пришлось ждать следующий. Купленный билет лежал в кармане, а я, сидя в зале ожидания, задумчиво покусывал нижнюю губу.

Нужно было переодеться. Мой эксклюзивный индивидуального пошива полушубок остался у родителей, я же ходил в отцовском, стандартном советском. То, что в таких, сшитых по одному шаблону, ходили сотни тысяч советских граждан, не успокаивало меня. У них не было пулевых дырок в кармане и едва заметных брызг крови на рукаве. Ладно, я рукой прикрывал карман, и порча не так заметна. Но всё равно палиться не хотелось.

Я подхватил чемоданчик и направился к выходу. Время сменить имидж у меня еще есть. Сидя в такси (трешку сверху дал, чтобы один в салоне сидел), я размышлял о том, что буду делать дальше. Стандартной заменой под гоп-стоп тут не обойдешься. Мне нужно было избавиться от полушубка и купить что-то другое. Штаны индивидуального пошива дяди Якова оставим, ботинки жалко, итальянские, но тоже поменяем.

— Лучший магазин одежды где у вас? — спросил я таксиста.

— Импорт или так?.. — с намеком поинтересовался дюжий водитель, с таким хитроватым выражением лица, что я еще раз проверил свои карманы. На самом деле этот водитель курил у машины, и я его выбрал за харизму. Есть такие, весь вид которых показывает, что человек нашел себя в жизни. Надежды оправдались, таксист доставлял клиентов фарцовщикам и спекулянтам.

— Спекулянтов имеешь в виду?

— Ну-у-у, не то чтобы... — замялся тот.

— Я не мент, и законность меня не интересует. Так что?

— Едем, — кинул тот.

Пока ехали, я освободил карманы дубленки от трофеев и других вещей и сложил их все в чемоданчик. Кстати, от него надо тоже избавиться. Лучше нормальный чемодан взять, чтобы соответствовал, так сказать, имиджу. А от этой советской старины избавиться.

Поправив ТТ за поясом, я проверил, легко ли он вытаскивается — местные могли и ограбить — и наблюдал, как мы свернули к гаражам.

Притормозив где-то в середине ряда, водитель посигналил, через пару секунд

приоткрылась небольшая калитка в воротах гаража.

— Это тут. Всё, что надо, есть. Мои комиссионные — пять рублей, — напомнил водитель.

— Нормально.

— Вещи можете оставить тут, — предложил тот.

— Мне будет спокойнее, если они останутся со мной, — ответил я и вылез из машины вместе с чемоданчиком.

К моему удивлению, никакой бандитской засады в гараже не обнаружилось. Внутри находился паренек из тех, что раньше называли стилигами, однако по виду парня и не скажешь, что эта мода прошла.

Быстро осмотрев при свете лампочек многочисленные узлы и сумки (были и новенькие чемоданы), я прошел в гараж и посмотрел на стилигу — я стал мысленно называть его так.

— Что интересует? — поинтересовался тот, настороженно посмотрев на меня.

— Реальный импорт на меня. Чтобы со стороны можно было принять за иностранца.

— Полная?

— Да.

— Обувь у вас фирма. Да и брюки тоже. Дубленка только подкачала, — слегка склонив голову, он посмотрел на карман, задумался и испуганно сглотнул. — Мы можем взять за полцены.

— Устраивает, — согласился я.

За пятнадцать минут я был одет в действительно хорошую фирму, не зря тут был порт, куда заходят иностранные суда.

Поправив складки, я притопнул новеньким ботинком на толстой подошве и, пройдясь, проверил, как всё это на мне сидит. Даже белье и носки взял новые. Гаражный магазинчик, что предоставлял широкий ассортимент покупок, меня искренне порадовал.

— Как на вас шили, — угодливо сообщил паренек.

— Согласен. Сколько?

— Триста шестнадцать рублей. Куртка кожаная, американская, дорогая. В таких летчики ходят.

— С учетом скидки? — усмехнувшись, спросил я.

— Конечно, — не моргнув глазом, соврал тот, и тут же отлетел на узлы, когда тэтэшная пуля ударила его в грудь. В таком деле нужно работать по возможности без свидетелей, а подобный след я оставить просто не мог.

Быстро развернувшись, я выскочил на улицу, где таксист уже запустил двигатель и с хрустом врубил первую передачу. Снег сыграл с ним дурную шутку, я успел и выйти, и прицелиться, и выпустить дополнительно две пули, пока шины визжали на ледяном насте.

— Извините, парни, но тут на войне как на войне. Я не оставляю следов и свидетелей, — пробормотал я, опустив пистолет.

«Волга» тем временем немного проехала, задержалась и заглохла. Возвращаться в машину я не стал, только подошел и сделал контрольный выстрел через покрытое сетью мелких трещин боковое окно. В салоне не было моих впечатлений, за всё время поездки я только раз снимал перчатки, чтобы переложить вещи, и ничего не касался. Я себя контролировал.

Открыв дверцу, чтобы убедиться, что водитель мертв, я толкнул его внутрь салона, стараясь не испачкаться в крови, и удивленно приподнял брови. Между дверью и сиденьем

лежала шипастая дубинка. Взяв ее в руки, я присмотрелся. Сомнения в необходимости убирания подобных свидетелей сразу отпали. Свежие следы крови и клочок волос показали, что они не так чисты, как мне казалось. Не простые спекулянты, но и убийцы.

С сожалением осмотрев изляпанный кровью салон (теперь машиной не воспользуешься), направился обратно в гараж. Там взял новенький английский чемодан и, вытащив его наружу, проверил, все ли вещи собрал, и стал готовить погребальный костер для стилиаги. Бензином пользоваться не хотелось — что это за иностранец, от которого керосином воняет? Пришлось так поджигать те тряпки, что вытащил из узлов и свою старую одежду. Избавлялся таким манером от улики.

Привел себя в порядок, бумажник с валютой положил в правый карман тёплой кожаной куртки на меху, документы — в левый.

Кстати, документы у меня были на Жана Требулье, гражданина Французской республики тридцати шести лет отроду — я тиснул их из тайника Гоши Музыканта за несколько минут до его смерти. Путём работы лезвием и разными растворителями, фотография сменилась на мою, а возраст по году рождения снизился до двадцати шести. Имя осталось, но фамилия поменяла несколько букв и стала Тревунье. Подделка была качественной, и я не боялся спалиться.

Причина менять фамилию была веской. Во-первых, такой человек существовал, он был французским коммунистом, и ему действительно было двадцать шесть лет. Во-вторых, он жил в Советском Союзе вот уже три года. В-третьих, лет семь назад я зашел к своему знакомому из технического отдела и, сообщив ему, что получил задание набивать руку на создании фальшивых документов, предъявил ему переделанный паспорт француза. Тот долго ржал и сообщил, что опытные зубры на границе раскроют мою фальшивку влет, но признал, что та сделана неплохо. Средненько. Потом он проверил, есть ли подобный приказ. Тот действительно имелся — попросить начальство его отдать было не трудно, и этот парень в течение года учил меня разным ухищрениям по подделке документов на выделенных под роспись бланках. Потом я ушел служить срочную в погранвойска, но знакомого не терял, и знал обо всех новинках защиты как наших, так и заграничных загранпаспортов. Ну, а когда продолжил учиться в институте, узнал, кому разрешен выезд за границу с примерно такими же данными, что у меня были на захованном паспорте. Доделал его и держал как запасной вариант в схроне у отца. Так что в своем паспорте я был уверен.

Валюта из тайника Гоши Музыканта и трофеи, собранные с тел Стругова и его охранника, улеглись в портмоне, что находился в кармане, отчего тот сразу потолстел. Купюр действительно хватало, причем валюты разных государств. Были и французские франки, и английские фунты стерлингов, и американские доллары, и советские рубли. Но последних мало, только чтобы оплатить билеты на самолёт.

Всё, теперь я гражданин Французской республики. С подобными документами и наглой мордой я без труда смогу улететь из Союза. Главное, чтобы прибыть в аэропорт за десять минут до отлёта и зарегистрироваться. Если билеты, конечно, будут в наличии, бронировать опасно.

Все свои документы, оружие и другие вещи я сложил в отдельный небольшой портфель, найденный среди вещей спекулянтов, и тоже присоединил его к чемодану. Чиркнула зажигалка, и гараж вспыхнул. Потом я подошел к «Волге» и поджёг заранее вставленную в бензобак тряпицу. Подхватив багаж, я бегом побежал к выходу с территории гаражей. Сзади громко хлопнуло, когда огонь добрался до бензина, но я был уже далеко. За углом гаражей.

Бежал минут сорок, даже по улице немного, где прохожих не было. Позади разгоралось зарево пожара, а я шагал по улице в поисках ближайшей остановки. В темноте, при свете редких фонарей ее было трудно найти. Тут мне повезло, частник остановился на мой взмах руки.

— Куда? — спросил он, окинув взглядом мой наряд.

— В аэропорт.

— Не по пути, но так и быть, довезу. Садись.

Забравшись на заднее сиденье и сложив багаж рядом, я поправил поскрипывающую кожей и пахнущую новьем куртку, как мне ее и рекламировал стилинга. Я расслабленно откинулся на спинку и стал вертеть головой, поглядывая на дома, улицы и прохожих.

По-новому прикинутый, я снова прошел в здание аэропорта и направился на сдачу багажа. Мой рейс уже готовился к отправке. Сдав чемодан, я с портфелем прошел в салон самолета и, решив не терять времени, положил портфель на полку. После чего занял свое место, пристегнулся и почти моментально вырубился. Уработался, можно сказать, теперь можно и отдохнуть с чистой совестью, пока есть такая возможность.

Разбудила меня стюардесса. Посмотрев на полупустой салон и выходящих пассажиров, я кивнул в благодарность и, отстегнувшись, забрал ручную кладь и поспешил на выход. Несмотря на беззаботный вид, я четко всё фиксировал. Был и милицкий наряд, что прогуливался по залам аэропорта, и неприметные парни с внимательными взглядами. Надвинув шапку поглубже, я получил по квитанции багаж и направился к стойке, где находился десяток телефонов-автоматов. Бросив монетку, я сделал несколько звонков. К сожалению, новости не порадовали, ни в Англию, ни во Францию рейсов сегодня уже не будет. Но зато был один в Италию. Отлет через полтора часа. Забронировав на себя один билет — свободные, к счастью, были — я направился к камерам хранения, где в одной ячейке оставил свой портфель, в другой листы с показаниями двух британских агентов, и только потом уже к стоянке такси. Мне удалось избежать внимания к себе, хотя по мне и мазнули пару раз взглядом.

С такси мне, как всегда, не повезло. Разъехались, развозя пассажиров, но тут я заметил, что одна приближается, судя по светящемуся зеленому огоньку за лобовым стеклом — свободная. Опытный таксист, определив во мне иностранца, моментально среагировал на взмах руки и притормозил.

— Аэропорт Шереметьево, — с акцентом сказал я по-русски.

— Садитесь, — кивнул тот.

Так что из аэропорта я поехал в Шереметьево. Никто за нами не ехал, вел я себя, на взгляд водителя, как и положено интуристу, то есть глазел во все стороны и охал от удивления. В Шереметьево я расплатился с водителем советскими рублями, отчего тот слегка огорчился (ничего, зато срок за хранение валюты не получит), к тому же точно по счетчику. Ни один иностранец больше не даст, менталитет такой. Это наши могут сверху накинуть.

Пройдя в здание вокзала, я подошел к стойке и сообщил, что забронировал билет.

— Попрошу ваши документы, — на хорошем французском ответила служащая международного аэропорта. Кроме меня было еще примерно четыре десятка иностранцев (большинство — итальянцы, и пяток французов). Я даже обрадовался, когда услышал их говор. В это время мое внимание привлекла служащая. — Всё в порядке, вот ваши

документы, билет и сдача. Напомню, что багаж можно сдавать уже сейчас, посадка начнется через полчаса.

Убрав документы и билет в карман, я благополучно сдал багаж и, получив квитанцию, смешался с иностранцами. Через десять минут я уже травил анекдоты среди французов, которые привлекали всеобщее внимание своим искренним смехом.

Я вел себя так, как и другие иностранцы, то есть радовался, что отправляюсь домой, что всё позади. Одним словом, среди них я не привлекал к себе внимания. Когда началась посадка на самолет, я отошел к телефонам-автоматам и, бросив монетку, набрал домашний номер полковника Рощина. Тот мне давал свой служебный номер, но не домашний, вот, наверное, удивится, откуда я его узнал.

— Можно к телефону Алексея Петровича? — попросил я пригласить главу семьи. Судя по тембру, трубку подняла женщина, хотя голос был для жены слишком молодой. Крик в динамике подтвердил мое предположение:

— Папа, тебя к телефону!

Через минуту в трубке раздался знакомый голос:

— У аппарата.

— Домодедово. Ячейка камеры хранения номер... код... Поторопитесь, можете опоздать.

— Понял.

Повесив трубку, я направился к очереди, что выходила из здания вокзала. Успел как раз с последними, таможенники пропустили меня без проблем. Укрываясь от ветра, мы дошли до близкого самолета и поднялись на борт. Было десять вечера, в Рим мы прилетим рано утром, где-то часа в три, так что можно поспать. Вместе с весельчаками-французами я поднялся на борт и прошел на свое место. Самолёт был заполнен едва на две трети. Выслушав по-итальянски инструкции стюардессы, я попросил у нее небольшую подушку и одеяло, дождался взлета и совершенно спокойно уснул.

* * *

— Сеньор? Сеньор, — меня легонько потрясли. Приоткрыв глаза, я сонно посмотрел за стюардессу. — Вы просили разбудить вас за полчаса до приземления. Мы скоро будем заходить на посадку.

— Хорошо. Спасибо, — поблагодарил я девушку. Итальянским я владел фактически в совершенстве, но стюардесса сразу же определила во мне иностранца. Говорил слишком правильно.

Стюардесса пошла дальше по салону, а я, отстегнувшись и сложив на пустое кресло рядом одеяло с подушкой, встал, расправил плечи, сделал лёгкую зарядку, пару раз присев и качнувшись, после чего пошел по сонному царству в туалет. Нужно привести себя в порядок.

Пройдя водные гигиенические процедуры, ну и воспользовавшись туалетом, чего уж там, я вернулся на свое место бодрым и посвежевшим, после чего стал ожидать посадки.

Выглянув в иллюминатор, я посмотрел на ночную землю. Её выдавали редкие фонари в небольших селениях. Впереди я увидел в сиянии огней город — знаменитый Рим. Жаль только, Колизей не было видно, мы ушли в сторону на аэродром, который подсвечивался дорожками огней.

Посадка прошла благополучно. Разбуженные стюардессой итальянцы и французы встретили этот факт воплями радости и свистом. Как дети, ей богу.

Потом была недолгая рулёжка, и самолёт застыл неподалеку от здания аэровокзала. Отстегнувшись, я встал и из багажного отсека для ручной клади достал свои куртку и шапку. После чего направился на выход. Это я не предугадывал погоду, просто последовал примеру местных, которые точно знали, как надо одеваться. Они не ошиблись, на улице действительно было тепло. Плюс восемь — десять, где-то так. Надев все-таки шапку, я закинул куртку через плечо и направился в здание аэропорта, где уже ожидали таможенники и пограничники. Здесь было сложнее, чем в Шереметьево, даже пришлось открывать чемодан для досмотра. Не найдя там ничего предосудительного, меня отпустили, поставив штамп в паспорте.

С интересом крутя головой, я прошел к кассам и узнал, есть ли рейсы в Англию. Оказалось, в девять утра вылетает самолет в Ирландию, в Дублин, но с промежуточной посадкой в Англии, в Ливерпуле. Следующий рейс в Англию будет только вечером, как раз в лондонский аэропорт. Подумав, я даже обрадовался тому, что есть билеты на Ливерпуль, уж там-то меня точно никто не ждет. Для заметания следов (хоть и с потерей времени) самое оно. Фиг с ним, что весь остров придется пересекать, разберёмся.

Без колебаний купив билет, я направился в местную гостиницу аэропорта, строго-настрого наказав местным служащим разбудить меня за час до вылета и доставить завтрак прямо в номер. Получив чаевые, те клятвенно заверили, что всё исполнят.

— Только попробуйте не разбудить меня, обезьяны, — пробормотал я, закрываясь в номере. После душа я банально завалился досыпать. Работы вскоре предстоит много, нужно отдохнуть.

Услышав по системе оповещения авиалайнера, что через сорок минут мы сядем в Ливерпульском аэропорту, некоторые пассажиры зашевелились, остальные, что летели дальше, лениво за ними наблюдали.

Вид внизу был изумительный, но на меланхоличного человека он бы навевал тоску. Я через иллюминатор наблюдал наш полет над Ла-Маншем, частью Англии, и наконец мы пошли на снижение. Кстати, погода за иллюминатором ясно показывала, что прилетел я за возмездием не в самое лучшее время. Везде дождевые облака с редкими окнами, где можно было увидеть землю. Ладно, нам дали разрешение на посадку. Хотя и там, похоже, шел дождь, я видел, как всё начало заволакивать тучами.

Сидевший рядом старый британец постоянно вовлекал меня в свой разговор, темой в основном была майская революция во Франции. Хмыкая, я вспоминал, как во время завтрака читал в гостинице римского аэропорта статью одного итальянского политолога. Кстати, интересную статью, там была раскрыта тема этой революции.

Местные историки уже называли 1968 год «загадочным», «мистическим» и «таинственным». Исследователи и к концу года не могут объяснить, почему именно в шестьдесят восьмом люди в разных точках планеты одновременно впали в революционный раж. Недовольство существующим порядком охватило самые разные социальные слои и приняло формы студенческих волнений, забастовок рабочих, партизанских войн, национально-освободительных революций. Вспомнить ту же Францию с ее студенческой революцией. И что еще будет. Так посмеиваясь, я отражал хитрые вопросы британца, говоря, мол, это только начало.

Так я и развлекался весь полет, отчего британец лицом становился похож на вареную свеклу, и казалось, из его ушей пойдет пар. Я даже опасаться начал, что его удар хватит. Но ничего, крепкий оказался инженер-сборщик пивоваренных заводов.

Посадка прошла благополучно, и мы начали собираться и покидать салон самолета. То, что погода в аэропорту была не ах, я знал, успел рассмотреть в иллюминаторе. Поэтому надел не только шапку, но и куртку. Не знаю, какая температура, но дождь шел мелкий и противный.

«Плюс три, хотя, может, и ноль на термометре. Холодновато. Ну да ладно, нам, северянам, не привыкать... Однако, погода какая мерзкая», — размышлял я.

Подняв воротник, я поспешил за остальными. До здания аэровокзала, скрытого водяной пеленой, было далековато, да и пассажиров было не так много, поэтому к трапу местные работники подогнали автобус, куда все пассажиры этого рейса, пункт назначения которых был Ливерпуль, и забрались. Ехали не долго, я дольше проходил регистрацию, получая штамп в загранпаспорт, да отвечал на вопросы и писал какую-то декларацию. В Италии ничего подобного не было, видимо потому, что я не покидал здание аэропорта и сразу купил билет в другую страну.

Получив свой чемодан, я направился к стойке регистрации, там были брошюры с достопримечательностями города. Меня интересовал местный транспорт. С машиной был облом из-за отсутствия прав, да и местных водителей своей манерой водить по встречной полосе пугать не хотелось. Будем проще и воспользуемся железной дорогой.

Вокзал с железной дорогой был, поэтому я с чемоданчиком вышел на улицу. К моему удивлению, свободные такси в наличии имелись. Служащий, что открывал двери, свистнул, подняв руку, и свободная машина подъехала ко мне. Причем так, что я смог попасть в салон прямо под козырьком здания, так и не замочившись.

— На железнодорожный вокзал.

— Да, сэр, — ответил водитель.

Билеты в кассе были, но поезд отходил только вечером, то есть через четыре часа. Приобретя билет, я стал гулять по старейшей станции города, разглядывая старинное здание и архитектурные художества, изредка подходя к окнам. За ними шел не прекращающийся дождь. Посматривая на праздничные гирлянды, я только вздыхал. Мне была понятна малолюдность вокзала. Прислонившись лбом к холодному стеклу, я смотрел на улицу.

— С Новым, блин, годом тебя, Игорь-Олег. Выпить, что ли? Душа требует, да и погода способствует.

Покрутив головой, я направился в небольшой ресторанчик, там и отмечу, и с собой огненной жидкости возьму. Не так скучно в поездке будет.

К вечеру я занял свое купе улучшенной комфортабельности, и мы, стуча колесами на стыках, отбыли в Лондон.

Я так накачал себя для работы, что всё, что происходило за последние два дня, пронеслось мимо меня серой, ничего не значащей пеленой. Я не реагировал на то, что нахожусь за границей, не смотрел на красивых девушек и другие радости жизни. У меня была *цель*, и именно к ней я шел. Ничего, за неделю — две всё сделаю, и позволю себе отдохнуть пару дней, а там уж домой. Одним словом, посмотрим, как дела пойдут.

Бутылка виски помогла. Опустошив ее на треть, я как-то незаметно сбросил внутреннее напряжение и, расправив плечи, улыбнулся своим мыслям. А что я вообще переживаю, закопаю ли я нужных британских шпионов, знающих обо мне? Если надо, я устрою кровавый

террор на отдельных улицах Лондона. Ничего, скоро столица Англии содрогнется в ужасе.

Так накачивая себя, я и сидел, с улыбкой глядя в темноту за окном. Бутылка с виски так и осталась стоять на столике, до конца поездки я к ней больше не притрагивался, потом вообще убрал в чемодан. Но помогла, зараза, поймать нужный настрой, с этим не поспоришь.

Расслаблено полусидя на, на удивление, мягком диванчике, я улыбнулся своей привычной предвкушающей улыбкой с толикой язвительности. Ничего, посмотрим, кто кого.

Поезд пришел в столицу рано утром, фактически ночью, что создавало небольшие проблемы по поиску гостиницы и свободных номеров в ней. Надеюсь на таксистов. Они для приезжих откровенное спасение: и знают много, и цены небольшие. Короче говоря, справочники на колесах.

В купленной мне на вокзале памятке по достопримечательностям столицы, с указанием и рекламами крупных и известных отелей, небольшие гостиницы и отели не были указаны. А мне нужны именно они. Они многочисленны, проверять их трудно, правда опрос о жильцах проводится быстрее, но во всем можно найти свои минусы. Идеальный вариант — снять комнату.

Посмотрев, сколько времени, я поправил рукав, задравшийся о браслет часов, и, подхватив чемоданчик, направился к стоянке такси, поеживаясь на ходу. Было четыре утра, и хоть наступал день — судя по начавшемуся светлеть небосклону и отсутствию дождя, — сырость пробирала до самых костей. Как местные тут живут, вообще не выходят, что ли, из дома в эти месяцы и сидят у каминов? Теперь понятно, почему большинство британцев страдают от ревматизмов — погода способствует.

Тяжеленький чемоданчик покачивался у меня в руках, пока я прыгал через мелкие лужи и обходил крупные к двум таксомоторам. На самом деле машин было больше, но некоторые уже отъезжали с пассажирами. Другие только загружались. Эти же были свободны.

— Мистер? — выскочил из крайней машины водитель и распахнул дверь. — Куда едем?

Задумавшись о причинах такой угодливости, я с подозрением осмотрел его — вдруг шпик и ожидал он именно меня, узнав по словесному портрету? Чему я, честно говоря, не верил — ну откуда тут узнали обо мне? Я специально следов не оставлял, жаль только, Францию не посетил, точнее окрестности Парижа, где были прикопаны документы и чистые бланки паспортов, а то с этими могу и запалиться. Да и отследить можно влегкую.

Прикидывая, как его придушить, я чуть не пропустил следующие слова. Но они всё расставили по своим местам: видимо, водитель принял меня за богатого американца.

— «Хилтон», мистер? «Гранд-отель»?

— Решим по дороге, парень, — ответил я, после чего отдал багаж водителю и, сняв шляпу, сел на заднее сиденье таксомотора.

Дождавшись, пока тот устроит мой чемоданчик из крокодиловой кожи в багажнике и, вернувшись в салон, отъедет от вокзала, я поинтересовался, знает ли он частные пансионы, где можно снять номер, а лучше вообще комнату у хорошего человека.

— Гостиницы я, признаюсь, не люблю, — добавил я.

Задумчиво почесав затылок, водитель несколько секунд подумал и ответил:

— Я знаю троих, что у нас в квартале сдают комнаты, мистер. Приличные комнаты со всеми удобствами, — уточнил он.

— Самая лучшая где?

— Дом вдовы полковника. Ее благоверный помер от сердечного приступа после крупного проигрыша в карты. Когда вдова всё распродала и погасила долг, выяснилось, что у неё ничего кроме дома-то и не осталась. Жить надо, вот она и сдает комнаты... Но дорого берет, правда цена того стоит, как в лучших гостиницах. Еще старушка одна сдает. Сама ко мне приходила, говорила, если буду привозить клиентов, то... договоримся, одним словом. У нее тоже неплохо, но куда дешевле, чем у полковничихи. Тоже комната, столоваться как и в лучших отелях города можно. Еще в том доме, где я живу со своей семьей, квартирки сдаются. Но там они, как в клетках, на этаж по двадцать квартир. В квартирке своя кухня, но готовить надо самому, и стоит съём не так много.

— Да? — задумался я.

Меня немного напрягала ночная наша поездка по тихим и почти пустым улицам столицы, да еще по левой проезжей части, но раздумывать мне это не мешало.

— Давай к вдове.

— Есть, мистер, — повеселел водитель.

«Та-ак... Заселимся у этой вдовы, там дальше посмотрим. Сниму комнату пока на неделю, если что, есть два запасных варианта, да и так можно будет найти, чтобы таксист на меня не навел. Посмотрим по ситуации», — размышлял я.

Видимо, тот, предугадав мое решение, сразу вез меня по нужному адресу, потому как мы остановились у нужного дома довольно быстро.

— Мистер, я пока предупрежу службу.

— Давай, — согласился я, продолжая сидеть в теплом салоне. Всё хорошо, только заметно потеют окна от сырости, печка машины не сильно справляется с этим. Лобовое стекло сухое — и ладно, но вот задние...

Водитель, поскрипывая кожей куртки, выбежал из машины и, так же бегом, добрался до двери и застучал дверным молоточком. Звонка на двери не было.

Постукивать ему пришлось раза два, пока не загорелся свет в окне рядом с дверью и не приоткрылась сама дверь. Водитель минуту что-то объяснял, пару раз ткнул пальцем в сторону машины. Наконец там договорились, и тот побежал обратно.

«М-да. Разбудили людей... Это определённо не вдова, видимо прислуга», — покачал я головой, разглядев стоявшую в дверях девушку в ночнушке до самого пола и с сонным лицом. Девушка, видимо, не догадывалась спросонья, что лампы освещения позади нее хорошо просвечивали фигурку, надо сказать довольно неплохую. Жаль, лица не видно, оттенялось оно.

Вон как довольно улыбался водитель, что торопился обратно. Причем делал это так, чтобы девушка не видела его улыбки и не поняла причины.

Пока живчик возился у багажника, доставая мой чемоданчик с нужными в длительных поездках вещами, я потянул за ручку и выбрался наружу. Нечего холодить девушку, что продолжала стоять в дверях, вон она уже дрожит вся. Выйдя из машины, я мельком осмотрел сам дом, соседние дома и улицу, после чего направился к гостеприимно распахнутому входу. Дом имел три высоких этажа. В доме наверняка высокие потолки, но несмотря на то что он вытянулся ввысь, шириной похвастаться не мог. Метров сорок, не больше. Стиснутый с обеих сторон другими похожими домами, он напоминал сложенную гармошку, меха которой давно не раздвигали. Не знаю, насколько он в длину уходил вглубь квартала, но размеры не впечатляли. Надеюсь, водитель не обманул, и тут всё на высшем уровне.

— Добрый день, мисс, — приподнял я шапку в приветствии, поставив одну ногу на

первую ступеньку крохотного крыльца.

— Ваш багаж, мистер, — вовремя подскочил водитель, так как при нем я не хотел представляться. Пусть я для него так и останусь богатеньким американцем, благо акцент южных штатов у меня присутствовал.

Девушка приняла у водителя чемодан, а я достал портмоне и, оплатив проезд, добавил на чай по двойному тарифу, сказав:

— Хорошо поработал, парень.

— Спасибо, мистер, — слегка поклонился заметно обрадованный таксист. — Желаю вам хорошо отдохнуть, мистер.

Еще раз поклонившись, он побежал к машине, а я прошел в прихожую. Дверь за мной закрылась, и отчётливо щелкнул замок. Девушка, несомненно, видела, как я заплатил таксисту, поэтому ее вопрос был закономерен.

— Мистер, если можно, мне бы хотелось узнать, на сколько вы остановитесь?

— Думаю, на неделю, а там посмотрим. Мне нужен лучший номер, что у вас есть, горячая вода, чтобы принять душ. С завтраком можно погодить, я поел в самолете.

— Хорошо, мистер, — кивнула девушка и подхватила чемодан.

Отобрав его, я сказал:

— Не позволю, чтобы столь милое создание несло подобную тяжесть.

Девушка зарделась, но ручку чемодана отпустила. В прихожей была вешалка для верхней одежды и стойка для уличной обуви. Я снял куртку, переложил документы и портмоне в карманы брюк и повесил куртку на вешалку. Шапка отправилась следом, на полку. Других карманов у меня не было, а к тем, что на рубашке, трудно добраться через толстый вязаный свитер с высоким воротником. Развязав шнурки, я снял тяжёлую обувь на высокой подошве и, сунув ноги в поданные девушкой тапки, направился следом, не забыв подхватить чемодан.

— Для знакомства разрешите представиться. Тревунье. Жан Тревунье из Марселя.

— Сивилла... Лукас, месье, — обернувшись, с крохотной заминкой ответила та и, взявшись рукой за перила, начала подниматься по лестнице на второй этаж. — Я... Я старшая домоправительница дома. Хозяйка отдыхает на курорте, месье... А я думала, что вы американец.

— Все так думают. На самом деле я француз, но работаю на крупную американскую корпорацию. Я инженер, занимаюсь сборкой автоматических заводов с нуля под ключ. Недавно работал в одной слегка отсталой стране, но закончил и прибыл к вам. Тут мои работодатели ведут переговоры. Ваши богачи решили поставить завод, я буду проводить замеры и осматривать место для его установки. Работы много, так что я буду приходить к вам только ночевать.

— Ясно, месье. Вот это ваша комната, — остановилась девушка у одной из дверей на третьем этаже и толкнула дверь. Мы прошли в комнату, я слегка зажмурился, когда та включила свет, и быстро осмотрел комнату.

Поднимаясь по лестнице и поглядывая на коридоры, я внутренне согласился с водителем такси: действительно, всё выглядит отлично, вот и эта комната меня если не поразила, то заставила удивиться. Очень неплохо, уровень самых дорогих отелей. Даже телефон был в комнате. Причем сам номер был не с одной комнатой, а из нескольких. Так сказать, апартаменты. То есть небольшая, но шикарная гостиная, куда мы и зашли, слева спальня, что окнами выходила на улицу, справа дверь в совмещенный санузел. Всё это мне

объяснила Сивилла, включая свет и открывая двери в обозначенные комнаты. Когда я согласился, что номер мне подойдет, то услышал сумму в фунтах.

— Извините, что прерываю, мисс, но я получаю зарплату в североамериканских долларах. Такова политика моей корпорации. Не могли бы вы перевести сумму на доллары? — вежливо попросил я.

— Хорошо, — кивнула та. На несколько секунд задумавшись, она уверенно ответила: — Семьдесят пять долларов в сутки, месье.

— Меня это устраивает. Я хотел бы сразу оплатить за десять дней вперед. Сейчас... — достав из портмоне семь стодолларовых бумажек — в наличии у меня осталась только одна, остальное в небольших купюрах — я отдал их Сивилле и спросил: — Я один у вас постоялец?

— О нет, что вы. На втором этаже прямо под вами живут немецкие туристы. Семейная пара с двумя детьми. Они владельцы пивоваренного завода. К сожалению, через два дня они съезжают и улетают обратно в Германию. А так не сезон, зима, месье.

— Понятно.

— Вам разложить вещи, месье? — спросила Сивилла.

— Нет, спасибо. Я предпочитаю делать это сам. Хотя буду знать, где что лежит.

— Наполнить ванную? — попыталась та еще раз предложить свои услуги.

— Не нужно, я вполне справлюсь... Если только вечером?

— Я сообщу вам, когда будет завтрак, а сейчас отдыхайте, — направляясь к двери, сообщила девушка, слегка задрав нос.

— Спасибо, — успел я ответить, прежде чем дверь закрылась, и, подумав, пробормотал: — А ничего так, покувыркаться можно, да и она, видимо, не против. Вон как глазками стреляла.

Сбросив тапки у двери в коридор, я снял носки и босиком прошелся по толстому ворсистому ковру на полу в гостиной. Немного походив — мышцы ног заметно расслабились от подобного массажа — и подхватив чемоданчик, направился в спальню. Пока я раскладывал по ящикам вещи, относил в ванную зубную щетку и зубную пасту да принимал душ, решив не наполнять ванную, за окном уже посветлело и послышался гул просыпающегося большого города. Едва слышно хлопали двери, слышались голоса, шум машин и сигналы клаксонов.

Когда раздался стук в дверь, я лежал на не расстеленной кровати поверх покрывала фактически обнаженным. С одним полотенцем на бедрах.

Встав, я прошел к двери. За ней, как я и думал, стояла уже одетая как положено Сивилла. На ней была белая рубашка, заправленная в узкую черную юбку до колен, и бежевый жакет. Та, покраснев, отвела глаза и сообщила:

— Завтрак готов, месье. Вы будете завтракать в своем номере или спуститесь вниз?

— Спущусь, пожалуй, — едва заметно улыбнувшись, я благодарно кивнул и, закрыв дверь, весело засвистел и пошел одеваться.

Похоже, девушка действительно не против кратковременного, но бурного романа, так что вечером что-то да будет. Надо будет показать себя с лучшей стороны, так сказать произвести впечатление. Покажем, что не зря французов считают лучшими любовниками. Хотя я и поддельный, но не ударим в грязь лицом.

Надев брюки, сшитые дядей Яковом, и свежую рубашку, я сунул ноги в тапки и спустился вниз, с интересом оглядываясь. Кстати, пока я собирался, понял, что пора

обзаводиться дополнительной одеждой и бельем. А то с собой только добротная уличная и одна повседневная для дома. Нужно будет прокатиться по магазинам и совершить покупки. Пригодится. Тем более следить за Нортон в американской куртке не очень хорошая идея. Засечет в момент, так что требуется купить хорошее английское пальто из овечьей шерсти и, возможно, еще что-нибудь. Посмотрим, какой выбор в магазине, и там определимся.

На первом этаже слева от лестницы обнаружилась кухня, на которой работала дородная и незнакомая мне рыжеволосая женщина. Приветливо кивнув ей и получив в ответ такой же кивок и благожелательную улыбку, я прошел в другое помещение — столовую, которая находилось справа от лестницы и напротив кухни. Одно большое окно выходило на улицу и давало достаточно света, поэтому освещение было отключено.

— Доброе утро всем присутствующим, — сказал я, проходя в зал.

Сидевшая на диванчике полноватая пара явно и была теми самыми немцами. У стола, где раскладывала приборы Сивилла, бегали двое белоголовых мальчишек примерно десяти и восьми лет. Кто являлся их отцом, было не совсем понятно, глава семьи был совершенно лыс.

— Доброе утро, — ответил на плохом английском немец, вставая с дивана и протягивая руку.

— Ваш английский неплох, — улыбнулся я, пожимая руку и переходя на немецкий: — Но можете говорить на родном языке. Я его неплохо знаю.

— О-о-о, — протянул немец в восхищении. — Ваш говор великолепен, я даже слышу в нем явные баварские нотки.

— Спасибо.

— Ганс Хоффман, — представился немец, после чего развернулся и широким жестом указал на продолжавшую сидеть жену: — Моя жена Марта и сыновья. Отто и Карл.

— Очень приятно, — раскланялся я со всеми, а с пацанами даже по-взрослому поздоровался за руку, чем их заметно расположил к себе.

В это время Сивилла, явно не понимающая, о чем мы говорим, пригласила нас всех к завтраку. Думаю, она позвала меня так рано специально, чтобы я познакомился с другими постояльцами до того, как садиться за стол. Что ж, это ей в плюс. Молодец, одним словом.

Повариха начала разносить тарелки и ставить их перед каждым клиентом. Перед взрослыми появились глазуньи в тарелках, тосты и разные соусы. Была и колбаса на отдельной тарелке. Я взял двузубую вилку и подцепил пару кружков и положил их к своей яичнице.

Завтрак мне понравился, как и крепкий, хорошо заваренный кофе. Немцы тоже были довольны, а вот мальчишки нет, они вяло ковырялись в каше-овсянке и всё время завтрака завистливо поглядывали на нас. Ничего, Марта, их мама, заставила-таки всё съесть и выпить.

За время завтрака мы делились своими планами. Я сообщил, что до начала работ у меня еще есть сутки, а то и двое, так что решил прогуляться по городу и магазинам, а немцы поделились своими планами посетить Букингемский дворец, который до недавних пор был закрыт для посещения, но вчера запрет был снят. А на следующий день они собрались готовиться к отлету. Под конец Ганс посетовал, что свободные две недели были только в этот временной период, но клятвенно пообещал Сивилле приехать летом на целый месяц. Несмотря на плохую погоду, им в Лондоне понравилось, и они еще не всё осмотрели.

— Спасибо. Было очень вкусно, — промокнув губы салфеткой, сообщил я вставая.

Похвала Сивилле и поварихе явно понравилась. Коротко распрощавшись с немцами, я

направился к себе. В коридоре остановился и попросил Сивиллу вызвать такси через полчаса. Сегодня проеду по магазинам, а уж завтра возьмусь за Нортон как следует.

Когда я оделся и спустился вниз, такси уже ждало у входа. За рулем был незнакомый мне водитель, а то я уж беспокоился, что тот живчик работает на хозяйку пансионата. Одевшись в прихожей, я отказался от предложенного Сивиллой зонтика, вышел на улицу под небольшой дождик и быстро заскочил в машину через предупредительно открытую прямо из салона водителем дверь. То как-то умудрился извернуться в салоне, просунуть руку назад и открыть дверь. Видимо, сказывался большой опыт таксования.

— Куда, мистер? — положив руки на руль, поинтересовался он. Мотор продолжал работать на холостых оборотах, печка давала тепло, но часть стекол всё равно были запотевшими.

— Проедем по магазинам. По дорогим и не очень. Потом покатаемся по городу. Хочу посмотреть и изучить столицу.

— Это мы можем, мистер.

Взявшись за рукоятку переключения передач, он воткнул первую и осторожно тронулся. Поглаживая через запотевшие окна, которые приходилось протирать поданной таксистом тряпочкой, на улицы, прохожих под зонтиками и дома, я прикидывал свои дальнейшие планы. Сейчас обзаведусь средствами маскировки, то есть разноплановой одеждой, чтобы можно было менять облик, начну изучать улицы Лондона под видом экскурсии — этого мне хватит на весь день. И нужно подумать, где достать машину. Без колес швах, не услугами же таксистов пользоваться?

Ничего, целый день впереди, я что-нибудь придумаю. Узнаю, можно ли ее взять напрокат и требуются ли там права. Вон, во Франции двадцать франков — и служащий «забыл» спросить у меня мои права. Вот и узнаем, можно ли тут проверить то же самое.

Поездка по магазинам разной всячины меня даже позабавила. Сперва водитель привез меня в дорогой мужской бутик, видимо надеясь, что я сбегу оттуда при виде цен. Угу, разбежался.

За сорок минут примерок и подгонок мне подобрали два двубортных костюма из шерстяной ткани. Теплые, мне понравились. Как раз для такой погоды. Один был светло-серый, другой черный. Портной, проводивший примерку, обещал сделать подгонку за сутки, чтобы, как говорится, костюмчики сидели, и прислать их по адресу вдовы.

Также я оплатил полностью работу и доставку. Кроме костюмов, я купил два пальто тех же расцветок, белье и три пары рубашек. Легкие светлые брюки, чтобы использовать их в доме вдовы, и пару сорочек. Всё это будет доставлено по моему адресу проживания. Потом зашел в соседний магазин, тоже элитный, взял лёгкую обувь и ботинки на толстой подошве. Резиновых сапог в этом элитном магазине почему-то не продавалось, и на мой вопрос они не смогли ответить, мекали да бекали ошарашенно. Видимо, их сильно расстроило мое искреннее разочарование представленным ассортиментом товаров, и думаю, скоро они будут продавать и резиновую обувь, причем по цене брендовой. Эти покупки тоже должны доставить курьером на мой адрес.

Потом я проехал по другим магазинам. Не таким дорогим. Купил зонтик, хороший прорезиненный плащ — как ни странно, многие в таких ходили — и наконец, нужные мне сапожки с теплыми шерстяными носками (специально пять пар взял — как бабушка вяжет).

После покупок мы стали кататься по городу. Изредка таксист останавливался по моей просьбе, причем у одного паба он как-то засомневался и сообщил, что тот пользуется дурной

славой. Мол, там собираются ирландские бандиты, даже драки бывают.

«Так это то, что мне доктор прописал», — подумал я.

В бар я не пошел, но адрес запомнил. Катание по городу позволило мне хоть немного в нем ориентироваться. Даже на Букингемский дворец посмотрели, когда мимо проезжали. Хоффманы, наверное, до сих пор там.

Пообедали мы в одном из небольших ресторанчиков, таксиста как своего временного водителя угощал я. Так мы и катались до самой ночи. К этому времени в бутиках и лавках я дополнительно приобрел настоящий морской нож с крепкой рукояткой и острым лезвием, толстую телефонную книжку со всеми абонентами столицы и пригорода, ну и, естественно, подробную карту Лондона. Я уже по ней мог ориентироваться.

У дома вдовы я с помощью водителя занес все покупки в прихожую и расплатился с ним. Также кроме стандартной таксы по счетчику дал ему двойные чаевые, тот был очень доволен. Сказал, что если еще раз понадобится, то можно его вызвать через диспетчера по номеру машины. Обещал воспользоваться его услугами, как только возникнет надобность. Но когда дверь закрылась, я уже забыл о таксисте. Лишние свидетели мне были не нужны.

— Добрый вечер, месье, — спустилась по лестнице Сивилла. — Вы закончили на сегодня, или еще уйдете? Подавать ужин?

— На сегодня всё, — вешая куртку и снимая шапку, сообщил я. — А ужин да, можно подавать. Я только разберусь с покупками.

— Курьером прибыли два пакета с вещами, я их приняла и отнесла в вашу комнату, — чопорно сообщила Сивилла. — Ужин будет готов через двадцать минут, я вас извещу, месье. — Спасибо.

Отказавшись от помощи и сбегав к себе в апартаменты два раза с пакетами и другими покупками в руках, я перенес всё наверх. Потом рассортирую. Умывшись, я разобрал часть пакетов и переоделся в купленные рубашку и брюки. С той легкой обувью, что я купил, смотрелось отлично, только шляпы не хватало, чтобы я казался таким джентльменом-денди.

Поев, в этот раз без немцев, те, оказывается, еще не вернулись, я направился к себе, где занялся покупками, убирая их в шкаф, проверил клинок и стал лениво листать телефонную книжку. Оливеров Нортон в ней было семнадцать. Вот интересно, кто из них нужный мне шпион, официально работавший в посольстве Великобритании?

Как это ни печально, кроме как проехать по всем адресам и визуально осмотреть их, ничего другого в голову не приходило. Можно, конечно, взять какого-нибудь клерка из МИДа британцев и хорошенько его допросить, но не факт, что тот его знает. А брать всех подряд не получится, спалюсь, вот и выходило, что нужно было проехаться по всем адресам, причем на своих колесах. Вывод: завтра с утра едем покупать машину, ну их нафиг эти прокаты автомобилей. Однозначно завтра на авторынок, и только потом покатаемся. Причем это может занять продолжительное время, четверо Нортон жили в окрестностях Лондона в собственных усадьбах или виллах.

Перед самой темнотой в дверь постучали, пришла Сивилла проведать, не надо ли мне чего еще. «Еще» мне было нужно, так что возмущенно попискивающая и бьющая мне по спине кулачками девушка довольно быстро затихла после длительного поцелуя. Ушла она только под утро, чтобы встречать курьеров из продуктовых лавок, а также распорядиться насчет завтрака, заказанного постояльцами согласно их желаниям. Я обстоятельно нашептал ей на ушко, чего бы хотел.

Кстати, шептал на ухо не только я, но и она. Так что я узнал, что сразу ей понравился — красивый, уверенный в себе мужчина. Вот она на меня глаз и положила. Кроме того, она решила представиться прислугой. Я был в шоке, когда узнал, что она и есть вдова полковника. Но ничего, покувыркались мы хорошо, да и наговорились. К тому же наша встреча не прошла даром, я выяснил, что ей в наследство от мужа перешёл не только этот дом из всего состояния, но и машина. Вот Сивилла и предложила мне пользоваться ею, чтобы ездить на работу, но я мягко отказался, сообщив, что машину мне выделяют работодатели. Еще мне не хватало навести на свое логово. Нет уж, лучше куплю.

Во время завтрака немцы были непривычно веселы и загадочно поглядывали на нас. Мне кажется, парочка даже перемигивалась. Видимо, наша бурная ночь с хозяйкой не осталась для них тайной. А что, вполне может быть. Мы дважды падали с постели, в результате чего синяками обзавелись оба, я на бедре, девушка на боку и локте. Но ничего, поцеловали больные места друг другу — и продолжили. Британка ирландского происхождения оказалась очень темпераментной особой.

После завтрака поболтав о том о сем — в этот раз Сивилла как хозяйка к нам присоединилась — распрощался с немцами и побежал наверх, одеваться. Сегодня я видел их в последний раз, в обед у них был самолет на Мюнхен.

В прихожей я поцеловал девушку, что, по-видимому, не осталось незамеченным со стороны мальчишек, и они заулюлюкали. Ну совсем никакого такта. Ладно, я — броненосец, а Сивилла сильно смутилась, но уйти не спешила. Она подала мне мой новообретенный зонтик из держалки и закрыла дверь, когда я вышел, держа в руке портфель, также купленный вчера. Я его купил не только для вида, чтобы думали, что я действительно инженер. В нем лежал нож и некоторые нужные инструменты, мое единственное оружие и несколько вырванных из телефонной книжки листов, не считая сухая, что дала мне с собой вдовушка.

Ха, а с вдовушками действительно оказалось совсем неплохо миловаться. Сразу видно, что мужика у нее давно не было, года два с момента смерти мужа, и она до этого дела очень охочая. Высосала досуха, так что я, даже проспав пять часов, всё равно чувствовал усталость.

Я специально попросил Сивиллу не вызывать такси, якобы решил прогуляться и поймать его по пути. Так и сделал, только такси я поймал на соседней улице. Правда, с трудом. Оказалось, вызвать по телефону или найти их у вокзалов куда проще, а так их ушлый британский народ моментально разбирает. Остальным, не относящимся к счастливым, имеющим собственные машины, оставалось довольствоваться общественным транспортом вроде автобусов и метро. Так вот, только шестая машина мне попалась пустой, но хоть отреагировала на поднятую руку и остановилась у края проезжей части. Отряхнув зонтик, я сел в машину и велел водителю:

— Везите меня туда, где продаются подержанные машины.

— Хорошо, мистер.

Такси тронулось с места, и я стал задумчиво покусывать губу. Проблем с покупкой я не вижу. На приличную машину мне хватит, даже на две, так что это всё решаемо. Права? Ну, не знаю, если остановят, скажу, что дома забыл. Максимум отделаюсь штрафом.

К этому времени такси свернуло куда-то в нежилой район и поехало мимо складов и гаражей.

«Грабить, что ли, везут?» — удивился я, оглядываясь и открывая портфель, чтобы можно было сразу схватить нож.

— Куда это мы едем? — поинтересовался я у таксиста.

— В гаражи, где продаются не новые машины, мистер.

Несколько вопросов прояснили ситуацию. Я, честно говоря, об этом не знал, думал, что тут так же, как в Штатах или у нас, открытая стоянка — ходишь и выбираешь машины. Нет, и такие есть, но редко. Основная масса продаж подобных машин находится на плечах хозяев автомастерских или просто владельцев гаражей, малых коммерсантов, как говорится. Вот водитель и вез меня в такой район, где было несколько подобных гаражей, чтобы у меня был выбор.

Ответ меня успокоил, поэтому я смотрел, куда мы едем, уже с легким интересом и без напряжения. В случае внештатной ситуации отреагировать успею. Только что прекратившийся дождь снова зарядил, поэтому, когда мы остановились у открытых ворот большого гаража, где стояло с десяток машин, я распахнул дверь и, открыв снаружи зонтик, вышел, слыша, как барабанят капли по его материи.

У ворот, не выходя наружу, стоял явно местный работник. Он был в синем комбинезоне, в разных местах тронутым масляными пятнами, и вытирал руки тряпкой. Позади него в глубине гаража была видна конторка. Причем в ней кто-то был, я видел свет внутри и тень сидевшего человека через небольшую открытую дверь, но самого человека видно не было. Ближайшая машины стояла с открытым капотом, видимо с ней механик и возился.

— Доброе утро, мистер, — поздоровался местный механик и посторонился, пропуская меня, хотя места свободного было огромное количество. Вся ширь открытых ворот, через которые КАМАЗ проедет — не почешется.

— Оно будет доброе, если вы мне выберете неплохую машину, приятель, — ответил я.

В это время тень в конторке пошевелилась, и в открытой двери появилась девушка с не очень красивым, но весьма любопытным лицом.

— Мы постараемся вам помочь, мистер, — ответил механик и тут же спросил: — Какую вы машину предпочитаете, и для чего она вам? Понимаете, некоторым нужна для представительских целей. Другим — ездить дом — работа — дом. Третьим — на охоту или для поездок за город. У каждой машины свои возможности, и мы стараемся подбирать их индивидуально. Даже есть несколько импортных машин: «Ситроены», «Форды», «Шевроле», «Альфа-Ромео».

— Я понял ваш вопрос. Меня устраивает совмещённый второй и третий вариант, — оглядевшись, я добавил, опираясь о сложенный зонтик как о трость: — Что-то машин у вас мало.

— Тут только выставочные образцы. Четыре гаража справа и три слева принадлежат нам. Там есть еще машины.

— Угу, ясно. У меня еще один вопрос. Я не являюсь гражданином вашей страны и не совсем в курсе ваших законов. Я могу купить машину и оформить ее на себя?

— Да, конечно. Это не так трудно, только нужно будет проехать к нотариусу и в госдепартамент полиции для регистрации, чтобы оформить документы. Вы не первый иностранец, что у нас были. Мы знаем, как и что оформлять.

— Вот и отлично. Теперь давайте поговорим насчет машин. Я тут смотрю, у вас выставлена довольно дорогая техника. «Ягуар», там, кажется, стоит «Альфа-Ромео» и красная «Астон-Мартин».

— Да, — обернувшись в сторону машин, на которые я указал, подтвердил механик. — Это «ДВС» прошлого года выпуска, хозяин поехал на ней полгода и убил двигатель, продал

нам, а мы поставили новый.

— Мне этого не надо, мне нужна именно рабочая лошадка, если сломаю, то чтобы не жалко бросить.

Механик задумался, явно прикидывая варианты, пришлось подсказать, слегка солгав:

— В прошлый раз я пользовался «Фольксвагеном-жуком». Надо сказать, для моей работы оказалось более чем. Когда застряла в грязи, подогнали карьерный самосвал и вытащили. Можно было и на руках, но люди в грязь не хотели лезть.

Меня для будущих акций действительно вполне устраивала подобная машина, тем более что я часто видел их на улицах Лондона, то есть не редкая машина, и внимания не привлечет.

— Мэри! — крикнул механик в сторону конторки. — Сколько у нас «Фольксвагенов»?

Та выглянула и без запинки ответила:

— Три, если фургон считать.

— Что за фургон? — заинтересовался я.

— К сожалению, он не продаётся, ждем запчасти с завода, — ответил механик, после чего пригласил меня пройти за ним.

Мы вышли под дождь, отчего механик заторопился, а я, открыв зонтик, направился следом с чувством собственного достоинства. Ботинки высокие, непромокаемые, так что я не торопился — не промокну. Пока я шел, механик в успевшей отсыреть одежде открыл замок и распахивал ворота второго гаража.

Кстати, водитель такси продолжал сидеть в машине, ожидая, что я решу, счетчик-то капал, у них он по времени работает, а не как у нас по километражу.

Пройдя в гараж, где механик уже включил свет, я осмотрел местный зверинец.

— Два «Фольксвагена-жука», — указал она на две букашки серого и фиолетового цветов. — Один фиолетовый с брезентовой съемной крышей. Другой серый с цельнометаллическим кузовом, как вы видите. Обе машины в отличном состоянии после ремонта. Фиолетовая — пробег пятьдесят семь тысяч, шестьдесят пятого года выпуска, серая побегала чуть меньше ста, но все элементы подвески поменяны, как и другие части — согласно регламенту капремонта. Она шестьдесят четвертого года выпуска, четырехлетка, мистер.

Кроме двух знакомых мне «жуков» в гараже стоял в основном европейский импорт: «Ситроены», «Рено», «Фольксвагены», были парочка «Мерседесов», один «БМВ» и, кажется, даже «Ауди», но ее плохо было видно за развозным фургоном «Мерседесом», только частично радиаторную решётку. Похоже, таксист привез меня в самый дорогой гараж из возможных, видимо судил по одежде, но ничего, и тут, оказалось, имелось то, что мне было нужно.

— Ну, я серую выбираю. Не хочу, чтобы мне за шиворот капало, а то, что побегала, не важно, мне на ней недолго ездить.

— Хорошо, мистер. Как я уже говорил, все комплектующие поменяны, резина новая, машина без серьезной поломки год проездит, точно вам говорю, мистер.

— Хм, вы так уверены? Ладно, поверим. Я могу ее проверить?

Парень нисколько не удивился, что я беру машину не родной страны, а немца — видимо, и не такое ему видеть приходилось.

— Да, конечно, сейчас этот «Ситроен» выгоню, и можете проверить ее на ходу.

Подойдя к ящику на стене, он достал два комплекта ключей. Один оставил в руке, а

другой протянул мне.

Пока он садился в «Ситроен», я подошел к выбранному «жуку» и открыл дверь — она не была заперта; потом забрался внутрь, вставил ключ в замок зажигания и запустил стартер. Взревел мотор, пытаясь своим громким ревом непрогретого двигателя заглушить работу «Ситроена». Тот тоже вносил свою лепту в какофонию. Немного убавив газу, я заметил, что «француз» выехал задом из гаража, давая мне дорогу. Осторожно тронувшись, я прислушивался к работе мотора и тому, как машина себя ведет. Выехав из гаража, я был вынужден включить дворники и печку, мало того что дождик не прекратился, так еще стекла запотевают быстро. Теперь уже знаю, что это такое в Британии. Покатался туда-обратно, чтобы мотор прогрелся. Печка давала тепло, причем даже убавить пришлось, а то жарко стало. Я резко затормозил у главного гаража, проверяя тормозные колодки, таксист посторонился, и по приглашающему взмаху руки механика заехал прямо в гараж, встав у конторки. Заглушив двигатель, я выбрался из машины и кивнул.

— То, что мне нужно, парень. Думаю, мне ее хватит. Теперь хотелось бы узнать цену.

— Цена подобной подержанной машины после капремонта — пятьсот тридцать фунтов, мистер, — ответил механик.

— Дороговато, конечно, — сказал я, стараясь не дрогнуть лицом. Я думал, она стоит больше тысячи. — Но будем брать. Сейчас отпущу водителя такси, и займемся оформлением.

— Хорошо, мистер.

Взяв из машины зонтик, я вышел под дождь и, подойдя к открывающемуся окну, расплатился по счетчику и накинул водителю на чаевые. Тот благодарно кивнул, спросил, нужен ли он еще и, получив ответ, поехал по своим делам, а я вернулся в гараж. Брать из такси мне было нечего, всё лежало в «жучке».

— Давайте оформлять, — предложил я, направляясь к конторке и доставая на ходу загранпаспорт и портмоне.

— Мистер, — остановил меня у входа механик. — Как я понял, вы будете продавать машину, после того как она вам будет не нужна?

— Вполне возможно, — согласился я.

— Я могу купить ее у вас.

— Интересное предложение.

— Дело в том, что вам как гражданину другой страны выдадут временные госномера. В моем же случае можно поступить по-другому. Если вы не хотите брать напрокат машину и платить неустойку в случае порчи. Я вам предлагаю оформить машину на меня, то есть я ее зарегистрирую на себя. А потом мы оформим через нотариуса временное разрешение на пользование автомобилем на нужный вам срок. В отличие от пункта проката, меня не волнует, до какого состояния вы ее доведете, — почию. Но и цена за машину будет по ее состоянию. Как вам мое предложение?

Не найдя подвоха, всё получалось складно, я согласно кивнул и ответил:

— Только деньги за покупку машины я отдам после посещения нотариуса. Мало ли что. Как видите, у меня есть деньги, — показал я механику стопку купюр.

— Меня это устраивает, мистер.

Пока механик оформлял документы в конторке купли-продажи, я сидел у входа на диванчике для гостей и, поглядывая на дождь, прикидывал, правильно ли я поступил. По всему выходило, что да. Частные номера — они частные, в пунктах проката стояли

специальные, чтобы полицейские могли их видеть и определить, что это за машина. Так что с этой стороны даже хорошо.

Оформление много времени не заняло. Мы из гаража на моем «жучке» поехали куда-то в госструктуру, где пришлось ждать час, но все документы были оформлены, и мы переместились к нотариусу. На выходе я передал механику, которого, оказывается, звали Мэтт Кристи, всю положенную сумму и получил на руки двухмесячную доверенность на владение данным транспортным средством. Всё довольно просто. У офиса нотариуса мы и расстались, Мэтт уехал на общественном транспорте, а я по своим делам на «жучке». Это действительно было удобнее. Ладно, таксисты знают город, но зато не нужно уточнять маршруты и плодить свидетелей.

Поехал я не к себе на хату, а в большой комплекс с частными малогабаритными квартирами. Старший домоуправ нашелся в сразу же, в офисе. Там я оформил аренду квартиры на втором этаже сроком на месяц, после чего поехал в аптеки. Посетил три, чтобы не насторожить продавцов размерами своих покупок. Пакеты с медикаментами очутились в съемной квартире, которая стала моей запасной базой на критический случай или при неудаче, чтобы было где отлежаться. Посещение супермаркета позволило запастись продуктами длительного хранения. Резервная база была теперь всем обеспечена.

При составлении договора аренды малогабаритной квартиры я сообщил, смущаясь, что оставил документы в отеле, десятифунтовая купюра помогла, и в бухгалтерской книге появилась запись о новом съемщике Джоне Сайресе. Хорошие отношения с домоуправом были обеспечены.

Только после этого, часа в три дня, после хорошего позднего обеда в небольшом ресторанчике, я поехал в тот самый паб, что не рекомендовал посещать таксист. Наверняка его контролируют полицейские, но мне нужна была некоторая помощь с техническим обеспечением и, возможно, людьми. А кто как не ирландцы так «любят» британцев, что готовы пойти на многое? Одним словом, мне надо было навести мосты с ними.

Паб никуда не пропал. Я припарковался за углом и, выйдя наружу, посмотрел на пасмурное небо. Дождь закончился часа полтора назад, но я всё равно взял зонт. Уже ученый.

Неторопливо прогулявшись до паба, я заметил на другой стороне машину-фургон. Из всех только она подходила для наблюдения, я бы сам выбрал именно это место. Легким прогулочным шагом я подошел к дверям, вежливо открыл их, пропуская первым какого-то пьянчужку, и прошел следом. Это был классический ирландский паб, очень похожий на те, что я видел в Москве еще в том, родном теле. Довелось пару раз.

Времени терять не хотелось. Да я еще собирался сегодня проехаться по нескольким Нортковским адресам. Поэтому направился к самому информированному человеку в баре, то есть к бармену. Это был на удивление крупный мужчина, рыжеволосый гигант. Когда-то его можно было назвать атлетом, но с тех пор прошло немало времени, заплывшая фигура и выдающийся живот выдавали в нем человека, любящего хорошо поесть и попить.

— Добрый день, — улыбнулся я своей самой обаятельной улыбкой. — Мне бы хотелось поговорить с самым старшим из ваших товарищей.

— Не понимаю, о чем вы, — взяв со стойки стакан, он стал его протирать чистой тряпкой, проверяя на просвет чистоту. — Тут много товарищей, выбирай любого.

— Вы меня не так поняли. Я имел в виду, что хотел встретиться с вашими соплеменниками. Можно просто с главным. Можно с членами вашей ячейки. Не

принципиально.

Бармен наклонился ко мне и спросил:

— Ты думаешь, я сделаю, что ты просишь?

Слегка наклонив набок голову, я искоса посмотрел в глаза ирландца и уверенно ответил:

— Конечно, сделаешь.

Ирландский паб «Дом эля». Комната позади бара. Это же время.

— И все-таки я считаю, что именно Брайан запустил руку в нашу кассу, — горячился рыжебровый, но почему-то брюнетистый плотный мужчина. Пятеро других присутствующих мужчин угрюмо насупились. Подозрения, что кто-то из товарищей нагло крадет деньги из общественной кассы, сперва были на уровне слухов и предположений, но повторная проверка подтвердила: часть средств уходила на сторону.

— Как же так? — не мог поверить один из глав местной организации, что боролась против британского ига. — Он же один из нас, да на войне мы с ним в одной роте служили, воевали, в конце концов. Нормальным солдатом был, товарищем.

— Деньги стали утекать именно тогда, когда мы поставили его кассиром! — грохнул кулаком по столу рыжебровый.

В это время в дверь постучали определённым кодом. Один из присутствующих встал и открыл ее. За дверью стоял хозяин паба — он же бармен. Запрокинув голову, он прижимал к окровавленному носу салфетку, другой рукой прижал к опухшему уху железную тарелку. Не глядя на присутствующих командиров, он глухо сказал:

— Тут с вами встретиться хотят... Серьезные люди, — добавил он после небольшой запинки, после чего развернувшись, направился к стойке бара, а на его месте появился молоденький паренек, одетый как американец. С любопытством оглядев присутствующих, он хмыкнул и сказал, с заметным американским акцентом:

— Ну что, партизаны, тяжелые думы думаем? Планов взорвать Букингемский дворец у вас случайно нет? А то могу поспособствовать...

В пабе я посидел минут сорок. Сперва настороженные ирландцы не могли понять, что я хочу, но потом они согласились мне помочь после небольшой проверки-испытания. На мой взгляд, ничего серьезного, плевое дело. Они попросили взорвать какой-то там Биг-Бен, фигня — я на картинках видел. Сто пятьдесят кило тротила, и его не будет. Взрывчатку и детонаторы обещали предоставить ирландцы. Думаю, и мне и им эта акция придется по душе. Надо будет завтра прокатиться мимо, посмотреть, что это за чудо. Если наши после моего возвращения что-то будут ворчать, пусть докажут, что там был я. Тем более ирландцы обещали сообщить всем, что это действовали они. Акция устрашения и возмездия, так сказать. Идиоты, не понимают, на что подписываются.

Выйдя из паба, я прогулялся по кварталу и, убедившись, что слежки нет, вернулся к машине и поехал по первому адресу. Будем работать методом исключения.

После третьего ложного заезда по адресам — опять не тот Нортон попался — я проехал мимо Тауэрского моста. Он меня изрядно позабавил. Потом поехал в сторону Вестминстерского дворца, посмотреть на нужную башню. Доехал, посмотрел, улыбнулся своим мыслям и резко крутанул руль влево, когда встречная машина засигналила и замигала фарами.

— Блин, долбаные лаймы, — зло проорал я. — Седьмой раз за сегодня. Уроды, пригоню сюда КАМАЗы... когда их построят. Они вас быстро научат правильно ездить.

Вернувшись на свою полосу, то есть левую, еще немного поворочал, и поехал по последнему на сегодня адресу. Темнеть уже начало, пора закругляться.

Следующий Нортон жил в квартире не так далеко от дворца, который я посмотрел, поэтому и выбрал его.

Проверял, чтобы не терять времени, я достаточно просто. Звонил и просил позвать главу семьи, если открывал не он, что происходило почти всегда. Когда подходил хозяин, я цветасто извинялся и говорил, что ошибся адресом. Всё достаточно просто.

Припарковав машину, я подошел к двенадцатизэтажному зданию и прошел в холл через гостеприимно распахнутые швейцаром двери.

— Вы к кому, мистер?.. — поинтересовался консьерж.

— К мистеру Нортону, — спокойно сообщил я, сверкая голливудской улыбкой. — Передайте, что к нему пришел хороший знакомый из Чикаго. Алекс Смит.

— Хорошо, мистер Смит, — снимая трубку, ответил тот. Когда хозяин ответил, консьерж быстро доложил обо мне и, выслушав ответ, положил трубку. — Десятый этаж, тридцать вторая квартира, мистер Смит.

— Спасибо, — кивнул я, стараясь не выдать своего удивления.

Причина моего удивления была прозаична: язвенник сообщил мне, что этот самый Смит — хороший друг Нортон, к тому же работает в ЦРУ. Коллеги, одним словом. Я-то хотел проверить, как отреагирует неизвестный мне Нортон, но тот вдруг меня «опознал». Оп-па, неужто в цвет?

Поднявшись на лифте на десятый этаж, я дождался, когда двери откроются, и быстро выглянул, изучая площадку. На ней были три двери, ведущие в квартиры местных жильцов. Все закрытые. Подойдя к нужной двери, я порадовался отсутствию дверного глазка и, отойдя к стене, нажал на кнопку звонка. Мало ли, вдруг выстрелят через дверь.

— Открыто, заходи, — едва различимо услышал я. Дверь действительно была не заперта, и ничто не мешало мне проскользнуть в прихожую. Причем в пустую.

— Проходи в зал, я коктейль готовлю.

Скользнул к открытой двери, откуда доносился голос, и, появившись в проеме, молниеносно метнул нож. Грохнул выстрел, и пуля врезалась в притолку надо мной, обсыпав пылью и частью раствора.

Застонав, нужный мне Оливер Нортон выронил небольшой пистолет и, болезненно скривившись, посмотрел на рукоятку клинка, что торчала из его плеча. Левая рука британца висела плетью, отчего он и не смог удержать пистолет, однако наклониться и подобрать его правой я ему не дал. Мгновенно подскочив и оттолкнув шпиона, поднял браунинг.

Немного придя в себя от боли, Нортон посмотрел на меня и, продолжая морщиться, он протянул мне правую руку. Подойдя, я помог ему подняться с пола и усадил в кресло. Отойдя в сторону, присел на диван, поправив штанины, и оглядел гостиную:

— Вполне неплохо платит британская разведка своим людям. Квартира прослушивается?

— А ты как думаешь? — усмехнулся британец.

— Думаю, да. Кроме того, более чем уверен, что ты успел позвонить своим людям, и они уже на всех парах мчатся сюда... подожди меня. Не ходи никуда. Хорошо?

Встав, я вышел из комнаты и, заперев входную дверь, подошел к щитку и обесточил

квартиру. Света с улицы пока хватало.

— Что ты сделал? — спросил у меня хозяин квартиры, когда я вернулся на место.

Выщелкнув из пистолета магазин, я недовольно покачал головой и спросил:

— Где еще патроны и запасные магазины?

— В ящике стола, — и тут же пояснил на мой удивленный взгляд: — Всё равно найдешь.

— Насчет чем я занимался, так это свет выключил, как ты понимаешь. У вас, у британцев, интересная система контроля и подслушивания, она работает от общей сети. Обесточиваешь квартиру — обесточиваешь средства слежения. Довольно глупая система, на мой взгляд.

— А если есть дублирующее питание? — криво усмехнувшись, спросил британец.

— Точно нет, — уверенно ответил я. — Я посмотрел провода и перерезал их... Кстати, как вычислил, что к тебе не Смит поднимается?

— Смит ранен и в данный момент находится в госпитале на Гавайях. Он не может с перебитой костью припрыгать сюда. А вот то, что ко мне идешь ты, даже не подозревал.

— Не знал, — сообщил я задумчиво. — Да и честно говоря, ты у меня четвертый сегодня.

— По телефонной книге искал? — понимающе усмехнулся шпион.

— Умный больно.

Поднявшись с дивана, я прошел к массивному письменному столу и, встав чуть сбоку — вдруг секретки в шкафу, не хочется получить заряд дроби в живот — открыл ящик, достал пачку патронов и два запасных магазина.

— Вот и хорошо, а то без оружия как голым себя чувствую.

— Мог и не опасаться. Я с семьей живу, охранной системы нет.

— Ты клинок-то не трогай, ты жив, пока он в ране. А не то кровью истечешь, — посоветовал я британцу, который с сомнением поглядывал на рукоятку.

Вернувшись на диван, я спросил:

— Кто обо мне еще знает?

— Почему ты думаешь, что я буду говорить? — спросил Нортон.

— Будешь. Крисса я допросил, тот боли боялся и выложил всё. Потом британца, в дальних предках которого затесались французы, то есть Турнье, что у вас работает в Ленинграде. Прости, работал.

— Алекс не мог ничего рассказать, я его хорошо знаю. Его пытай, он не сломается.

— Так я и не пытал, но мне повезло. Цепь случайностей — и он подан мне на блюдечке с голубой каёмочкой. Он попал в больницу с язвой, пережил операцию, а на следующий день я навестил его, не отошедшего от лекарств. Мое клятвенное обещание, что он уйдет легко и... я не трону его семью, адрес которой мне любезно сообщил Крисс, друг семьи.

— Сволочь, — с ненавистью выдохнул британец.

— Ну, не надо его так ругать, он ведь раза три сознание от боли терял, пока не сломался. Хорошо держался, вашу агентуру и делишки сразу сдал, но друга своего Алекса не выдавал долго, но не выдержал и всё не выложил. Тот мне поверил, семью он любит. Особенно своих девочек. И то, что я их ликвидирую, он поверил сразу. А как может быть по-другому? Вы подкладываете мне под машину, на которой я езжу с детьми, гранаты, а я же еще вас прощать должен. Нет, господин хороший. Око за око, зуб за зуб. Уничтожил бы я его семью без всяких терзаний и раздумий, и он это сразу понял.

— Тебя найдут.

— Ой ли? Я тут собрался такую заваруху устроить, что вряд ли обо мне вспомнят. Да и не знает обо мне никто, ведь так?

— Пытай, но я ничего не скажу, — хмуро посмотрел на меня британец. Он заметно сбледнул с лица и, похоже, держался на одной силе воли.

— Ты живешь с детьми и женой. Скажи мне, сколько они проживут, если их выкидывать из окна? Заметь, я их не убью, и моя совесть будет чиста. Их убьет притяжение, а то, что в полет их отправят мои руки, я за убийство не считаю. Так что, будем говорить? Ты пойми, мне не нужны ваши секреты. Ответь, кто обо мне знает, и где сведения обо мне. Прежде чем ответить, вспомни, у тебя жена и трое детей. Кстати, двое скоро должны прийти из школы, судя по их возрасту на фотографиях и времени на часах.

— Они из школы идут к бабушке, оттуда их забирает моя жена, — мельком глянув на настенные часы, сказал Нортон. — Приедут они через час, ты не успеешь.

— Не успею — ты имеешь в виду, что приедет помощь? Так я ее и жду. Мне требуется оружие, которое в данный момент мне везут. На ирландцев надежды нет, там агент на агенте, они для меня лишь ширма. Я ими прикроюсь, когда буду совершать свои дела... Хотя с вновь открывшимися обстоятельствами требуется проработать план.

— У тебя ничего не получится, — закашлявшись кровью, с ненавистью сказал британец.

— Спорим? Хотя о чем это я? А насчет получится или нет — это выяснится в течение нескольких дней. Так что, будешь говорить, или мне подождать тут твою семью в окружении трупов? Твой выстрел не слышали. Тут толстые стены, так что на вызов полиции не надейся. Только группа поддержки.

— Какие гарантии? — после минутного молчания спросил Нортон.

— А ты крепкий орешек, Турнье сдался быстрее. Видимо, сильнее семью любит... А гарантии? В отличие от вас, крыс, я держу свое слово. Так что слово офицера — если всё, что знаешь обо мне, расскажешь, я их не трону. Про тебя ничего не скажу, сам должен понимать.

— Зам разведки Брайан Маллихер. Я докладывал только ему, весь материал по тебе хранится в его сейфе. Сам видел, как он убирал. Кроме него, меня и Крисса с Турнье, о тебе никто не знал. Слово офицера, всё, что знал, сказал.

— Директор? — задумчиво спросил я.

— Я не в курсе. После возвращения я официально нахожусь в отпуске. Доложился и отдыхаю. Это всё.

— Не всё. Адреса штаб-квартиры, зама и самого директора.

Нортон рассказывал почти без утайки, прервавшись лишь однажды, когда я принёс по его просьбе воды. Когда он закончил, я улыбнулся и сказал:

— Молодец, почти всё рассказали, но вы забыли, что я успел допросить не вас одного. Большая часть соответствует истине, но вот кое-что искажено. Например, адреса штаб-квартиры и зама директора. Предполагаю, что и адрес директора вы мне неправильно сообщили. Давайте еще раз, хорошо? Вы не волнуйтесь, время у нас еще есть, минут пять точно до приезда ваших людей. Им ведь весь город пересекать надо. От места их расположения ехать ой как далеко.

Через три минуты я знал всё, что мне было нужно, после чего подошел к британцу и слегка ударил по рукояти клинка. От чего Нортон потерял сознание.

Мне пришлось ждать еще две с половиной минуты, пока, наконец, не услышал за

дверью подозрительную возню и щелчок открывшегося замка. Глядя, как подо мной открывается дверь и при свете, бьющем с лестничной площадки в прихожую, проскальзывает первый боец с автоматом в руках, я даже глазам своим не поверил — опять «стен»; МП-пять у них, что ли, нет? После этого за ним крадучись вошли еще двое с пистолетами в руках, больше никого не было.

Я висел прямо над входной дверью, опираясь руками об одну стену коридора прихожей, ногами о другую. Бойцы группы поддержки меня не заметили, поэтому, расслабив одну руку и перенеся вес на другую, я вытащил из-за пояса браунинг и трижды выстрелил в спины британцев.

Расслабив напряжённые руки и ноги, я мягко спрыгнул на пол, проверил, нет ли кого на лестничной площадке, и бросился шмонать бойцов. Одного пришлось добить, а двое были наповал. Тут доплюнуть можно, что уж не расстрелять в спину? Даже в том положении, что находился я — это было не трудно. Собрав всё оружие и боеприпасы в одну кучу, рядом сложил документы, после чего обыскал квартиру. Нашел удобный кофр для бумаг, он был большой. Так что все трофеи легко уместились. Подойдя к Нортону, который за минуту до этого пришел в себя, когда я затаскивал в гостиную одного из убитых, и поглядев в так и пышущие ненавистью глаза, сказал:

— Пора.

Спустя пару минут. Парадный вход в многоэтажный дом, где находится квартира Оливера Нортон.

Швейцар у дверей скучал. Всё сегодня было, как обычно: хозяева и съёмщики квартир, их гости и курьеры разных служб, что зачастили к ним. Вон к Нортонкам сперва молодой американец прошел, потом трое курьеров с букетами цветов, их машина до сих пор стоит у входа, водитель в машине, а мотор работает.

В это время скуку швейцара разогнал жуткий, можно сказать нечеловеческий крик, который быстро приближался. Буквально секунду спустя на крышу цветочного фургончика обрушилось тело самоубийцы. Шокированный швейцар, очнувшись от столбняка, подбежал к фургончику. В кабине истекал кровью из проломленной головы водитель, а в самоубийце швейцар с ужасом опознал владельца тридцать второй квартиры Оливье Нортон. В это время рука погибшего разжалась, и на брусчатку упал небольшой пистолет. Затворная рама, отодвинутая назад, ясно показывала, что были расстреляны все патроны.

Перегнувшись через подоконник, болтая ногами, я глядел, как с силой запущенный в это самое окно британец с жутким воем падает вниз. Внизу едва слышно прозвучал удар сминаемого железа и спустя секунду женский визг, который поддерживали еще две бабы.

— Красиво летел, наверное к дождю, — хмыкнул я и выбрался обратно в квартиру.

Явных улик, указывающих, что тут был посторонний, оставлять не хотелось, поэтому я поступил просто. Взял и вложил в руку Нортонка его же браунинг и выпустил все оставшиеся пули в лежавших бойцов. Понятное дело, что криминалисты разберутся, что тут произошло, но мне это особо и не мешало. Главное, чтобы не сразу поняли, что случилось, и чтобы основная версия была о сошедшем с ума дипломате.

Ну, а после этого я выдернул из раны клинок и с силой запустил «самоубийцу» в окно. Вот и вся история. Собрав вещи, в основном деньги, оружие и документы, я поспешил покинуть эту негостеприимную, но прибыльную квартиру.

На лестничной площадке было пусто. Но вот в лифте почему-то стояли цветы в горшках. Так я с цветами и спустился вниз. На улице было настоящее столпотворение, даже консьержа не было. Выскользнув наружу, я смешался с толпой и скрылся за углом. Пройдя полквартиры, я убедился, что за мной не следят, сел в припаркованный «жучок» и поехал домой. То есть к вдове. Время пока есть.

— Добрый вечер, месье, — встретила меня у входа Сивилла. — Вы сегодня что-то поздно... О, от вас пороховым пахнет. Так пахло от моего мужа, когда он приезжал со стрельбища.

— Это от пороховых фитилей, — спокойно пояснил я. — Работы проводилось много. Пришлось даже заниматься подрывами. Время идет, тут динамит как раз подвезли, а нам шурфы пробивать в земле надо было. Вот, три взрыва произвели.

— Это ваши мужские дела, месье. Когда вы будете ужинать?

— Через полчаса. Поднимусь к себе и приму душ.

Стрельнув глазами по столовой и кухне, я быстро прижал к себе Сивиллу и жарко поцеловал.

— Пусти, Марта увидит, — тихо попросила она, когда мы на миг прервались.

Сивилла выскользнула из моих объятий и убежала отдавать распоряжения, а я, раздевшись, поднял портфель с трофейным кофром и поднялся к себе. На полу в гостиной своих апартаментов я обнаружил еще пакеты. Похоже, прибыли костюмы и пальто от портного. Видимо, я своим поцелуем вскружил девушке голову, и она забыла сообщить мне о доставке.

Костюмы, конечно, пригодятся, но я уже начал «линию американца», как теперь наверняка прохожу по сводкам полицейских агентов, и уходить от нее в сторону не собираюсь. Пусть после акции возмездия и моего отлета британцы гадают, кто тут поработал.

Быстро приняв душ, я переоделся в домашнюю одежду и спустился, ужин был готов.

Так как немцы съехали, а других посетителей из-за мертвого сезона не было, обедали мы одни с Сивиллой. Я ей весело рассказывал, как работал за городом, где начиналась стройка, она — как прошел день. У девушки на вечер и ночь явно были на меня планы, но они не совпадали с моими, сейчас нужно действовать быстро.

После ужина я поднялся к себе и, заперев дверь, поднял кофр и направился в спальню. Документы были подвергнуты беглому осмотру. Они принадлежали якобы простым жителям города, то есть это были стандартные паспорта. У одного даже права нашлись. Те документы, что принадлежали Нортону, я не брал, это уже подозрительно. Из оружия был «стен» с тремя запасными магазинами — с основным получалось четыре, два обычных браунинга и итальянская «беретта». Последняя была обнаружена на автоматчике, видимо дополнительное оружие.

— Ха, как парней французы задарили, — хмыкнул я, покрутив пистолет, убрал его обратно в оперативную кобуру.

На всё про всё у меня ушло с полчаса, после чего я стал одеваться, под свитер прицепил подмышечную кобуру с «береттой» — она одна имела глушитель, так что пригодится. Один браунинг — в карман как дополнительное оружие, запасное, можно сказать. Удлинив ремень «стена», я проверил, как он висит на плече, после чего вместе с магазинами убрал в кофр. Туда же положил отмытый от крови британский морской клинок. Последний пистолет

я закрепил под столешницей в гостиной. Пришлось поковыряться с отверткой и шурупом. Ничего, крепко, мало ли пригодится.

Вместе с кофром я спустился обратно, где застал удивлённую Сивиллу.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Похоже, что да, — грустно вздохнул я. — Не вовремя приехал подрядчик с проверкой и корректировкой территории объекта. Я как главный инженер должен там присутствовать. Думаю, меня до утра не будет, а может быть, до следующего вечера.

— Надеюсь, всё пройдет нормально.

— Я тоже на это надеюсь.

Сивилла подождала, когда я оденусь и выйду на улицу, после чего тихо и грустно попрощавшись, заперла дверь.

«Жучок» стоял в десяти метрах от крыльца, поэтому дойдя до него и отперев, забрался внутрь, положив кофр на соседнее сиденье. Пока машина прогревалась, я размышлял.

«В данный момент, а может быть и раньше, информация о Нортоне дошла до замдиректора, и он обязательно выедет в штаб-квартиру, чтобы держать руку на пульсе. Соответственно, он играет нам на руку. Все, кто мне нужен, соберутся в одном месте. Не могут не собраться, Нортон не та птица, чтобы не отреагировать на его странную гибель и отправку сигнала тревоги».

Машина прогрелась, и я тронулся с места. Дождя не было, даже в облаках изредка мелькали звезды, но вот появившийся туман напрягал — видимо, он пришел с Темзы. Пару раз заплутав в улицах Лондона, я свернул на нужную и, неторопливо проехав мимо здания, где находилась штаб-квартира, повернул на следующем углу налево. Припарковав машину на почти пустой улице — редкие прохожие и более редкие машины мне не мешали — вышел и, подняв воротник куртки, с кофром в руке направился к зданию разведки.

У входа курило двое парней — второй, видимо, только что вышел, когда я проезжал, был один.

— Здравствуйте, не подскажете, как пройти в библиотеку? — вежливо поинтересовался я у них.

Те удивленно вылупились на меня, что позволило разорвать дистанцию и поработать клинком. Удар в горло более крупному мужчине, в шею другому, что пытался отшатнуться и сунуть руку под борт пиджака. Добив раненых, я осмотрелся. Хороших мест спрятать трупы не было, значит, придется тащить их в здание.

Дверь к моему удивлению была не заперта, видимо последний курильщик оставил ее открытой. Держа наготове «беретту», я скользнул в холл. Осмотрел стойку охраны, площадку, на которой было два лифта. Видимо, грузовой и пассажирский. Странно, что охраны не было, чего не могло быть в принципе. Нет, вполне возможно, что один из убитых им и являлся, но я сомневался — их всегда было двое. Тот, что покрупнее, мог быть охранником, а вот второй точно нет, он более похож на аналитика. Я с такими часто работал, так что не спутаю, и дело тут даже не в строении тела, а в выражении глаз и особенностях поведения. Умники — они и есть умники.

В это время слышались шаги, и появился парень в пиджаке и даже при галстуке. Меня он увидел сразу, но что-либо сделать не успел. Дважды кашлянул глушитель «Беретты» — и он повалился на пол. Подойдя и сделав контроль в сердце, я наклонился и, подхватив его за ноги, волоком потащил к пункту охраны. То, что на кафельном полу оставался длинный кровавый след, меня мало заботило. Мне нужно было обезопасить тылы, а не беспокоиться о

чистоте пола.

Волоком так же за ноги затащив тех двух с улицы в холл и тоже убрав их за стойку охраны, я запер дверь и быстро их обыскал. К моему большому удивлению, тот охранник, что ходил в туалет, был еще жив. Проверив его, я удивился еще больше — у него был природный феномен. Я ему три пули в сердце отправил, только оно у него было с другой стороны. Вот такой был казус, пришлось добивать клинком.

После этого я занялся стойкой охраны, а вернее тем, что мне было особо интересно — журналом регистрации. То есть по нему я мог узнать, кто сейчас в здании. Судя по нему, кроме охраны и дежурной смены, что обрабатывает круглосуточно поступающую информацию, прибыло еще четверо, включая нужного мне замдиректора.

Проверив документы, я всё собранное оружие — стандартные браунинги с боезапасом — убрал в кофр, но достал «стен» и запасные магазины. Куртку я тоже снял, в здании было тепло. Проверив, как автомат висит на ремне, и держа перезаряженную «беретту» наготове, я направился к лестничной площадке. Заметив подсобное помещение с поясняющей табличкой на двери, что там щитовая, остановился и задумчиво почесал затылок глушителем пистолета. Проверил ключи, что взял у охранников, и, открыв замок, прошел внутрь.

— Вот молодцы электрики, — повеселел я, найдя над каждой шиной поясняющую бирку. Открыв щит с лифтами, обесточил их. Подумав, я пошел искать, где находится распределительный щит телефонной линии. Нашел за стойкой охраны. Перепрыгнув через тела убитых, я подошел к нему и клинком перерезал кабель. Плотный, зараза, плохо брался.

Только после этого я побежал к двери, за которой была лестница. Ничего, тыл прикрыт, дверь железная, только танком возьмешь, на окнах решетки. Есть у меня время, есть.

Открыв ключом лестницу, не задумываясь, я побежал по ней на нулевой этаж, где был небольшой подземный гараж, машин так на десять.

Осторожно приоткрыв дверь, я осмотрелся. Свет был включён, въездные ворота закрыты, а из небольшого помещения, куда вела открытая дверь и большое панорамное окно, доносились голоса и слышался смех. Осмотр гаража показал, что он пуст — кроме четырех машин, ничего не было.

Быстро добравшись до подсобки, я заглянул в нее через дверной проем. Там находилось трое, двое явно водители и третий — охранник, что отвечал за ворота гаража. Четырежды кашлянул глушитель. Один из водителей, что сидел ко мне лицом, успел удивиться, и даже дернулся охранник, заметивший выражение лица водителя, но это им не помогло. Обойдя тела, я провел контроль.

— М-да, одиннадцать патронов осталось. Потом на громкое оружие придется переходить, — пробормотал я, проверяя тела.

Оружие охранника было тем же браунингом. Патроны не подходили. Все я делал в темпе, так как могла подняться тревога из-за пропажи связи. Надеюсь, пока они ищут причины, я успею сделать свои дела.

Вручную заблокировав створки ворот — там был стопор — я побежал обратно к лестнице. Еще когда я проезжал мимо, то обратил внимание, что четыре этажа были темны, специально с трех сторон посмотрел, а вот пятый этаж был освещен почти весь. Из-за штор было видно плохо, но все-таки видно.

Бегом, но старясь делать это тихо, я поднимался по лестнице. Второй... третий... а вот на четвертом произошла неожиданная встреча, мне навстречу попался парень в серых штанах и коричневой клетчатой рубашке с закатанными рукавами.

— Тихо, — направил я на него пистолет. — Сколько людей в здании?

Парень бегло осмотрел меня и осторожно ответил:

— Семнадцать.

— Лжешь. Вас тут тринадцать.

Тихо щелкнул глушитель — кажется, манжеты изнашивались, выстрелы становились всё громче и громче, попользованный мне глушитель достался. Парень дернулся и покатился вниз по лестнице. Пришлось посторониться, а то бы сбил. Добавив ему, я побежал дальше, на пятый.

Дверь была заперта, так что ключигодились. Щелкнув замком, я проверил, не стоит ли кто рядом. Вроде было тихо, но вдали слышались громкие команды и другие голоса.

Скользнув в хорошо освещенный лифтовый холл, я запер дверь и крадучись направился в сторону офиса с автоматом наизготовку. При этом сторожась и по мере движения проверяя попадающиеся двери. Две были заперты, за третьей был туалет — я быстро пробежался и проверил кабинки. Пусто. После этого я подошел к последней двери и толкнул ее. Огромный зал, заставленный многочисленной аппаратурой, терминалами и телеграфами. В нем находилось шестеро. Трое — дежурная смена, техники и старший, и еще трое, видимо, прибыли по тревоге. Не хватало еще одного, замдиректора. Среди тех, кто работал, его точно не было, слишком молоды. Вскинув «Стен» к плечу, я открыл огонь короткими очередями. Трех сразу снес, остальные попадали на пол. Этого мне было не нужно, и я стал смещаться в сторону, обходя оборудование. В одном месте присев, я очередью из-под стола поразил еще одного, что шустро перебирая локтями и ногами, полз по соседнему коридору из столов и аппаратуры. Больше видно не было, и я в присядку продолжил обходить выживших. Жаль, гранат нет. Были слышны стоны раненых, стоял крик, что они безоружные и не надо стрелять, аппаратура продолжала щелкать и стрекотать. Внезапно механизм, мимо которого я полз, заурчал-зажужжал, и из него поползла белая лента с точками. Перекатом уйдя в сторону, я чуть не расстрелял ее. Сволочь, напугала.

Перезарядившись, я продолжил искать выживших. Заметив движение и не опасаясь повредить аппаратуру, дал очередь — и услышал шум падения тела и стон. Пробежавшись по залу, я добил выживших и стал искать, куда делся нужный мне хмырь. Я не нашел кабинетов начальства — может, они там?

Почесав затылок, я побежал к лестнице. Время утекало, и всё надо было делать быстро. Поднявшись на шестой этаж, я распахнул незапертую дверь, отшатнувшись на всякий случай. Не зря, оказалось — дважды хлопнули выстрелы, и противно завизжал по лестничной клетке рикошет. Высунув автомат, я дал очередь на звук. Послышались стон и ругательства. Быстро проскочив мимо дверного проёма, я укрылся с другой стороны. Но это позволило мне рассмотреть лежащего на полу мужчину. У его ноги расплывалась лужа крови, причем быстро так расплывалась. Выглянув, я добил его трехпатронной очередью и скользнул в лифтовый холл шестого этажа. Заметив тень за углом, я громко сказал:

— Вас тень выдает, можете выходить, или гранату кину.

— Не стреляйте, мы безоружны, — сообщил кто-то.

— Выходите с поднятыми руками.

Неизвестные действительно вышли.

— Так, вас я знаю, а это что за хмырь, и почему о вас не было сделано записи в журнале учета? — спросил я, ткнув стволом автомата в толстяка с сигаретой во рту. Чем-то он Черчилля напоминал.

— Это Джон Ренни... — начал представлять нас замдиректора.

— О как? — ошарашенно воскликнул я, перебивая его. — Это я удачно зашел. Три магнитофона, три кинокамеры заграничных, три портсигара отечественных, куртка замшевая... три... куртки. Импортный директор секретной британской службы... три... директора.

— Я вас не понимаю, — нахмурился замдиректора.

— Сейчас поймете, а ну пошли в ваш кабинет, — пинками по пятым точкам придав скорость и направление, я покрикивал на них, чтобы не опускали руки.

Больше охранников у директора не было. Он сам подтвердил, что его всегда сопровождал один охранник, он же водитель. Но я всё равно крутил головой в разные стороны и укрывался за телами директора и его зама. Причем похожи они были, как Пятачок на Винни-Пуха. Естественно, я укрывался за тушкой Винни-Пуха-директора. Как телозащита самое оно. Фиг его тушку пули пробьют, застрянут в сале. Пока шли, я провел проверку на наличие оружия, обхлопав каждого — чисто. Вооружены они, как и те в зале, не были.

Некоторые коридоры были не освещены, поэтому мы шли в полумраке, но ничего. Дошли до кабинета директора вполне благополучно.

— Э-э нет, — протянул я, заметив, что директор направляется к своему столу. — Вон диван, садитесь на него. Руки сложить на колени... Во-о-о, смотрите, какие пай-мальчики. Теперь давайте поговорим.

— Нападение и убийство граждан Британии — это серьезное нарушение международных норм, — впервые подал голос директор, а то уж я думал, что он немой. На все мои вопросы с заминкой отвечал Маллихер, Ренни же хранил угрюмое молчание.

— А кто узнает-то? — хмыкнул я. — К тому же вы первые начали, нечего было минировать мою машину, на которой я с детьми езжу. Но это так, левая информация. Давайте поговорим начистоту. Вопрос к Брайану — ничего, что я так тебя называю? Все-таки возраст...

— Ничего, — осторожно подтвердил замдиректора.

— Честно говоря, я такую классную комбинацию начал разыгрывать, — пройдя к столу, я присел на столешницу, с интересом окинув кабинет взглядом. — Связался с ирландскими повстанцами, причем так, чтобы об этом стало известно вашим спецслужбам. И пока они устраивают засады и обеспечивают охрану Биг-Бена, который я за определённую мзду должен якобы взорвать, делаю дела с вами. Ведь и вы все силы бросите на поиск взрывника. Как же, вдруг одна из достопримечательностей столицы исчезнет в облаке взрыва? Но тут Нортон слегка спутал все планы. Вот и пришлось корректировать. Как видите, даже лучше получилось. Но при отходе я всё равно взорву что-нибудь. В воспитательных целях и чтобы отомстить вам за все те гадости, что вы делали нам. Нанесу, так сказать, удар по чувствам, уничтожив что-нибудь такое, что вы боготворите. Что — я еще подумаю.

— Посмотрим-посмотрим, — многообещающе проворчал Ренни.

— Ну да ладно, что будет дальше, вам, конечно, интересно, но я оставляю вас в неведении. У меня вопрос к замдиректора. Кто знает обо мне? Если ответ меня не удовлетворит своей честностью, получите пулю в колено.

Подняв «стен», я прицелился в левое колено Маллихера. Тот нервно сглотнул и, неуверенно посмотрев на директора, ответил:

— Я знаю, кто вы, читал дело. Узнал по фото, хоть вы заметно изменили черты лица. Что-то подложили под щеки?

— Хороший глаз у вас, Брайан. Это всего лишь две тонкие пластинки из моркови. Они изменяют черты лица и даже слегка голос. Вы продолжайте.

— Да, я вас хоть и с трудом, но узнал, но клянусь, как диппочтой материалы пришли ко мне, так они и хранятся в моем сейфе.

— Кто этот молодой человек? — холодно спросил директор.

— Это...

Но сообщить вслух свое имя я не дал, прозвучал одиночный выстрел из ПП, и колено директора разлетелось в клочья. Куда я целил, туда и попала тупоносая пуля «стена».

— Не советую лишний раз открывать рот, — спустя пару минут негромко произнес я, когда крики стихли и директор с бледным лицом, покрытым крупными каплями пота, откинулся на спинку дивана. Маллихер, выдернув из своего пояса ремень, накладывал ему жгут выше раны.

— Зачем?! Мы же сотрудничаем! — с яростью в голосе спросил Маллихер.

— Плохо сотрудничаете, плохо. Теперь давайте оставим директора в его кабинете и пройдем к вам, Брайан.

Мы прошли несколько кабинетов — я даже мысленно застонал от огорчения, сколько там секретов хранится — и попали в помещение, где заседал замдиректора. Пока разгорались лампы дневного света под потолком, я осмотрелся. Кабинет был не намного меньше, чем у директора, да и обставлен не хуже.

— Открывайте сейф, — велел я.

Маллихер подошел к книжной полке ряда шкафов и потянул за один из корешков. Щёлкнув, чуть отошла в сторону часть шкафа. Потянув за ручку сбоку, он отодвинул шкаф в сторону, и стала видна закрытая дверца сейфа.

— Как дверца чуть-чуть приоткроется, сразу же отойдите в сторону и сядьте на корточки вон в том углу. И без глупостей. У меня достаточно времени, чтобы сделать последние ваши минуты самыми страшными в жизни. Вспомните Ренни.

— Хорошо. Я... помню.

Быстро набрав код, он сделал несколько оборотов щелкающей рукояткой и потянул дверцу на себя.

— Я выполнил наш договор, — сообщил он, продолжая стоять у сейфа.

Указав ему на угол, я велел:

— Постой пока в углу, ты наказан. Дальше посмотрим на твое поведение.

Дождавшись, когда замдиректора выполнит мой приказ и сядет на корточки, я осторожно подошел к сейфу и, укрываясь за дверцей, открыл его настежь.

— Не заминировано, — удовлетворенно хмыкнул я, заглядывая внутрь сейфа. — О, и пистолет в наличии... Да еще снаряжённый? Ничего, нам всё пригодится. Что у вас тут на полках?.. Это я удачно зашел. Граждане, храните деньги в сберегательной кассе.

Сам сейф был размером полтора на метр. То есть полтора метра в высоту и метр в ширину. Он имел три полки, две были забиты пухлыми папками, именно на одной из таких папок и лежал пистолет, рядом кобура и боезапас, две пачки патронов даже были в бумажной обертке. Вот третья полка мне особо понравилась, а именно — пачками денег, английскими фунтами в новеньких банковских упаковках. Внизу были еще два небольших ящика. Причём закрытых.

— Где мое дело и где ключи от нижних полок? — повернулся я к замдиректора, который с интересом наблюдал за моими действиями.

— Все материалы по тебе находятся в той папке — на второй полке третья снизу. Зачем тебе ключи от этих ящиков? Ты получил всё, что хотел... Ключи у меня на связке, — быстро добавил Маллихер, когда я стал поднимать ствол автомата с самым зверским выражением лица.

— Кидай.

Тот повозился, доставая связку из кармана, и бросил ее мне. Открыв ящики, я осмотрел с десяток папок, по цене стоящих ой как много, и задумался, переводя взгляд на денежную полку и на ящики. Что брать?

— Сколько тут денег? — спросил я.

— Два миллиона фунтов стерлингов. Было два с половиной, но часть отправили наших агентам... дня три назад. Остальное пойдет в Германию и Францию для... работы.

Ответ был честным, и мне он понравился.

На секунду задумавшись, я скинул с плеча автомат, положил его на пол и стянул через голову свитер, после чего связал узлом рукава. Всё, импровизированная сумка готова.

— Так ты не только мстить пришел, но и грабить?

— Я прагматик. Одно другому не мешает, — пожал я плечами, бросая денежные пачки в свитер. Туда же отправились и все папки из секретных ящиков.

Свою папку я достал, бегло изучил и засмеялся в конце.

— Вот черти, ловко вам липовое дело подсунули.

— Оно не настоящее? — насторожился Маллихер.

— Скорее, изрядно подчищенное, — хмыкнул я, убирая папку в свитер. — Ладно, что в других материалах?

— В основном отчеты, они имеют некоторую важность, — нехотя ответил Маллихер.

— Список агентуры в разных странах?

— Всё ты это уже забрал. Списки агентур только по Европе и СССР, другие страны я не курирую.

— Ясно. Бери мешок и пошли обратно к директору, — подхватив автомат, велел я.

Пыхтя, Маллихер дотащил-таки мое ценное приобретение до кабинета директора и по моему приказу бросил всё у дверей. После чего мы прошли в кабинет. Ренни обнаружился лежащим на полу на середине пути между диваном и столом. Видимо, он пытался добраться до стола, где находился телефон и наверняка было оружие, но, видимо, не рассчитал силы.

— Ну нельзя же так, — с укором сказал я. — Вы ранены. Нельзя вам шевелиться. Сердце у вас хоть и крепкое, но может и не выдержать. Брайан, помогите своему начальнику вернуться на место.

Дождавшись, когда они вернутся на диван, я осмотрел стол и нашел-таки в одном из ящиков пистолет. Причем вальтер, точно такой же, как был у Бонда.

— Где сейф? — поинтересовался я, когда директор немного пришёл в себя и перестал хрипеть. — Если будете молчать, то я буду отстреливать части тела не только вам, но и вашему подчиненному.

— Джон, послушай его, этот парень на всё пойдет, — зашептал Маллихер, уговаривая начальника. Я дал ему время, и тот справился.

Директор указал где, а я заставил Маллихера убрать в сторону фальшстену и, по подсказкам директора, открыть сейф... потом второй. Оказалось, у Ренни их было два.

— О, и тут деньги, — радостно воскликнул я, заглянув в большой. — Прямо день благодарения и вручения подарков.

— Мы выполнили всё, что ты просил, — сказал неуверенным голосом Маллихер. Он прекрасно знал, что сейчас произойдет, но вся его сущность орала: «Не убивай, отпусти!»

— Да, и вам за это спасибо, — повернулся я к ним.

Прямо от бедра я выпустил в сидящих на диване британцев весь магазин. Практически не промахнулся с пяти метров, все пули попали, куда надо. Несмотря на то что убитые оплывали кровью, я подошел и произвел контроль.

А вот теперь надо работать в темпе. Конечно, в этом здании еще можно много чем поживиться, но я и так отхватил больше, чем рассчитывал. Как бы еще это унести. Пора заняться эвакуацией трофеев.

Сторожась, я вышел из кабинета и, подхватив мешок, побежал к лестнице, а оттуда уже вниз на первый этаж, где вернул питание лифтам. Спустившись в лифте на нулевой этаж, я осмотрел все машины и подошел к наиболее представительной — «Роллс-ройсу» темно-стального цвета. Видимо, директорскому. Кстати, я выяснил, почему не было записей о директоре и его охраннике. Внизу был свой журнал учета, там они и были записаны. Мне это Маллихер пояснил, утолив мое любопытство.

Забросив свитер с пачками денег в салон на пол у заднего сиденья, я побежал обратно. На посту охраны я забрал свою американскую куртку и поднялся на лифте обратно, после чего, заблокировав створки лифта, перетаскал все папки из сейфов Ренни и Маллихера в лифт. Причем забил так, что мне места едва хватило, нужно было грузовой брать. Деньги я взять у директора не забыл, да еще смог примерно прикинуть, сколько там. На глазок, явно больше, чем у Маллихера, ближе к трем миллионам. Может, даже больше.

Спустившись на нулевой этаж, я перетаскал всё в машину, так же заблокировав створку. Перетаскав и забив всё сзади папками, а багажник пачками с деньгами, я покачал головой в сомнении. Влезет ли всё в мой «жучок»? М-да, тару надо какую-то найти. В тот же оружейный кофр, что я принес от охраны, денег одна пятая часть влезет. Да и так кофр занят оружием и боезапасом — набрал бы больше, но арсенал я поленился искать. Нужно поискать, вернее покупать тару вроде чемоданов. Штук восемь на всё хватит — и на папки, и на деньги. Хотя насчет папок еще думать надо, куда их деть. Я их так прихватил, из жадности.

Запустив двигатель, я подогнал машину к воротам. Для открытия требовалось убрать установленный мной стопор и нажать на кнопку.

Оставив машину на ручнике работать на холостых оборотах, я пробежался по машинам, заглядывая в багажники и — о счастье! — нашел две канистры. Одна была полупустой, но другая — явно полной.

Времени совсем не оставалось. Я дал себе час на всё про всё, а прошло уже сорок пять минут, много времени заняло собирание и складирование трофеев, так что следовало поторопиться.

Я пробил клинком бензобаки у оставшихся трех машин и, пока бензин растекался по гаражу, на лифте поднялся на этаж начальства с полной канистрой и, вышибая закрытые двери, всё обливал. Полупустая дожидалась меня на лестничной клетке. Лифтом я благоразумно решил не пользоваться. Мало ли что.

Забежав на лестничную площадку, я прикрыл дверь, оставив щель. Достал зажигалку и обрывок рукава пиджака директора, оторванный мною для фитиля. Как только она разгорелась, я бросил рукав на лужицу бензина и захлопнул дверь, после чего подхватил вторую канистру, побежал вниз, перепрыгивая сразу через несколько ступенек. А наверху

было слышно, как загудело пламя, пожирая всё, что только можно. На пятом я провернул то же самое, для тяги даже окна открыл заранее и, прикрыв дверь, поджег, отшатнувшись от вставшего стеной огня. Ладно, успел укрыть лицо рукавом куртки и ногой захлопнуть дверь, а то бы опалило. Жаль, времени не было и приходилось работать так топорно. Спустившись в гараж, я откинул стопор и нажал на кнопку открывания дверей.

Как только ворота поднялись, я осмотрелся, держа наизготовку перезаряженный «Стен». Вроде было тихо, никто не орал и не ожидал меня с плохими намереньями.

Выгнав машину на улицу, я осмотрелся и задумался — как мне поджигать машины? Пары и вспыхнуть могут, опалив, что мне не надо было категорически. Огонь сверху вряд ли сюда доберется, даже если пожарные оплошают. Нет, тут надо озаботиться самому. Пришлось использовать тот же трюк, что и на шестом этаже. Сбегал в каморку и содрал с охранника его пиджак. Макнув тот пару раз в лужу бензина, я вернулся к выходу и, нажав кнопку закрытия дверей, поджег пиджак и, когда тот разгорелся, со всей силы бросил в сторону машин. Пламя с шумом метнулось вверх, но я уже выбежал на улицу и, запрыгнув в машину, рванул куда подальше. Ворота закрылись, отсекая огонь от улицы.

— Проблема, — пробормотал я. У горящего здания перекидывать вещи из машины в машину будет самой глупой затеей. Соответственно что? Нужно отогнать этот «Роллс» подальше и спрятать, а потом уже можно вернуться на такси за «жучком». Где-то так, но бросать подобную машину на улице, да еще набитую подобными ценными вещами, глупо. Только вот где ее укрыть? Я, честно говоря, этот вопрос не прорабатывал. Думал, и «жучка» хватит с лихвой.

Прибавив скорости, я поехал по улице мимо «жучка» и глянул, как он там. А в это время отдельные языки пламени уже вырывались из открытых окон, послышался свисток постового где-то неподалёку. Горожане заметили пожар.

Свернув на перекрестке, я проехал по одному из мостов, пересек Темзу и припарковал «Роллс» на свободное место среди других автомашин. Выбрался наружу и все деньги, что оставались в салоне, убрал в багажник, а папки с сидений сложил на пол и задернул занавески. До утра не обратят внимания, но все-таки за это время нужно будет перегрузить добычу и избавиться от машины. Благо отпечатков я нигде не оставил, работал в перчатках.

Спустившись по узкой улице, где я укрыл трофей, вышел на более широкий проспект и поднял руку. Буквально через минуту рядом со мной остановилось такси.

— Извините, мистер, — сказал таксист. — Я заканчиваю смену, надеюсь, ехать вам недалеко.

Сообщив адрес, я стимулировал водителя дополнительным фунтом. Так что он развернулся и поехал обратно. Когда я вернулся, здание полыхало, как свеча. Вот что значит грамотно разлитый бензин. Попросив таксиста высадить меня, я смешался с группой зевак, дожидаясь, когда такси с любопытным водителем отъедет. Правда, тот припарковался неподалеку и стал разглядывать пожар, а я перешел через проезжую часть — тут многие бегали туда и обратно — и, подойдя к «жучку», отпер его. Долго прогреваться мотору я не дал, достаточно быстро скрывшись в переплетении улиц.

«Вот набежали, на улице полночь, а им не спится», — подумал я про зевак.

Через двадцать минут, покатавшись по городу и убедившись, что хвоста нет, я подъехал к «Роллсу», который вполне благополучно дождался моего возвращения, и припарковался рядом. В «жучок» уместились все деньги, кофр с оружием, и даже для части папок места хватило.

Заперев «Роллс», я поехал на свою конспиративную квартиру. То есть на ту самую съемную малогабаритную берлогу. Все спали, поэтому я свободно прошел до своей квартиры с кофром в одной руке и мешком-свитером денег в другой.

Я сделал временный тайник. Проще говоря, поднял сиденье дивана — мебель сдавалась вместе с квартирой — и уложил пачки ровными рядами в отделении для вещей. Освободив кофр и свитер, я вернулся к машине и, возясь в ночной темноте, снова загрузил их. Еще две ходки — и я всё перенес в квартиру. Деньги заняли всё пространство в диване. Папки, что были со мной, пришлось сложить под кровать. Убедившись, что моя возня не привлекла ничего внимания — глубокая ночь, все спят — я запер квартиру и поехал обратно к «Роллсу» — нужно было перегрузить остальные папки. Жаль, что «Роллс» не подгонишь сразу к квартирному комплексу. Не тот район, чтобы там светила подобная машина, сразу внимание к себе привлеку. А «жучок» — это можно. Вон, полисмен по улице прогулочным шагом прошел, а на мою возню даже внимания не обратил, потому что надо соответствовать всему. Мелкие детали особенно важны.

В этот раз я загрузил «жучка» так загрузил, то есть всё забрал, что оставалось, даже просела машина. Бумага — она тяжелая. Но это нужная бумага. Отогнав «жучок» чуть в сторону и заперев его, я вернулся к «Роллсу», чтобы избавиться от него. В этом ряду стояли машины того же уровня, что и «Роллс», так что он в принципе не привлекал внимания, однако мне этого было недостаточно. Как избавиться от машины? Правильно. Оставить ее на улице с открытой дверью и с ключами в зажигании, да еще на такой улице, где она долго не простоит. Вот я и отогнал её в такое место.

Еще раз проверил, не забыл ли чего, оказалось нет, всё прибрал, и, оставив дверь открытой, поторопился вернуться обратно. На углу я обернулся и, выждав пару минут, увидел, как к машине подошли трое парней, быстро осмотрели, огляделись, запрыгнули и под рев мощного мотора скрылись в переплетении улиц.

— Вот и отлично, — улыбнулся я.

Такси мне так и не повстречалось, поэтому обратный путь пешком у меня занял почти час, да еще патрулю полисменов попался, благо они проверили мои документы и отпустили, козырнув на прощание.

К своей берлоге я вернулся в три часа, поэтому, не теряя времени, но как можно тише, раза четыре бегал в квартиру и обратно к машине с набитыми до пузатости кофром и всё тем же свитером. Повезло, никто так и не вышел и не спросил, что я тут так поздно делаю. После этого я отогнал «жучок» на соседнюю улицу — на всякий случай — и, вернувшись в квартиру, посмотрел на гору папок в крохотной гостиной. Придется повозиться, сортируя их по важности. Но это всё потом. Помотав тяжелой головой, я сходил в душ и лег спать.

До обеда мне нужно выспаться, так как до вечера потребуется сделать множество разных и важных дел.

Разбудил меня грохот в коридоре и негромкие матюги. Ошалело вскочив с кровати, я в одних трусах подскочил к двери и прилип к глазку. Там двое грузчиков в квартире напротив пытались вытолкнуть застрявший в дверном проеме диван.

«Разбирать надо было, придурки», — подумал я.

— Я тебе говорил, что не пройдет? Разбирать надо, не протащим, — повторил мои мысли один из грузчиков.

Отойдя от двери, я посмотрел на браунинг в своих руках и, поставив его на

предохранитель, почесал спину. Вернувшись в спальню, взял часы с тумбочки и посмотрел, который час.

«Десять с мелочью. А что, нормально. Вроде и поспал, и время есть заняться делами».

Подзарядив часы, я надел штаны и направился совершать утренний моцион, то есть умываться. Закончив с этим делом, приготовил на кухоньке легкий завтрак и, одевшись, вышел из квартиры.

— Добрый день, мистер Смит, — повстречался мне внизу домоуправ, который наблюдал, как уже знакомые грузчики возятся у полуразобранного дивана рядом с грузовиком.

— Добрый, — согласился я.

— Не заметил, когда вы вернулись.

— Допоздна работаю, поэтому и не видели. Даже пришлось часть работы взять на дом. Мистер Кленси, вы не могли бы вызвать мне такси, а то нужно съездить в магазин, а моя, что одолжил, у знакомого в ремонте. Подвеску повредил.

— Сейчас сделаем, мистер Смит.

Пока домоуправ ходил к телефону, я пронаблюдал за мучениями грузчиков. Закончив, они направились обратно — видимо, не всё притащили. Такси подъехало, когда мы с домоуправом болели за грузчиков. Причем чуть не ставки делали. Они притащили большой шкаф и теперь стояли и прикидывали, войдет он в машину или нет. Даже домоуправу было видно, что влезет только часть, и то небольшая. Вот мы и гадали, воткнут ли шкаф в кузов, или все-таки вторым рейсом. Жаль, такси приехало, надо будет потом узнать, как всё прошло.

На такси я прокатился по магазинам. Купил два больших чемодана с крепкими ручками и в лавке галантереи письменный набор с некоторыми мелкими предметами вроде бритвы, ластика, туши трех видов и растворителей. Кроме этого, мы заехали в один из парикмахерских салонов, и я приобрел два парика, как бы между делом сказав продавцу, что это подарок дяде с изрядной плешью. Заодно я зашел в автоматическое фотоателье — кабинку с сиденьем. Заходишь, приготавливаешься, кидаешь монетку, автоматически делается столько фото, за сколько заплатишь, и на выходе ждешь пару минут, пока аппарат внутри отпечатывает фото. Модная новинка, мне она очень понравилась. Я прошел внутрь, снял куртку и свитер, оставшись в одной рубашке, натянул рыжеватый парик и вставил в рот пластинки морковки. У меня их несколько заготовлено было, жаль только, быстро пожухли, но тут хватит. Когда было сделано фото, я вернулся к первоначальному виду и выбрался наружу, ожидая готовых снимков.

Получив снимки, я направился к выходу, где меня ожидало такси. Вернувшись на квартиру, я достал документы, что принадлежали британцам, и стал творить. Первый документ я, откровенно говоря, испортил, но он мне и нужен-то был для набивания руки, зато второй получился просто не отличимым от оригинала. Оставив его сохнуть, я занялся папками. На это у меня ушло более двух часов, где-то к двум я отобрал из всей макулатуры наименее важные бумаги и сложил всё в чемоданы. Попробовал поднять и понял, что придется часть выгружать. Тяжеловато, лишаюсь маневра.

Подобрав оптимальный вес, прибрался в квартире, чтобы убрать все явные следы моего присутствия, только чемоданы стояли у входа, и, одевшись, вышел из квартиры, как обычно — оставив метки на двери. Сходив за машиной, я поехал к вдове. Как это ни печально, но пора съезжать и подготовить хорошую легенду для этого.

Вдова не обрадовалась моему скорому отъезду, даже то, что решил не забирать плату — вроде как могу вернуться, пусть будет уже уплачено. Причину я нашел неплохую, мол, подрядчика всё удовлетворило, но в Японии будут строить сразу два наших завода, и меня перекидывают туда. Сюда же переводят другого инженера. Улетаю, мол, сегодня. Собрав вещи, я перенес их в машину (что-то много оказалось вещей) и, коротко, но бурно распрощавшись с Сивиллой, поехал к себе в берлогу. Хвоста не было, проверился. Я теперь постоянно проверялся, у меня это даже вошло в привычку.

Эвакуировать столько бумаги я не мог, да и опасно это, поэтому поступил проще, хоть и не совсем надежно, но должен был успеть. Вариант с лимитом времени подходил мне идеально.

Оделся, как джентльмен: в новенький костюм и пальто со шляпой, даже обувь сменил, после чего подхватил чемоданы и направился к выходу.

Свою машину я не брал, не по рангу было, поэтому меня ожидало такси. Был четвертый час, домоуправа не было — проверил, когда ходил вызывать такси. Он ушел по своим делам. Так что особо никто не смотрел на меня удивленно — что делает этот холеный прыщ в подобном комплексе, где разве что бомжи не жили.

Таксист помог мне погрузить чемоданы, и мы поехали с ним по нужному адресу, то есть в банк. Я не собирался вывозить документы. Зачем мне так палиться, когда для этого есть специальные люди. Одним словом, я собирался снять на месяц банковскую ячейку в любом банке, даже несколько, помня, сколько у меня материалов из британской штаб-квартиры. Оформлю всё так, чтобы мог любой забрать из ячейки, если у него на руках будет ключ и он будет знать определённый код. Для наших разведчиков эвакуировать своими каналами всё это не составит труда. Тем более я сообщу обо всем этом, только когда наша контора подчистит все службы от британских и частично американских разведчиков. Были в папках и такие, так называемые двойные агенты.

Так я и сделал. Мы доехали до банка, где швейцар помог внести чемоданы в банк и направил к нужному клерку, что занимался ячейками в банковском хранилище. Оформление много времени не заняло, клерк ничем не показал, что удивлен моим решением по безопасности хранения. Видимо, не я первый так действую. Потом мы спустились в хранилище, и мне открыли ячейку, оставив одного. Я быстро переложил все папки в эту ячейку и даже успел пожалеть, что мало нагрнул, свободное место еще осталось. Закрыв ячейку, я вызвал клерка, и мы вышли из хранилища. На квартиру я возвращался с пустыми чемоданами, ключом и листком бумаги с кодом. То есть пробная партия теперь покоится в хранилище банка под охраной. Британцы, если начнут шевелиться, конечно же, смогут узнать, что кто-то через день после их уничтожения открыл ячейку. Банковская тайна — это фикция. Но ведь я не один такой, так что им нужно будет перелопатить гору документов. Уверен, я всё успею. Неделю, максимум две с бумагами точно ничего не случится, после уже не поручусь. Тем более я знал, как отвлечь разведку от проверки банков. Нужно совместить приятное с полезным. Подорвать что-нибудь в столице, причем достопримечательность, как обещал британцам в их штаб-квартире, и постараться обойтись без жертв. Хотя как получится.

Ну что ж, осталось избавиться от остальных материалов британской разведки, но особо горячее, то, что жжёт мне руки, то есть списки агентуры, я пока думал — оставлять в банковской ячейке или рискнуть и взять с собой? Правда, без личных дел, только короткие выписки по каждому агенту, коды для связи и на чем его завербовали, ну и с какого года,

конечно же. Нашим командирам и этого за глаза хватит.

Всё-таки думаю брать. Как-нибудь спрячу. Как-то так. Деньги же я тоже не буду все убирать. Миллион оставлю в Англии как НЗ, посмотрим, что там и как, остальное заберу.

Одним словом первая разведывательная поездка закончилась удачно, поэтому отпустив таксиста, я вернулся к себе. На входе я приветливо кивнул домоуправу, который одобрительно посмотрел на мой прикид, и с удивлением — на чемоданы. Пришлось делать вид, что они не пустые, а нагруженные. Ведь через десять минут я пройду обратно.

Одним словом, я этим и занимался. К шести часам, до официального окончания работы банков, я заимел три ячейки, включая ключи с брелоками, на которых были написаны коды. Это всё, что я успел, завтра продолжу. Тем более документов осталось не так много, на небольшую ячейку, ну и деньги с оружием распахать тоже требуется. Один миллион и всё оружие, кроме одного пистолета, который сброшу перед отлетом. Я уже звонил и узнавал, сколько стоит нанять чартерный рейс до Италии. Точнее, в Рим. Я вроде как потяну по деньгам, хе.

Вечером я взялся читать газеты, что купил, прежде чем вернуться к себе. Никаких огромных статей на первой странице. Нашел упоминание в разделе происшествий, что загорелось здание такое-то, принадлежавшее такой-то фирме, есть жертвы. И всё. Хорошо работает разведка, информацию на сторону не выпустила. Видимо, кто-то из уцелевших замов Ренни подсуетился. Как бы он в правильную сторону копать не начал, чревато.

На следующее утро я проехался в последний банк, он был в одном квартале с другими, что я посещал ранее — чтобы нашим разведчикам не далеко было ездить. Там я положил на хранение остальные материалы, потом с деньгами поехал в пригород. И там положил чемодан с деньгами и оружием в самый лучший сейф. То есть закопал на метр в землю. Там же сжег своё дело и неудачный паспорт. В квартире жечь было опасно.

Потом я вернулся в столицу, проехал на квартиру и загрузил в чемоданы все вещи, что успели скопиться за это время, и понял, что надо покупать еще два чемодана. Не влезало всё.

Под американца я не переодевался, сейчас это опасно, поэтому сменил дорогое пальто на куртку, с костюмом она вполне шла, и поехал оформлять и оплачивать чартерный рейс до Рима. Проблем не возникло, тот же загранпаспорт, что у меня был на руках и которым я всё еще вынужден пользоваться, вполне подходил. Вылет сегодня в двадцать два часа, уже была подана заявка во все нужные службы и получен зеленый свет. Вечером отправлю в аэропорт свои чемоданы с вещами, потом к вылету подъеду с теми, что требуют охраны, и вылетаю в Рим. Таможня, как я выяснил, сунув служащему десять фунтов, вполне проходима, главное знать, как. Еще десять фунтов — и я узнал, как.

С остальным всё просто. Заодно узнал, что за самолет меня повезет. Оказалось, ничего себе так, вполне приличный турбовинтовой самолет. Дальности хватало без пересадок и заправок прямо до Рима.

Только после этого я отъехал и на тихой улице прямо в машине переоделся под американца. В принципе всё, что надо, я сделал, пути отхода подготовил. Значит, что? Значит, можно повеселиться. Если, конечно, ирландцы не подведут, тогда просто улечу. Времени оставалось мало, всего неделя как сбежал от родителей, и вернуться надо дня за три-четыре, чтобы моя болезнь, из-за которой я не выхожу из дома, не превратилась в фикцию.

Переодевшись, я поехал к знакомому пабу. Естественно, машиной я не светил, оно мне надо? Оставил ее в двух кварталах, после чего поймал такси и с шиком подъехал к пабу.

Лицо я также изменил еще в «жучке», говорил с явным американским акцентом. Да и старался лицом не отсвечивать. Не хотелось бы, чтобы у местных копов были мои, хоть и плохонькие фотографии.

Свалить можно было и так, как требовали чувства и знания разведчика, но хотелось громко хлопнуть дверью. Причем так, чтобы на страну, и особенно на меня, не подумали. В этот раз я вел себя иначе, чем в первый приход, укрывал лицо от взглядов. Это было не трудно, всего лишь делал вид, что болен. То есть боюсь заразить других, поэтому закрыл шарфом низ лица, периодически содрогаюсь от кашля. Хорошее прикрытие. Однако бармен меня узнал сразу, указал глазами на подсобку и отвернулся. Пройдя мимо, я попал в небольшой коридорчик и знакомым кодом постучал в дверь. Открылась смотровая щель, через секунду щелкнул замок, и дверь распахнулась.

— Камрад, — распахнув объятия, пошел мне навстречу старший ирландцев.

Позволив себя полатать — но так, чтобы пистолет был не обнаружен — был сопровожден к столу. В наличии прослушивающих устройств в комнате и агентов я не сомневался. Поэтому болтая всякую чепуху, причем на американском говоре, писал на листке, что мне действительно нужно. И что планы изменились из-за того, что ирландцы не смогли сдержать в тайне наши планы. Но зато в ответных письмах, которые сразу же сжигались, я узнал, где хранится запас взрывчатки. Без малого восемьсот килограммов. Правда, треть из них для гражданских целей и применений. Ну и ладно, динамит мне тоже пригодится. Ко всему я выяснил, что взрывчаткой занимались старший и его верный человек, то есть гарантию сохранения тайны он дал полную. Я сделал вид, что поверил. Вслух продолжая болтать и договорившись о сроках доставки мне праздничного торта с Биг-Беном, я раскланялся, громко благодаря за помощь в готовке торта к празднику жены, и поспешил отклоняться. Отговорка, конечно, туфтовая, но это так, для прикола.

Вот сейчас шпики, что нас слушают, удивляются, о чем шел разговор. Так что им придется дожидаться своих агентов. А старшему сопротивлению — вычищать среди своих людей британских агентов, чем тот и собирался заняться... Если успеет, конечно.

Попрощавшись, я вышел из паба и, продолжая прикрываться шарфом, изредка судорожно кашляя и чихая, направился вверх по улице. В кармане у меня лежал адрес складов, где стоял списанный армейский грузовик с партией взрывчатки и детонаторов, а за спиной шагало и ехало до полутора десятков специалистов наружки. Пешком идущих я насчитал семерых, остальные в пяти машинах, непосредственно сопровождающих меня. Так же и по параллельным улицам вроде как перекрыли все отходы. Ага, это они так думают. Пусть меня поймают в метро в час пик.

Когда наружка увидела, куда я направляюсь, то реально забеспокоилась.

Видимо, был отдан приказ на захват, потому что со всех сторон ко мне направились агенты, но они немного запоздали, я прибавил скорости и начал спускаться под землю, причем бегом. Понятное дело, мне не уйти — по их мнению, естественно. Но вот я так не считал. Можно воспользоваться паникой и свалить, это реально, поэтому добежав до турникетов, я перепрыгнул через один и, остановившись, развернулся, продолжая скрывать лицо, вскинул руку с пистолетом и четыре раза прицельно выстрелил. Три британца-агента упали, четвертый тоже схлопотал пулю, но не смертельную, так как успел среагировать и ушел в бок. Сложнее было стрелять так, чтобы не зацепить детей, были и они тут. Но вот то, что пули, пройдя тела агентов, еще кого-то подранили, — это было. Что ж, проза жизни. Бывает и такое.

После выстрелов, в метро возник шум и гам, крики, которые сливались в общую какофонию. Но мне это и было нужно, я вместе с другими пассажирами поезда добрался до перрона, причем в толчее сумел вырубить парня и содрать с него куртку и шапку. Парень остался у стены на полу. Надеюсь, его не затопчут.

Только, в отличие от остальных пассажиров, что рвались в стоявший электропоезд, забиваясь, как сельди в бочке, отчего одно стекло во втором вагоне под давлением вывалилось, я спрыгнул на пути и побежал в темноту. Фонарик для этого дела я приготовил заранее. Более того, еще и запасные батареи захватить не забыл.

Пока прочухают и всё перекроют, я свалю. Удалившись подальше, я достал фонарик и, подсвечивая им, поспешил дальше, по пути размышляя. Получилось всё, как и было задумано: есть адрес с машиной взрывчатки, которую надо, кстати говоря, срочно отгонять оттуда, пока ирландцев не раскололи, а их сейчас наверняка колют в пабе; потом уже проводить акцию возмездия. По собственному плану, я собирался взорвать Тауэрский мост, так как до Биг-Бена сто процентов не доберусь, спасибо стукачам у ирландцев. Да и дел там — загнать наштигованную взрывчаткой машину на мост и подорвать, так как ползать под опорами у быков мне просто никто не даст. Думаю, взрывчатки хватит, чтобы его повредить, задачи уничтожить не ставилось, да и не хватит взрывчатки-то. Что именно я буду взрывать, ирландцы, естественно, не знали, официально это был Биг-Бен, на самом деле другое. Но в любом случае по нашей договоренности они берут акцию на себя, как и уничтожение штаб-квартиры. Это я им намекнул воспользоваться ситуацией, пояснив в записках, кто работал в этом здании. У тех глаза на лоб полезли, но они охотно согласились подтвердить в этом свое участие. Им была нужна шумиха в прессе с отлично выполненными акциями против британского ига. Чтобы все об этом слышали.

Впереди появилось ответвление. Посветив фонариком вперед, назад и в само ответвление, я по рельсам понял, что туда не часто ездят. На основной трассе рельсы были отшлифованы до блеска. Кстати, пока шел-бежал эти пятнадцать минут, ни одного поезда не было. Видимо, действительно все станции как-то смогли перекрыть. Поправив трофейную куртку, что я держал подмышкой, свернул в это самое ответвление и побежал, шлепая ботинками по воде. Ладно, хоть высокие они, а то бы давно ноги промочил. И так стельки сыреть начали, да штанины до колен уже мокрые, но темп я не сбавлял, продолжая разбрызгивать воду из луж.

Буквально через пять минут я оказался у стоявшей мотодрезины с двумя рабочими. Я их услышал загодя из-за стука помпы, поэтому заранее выключил фонарик и смог подкрасться, чтобы пронаблюдать за работой. А вот эта самая работа была интересной. Они заделывали дыру. Из которой била мощная струя воды. Сама дыра была в стене с заметно старой кладкой. Заделывали они ее довольно просто — чурбачки забивали. Помпа, что работала с дрезины, исправно откачивала воду и по явно недавно кинутой трубе-шлангу подавала ее куда-то вверх по вертикальному колодцу. Мне такие колодцы регулярно попадались, но о том, чтобы подняться вверх, я пока не думал. Рано, я еще не покинул этот район.

Работа близилась к завершению, поэтому я подождал пару минут. Рабочие отошли от стены, придирчиво осмотрели ее и махнули рукой, вроде как пока сойдёт как временка. Потом они отключили помпу — она уже работала вхолостую, крикнули кому-то вверх, чтобы поднимали, и отсоединённый шланг пополз вверх. Когда рабочие начали садиться в дрезину, я подбежал и вскинул оружие.

— Не орать, — негромко велел я. — Садимся в дрезину и едем отсюда. Кстати, куда

ведет эта ветка?

Всё выяснилось, пока мы ехали. Оказалось, что эта ветка не действующая, используется ремонтными бригадами. Выясняя, чем это они таким занимаются, я неожиданно заинтересовался. На мой вопрос, как залить метро водой, они впали в ступор, но удар кувалдой по пальцам ног одного из рабочих мгновенно подействовал, и я стал обладателем архиважной информации. Более того, мне подсказали, как уничтожить и канализацию, и водопровод — и всё это одним ударом, то есть требовалось всего лишь взорвать шлюзы — и вода хлынет в метро, снося всё на своем пути. Доехав до этой самой плотины, где были шлюзы, я издали, не выходя из тоннеля на открытый воздух, осмотрел ее, чтобы служащие не заметили нас, и согласился, что рабочие были правы. Идеальный вариант диверсии.

— Извините, но я не могу оставлять свидетелей, — сказал я и дважды выстрелил. Из-за шума воды и в десяти метрах не слышно выстрелов, что уж говорить про рабочих, что находятся у шлюзов. Добив раненого, я сбросил тела с дрезины и отправил её обратно, после чего спрятал тела. Пусть попробуют их найти.

Прежде чем подняться, я надел трофейную куртку, а свою понес в руках. Выбравшись наверх, я осмотрелся и, поймав такси, велел везти меня на склады, сообщив адрес.

Добравшись туда, я осмотрелся. Было пусто. Достав пистолет, выстрелом сбил замок, после чего распахнул ворота старого обветшалого склада, осмотрел грузовик и, забравшись в высокую кабину, запустил двигатель. Выпустив большое облако черного дыма из выхлопной трубы, не дожидаясь прогрева, с дерганьями, я выгнал грузовик наружу и, приноровившись к управлению, направился к выезду.

Спрятать грузовик до темноты труда не составило — загнал на территорию порта и оставил его там. Этих грузовиков, списанных из армии, там ездило прилично. За несколько часов ничего не случится. Не забыл я проинспектировать кузов, удовлетворившись содержимым, после чего завязал брезент, как было, и направился к выходу. Поймав частника, я вернулся за «жучком». У меня еще много дел.

Переодевшись в машине и благополучно сменив имидж, направился в свою берлогу.

По пути в квартиру я таки приобрёл нужные чемоданы, поэтому в квартире собрав свои вещи, загрузил всё в «жука» и поехал в аэропорт — оставить багаж там. Самолет уже готовился, его выгнали из ангара. Поэтому пройдя регистрацию и таможню — последние бегло осмотрели меня, и их полностью удовлетворил мой представительный вид — я доставил багаж к самолету, куда он и был погружен. Не зря двадцатку отдал знатоку, а то мог бы провалиться.

«Уф, самое сложное в плане исполнено. Теперь самое легкое — и валим из этой страны», — подумал я, проходя обратно через таможенный терминал и выходя на стоянку машин, где и находился мой верный «жук».

После всего этого я поехал в город, где оставил машину неподалёку от Тауэрского моста. В машине же переодевшись и сменив имидж на американца, я запер машину и, поймав такси, направился в порт. Пора заканчивать со всем этим.

Грузовик благополучно дождался меня. Забравшись в кабину, я запустил двигатель и, прогрев его, выехал с территории порта и направился к окраине британской столицы, где и находились нужные мне шлюзы.

Охрана была из двух человека, и три служащих. Прикончив их до того, как они подняли тревогу, я перетаскал шесть ящиков с тротилом и заложил взрывчатку. Для детонации пришлось использовать динамит и бикфордов шнур. Отмерив шнура на пятнадцать минут, я

поджег его и со всех ног рванул к машине. Рвануло, когда я отъехал от шлюзов километра на полтора. Вода, не зная, куда ей деться, хлынула в единственное свободное отверстие — тот самый туннель, из которого я наблюдал за шлюзами.

Видеть, что происходит, я не мог, но когда проезжал мимо воздушного коллектора, то вверх ударила струя воды, показывая, что затопление метро идет полным ходом. Надеюсь, рабочие не ошиблись и заполнение метро будет постепенным, чтобы избежать больших жертв. Я надеялся на их профессионализм, но вот этот столбик воды ввел меня в сомнения. Это какой же был напор воды, что рванул по туннелям?

Уже давно стемнело, поэтому при свете фар я выехал на набережную и свернул к Тауэрскому мосту, по которому проезд грузовиков был запрещен. Машущий руками полицейский едва успел отпрыгнуть, когда я пролетел мимо и остановился посередине пролета между башнями. Не обращая внимания на проскакивающие мимо машины, выскочил на дорогу и поджег шнур, торчавший из кузова. Размахивая руками, тормознул легковушку, буквально бросившись ей под колёса. Прыгнув на заднее сиденье, я приставил к шее водителя ствол пистолета и крикнул:

— Гони!

Мы пролетели мимо поста на съезде с моста. Честно говоря, я не знал, что он был вооружен, поэтому неприятно удивился, когда по корпусу машины забарабанили пули. Быстро очухались, только останавливаться нам было нельзя, фитиль горел две минуты.

Вдруг машина вильнула, и я увидел, как водитель заваливается на руль. Пришлось брать управление на себя, благо он продолжал жать на педаль газа. На скорости мы повернули в одну из улиц, сбив столбик освещения, отчего разбилось лобовое стекло, и мусорный контейнер. И тут сзади рвануло. Семьсот кило взрывчатки — это семьсот кило взрывчатки.

Нас спасли тесно стоявшие дома улицы, по которой мчалась плохо управляемая машина, так как мне приходилось не только держать руль, но и придерживать заваливающееся тело. Свернув в очередной раз, я дотянулся и заглушил двигатель, поставив на нейтралку и потянув ручной тормоз, однако «жучок» мы проскочили. Дальше я вывалился из машины, оставив тело погибшего неизвестного водителя в салоне, и побежал к «жуку». В это время следом за нами выскочила полицейская машина. Возможно, они преследовали нас, только я, борясь с управлением, этого не заметил. Так вот, они выскочили, но я их уже ждал, держа пистолет наготове, и посылал пулю за пулей в лобовое стекло преследователей. Те внезапно резко свернули, машина перелетела с громким хлопком лопнувшей крышки через бордюр тротуара и врезалась в стену дома. Через лобовое стекло вылетело тело в форме полисмана и застыло на изуродованном капоте. В салоне еще кто-то шевелился, поэтому сменив магазин, я продолжил огонь на добивание. Только выпустив второй магазин, я подбежал к «жучку» и сел за руль. Всё, теперь пора рвать в аэропорт. А лучше переодеться, утопить так хорошо мне послужившую машину — моего боевого друга, и на такси добраться до аэродрома, благо до вылета оставалось всего два часа.

Так я и сделал. Отъехал подальше, поглядел на зарево в той стороне, где находился мост. Поудивлявшись, что же там горит, мост же каменный, я переоделся в дорожную одежду и столкнул «жука» с набережной в воду. Одежда американца, утяжеленная камнями, отправилась следом.

Через час я был в аэропорту и прошел на борт нанятого самолета. Еще через час мы были над Ла-Маншем. При пересечении границы я вздохнул спокойнее и прикрыл глаза. Лететь тут чуть больше часа, вздремнуть не успею, да и не надо мне этого. Сразу после

посадки в Риме — в такси и на вокзал, откуда в полночь идет скорый до Парижа. Это я в путеводителе посмотрел, где были расписания поездов Европы. Всё рассчитано. А почему в Рим? Так пусть ищут, куда я делся, если, конечно, вообще искать будут. Заметаю следы, как говорится. Ладно, там видно будет, а пока можно отдохнуть, расслабиться.

«О, так тут бар есть? Можно отметить удачное завершение приключений в Британии», — мысленно хмыкнул я, доставая из бара пузатую бутылку.

Налив себе полбокала бренди, я отхлебнул и усмехнулся. Действовал экспромтом, а видишь, получилось. Авось — наше всё.

* * *

Всё получилось, как я и надеялся. Самолёт благополучно сел в римском аэропорту, сонные таможенники бегло осмотрели меня, покосились на чемоданы из настоящей крокодиловой кожи, посмотрели загранпаспорт и поставили печать. Ни один не заглянул в багаж, только спросили, везу ли я что-нибудь запрещенное. Я честно ответил, что нет.

Если посмотреть со стороны итальянцев, то что они видят? Очень дорого одетый молодой человек, умеющий носить явно на него сшитую одежду, слегка высокомерный вид и деньги — от меня прямо пахло деньгами. Какая контрабанда? Даже смешно говорить. Одним словом, мне поставили печать и благополучно дали возможность покинуть здание аэропорта. Даже тележку для чемоданов подкатили, правда носильщиков не было, поэтому за пару фунтов один из таможенников помог мне донести вещи до свободного такси. Сервис, однако.

Честно скажу, я не особо волновался, что итальянцы заглянут в чемоданы, у меня была справка одного из британских банков о том, что эти деньги сняты с их счета, который я якобы закрыл. Британские таможенники на раз бы вскрыли, что это фальшивка, но итальянским этого бы точно хватило. Главное, чтобы они стенки чемоданов не простукали, где я спрятал документы. Но мой вид и чартерный рейс, не слабое, надо сказать, удовольствие, дали им понять, что путешествует богатый турист. Да и проверяли они багаж выборочно, наблюдая за поведением некоторых пассажиров. Нервничает? Лицо в поту? Нервный тик? Ату его!

— Куда, мистер? — спросил таксист на плохом английском.

— Колизей, — ответил я с сильным американским акцентом.

— Ясно, сэр, — тут же поправился тот.

За полчаса мы неторопливо доехали до здания древнего амфитеатра. Несмотря на ночь, Колизей освещался, и по площади гуляли если не толпы, то достаточное количество туристов, что означало, что и ночью Рим живет своей жизнью. Надо сказать, Рим ночью довольно красив.

Остановились мы по моей просьбе слегка в стороне от Колизея. Там таксист еще раз уточнил, именно ли сюда мне нужно — точно не в отель? Удовлетворился моим объяснением, что я жду друга, что мы договорились встретиться здесь, вернулся в машину и отъехал. На моих глазах он забрал шумную компанию туристов в семь человек, и с криками и торчащими из окон руками — в некоторых были зажаты бутылки — уехал в сторону центра.

— На наших туристов похожи, — пробормотал я, провожая машину взглядом. В это

время подъехал автобус и забрал большую часть гуляющих. Минут через двадцать к Колизею подкатило такси и высадило пассажиров — молодую парочку. Водитель, заметив мою поднятую руку, развернулся по площади и по большому кругу подкатился ко мне, с шиком затормозив.

Он вышел из салона, что-то быстро треща, подскочил и стал грузить чемоданы на багажник, причем на крышу. Это была незнакомая мне модель машины, нормального багажника у нее не было, вроде как у нашего четырехеста первого москвича.

— Куда господину надо? — поинтересовался водитель, помогая мне сесть в салон, придерживая дверь.

— На железнодорожный вокзал Термини. И поторопись, голубчик, — ответил я также на итальянском. Правда, коверкая язык, как будто плохо говорю на нем.

— Хорошо, сэр, — признал во мне американца таксист.

Доехали мы действительно быстро. Водитель помог погрузить багаж на тележку подскочившего носильщика, после чего получил плату с щедрыми чаевыми. После этого я направился с носильщиком к кассам, где купил билет на Париж. Прошел регистрацию и направился к нужному перрону, куда уже был подан состав. Я выкупил полное мягкое купе, и устраивался в нем. Один чемодан был перенесен в купе, остальные в багажный вагон, в результате чего я получил квитанцию за перевоз багажа.

Можно было бы, конечно, и весь багаж везти в своем купе, но это уже подозрительно, и одного хватит за глаза. Надеюсь, на итальянских и французских железных дорогах не воруют, а если даже воруют, то до моих чемоданов не доберутся. Хотя сомневаюсь, что там, кроме моих, есть еще чемоданы, обшитые крокодиловой кожей.

Наконец состав, дернувшись, начал движение, а я закрыл занавески, спокойно подождал, пока проводник расстелет белье, заплатил ему чаевые и лег спать.

Разбудили меня только раз, когда пересекали границу. Сперва вошли итальянские пограничники, потом французские, но я уже не спал. После этого поезд продолжил движение уже по землям Французской республики.

Как я и просил, разбудил меня проводник за час до прибытия на Лионский вокзал.

Услышав стук в дверь, я поднял руку, посмотрел, который час, и открыл дверь.

— Да, я проснулся, — подтвердил я, совершенно не обращая внимания на то, что был в одних трусах и майке. Проводника это тоже не смутило.

— Чаю? — поинтересовался он.

— Было бы неплохо, — согласился я.

— Сейчас принесу, месье.

Я оделся и, открыв небольшую дверцу сбоку в купе, прошел в крохотный санузел, где сделал все свои житейские дела и умылся. В общем, привел себя в порядок.

Как и было сообщено в путеводителе, поезд прибывал на Лионский вокзал в полчетвертого, затрачивая на дорогу около четырнадцати часов. Планы у меня были, и эти планы нужно было реализовать сегодня, несомненно сегодня. Потом займусь личными делами. Узнаю, как дела у моих юристов, и можно отправляться домой, максимум дня через три я буду в Киеве.

После чая я переоделся в чисто белье, проверил, собран ли чемодан, и когда поезд прибыл на вокзал, сдал, можно так сказать, купе и направился на выход.

Когда носильщик доставал мой багаж, выданный служащим согласно квитанции, я внутренне радовался, что тот был цел. Проверил замки и велел грузить на тележку.

Носильщик же и бегал за такси, пока я охранял чемоданы, он же и грузил все вещи в багажник, за что получил щедрую плату.

— Куда, мистер? — поинтересовался водитель. В этот раз я говорил на французском с британским акцентом, да еще вставлял английские словечки.

— Вы знаете хороший пункт проката автомобилей?

— Да, мистер. Тут есть один неподалеку, и выбор неплохой.

— Хорошо. Отвезите меня туда, — велел я.

Через полчаса машина припарковалась у большого ангара и небольшой площадки под открытым небом.

— Это здесь, мистер. Мне вас ждать?

— Нет, голубчик, выгрузите багаж — и можете ехать по своим делам.

Таксист выгрузил багаж и перенес его к будке охранника на въезде. После чего получил плату и уехал, а ко мне подошел местный работник, что с интересом наблюдал за нашей выгрузкой.

— Месье? — привлек он мое внимание. Оторвавшись от изучения машин, представленных на открытой площадке, я спросил уже на чистом французском:

— Мне нужна недорогая машина примерно на два-три дня. С большим и вместительным багажником. Что вы мне посоветуете?

— Могу предложить вот это «Рено» — хороший вариант для поездок.

Указал он мне на неплохой автомобиль, но мне понравился другой, что стоял рядом.

— Это что за модель? — спросил я, указав на него.

— Это «Рено-четверка». Довольно популярный среди жителей Парижа городской автомобиль особо малого класса. Переднеприводный.

— Он меня устраивает.

Менеджер по прокату, конечно, удивился моему загранпаспорту, но всё оформил за пять минут, даже не спросив про права, только взял залог, и всё. Он же мне помог загрузить чемоданы в багажник. Машина к этому времени уже прогрелась, да и механик заправил ее под пробку по моей просьбе. Отъехав от пункта проката, я переоделся прямо в салоне — перестав быть джентльменом, превратился в паренька в простой одежде. Убрав одежду на заднее сиденье, я поехал по магазинам. Купил в охотничьем магазине термос, спальник и лопату. И только после этого направился за город.

Через два часа выяснилось, что чемодан с миллионом франков сохранился, даже банкноты не пострадали, что уж говорить о документах, то есть чистых бланках для них, которые я тиснул в британской штаб-квартире.

Там же я сел за оформление документов. Фото у меня было заготовлено заранее, а инструмент для подделок — тот самый, которым я работал в Лондоне, находился в одном из чемоданов. Через час у меня были внутренние французские документы, паспорт и права, а также новенький загранпаспорт на имя Мишеля Делона, жителя Марселя. Все фото естественно, не с моей личностью, а в парике и с легкими изменениями черт лица с использованием подручных гримирующих средств. То бишь морковки.

Только после этого я поехал обратно в Париж. Вторую закладку я решил не трогать. Оружие мне было особо не нужно, в этой закладке был браунинг со сбруей и двумя запасными магазинами — вполне достаточно, да и в Булонский лес лезть не хотелось.

Документы Жана Тревунье я сжёг прямо там, у выкопанного схрона. Всё, этот вынужденный образ умер, появился новый.

В Париже я недолго крутился по улицам. Банально заехав в книжный магазин, купил телефонную книгу. Найдя нужного человека, я проехал по адресу. Было шесть часов вечера, поэтому ждать долго не пришлось. Нужный мне офицер, в гражданской одежде, появился в полседьмого. Это был Жак Девон. Еще когда мы тут ловили маньяка, он краем касался нас, да и то помогал противодействовать британцам, которых люто ненавидел, и готов был им напасть в любом виде. Как я слышал, работал он в военной разведке, в нашем случае был куратором, наблюдал за британцами. Я с ним фактически не пересекался, но пару раз видел. Знаю о профессиональной памяти подобных людей. Не стоит и сомневаться, что он меня узнает, поэтому придется воспользоваться маской. То бишь шарфом.

Отъехав от дома контрразведчика, я подъехал к ближайшему телефону-автомату и позвонил ему на квартиру.

— Да, я слушаю, — услышал я женский голос. Придав речи британский акцент, я попросил к телефону господина Девона.

— Слушаю, — буквально сразу услышал я.

— У меня есть важные сведения для французского правительства. Но я боюсь обращаться официально, вот если передам их вам, и вы разоблачите тех людей, что виноваты в майском выступлении студентов и ряде трагедий, где произошли массовые жертвы, то я надеюсь, что об этом узнает весь мир. Я бы хотел встретиться с вами немедленно.

— Где и когда? — мгновенно сориентировался Девон.

— Выйдите из дома и идите вверх по улице, я вас подберу. Не надо делать глупостей. Хорошо?

— Да, я выхожу.

Вернувшись к машине, я быстро скрутил номера (было уже темно, и прохожие не обратили на меня внимания) и покатыл обратно. Полковник уже вышел из дома и прошел метров двести, когда я его догнал и посигналил.

Он тут же подошел к остановившейся машине и сел рядом со мной, с интересом поглядев на закрытое шарфом лицо.

Ехали мы недолго. Буквально на следующем повороте я припарковался и, не глуша двигатель, протянул папку, которая до этого находилась между мной и дверью.

— Это британские агенты в вашем правительстве и силовых службах. А также подборка работ британцев на территории республики, и какие акции они проводили. Изучите пока, — подал я ему папку.

Тот буквально выхватил ее из моих рук, чуть перчатку с руки не содрал. Включив плафон под крышей, он стал читать, а я опасливо огляделся. Мало ли, гуляющие увидят водителя с закрытым лицом. Что они подумают?

Полковнику хватило десяти минут, пару раз во время чтения он крепко выругался, потом отложил папку в сторону, явно не собираясь мне её возвращать, и спросил:

— Это ведь не всё, я так понимаю?

— Не всё, — согласился я, выключив потолочный плафон. — Я бывший британский агент разведки. Скажу честно, меня предало начальство, в результате чего я должен был погибнуть, но я выжил. Чудом, но выжил. Я решил отомстить и сделал это. Связался с ирландскими повстанцами, группой «Черный Четверг», и сдал им нашу главную штаб-квартиру. Во время штурма, по странному стечению обстоятельств, на рабочем месте оказался наш новый директор, которого я плохо знаю. Он выдал ирландцам все материалы по работе разведки в Европе. Ирландцам эти материалы были не нужны, и они отдали их

мне. Часть вы изучили, другая находится в не особо надежном месте. В ближайшее время британская разведка вычислит тайник и изымет его, устроив засаду. Но два дня у вас есть, чтобы забрать материалы и поднять шумиху в прессе и через дипломатические каналы.

— Ирландское сопротивление «Черный Четверг» было уничтожено британцами семь лет назад, — проявил осведомленность Девон.

— Это они так думают, но «Черные» возродились. Это факт, который они теперь вынуждены будут официально признать.

— Это не они провели несколько акций в Лондоне вчера?

— Вы о чем? — заинтересовался я. — После уничтожения штаб-квартиры я почти сразу покинул Британию на рыбацьем судне.

— Были проведены диверсии. Полностью затоплено метро Лондона, жертвы предположительно исчисляются тысячами, но пока устанавливают точно. Также был подорван один пролет Тауэрского моста. Он пострадал достаточно сильно. Там погибло чуть больше сотни.

— Не в курсе, — задумался я, делая вид, что что-то припоминаю. — Но это точно «Черный Четверг», я слышал, что они планировали несколько крупных акций. Но каких, не знал.

— Что вы хотите за эту информацию?

— Я хочу уйти на покой. Мне нужны деньги. Кроме того, в тайнике есть материалы по работе британцев в Италии, я хочу, чтобы итальянцы приняли участие в обливании грязью Британии, когда получают документы из тайника. Я надеюсь на ваши совместные действия. Думаю, к этому подключатся и другие страны. Да и вам так будет легче.

— Желание приемлемо, но я не слышал сумму.

— Пятьсот тысяч франков.

— Реальная сумма, — согласился полковник. — Где гарантии, что вы нас не обманываете?

Достав из кармана заранее заготовленный ключ, я протянул его полковнику.

— Это ключ от банковской ячейки. Забрать то, что находится в ячейке, может любой, главное — иметь ключ и сообщить код-пароль. Название банка и код написаны на брелоке. Там материалы по Франции и Италии. Привлекать людей из вашего посольства в Лондоне не советую, в папке указаны лица, что завербованы британцами.

— Да, я читал. Это всё?

— Второй ключ от ячейки я передам вам завтра, в обмен на деньги. Адрес с местом встречи я назначу вам по телефону, который вы мне сейчас сообщите.

— Да, конечно, записывайте.

Записав, я сказал:

— Если я не позвоню — значит, я мертв. Плохое предчувствие у меня. Было такое же в Левоне, перед тем как схлопотал пулю. Чую, бывшие коллеги где-то рядом.

— Нужна помощь? — забеспокоился полковник.

— Сам справлюсь, — отмахнулся я. — Завтра ждите звонка.

— Хорошо.

Девон вышел, а я тронулся с места и скрылся за ближайшим поворотом. Содрав шарф, я расхохотался. Понятное дело, я развел полковника. Нет, все материалы настоящие, и в ячейке действительно то, что им нужно для выставления претензий к британцам. Там в бумагах действительно много грязного белья... очень грязного белья. Хрен те теперь

отмоются.

Причина смеха была в том, что обманул я его про вторую ячейку и то, что приду за деньгами. Пусть французы думают, что британцы зачистили героя, который пошел против системы. Но это еще не всё, у меня были и другие планы.

Остановившись на очередном повороте, я нашел, где припарковаться, и только после этого направился к телефону-автомату. Набрав номер советского посольства, я попросил к телефону Алекса. Говорил я также на французском, но всё с тем же с ужасным британским акцентом.

— У телефона, — услышал я знакомый голос.

— Помните встречу на Эльбе? Будьте там через десять минут.

— Понял, — после небольшой заминки ответил Алекс. Положив трубку, я вернулся в машину и поехал к перекрёстку, где мы с ним пару раз встречались, еще когда я ловил местного маньяка. Рядом было кафе «Эльба», поэтому мы со смехом и назначали встречу на Эльбе. То есть на перекрестке рядом с кафе.

Алекс прибыл один, в машине, кроме него, никого не было, да и слежки я не заметил. Когда он вышел из машины, я мигнул фарами.

Заметив это, он направился ко мне и занял место, где всего сорок минут назад сидел Девон. Дальнейшее фактически повторило то, что было с полковником, только, в отличие от последнего, этот разведчик меня знал. Но тут приходилось рисковать из-за лимита времени.

— Здорова, — протянул мне руку Алекс. — Спрашивать, какого ты тут делаешь, не буду. Выкладывай быстрее. У меня через полчаса совещание. Там и посол будет.

— Значит, так, вводная информация. Я тут по делу партии, поэтому меня тут нет, ни официально, ни неофициально. Сейчас я нахожусь в Союзе, и сотни людей это подтвердят. Надеюсь, это понятно?

— Да понятно-понятно, — нетерпеливо отмахнулся Алекс. — Что я, без понятия?

— Короче, на меня вышел опальный британский агент, бывший разведчик из СИС. Так вот, он участвовал в нападении и уничтожении британской штаб-квартиры. Что точно там происходило, я не знаю, но британец за пятьдесят тысяч франков, что мне были выданы на представительские расходы, продал мне информацию. Причем сногсшибательную информацию. Как тебе — все завербованные британские агенты на территории Союза и в наших посольствах?

Алекс завожился, предчувствуя, что информация будет бомбой.

— Ну, давай, не томи, — поторопил он меня.

— Ты же на совещание с послом опаздываешь, — напомнил я ему.

— Да пошло оно на хрен, это совещание, и посол следом! Выкладывай! — взорвался Алекс.

— А что выкладывать? Читай, прямо из сейфа замдиректора СИС, — взял я папку которую заранее положил между собой и дверцей.

Алекс схватил ее и повторил движения полковника. Сперва включил плафон под потолком, а потом впился в списки завербованных агентов, шурша листами.

На изучение ему понадобилось почти полчаса, француз был быстрее.

— Это всё? — нетерпеливо спросил Алекс.

— Нет, это просто для затравки, что мне передал британец, — выключив потолочный плафон, ответил я. — Вот это три ключа от банковских сейфов с адресами банков и кодами доступа в Лондоне. То, что находится в ячейках, забрать может любой, кто имеет ключ и код

доступа.

— Получше места не могли найти. А если их уже забрали?

— Не ко мне претензии, я только посредник. Хотя не думаю. Но больше двух дней я бы не дал. Поэтому поторопитесь. Наших в посольстве не привлекайте — как ты читал, там есть британские агенты. И поторопитесь опустошить ячейки.

— Да наши там уже к утру будут, к моменту открытия банков, тут не волнуйся, я подсучусь. А про ссучившихся я уже читал, — посмотрев на ключи на ладони, сказал Алекс. — В этом есть проблема.

— Что такое?

— Один из двух, что работают на британцев, со мной в плотном контакте, участвует в проводке грузов через наш тайный канал.

— Действительно проблема, — согласился я, задумчиво наклоняясь вперед. — Мне нужен его адрес.

— Ты хочешь его?.. но... — после долго молчания Алекс глухо сказал: — Да, похоже, ты прав, другого выхода у нас нет.

Когда я записывал адрес посольского, Алекс спросил, нужно ли мне что-нибудь еще. Подумав, я достал загранпаспорт и дал его Алексу.

— Нужно разрешение от нашего посольства на пересечение границы.

— Работа, туризм? — деловито поинтересовался Алекс, листая паспорт.

— Туризм, конечно.

— Сделаем, — убрав во внутренний карман куртки загранпаспорт, пообещал Алекс. — Теперь насчет денег. Пятьдесят тысяч я могу достать только завтра утром, чтобы возместить тебе затраты и не подставить перед бухгалтерией.

— Приемлемо, — согласился я.

— Что мне сказать нашим, которые получают доступ? Откуда информация?

— Скажешь, что тебя остановил неизвестный британец, который всё и передал. Лица не видел, невысокий, сухощавый, говорит на французском с акцентом. Причем, что немаловажно, с британским. Признался, что бывший агент СИС, участвовал в нападении на штаб-квартиру в Лондоне. За услуги просит те самые пятьдесят тысяч, так ты их мгновенно спишешь. Всё. Он мне то же самое сказал, так что не думаю, что будет плохо, если это по нашим каналам пройдет.

— Нормально. Годится.

— Запомни, обо мне даже чтобы слова не мелькнуло. Знать должен только ты, понял?

— Сам знаю... Насчет нашего общего знакомого... Когда его?..

— А что?

— Так я сейчас передам списки. Его могут немедленно арестовать.

— Он сейчас на работе?

— Нет, вот уже второй день болеет, простыл. Дома лечится. Его наш врач навещает.

— Езжай и передавай смело.

— Понял.

Попрощавшись с Алексом, я вышел из машины, проводил взглядом его «Ситроен», отъехавший и скрывшийся среди улиц, и направился в «Эльбу». Сейчас поужинаю и решу проблему с ссучившимся посольским. Таких свидетелей нужно убирать в любом случае. Главное, чтобы он не попал в руки к нашим. Не хотелось бы, чтобы канал накрылся, то есть о нем узнали те, кому этого знать не надо. Тут не только голова Алекса полетит, но и многих

других.

Вечером, в девятнадцать часов по местному времени, в кафе хватало посетителей, но мне место нашлось. Подождав, когда подскочивший официант начнет стряхивать пылинки, я посмотрел на стоявший рядом стул и, заказав плотный ужин, взял с него газету. Она была свежая, сегодняшняя. И естественно, на первой странице — трагедии, произошедшие в Лондоне. Судя по всему, британцы или по возможности секретились, или корреспондент имел мало информации, но что мне нравилось, он буквально упивался тем, как пострадала Англия, вернее какую ей отвесила оплеуху ирландская ИРА, которая официально была объявлена виновницей всех этих диверсий, приведших к гибели множества простых граждан.

— Так я и думал, мало информации и много чувств. Надо завтра почитать газету, вот там будет больше конкретики, и обстановку опишут уже более детально, — пробормотал я и, приняв у официанта принесенный ужин, сразу же попросил счет и стал быстро есть, положив газету на место. Ничего интересного я там не нашел, только было сказано, что помощник взрывника, совершившего диверсию на Тауэрском мосту, местный житель, найден мертвым в своей машине. Это всё. Больше никакой конкретики не было.

Из кафе я вернулся к машине и поехал по адресу. Как выглядит объект и обстановку его квартиры, Алекс, не раз там бывавший, мне описал подробно, поэтому искать долго не пришлось. Я подъехал к домовому комплексу неподалёку от посольства, осмотрел его на ходу и свернул за угол — ставить машину у входа несусветная глупость.

Заперев машину, я направился ко входу. То, что в «Рено» без охраны остались огромные деньги, которые мне пока просто некогда было прятать, меня не беспокоило. Не будет меня минут десять максимум, успею вернуться, хотя, конечно, угонщики всякие бывают, но это как повезет.

Поднявшись на третий этаж, я пропустил на лестничной площадке попавшихся мне навстречу местных квартиросъемщиков — пожилую пару, и направился по коридору, поглядывая на номера квартир. Нужная мне оказалась второй за углом справа. Постучавшись, я стал ожидать.

— Кто там? — по-французски спросили у меня.

— Я от Алекса с посылкой, — по-русски ответил я.

Дверь открылась, я сразу опознал объект по словесному портрету и нанес молниеносный удар в горло. Оно хрустнуло. Хрипя, объект сделал несколько шагов назад и повалился на спину, а я, прикрыв дверь, прошел следом и нанес добивающий удар, после чего спокойно спустился на первый этаж, вышел на улицу и направился к машине. На сегодня хватит, а вот завтра думку будем думать, куда деть столько денег. Думаю, нужно поступить так же, как и в прошлый раз — просто закопать, пожертвовав для этого один из чемоданов, только закапывать придется на метр — для большей сохранности, а то и больше. Ничего, сделаем.

Вернувшись в машину, я отъехал на параллельную улицу. Прикрутил обратно номера и направился к выезду из города. Снимать комнату я посчитал опасным делом, след какой-никакой. Ничего, в машине переночую, несмотря на заморозки, не зря же я спальник купил.

Отъехав от Парижа километров на двадцать, я задумчиво посмотрел на придорожную заправочную и небольшой отель.

— А что, можно и тут переночевать.

Через час после душа я уже посапывал на свежем белье в небольшой кровати. Все

четыре чемодана стояли у входной двери, даже стальной дипломат с франками, а пистолет был под подушкой. Подстраховался, одним словом.

Утром я позавтракал в кафе рядом с отелем и поехал дальше. Мне до обеда нужно избавиться от денег. Вон, франки два с половиной года в земле пролежали, и хоть бы хны, так что будем копать, проверка прошла успешно.

Плохо было то, что жили в предместье Парижа довольно скученно. Пока не нашел небольшой лес и не убедился, что никого нет рядом, не успокоился. Потом я три часа копал полутораметровой глубины яму, куда положил чемодан, набитый фунтами, и дипломат с франками. Пистолет я оставлять не стал, решив — пока пусть будет со мной. Мало ли. Закопав и замаскировав схрон, я еще раз пробежался, не было ли свидетелей, и, вернувшись на дорогу, поехал в Париж. Вернулся я как раз к обеду, поэтому доехав до центра, стал искать место для парковки, чтобы пообедать.

Такое нашлось на пересечении улиц. Припарковав машину неподалеку, я купил три разных газеты в киоске и, заказав обед, стал их изучать, пока официант ходил за заказом. В этот раз конкретики действительно было больше. Число жертв в лондонском метро уменьшилось с шести до полутора тысяч, да и то половина являлись работниками разведки и полиции, которые в метро искали спрятавшегося там пособника ИРА, остальные — это были те, кому не повезло. Паника была в метро огромная, давка. По словам экспертов, восстановление метро по стоимости близко подходило к годовому бюджету страны. Такие были разрушения в остававшемся затопленным метро.

А вот на мосту действительно было много жертв и раненых. Уже известно, что погибло более девяноста человек и около семисот получили ранения разной степени тяжести, в основном от разбитых взрывной волной стекол. А не фиг было выглядывать из окон, когда пальба у моста началась.

Арестованы члены ирландской ИРА, ведется следствие. Хоть немного, но информацию я получил. В одной из газет я нашел статью того самого корреспондента, что писал вчера.

Для таких людей я оставил пару листов из архива Ренни, как доказательства действий британской разведки. Осталось сделать фотокопии и отослать их по адресам всех газет, и особенно этого корреспондента, уж он точно не упустит возможности облить пострадавших британцев грязью. Еще и станцует на их могиле.

После обеда я купил четыре плотных конверта и вернулся в машину, где написал адреса газетных издательств — адреса я взял в их же газетах.

После этого я поехал в фотоателье, где фотограф очень удивился просьбе воспользоваться его аппаратурой. Но договорились. Я сделал снимки документов и отпечатал их в четырех экземплярах. После чего забрал снимки и негативы, вручив фотографу за пользование аппаратурой солидные премиальные. Кроме того, мне пришлось снова исказить черты лица, вот только не думаю, что для фотографа это являлось проблемой. С их работой они смогут меня опознать при необходимости. На выходе я заметил укрытую чехлом печатную машинку и попросил воспользоваться ею. Фотограф, получив еще два франка, не возражал.

Я отпечатал письма в редакции — о терактах в Британии, в которых пояснил мотивы группы ИРА «Чёрный Четверг», и кто в этом виноват. А то в газетах было всё размыто, британцы пока держали всё в секрете. Не упустил момента плюнуть и в британскую разведку, описав, как боевики-ирландцы захватили здание, пытали директора, который сдал архив, и начали распространять секретную информацию, выставляя британцев откровенными

подонками. Пусть теперь французы и итальянцы попробуют оправдаться. Информация пошла в прессу. Специально выбирал такие издания, которые любят поднимать подобные шумихи.

Когда все дела были сделаны, я доехал до Государственного банка Франции и узнал, какая сумма мне накапала по отчислениям с патентов и песен. Я даже удивился: двести тридцать семь тысяч франков плюс мелочь с патентов. За песни я получил чуть меньше полумиллиона франков. Изрядно, однако. Очень даже неплохо за два с половиной года.

Из этого банка я поехал в другой. В филиал германских банков. Там я арендовал ячейку на шесть лет и убрал в нее остальные деньги, что не влезли в схрон. В ячейке я оставил и пистолет. Кроме того, максимальная аренда — шесть лет, при составлении договора я уплатил всю сумму. Но так как я могу через шесть лет не вернуться, а дарить содержимое банку не хотелось категорически, тем более свой адрес я оставить не могу по известным причинам, то открыл счет в этом банке на Мишеля Делона. Так что по договору, со счета деньги должны были поступать в случае нужды на оплату аренды ячейки. Вот такой вот финт хвостом.

Только после этого я поехал навестить своих юристов. Сперва к одному, потом к другому. Застал я их в здравии и в довольстве жизнью, до самой ночи изучал материалы и бухгалтерию, выдал каждому премию в размере десяти тысяч франков, похвалил за отличную работу и пожелал, чтобы они так же дальше работали. К этому времени стемнело, и я, распрощавшись с юристом, у которого засиделся, направился в пригород, вернее на окраину столицы. В этот раз я ночевал в машине. Ничего, не замерз, хотя к утру заметно похолодало. Даже снег выпал. Хороший мне спальник достался, дорогой, на пуху.

Утром я вернулся в Париж и первым делом скатался на Лионский вокзал, где купил билет на ближайший поезд на Рим. Как и в Италии, тут отправка была вечером, чтобы прибыть днем. Поезд отходил в двадцать два часа ровно. После приобретения билетов я встретился с Алексом в заранее условленном месте и принял от него плотный конверт с франками — я даже тут подзаработал! — и загранпаспорт со свободной визой. Распрощавшись с ним, поехал в книжный магазин, где купил одиннадцать томов по медицине. Восемь из них были посвящены современной хирургии. Одна была раритетом в терапии в личную коллекцию, а вот остальные — довольно современные и грамотно написанные. В Лондоне я это сделать не догадался, пришлось брать тут втридорога. Но я был доволен, книги уместили в чемоданах среди вещей. Потом я вернулся на вокзал и оставил личные вещи в камере хранения, от вокзала доехал до пункта проката и сдал машину. Всё прошло без проволочек. Более того, когда менеджер отошел за залогом в соседний кабинет, я успел подправить свои данные в журнале учета. Успел вовремя. Оттуда я уже поехал на такси пообедать в кафе и, сменив машину, уже к первому юристу. Обрубание хвостов у меня было забито на инстинктах.

До самого отбытия я всё время провел сперва у одного юриста, потом у другого. Как это ни забавно звучит, они друг о друге даже не подозревали. Секретность, батенька, она секретность во всем.

Вечером я на такси доехал до вокзала, забрал багаж, проследил, чтобы его отправили в багажный вагон, получил квитанцию и прошел в свое купе улучшенной комфортабельности. Так-то они на пару рассчитаны, максимум с ребёнком, но никак не для незнакомых людей. Поэтому моя поездка до Рима прошла вполне благополучно. Границу тоже пересек

нормально, и в моем загранпаспорте появились первые отметки о пересечении границ.

Прибыли днем, я снова был одет как джентльмен, простая одежда лежала в чемодане. От вокзала я на такси поехал в аэропорт и узнал, есть ли рейсы на Москву. К сожалению, с сегодняшним я припозднился на два часа, время вылетов было изменено из-за погоды. Но зато завтра утром первый же самолет летит прямым рейсом в Москву.

Пришлось ночевать в аэропортовой гостинице, купив билет на этот рейс. На следующее утро я с другими пассажирами, в которых были и сограждане, вылетел на родину.

По прибытии в Шереметьево мы совершили мягкую посадку, после чего под ветром и колючим снегом прошли в здание аэровокзала. Там я на удивление спокойно прошел регистрацию через пограничный и таможенный контроль (заполнение въездной декларации вызвало у меня внутренний смех, но я указал, что мало-мало говорю по-рюськи), получил свой багаж и, выйдя из здания аэровокзала, велел таксисту на плохом русском, как настоящий иностранец, везти меня в Домодедово.

Доехал нормально, сразу же взял билет на Киев, четыре часа ничто, подождем, и достал из камеры хранения свои собственные документы. Изъятие прошло незаметно, так что теперь я по документам не Мишель Делон, а снова Игорь Соколов в стильном прикиде. Надс будет чуть позже переодеться.

По прилете в Киев я сдал багаж на хранение и на такси поехал к родителям. Пора возвращаться в привычную среду. Вон, даже сменил имидж иностранца на своего парня, то есть переоделся в ту простую одежду, что не привлекает внимания, купленную в Англии. Только, к сожалению, это в Англии она не привлекает внимания, у нас как раз наоборот. Вон, таксист покосился на меня и буркнул:

— Фирма.

Это он еще мои чемоданы из крокодиловой кожи не видел, обалдел бы.

К дому я, естественно, не поехал, вылез на соседней улице и отпустил машину. Поздоровавшись с соседями, поговорил с ними. Подтвердил, что болел. Но сейчас вроде ничего, вон даже хожу, правда еще плохо, в пот бросает, поэтому нельзя ли мне пройти через их огород до родителей, а то если обходить, не дойду. Меня даже проводили. Уже темнело, поэтому, прокравшись по скрипучему снегу до дома родителей, я взобрался на цоколь, потому как до окна с земли не доставал, и постучался. Мелькнуло лицо отца, и меня спросили:

— Кто там?

— Это я, открывайте давайте.

Отец открыл окно, и я притиснулся на кухню. Семья собралась вокруг меня, и начали заваливать вопросами, однако я попросил их быть тише. Не надо привлекать внимание охраны. Мне и пояснили, что они в основном сидят в машине и наблюдают за входом.

Оказалось, больше суток мои родные играли хорошо, те ничего не заподозрили, съев то, что вроде как я заболел и с постели не встаю. Но через сутки старший охранник с выпученными глазами вбежал в дом и понял, что его нагло обманули (это, видимо, произошло после моего звонка Рошину). Правда, потом разобрались, и служба пошла так же, как и раньше. То есть мою просьбу не отсвечивать и поддержать легенду они выполнили. Гадать не буду, наверняка по приказу сверху.

Но это ладно, я обнял отца, расцеловал маму с сестренками и, заграбастав дочек в охапку, встал. Одним словом, здравствуй, семья.

Утром была картина маслом, когда я в солдатских штанах и в одном тулупе на голом теле ходил с лопатой по двору, сгребая снег для снежной горки. Бегать мне вроде как здоровье не позволяет, а Толик еще три дня назад уехал учиться. Только жена его осталась гостить с сыном.

Толик успел собрать снега на небольшую горку, метр высотой, вот сейчас я увеличивал высоту, изредка ходя в дом за ведром с водой, чтобы полить ледяную красавицу. Мороз градусов восемнадцать, приятно так пощипывает щеки. Так что будет у нас отличная ледяная горка.

Охрану привлекла возня у нас во дворе, тем более батя затопил баньку, и они пошли проведать, что там происходит. Охранник посмотрел на меня, зажмурился, снова посмотрел, потряс головой. Наконец поверил, что я — это я, и побежал докладывать старшему.

Тот примчался немедленно, поспрашивал меня, как я себя чувствую, хитро поблескивая глазами, и ушел докладывать. Я же к обеду закончил горку, оставил ее подмерзать, после чего сходил с батей в баньку, попарился. Дочек с собой пришлось брать, мыть. Только в отличие от нас, от веников они отказались, так и просидели в своих тазиках, балуясь и плескаясь. Часам к трем я забрал машину отца и, предупредив охрану, что хочу съездить по делам, отправился в аэропорт. Охрана меня сопровождала. В аэропорту я забрал все свои чемоданы из камеры хранения и вернулся обратно. Оба костюма и оба пальто я оставил себе, так как они были сшиты именно под меня, но остальное раздал, так как было мне ни к чему. Дядя Яков осмотрел, как шьют британцы, поцокал языком и отбыл, забрав один из чемоданов из крокодиловой кожи как подарок ему. Он мне столько одежды сшил, да еще бесплатно, так что заслужил. Второй чемодан отдал родителям. Третий тоже у них оставил, сами решат, кому подарить, я палиться с таким багажом не хотел. Поэтому и отдал всё. Только часть одежды и купленные книги переложил в свои чемоданы. Места не хватило, отец свой отдал.

Следующие шесть дней я отдыхал с семьей, но после окончания отпуска забрал дочек, и мы, воспользовавшись услугами «Аэрофлота», вернулись в Москву. Все документы и бланки, что привёз из Франции, я спрятал в тайнике на территории участка отца. На будущее, мало ли.

Дома началась привычная жизнь, учеба и практика в Склифе. А через три дня раздался звонок, и полковник Роцин попросил меня приехать к нему.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — постучавшись, зашел я в кабинет Роцина. Того уже предупредили с поста, и он меня ждал.

— И тебе не хворать. Садись. Раньше я занят был, дела внезапные навалились по нашему ведомству. Но сегодня появилось окно. Давай без официоза, где ты был всё это время?

— Да проехался по ридной стране. Поговорил с осведомленными людьми, что знали, кто направил на меня охотников, ну и пресек это, чтобы больше не повторилось. Навсегда пресек.

— Вот как? Значит, государственную границу ты не пересекал?

— Да упаси бог, да вы что, товарищ полковник, разве я мог?! — искренне возмутился

я. — Работал чисто на территории Союза. Зато больше никто не будет посылать ко мне лесных братьев, некому и некого.

— Ну, я так и предполагал... Ты, кстати, знаешь, что произошло в Лондоне?

— Телевизор смотрим, газеты читаем, — согласно кивнул я. — Метро утопло, и мост рухнул.

— Ну, не весь, пролет только один... М-да, значит это всё? Больше сказать нечего?

— Почему нечего, товарищ полковник, помните закон Архимеда? Жидкость, опущенная в тело, требует закуски, — изрек я, ставя на стол бутылку коньяка, что достал из портфеля. Нашего коньяка, «Арапат».

— Ну, раз ты в Союзе геройствовал, так в Союзе. Об этом будут знать только я и товарищ генерал, для остальных ты лишь краем коснулся этого, когда машину заминировали, в остальном чист как слеза, — сообщил полковник и поставил на стол тарелку с нарезанным лимоном. Потом принёс две рюмки.

— Это просто замечательно, — улыбнулся я, беря поданный штопор.

— Чем думаешь заниматься? — спросил полковник, принимая у меня рюмку с коньяком.

— Как чем? Жить, учиться, растить детей. Чем мне еще заниматься?.. Ну, чтобы была Правда, — предложил я тост, поднимая рюмку.

— Согласен.

Мы чокнулись и выпили за Правду.

Десять с половиной месяцев спустя. Мосгорсуд.

Зал Московского городского суда был фактически пуст, процесс был закрытым, даже родителей не пустили. Ладно, хоть дочери у них. Сейчас я узнаю приговор, так как по-другому быть просто не может. Меня слили, меня банально слили. Немного грязную самооборону с двумя смертельными исходами сделали чуть ли не умышленным убийством... Су-уки-и.

— Встать, суд идет! — известила всех секретарша. Пришлось встать, звякнув наручниками. Я считался склонным к побегам.

Судейские прошли к своим местам, и судья, открыв папку, начал свою речь.

Пока этот напыщенный индюк читал с папки, я размышлял, вернее даже вспоминал. После поездки в Англию, которую удалось по мере сил скрыть, я жил своей жизнью. Растил детей, закончил учебу, все-таки устроился в Склиф и стал врачом-практикантом в хирургическом отделении. Даже в дежурство включили в операционные. Одним словом, жизнь текла, как и хотел: друзья, развлечения — всё в меру. Отдых в Сочи тоже был.

Почему попал на скамью подсудимых? Даже не знаю, как сказать. По глупости. При чем не по своей, я там вообще был крайним. Месяца два назад это было, я после суточного дежурства домой собирался, когда меня медсестра к телефону позвала. Это мой знакомый был из конторы. Предложил встретиться по серьезному поводу и назначил место встречи, у этого чертова Политеха.

Время в камере было подумать, но я так и не пришел к определённом выводу, специально всё это было устроено или нет.

Утро, я стою и ожидаю знакомого. Тут подходит эта образина и — хрясь мне по плечу! При чем разговор ведёт с таким видом, как будто мы давно знакомы и я ему еще что-то

должен. Я вежливо попросил в меру сил: иди на хрен. Подумав, что тот обознался, отвернулся, высматривая знакомого в толчее. В этом я ошибся. Не надо было выпускать его из вида. Получив мощный удар в плечо, отчего рука фактически отключилась, я мгновенно перешел в боевой режим и двумя ударами положил его. Что я, виноват, что он затылком об ступеньки грохнулся и коньки отбросил?

Тут еще трое подскочили и отправились следом, а потом, как лавина, еще шестеро. Причем пытались достать меня по-серьезному. А что, я дам себя калечить? Вот и работал серьезно. В результате два трупа, четверо полные инвалиды со сломанными позвоночниками, и у остальных переломов хватает. Только один уцелел, тот, что сбежать догадался. Я уж после узнал, что парни действительно обознались, приняв меня за своего однокурсника, который внезапно напал на знакомого. Мне его фото показывали, действительно один в один мой двойник. Видимо, тот самый, которого Миха видел несколько лет назад и спутал со мной. Там бы разобрались, все-таки чистая самооборона при трех сотнях свидетелей, драка произошла у входа в Политех. Но... Среди поломанных был сын члена ЦК. Тот разъярённо приказал: «Посадить!»

Сейчас приказ приводят к действию. Это мне Роцин рассказал, как-то смог ко мне в СИЗО прорваться. Он и передал, Сахаровский извинялся, но ничего с партийной верхушкой сделать не может, даже не пытался — чревато. Ну, а партийные работники и устроили «ату его». То есть меня. Ладно, хоть наши из конторы сделали всё, что смогли, чтобы заседание происходило в закрытом режиме. Спасибо им за это.

Я, конечно, думал, что это могли быть британцы, но версия не выдерживала никакой критики. В Британии большая попа, которую они еще не преодолели. Политический скандал, полное торговое эмбарго ряда стран, последствия диверсии, которые они никак не могут преодолеть. Французы и итальянцы, пользуясь всеобщим возмущением, умудрились у них несколько островов себе забрать. Американцы тоже отметились. Так низко Великобритания никогда не падала.

Мост восстановили, но метро только начали. Размыв был такой, что два дома под землю ушли, и множество провалов появилось. Как говорят эксперты, проще новые ветки проложить, чем восстанавливать старые. Всё размыло. Нет, не думаю, что это они. Выйдя из тяжелых размышлений, я прислушался:

— ...Игоря Викторовича Соколова тысяча девятьсот сорок шестого года рождения приговорить согласно статье... к пятнадцати годам заключения в колонии строгого режима. Решение суда окончательное и обжалованию не подлежит.

Подняв голову, я посмотрел на судью:

— Думаете, на этом всё и закончилось? — прикрыв глаза, я медленно покачал головой, и снова посмотрел на судью, отчего он дрогнул. — Нет. Всё только начинается.

Конец второй книги

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net